

ЗАЛА 19
ШКАФЪ 27
ПОЛКА 4
№ 3.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XI, вып. 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

Клады и кладовсканіе на Руск. В. Н. Витевскаго. 411—425.	Корреспонденція. Архивный вопросъ въ Красноярскѣ Н. Бакал — Письма изъ Геддсннгфорса П. Г. Вихмана 489—490.
Мордва—историко-этнограф. очеркъ (продолженіе) И. Н. Смирнова. 426—477.	Библиографія. Материалы по археологій Россіи, издаваемые Императорской Археологической Комиссіею. № 11. Лядинскій и Томниковскій могильники Тамбовской губерніи. Н. Н. Ястребова. Спб. 1893 г. И. Н. Смирнова 491—494.
Хроника. Экскурсія на мѣсто древняго Сузара. Г. Ахмарова. 478—481.	Приложеніе. Черемисско-русскій словарь. В. П. Троицкаго. 53—84.
Материалы. Археологическія раскопки въ Оренбургской губерніи и Тургайской области. — Апокрифическая кладовая выпись, сообщ. В. Г. Мещеряновымъ. — Изъ быта Мордвы села Живайкина Жадловской волости, Карсунскаго у. Симбирской губ. Ф. Бутузова. 482—488.	

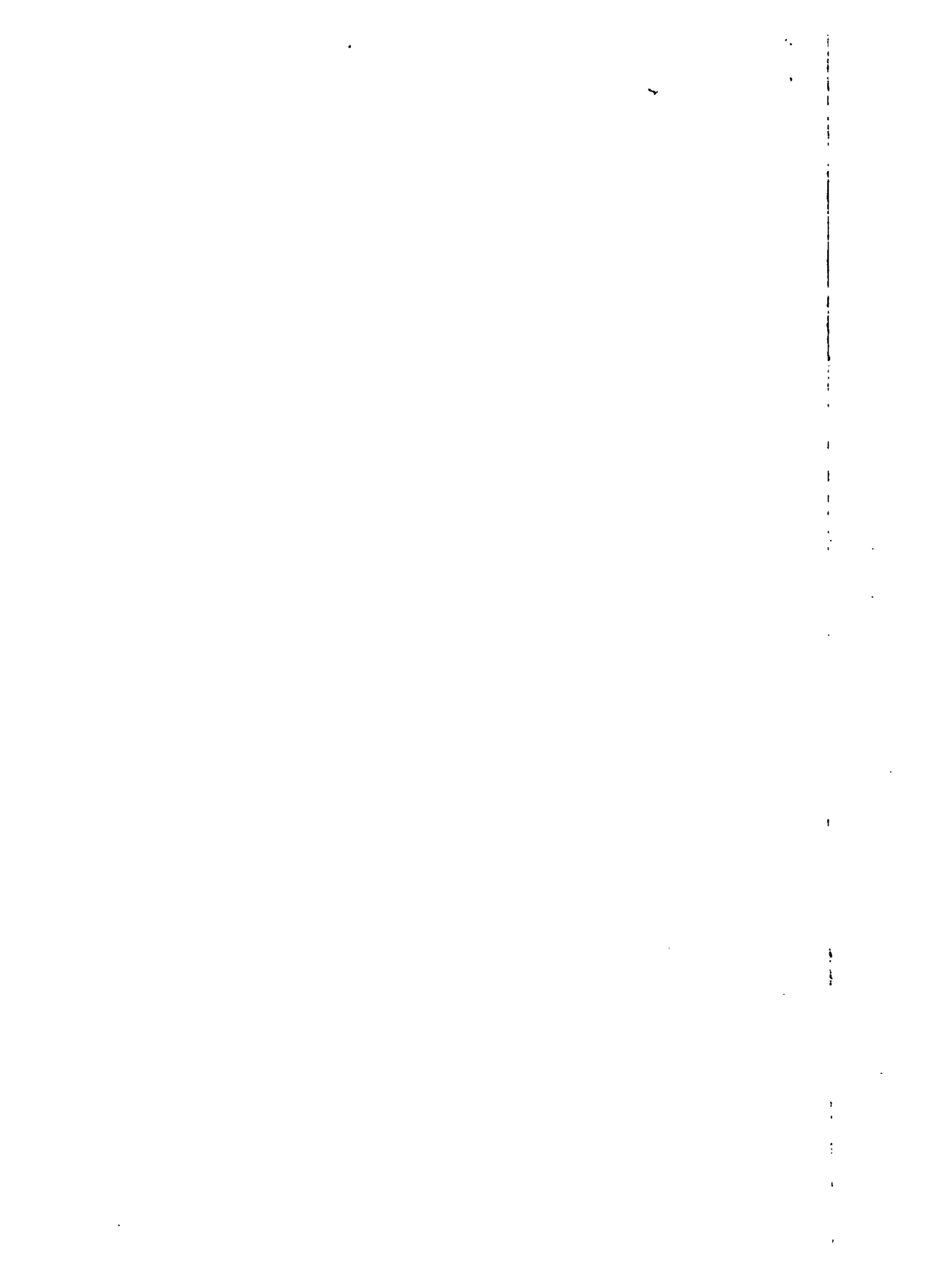
КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1893.

Вышелъ 22 декабря.

1700
259M

Въ 1893 г. „Извѣстiя“ Общества Археологiи, Исторiи и
Этнографiи при Императорскомъ Казанскомъ Универ-
ситетѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (въ первыя
числа мѣсяцевъ: января, марта, мая, июля, сентября и ноября)
книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Въ содержанiе каждой книжки входятъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологiи, исторiи и этнографiи;
- 2) Специальныя изслѣдованiя и статьи по археологiи, исторiи и этнографiи Восточной Россiи (Новоземля, Средней Азiи и Сибири);
- 3) Материалы археологическiе, историческiе и этнографическiе, относящiеся къ Восточной Россiи: мелкiя оригинальныя сообщенiя, акты, произведенiя народнаго творчества, слова и инокордескихъ языковъ и иносказанiя русскихъ говоровъ, извлеченiя изъ периодическихъ изданiй Восточной Россiи;
- 4) Хроника: извѣстiя о музеяхъ Восточной Россiи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедицияхъ археологическxъ, археографическxъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданiяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношенiе къ Восточной Россiи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологiи, исторiи и этнографiи Восточной Россiи; отдѣльныя вопросы редакцiи;
- 6) Библиографiя: обзоръ книгъ и статей истинныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ периодическихъ изданiй, имѣющихъ отношенiе къ археологiи, исторiи и этнографiи Восточной Россiи.

Въ первыхъ книжкахъ «Извѣстiй» за 1893 г. будутъ напечатаны между прочимъ, слѣдующiя статьи: «Данныя о городахъ Волжской Бугарiи» Ш. А. Номожарева; «Материалы для характеристики бронзовой эпохи въ Волжско-Камскомъ краѣ» Его-же, «Древнiя мѣдныя орудiя въ Каз. губ.» А. А. Штувенберга, «Древности Костром. губ.» Его-же, «Тяглыя земли на Волкѣ въ XVII в.» А. А. Сиднича, «Формы жилищъ и селенiя у народовъ В. Россiи» (словъ извѣстiй путешественниковъ и этнографовъ, въ составленiи котораго примутъ участiе Б. И. Воронцовъ, Н. Я. Карпозовъ, А. Е. Кулагинъ, М. И. Пинегинъ, П. В. Траубенбергъ), «Мордва. Историко-этнографическiй очеркъ» И. И. Смирнова (отдѣлъ этнографическiй), «Замѣтки о Мордвѣ Нижегородской губерши» А. Д. Смирнова, «Материалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго Края» В. А. Кошкина.

Въ видѣ приложений къ «Извѣстiямъ» будутъ печататься двѣ серiи изданiй:

- 1) Материалы для этнографiи Новоземля. I. «Черемисско-русскiй словарь» В. И. Троицкаго, II. «Мордовско-русскiй словарь» М. Е. Евсеева.
- 2) Археологическая Библиотека «Извѣстiй». I. Мѣдныя вѣки въ Европѣ. М. Мухъ. Пер. съ нем.

Цѣна годовому изданiю 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающiе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 июля.

Дѣйствительные члены Общества, внесши членскiй взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданiе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи.

«Извѣстiя» выходятъ подъ редакцiей Секретаря Общества при ближайшемъ участiи членовъ редакцiоннаго комитета.

Въ книжкахъ отдѣльныя выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна выпуска 1 руб.

ОКЛАДЪ ОТТИСКОВЪ

ИЗЪ ПЕРИОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНИЙ В. РОССИИ.

Чтобы облегчить лицамъ, занимающимся археологіей, исторіей и этнографіей в Россіи, возможность пользоваться тѣмъ, что въ настоящее время появляется въ периодической печати этого края, редакция «Извѣстій Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ» покорнѣе проситъ авторовъ статей, имѣющихъ археологическое, историческое и этнографическое содержаніе и помѣщенныхъ въ мѣстныхъ «Губернскихъ» или «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (описанія приходовъ, селъ, волостей и т. п.) присылать въ нижний магазинъ Н. Я. Банникава въ Казани по 5—10 оттисковъ своихъ статей или №№ тѣхъ изданій, гдѣ онѣ помѣщены, съ обозначеніемъ ихъ цѣнности. Редакция «Извѣстій» съ своей стороны выражаетъ готовность бесплатно печатать объявленія о поступившихъ въ складъ оттискахъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

НА

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ,

ИЗДАНИЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ДЛЯ НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

На 12 мѣсяцевъ . . . 7 р.		+		На 6 мѣсяцевъ . . . 4 р.
— 11 — . . . 6 — 50 к.		+		— 5 — . . . 3 — 50 к.
— 10 — . . . 6 —		+		— 4 — . . . 3 —
— 9 — . . . 5 — 50 —		+		— 3 — . . . 2 — 50 —
— 8 — . . . 5 —		+		— 2 — . . . 2 —
— 7 — . . . 4 — 70 —		+		— 1 — . . . 1 —

Иногородные необязательные подписчики, сверхъ того, прилагаютъ на пересылку по почтѣ 80 к. при подпискѣ отъ 12 до 10 мѣс.; 60 к.—отъ 9 до 7 мѣс.; 40 к.—отъ 6 до 3 мѣс. и 30 к. отъ 3 мѣс. и менѣе.

Подписная плата для обязательныхъ подписчиковъ 7 р. въ годъ безъ различія городскихъ отъ иногороднихъ.

Подписка принимается: въ Ташкентѣ, въ конторѣ
редакціи Туркестанскихъ Вѣдомостей.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XI, вып. 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

Кладъ и кладовсканіе на Русѣ. В. Н. Витевскаго 411—425.	Корреспонденція. Архивный вопросъ въ Красноярскѣ. Н. Бакаевъ—Писма изъ Гельсингфорса. П. Г. Вихманъ 489—490.
Мордва—историко-этнограф. очеркъ (продолженіе) И. Н. Смирнова 426—477.	Библиографія. Материалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Комиссіею. № II. Лядинскій и Томицковскій могильники Тамбовской губерніи. Н. Н. Ястребова. Спб. 1893 г. И. Н. Смирнова 491—494.
Хроника. Экскурсія на мѣсто древняго Суара. Г. Ахмарова 478—481.	Приложеніе. Черемисско-русскій словарь. В. П. Троицкаго 53—84.
Материалы. Археологическія раскопки въ Оренбургской губерніи и Тургайской области.—Апокрифическая кладовая выпись, сообщ. В. Г. Мещеряновымъ.—Изъ быта Мордвы села Живайкина Жаломской волости, Карсукскаго у. Симбирской губ. Ф. Бутунова 482—488.	

КАЗАНЬ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1893.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологін, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря И. Смирновъ.

КЛАДЫ

И

КЛАДОИСКАНИЕ НА РУСИ.

вѣра простаго народа въ клады пачалась съ незапамятныхъ языческихъ временъ, и первоначально сложилась подъ вліяніемъ его мѣщескаго міровоззрѣнія. Во многихъ русскихъ былинахъ и сказкахъ говорится о несмѣтныхъ богатствахъ, сокрытыхъ въ лѣсахъ, горахъ и оврагахъ, охраняемыхъ злымъ существомъ въ образѣ Кощея, Змѣя Горыныча или Тугарина Змѣевича. Съ принятіемъ христіанства, вѣра въ клады не уничтожилась, пзмѣнился только взглядъ на нихъ: вмѣсто злаго мѣщескаго существа, хранителя клада, скрытаго въ землѣ, является бѣсъ и соблазняетъ даровымъ богатствомъ неопытныхъ и корыстолюбивыхъ людей, на погибель души христіанской, требуя отъ нихъ живой головы или другой дани. По языческому взгляду кладъ можно добыть только посредствомъ физической силы, по христіанскому воззрѣнію вовсе не слѣдуетъ и хлопотать о богатствѣ, приобретаемомъ не трудомъ: чрезъ даровое богатство діаволъ старается сдѣлать человека несчастнымъ. Авторъ „Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ“ замѣчаетъ по этому поводу: „Аще бо или серебро, или злато сокровено будетъ подъ землею, то мнози видятъ огнь горящій на томъ мѣстѣ, то діаволу показующу сребролюбивыхъ ради“¹⁾.

¹⁾ По изд. И. И. Срезневскаго, стр. 23.

Сами крестьяне, рассказывая о кладахъ, обыкновенно прибавляютъ: „отъ нечистаго онъ“.

Заглядывая въ сѣдую старину, мы видимъ, что даже князья, цари, духовенство и лица высокопоставленныя занимались отысканіемъ кладовъ, „по наущенію діавола“. Въ одной изъ рукописей, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ ¹⁾ въ Москвѣ, между прочимъ, говорится, какъ бѣсъ, желая нанести непріятность благочестивому Авраамію Ростовскому, преобразился въ воина и, явившись къ великому князю Владимірскому, доложилъ ему, что будто Авраамій „налезе въ земли сосудъ мѣдянь, въ немъ же множество сосудовъ златыхъ и поясовъ златыхъ“, и что на это сокровище, которому „не мощно и цѣны уставити“, Авраамій и монастырь устроилъ. Князь, повѣрившій бѣсовской выдумкѣ, приказалъ схватить подвижника и привести къ нему; воля князя была исполнена, но у Авраамія оказалась одна власяница. Въ Печерскомъ Патерикѣ помѣщенъ рассказъ о томъ, какъ великій князь Мстиславъ мучилъ двухъ монаховъ, пытая, куда они спрятали кладъ, будто бы найденный ими въ одной пещерѣ. Итописецъ половины XVI вѣка записалъ весьма любопытный рассказъ о томъ, какъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный открылъ кладъ въ новгородской Софійской церкви ²⁾. Царевна Екатерина Алексѣевна, сестра Петра Великаго, отличалась особенной любовью къ кладовскателству: она вела переговоры съ однимъ костромскимъ іереемъ, который хвастался, что онъ можетъ опредѣлять мѣсто нахождения кладовъ по планетнымъ тетрадамъ; она же послала приближенныхъ къ себѣ женщинъ въ полночь рыть могилы на кладбищѣ и нанимала подводы, чтобы съѣздить за 230 верстъ отъ Москвы для разрытія клада на дворѣ одного крестьянина. Лица, указывавшія цркви на мѣста зарытія кла-

¹⁾ № 156, л. 43 на оборотѣ.

²⁾ «Ист. Госуд. Росс.» Н. М. Карамзина, т. VII, прим. 383, и т. VIII, стр. 153.

довъ, оказались, по розыску Петра, обманщиками ¹⁾. Въ 1752 году священникъ села Помаева (Бунискаго уѣзда Симб. губ.) Кирилль Михайловъ рѣшилсѣ, въ чтобы-то-ли стало, добыть кладъ, зарытый въ оврагѣ между селомъ Помаевымъ и деревней Атыпкинной. Вооружившись крестомъ и евангеліемъ отъ бѣсовскаго навожденія, отецъ Кирилль, отлчавшійся необыкновенной смѣлостью, отправился на мѣсто клада и принялся отрывать его, но страшныя привидѣнія до того перепугали его, что онъ бѣжалъ со страху, оставивъ на мѣстѣ крестъ и евангеліе ²⁾. Въ селѣ Елшанкѣ (Сенгилеевскаго уѣзда Симб. губ.) дьячекъ сталъ рыть яму, чтобы поставить воротную версью; вырывъ яму не болѣе аршина въ глубину, онъ наткнулся на громадную корчагу, наполненную до-верху серебряными деньгами. Пораженный неожиданной находкой, отъ радости и удивленія онъ выронилъ изъ устъ неприличное слово — и корчага съ деньгами провалилась въ землю ³⁾. Въ любопытной статьѣ Н. Я. Аристова ⁴⁾ „Преданія о кладахъ“ находится много подобныхъ разсказовъ, собранныхъ изъ прегмущественно въ Симбирской губерніи и дополненныхъ данными о кладахъ изъ этнографическихъ матеріаловъ по Симбирской губерніи, сообщенныхъ въ II. Русское Геогр. Общество г. Юрловымъ.

Поволжскій край, безъ сомнѣнія, представлялъ самый удобный пріютъ для разбойниковъ, и потому здѣсь особенно много сохранилось различныхъ сказаній о кладахъ въ самой прихотливой и украшенной формѣ. Волга-матушка, — эта вольная божья дорога, — представляла широкое раздолье для всѣхъ бѣглыхъ, недовольныхъ господствовавшимъ порядкомъ дѣлъ на Руси, а ея многоводные притоки Ока, Кама и Сура съ

¹⁾ С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XVI, стр. 138 и слѣд.

²⁾ См. въ упомянутой статьѣ Н. Аристова, стр. 718.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Н. Я. Аристовъ былъ профессоромъ Русской исторіи въ университетахъ: Казанскомъ, Варшавскомъ и Харьковскомъ и въ Нѣжинскомъ Историко-Филологическомъ Институтѣ, гдѣ и скончался.

густыми и непроходимыми въ то время лѣсами, горы и глубокіе приволжскіе овраги, какъ пельза болѣе, соотвѣтствовали цѣлямъ разгульной волюпты. Здѣсь и доселѣ сохраняется память о Ермакѣ Тимофеевичѣ въ названіи села Ермакова и объ его есаулѣ Кольцо въ наименованіи села Кольцова, находящихся въ Самарской Луцѣ¹⁾. Волга служила театромъ дѣйствій Разина и Пугачева; подъ вліяніемъ этихъ страшныхъ волненій, сильно разыгралась народная фантазія и создала множество удивительныхъ разсказовъ и преданій. Н. Я. Аристовъ приводитъ въ своей статьѣ нѣсколько любопытныхъ преданій о кладахъ въ Симбирской губерніи, соединенныхъ съ именемъ Разина, особенно интересенъ разсказъ о Шатранскомъ кладѣ²⁾; но онъ вовсе не упоминаетъ о разбойникѣ Кудеярѣ, роившемся будто отъ великой княгини Соломоніи, первой супруги Василія Іоанновича III, съ которой князь развелся по ея бесплодію, чтобы жениться на Еленѣ Глинской. Преданія о Кудеярѣ распространены преимущественно въ среднихъ за-московскихъ губерніяхъ, хотя иногда и въ разсказахъ приволжскихъ жителей упоминается какой-то разбойникъ, побратавшійся съ Грознымъ Царемъ Московскимъ. Въ селѣ Подвалѣ Сенгилеевскаго уѣзда Симбирской губерніи въ шестидесятихъ годахъ проживала крестьянка Абрамова-Азовская, помѣшавшаяся на кладочекательствѣ; нѣсколько лѣтъ она отыскивала „траву-разрушѣвку“, чтобы добыть кладъ, скрытый на дворѣ Филиппа Самсопова, крестьянина деревни Матюниной въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ. Абрамова разсказала намъ слѣдующее преданіе объ этомъ кладѣ: „На дворѣ Филиппа Самсопова положенъ

¹⁾ Оба села: Ермаково и Кольцово находятся въ Самарскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи.

²⁾ Въ селѣ Шатранахъ Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи, по преданію, лежитъ казны 40 пудовокъ (мѣръ) золота, 2 сундука жемчугу и 4 р. мѣди брата Стеньки Разина Ивана; тотъ, кому достанется кладъ, мѣдныя деньги долженъ раздать нищей братіи. См. въ упомянутой статьѣ Н. Аристова стр. 732—734

кладъ во 104 милліона рублей. Тамъ находится жестяная таблица, прибитая къ матицѣ изъ чернаго дуба. Въ выходѣ стоитъ столикъ; на столикѣ лежитъ Евангельская книга, тутъ же стоитъ и блюдо, а на блюди лежитъ камень самосвѣтъ, вѣсомъ въ полтора фунта. Въ углу выхода поставлены 42 ружья, вокругъ ихъ—мѣдная шпонишка, или кольцо, блестящее какъ золото. Въ выходѣ же находится часовня, а въ ней стоитъ животворящій крестъ да тутъ же Арсидима Божья Матерь и Никола Милостивый; предъ ихъ иконами горитъ большая неугасимая свѣча. Въ кладу положено двойное золото, серебро все крестовники, жемчугъ и мѣдныя деньги все съ копейки. Около клада стоитъ приставъ (чертъ) и никому не дастъ денегъ: внезапно говоритъ, трава найдется съ восхода и казна туда пойдетъ,—есть подвалъ¹⁾, туда и пойдетъ казна. Кто возьметъ этотъ кладъ, тому построить соборъ-церковь и поставить въ ней животворящій крестъ, находящійся въ выходѣ, а икону Арсидимы Божіей Матери отнести въ Соловецкій монастырь, гдѣ она была раньше и откуда вывезъ ее какой-то разбойникъ, побратавшійся съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Однажды, когда царь проходилъ по одной изъ московскихъ улицъ, на встрѣчу ему попался разбойникъ. „Кто ты?“ спрашиваетъ царь.—„Разбойникъ“, отвѣчаетъ тотъ.—„А ты кто?“ спросилъ разбойникъ.—„Я—разбойникъ“, отвѣчалъ Грозный и сказалъ: „пойдемъ исхичивать царя!“—Тогда разбойникъ ударилъ его въ щеку и прибавилъ: „развѣ можно исхичивать Бѣлаго Царя?“—Узнавъ потомъ, при содѣйствіи своей хитрой жены, что онъ ударилъ царя, разбойникъ закручинился, что царь прикажетъ снести ему голову за обиду; но жена успокоила его, что царь этого не сдѣлаетъ, потому что онъ не вѣдалъ, что бьетъ царя, а ударилъ раз-

¹⁾ Абрамова, находя совуцїе въ словахъ «подвалъ» и «Подвалесъ», была убѣждена, что кладъ долженъ достаться кому-либо изъ Подвалскихъ жителей, почему такъ усердно и долго старалась найти гдѣ-нибудь «траву-разрушеву», чтобы добыть этотъ кладъ.

бойника и стоять за царя же. Въ другой разъ тотъ же разбойникъ узналъ, что царю хотять поднести послѣ обѣдан просфору съ ядомъ; онъ пришелъ къ царю и сказалъ, чтобы онъ не бралъ просфоры. Иванъ Васильичъ обнялъ разбойника, поцѣловалъ и назвалъ его своимъ мельшимъ братомъ. Видя скупость своего брата, разбойникъ задумалъ поживиться царской казною и сталъ молиться: „Помоги мнѣ, Никола Милостивый, увезти у своего брата названнаго банкъ съ казною и положить его на 42 человекъ бѣдныхъ!“—Никола Милостивый и помогъ ему: на семнадцати тройкахъ разбойникъ увезъ царскую казну и зарылъ ее въ Матюшинскомъ лѣсу. Огромный ларь съ двойнымъ золотомъ подпертъ желѣзной рогатиной, въ родѣ ухвата. Казна положена на купцу, на боярину, а на бѣдныхъ 42 человекъ. Кто подыметъ этотъ кладъ, тотъ долженъ камень самосвѣтъ и камень невидимый отослать къ царю. Невидимый камень нужно носить на груди, а въ зепь (карманъ) его не класть. Отъ невидимаго камня много пользы: если Бѣлый Царь объѣдетъ съ нимъ Расею, она сдѣлается невидимой для ея неприятелей; а кто найдетъ и доставитъ замочную траву, тому—двойнаго золота гарнецъ. Траву нужна для того, чтобы сшибить замокъ у сундука, въ коемъ хранятся планы, а замокъ вѣсомъ 16 фунтовъ. Въ выходѣ слышится иной разъ слабый женскій голосъ: „не устлайся, рабъ Божій, своей силой поднять казну! найди траву-разрушевку и выручи Божью Матерь изъ неволи, и тогда всему твоему роду и подродью будетъ царство небесное“.

Крестьянка Абрамова изтратила все свое состояніе на отысканіе завѣтной травы, но не могла найти ее, и умерла съ глубокимъ убѣжденіемъ въ существованіи этого клада. Замѣчательно, что о присутствіи иконы Божіей Матери въ кладахъ упоминается во многихъ преданіяхъ. Въ четырехъ верстахъ отъ села Труслейки, какъ гласитъ преданіе, Разинъ положилъ на пчельникѣ подъ порогомъ въ избушкѣ кладъ и икону Божіей Матери. Кто отыщетъ эту икону, тотъ

отроетъ и кладъ, а кто станетъ рыть кладъ безъ этой иконы, тотъ тотчасъ же уснетъ ¹⁾.

Въ двухъ верстахъ отъ села К у в а я Алатырскаго уѣзда Симб. губерніи показываютъ Г о р о д о в ъ, представляющій изъ себя небольшой курганъ (?) въ долині между двухъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ; въ курганѣ зарытъ кладъ, надъ которымъ виситъ на золотой цѣпи икона Богородицы въ золотой ризѣ ²⁾. Въ Шатранскомъ кладѣ Стеньки Разина также стоитъ икона Божіей Матери, а предъ ней горитъ неугасимая лампада ³⁾.

Дѣйствительность существованія разбойническихъ и другихъ кладовъ въ различныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества не подлежитъ сомнѣнію, и разнообразныя разсказы и преданія о кладахъ, отличающіеся часто полумифическимъ и легендарнымъ характеромъ, имѣютъ въ своей основѣ какой-либо дѣйствительный фактъ, осколокъ правды, украшенный народной фантазіей, подъ вліяніемъ возрѣнія и склада духовной жизни народа. Въ старину, какъ извѣстно, ни банковъ, ни сберегательныхъ кассъ не было, а держать дома трудомъ нажитое добро было рискованно и еще болѣе было опасно пускать капиталы въ оборотъ, при внутреннемъ неурядицѣ общества, при постоянныхъ нападеніяхъ непріятелей: „сильные притѣсняли слабыхъ“,—замѣчаетъ по этому поводу Н. Я. Аристовъ,—и отнимали ихъ собственность; воры и разбойники верѣдко похищали имущество другихъ; самовластіе служителей правосудія доходило до того, что они вытягивали послѣднюю копѣйку съ подсудимыхъ. Поэтому умные люди стараго времени считали самымъ практическимъ дѣломъ—прятать деньги и цѣнныя вещи, какъ можно дальше отъ завистливаго взгляда. Чтобы не подвергнуться неожиданному разоренію, личнымъ оскорбленіямъ и преслѣдованіямъ, чтобы обезопасить свое семейство на всякій случай и сохранять малую толку на чер-

¹⁾ См. въ статьѣ Н. Аристова: «Преданія о кладахъ», стр. 723.

²⁾ Тамъ же, стр. 728.

³⁾ Тамъ же, стр. 733.

ный день,—они зарывали въ землю имущество, нажитое потомъ и кровью. Припоминая постоянную борьбу русскихъ съ финскими, татарскими и нѣмецкими племенами, затѣмъ внутренняго междоусобія и неурядиства общественныхъ порядковъ, каждый теоретически можетъ сдѣлать выводъ, что кладовъ, зарытыхъ въ древнее время, должно быть громадное количество. Дѣйствительно, не смотря на всю случайность находокъ, кладовъ разрыли до настоящей поры очень много и преимущественно съ древними монетами и вещами, спрятанными по крайней мѣрѣ до XV вѣка¹⁾. Съ другой стороны, разбойники, застигаемые въ расплохъ преслѣдующими ихъ командами, не надѣясь унести съ собою награбленное ими богатство, скрывали его въ землѣ и дѣлали на этомъ мѣстѣ примѣты. Послѣ разгрома разбойническихъ шаекъ, одни погибали въ неравномъ бою, а другіе отправлялись на ваторгу и кладъ, зарытый ими въ землѣ, оставался гдѣ-нибудь въ лѣсу, горѣ или оврагѣ до случайной находки его.

Преданія о кладахъ неоднократно подавали поводъ къ дѣйствительнымъ опытамъ кладопскательства. Нѣкоторые изъ крестьянъ-кладопскателей всю жизнь проводятъ въ добываніи записокъ о примѣтахъ, гдѣ зарытъ кладъ, и въ раскопкѣ этихъ мѣстъ. Случайныя находки, вмѣсто денегъ, мѣдныхъ копѣекъ, кольчугъ и образовъ²⁾ еще болѣе раздражали кладопскателей. Бывали примѣры, что мужики, занимающіеся кладопскательствомъ, ходили въ Петербургъ съ прошеніемъ о разрѣшеніи искать имъ клады. Въ селѣ Усольѣ, что на Волгѣ, лѣтъ 50 или 60 тому назадъ, велось даже слѣдственное дѣло изъ-за кладопскательства, а въ 1843 г. отставной унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардіи Московскаго полка Афанасій Петровъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 711.

²⁾ Въ селѣ Мирскихъ одинъ крестьянинъ вырылъ кувшинъ глинообразныхъ монетъ; въ с. Морквашахъ (въ Самарской Луцѣ), при отысканіи клада, попадались мѣдныя продолговатыя монеты; въ с. Подвалѣ была вырыта мѣдная кольчуга, а въ селѣ Бряндинѣ крестьянинъ вырылъ икону 1618 г. См. ст. Аристова, стр. 731, сносокъ.

явился въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и, показавъ голландскій талеръ 1620 года, сообщилъ, что въ селѣ Кировомъ Городищѣ Кромскаго уѣзда Орловской губерніи, у крестьянина Василя Самсонова въ подземельѣ находится огромный кладъ, состоящій изъ множества боченковъ, наполненныхъ золотомъ и серебряною монетою. Тогдашній Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Л. А. Перовскій распорядился, чтобы мѣстныя власти произвели слѣдствіе объ этомъ кладѣ со всею строгостью и о результатахъ донесли въ министерство. При слѣдствіи были допрошены всѣ прикосновенныя въ дѣлу лица, въ томъ числѣ приходскій священникъ и московскій купецъ Бардинъ, и осмотрѣна мѣстность, на которой стоялъ домъ Самсонова, но никакого клада небыло найдено¹⁾. Между прочимъ любопытно то, что на этомъ слѣдствіи было выяснено, какъ нѣмце ловкіе люди, пользуясь невѣжествомъ крестьянъ, выдавали дѣйствию извѣстнаго „гремучаго серебра“ (*argentum oxidatum fulminans*) за чудесное дѣйствию надъ желѣзомъ такъ называемой спринъ-травы, или разрывъ-травы. Крестьянинъ графа Шереметьева Леонтій Ануфриевъ, имѣя только для виду какую-то травку въ пузырькѣ, при помощи „гремучаго серебра“, производилъ опыты въ кузницѣ, въ присутствіи купца Бардина и кладовскателей, и опыты вполне удался: полоса желѣза, почти въ четверть аршина длиною и въ ширину толщиной, положенная на наковальню, отъ одного прикосновенія чудесной травы разлеталась съ трескомъ, на подобіе выстрѣла, на четыре части, при чемъ Ануфриевъ, производившій опыты своими руками, увѣрилъ, что безъ особенной споровки и умѣнья ничего не сдѣлаешь, если и будешь имѣть эту траву. Но извѣстны и такіе случаи, когда народная молва о кладѣ оправдывалась дѣйствительною находкою сокровищъ въ той мѣстности, гдѣ предполагался кладъ: такъ въ 1839 году, въ селѣ Бѣломъ Омутѣ, Зарайскаго уѣзда Ря-

¹⁾ Случай этотъ описанъ въ Ж. М. Вн. Дѣлъ за 1845 г., г. IX, стр. 313 и слѣд. и въ Запискѣ къ статьѣ: «Преданія о кладахъ» Л. Майкова.

занской губерніи, одинъ крестьянинъ, копаясь около своей избы, про которую давно шель слухъ, что подъ нею скрыто какое-то богатство, нашелъ небольшой кладъ изъ куфическихъ монетъ X вѣка. Благодаря содѣйствию мѣстнаго священника, находка эта попала въ свѣдущія руки и представила любопытныя данныя для науки ¹⁾.

Многочисленные случаи кладопскательства подали поводъ нашему законодательству къ нѣкоторымъ особымъ постановленіямъ, относительно кладовъ. При Петрѣ Великомъ, правительство смотрѣло на кладъ, какъ на богатство, ему принадлежащее ²⁾. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, право собственности владѣльца земли было распространено на всѣ богатства, сокрытыя въ ея нѣдрахъ, что было особо подтверждено и Жалованною Грамотою дворянству ³⁾. Въ 1803 г. 7 октября былъ изданъ указъ, въ которомъ Сенатъ изъяснилъ, что кладъ безъ позволенія владѣльца земли не только частными лицами, но и мѣстнымъ начальствомъ отыскиваемъ быть не можетъ ⁴⁾. Въ X т. Свода Гражданскихъ Законовъ, по изданію 1832 г., сказано, что „кладъ принадлежитъ владѣльцу земли“ и притомъ объяснено, что „кладъ есть сокрытое въ землѣ или строеніи сокровище“ ⁵⁾. Въ изданіи того же Свода Гражданскихъ Законовъ 1842 года, т. е. черезъ десять лѣтъ, повторена снова эта статья о правѣ владѣнія кладомъ, но изъ опредѣленія понятія „кладъ“ опущены слова „или строеніи“ ⁶⁾.

¹⁾ См. Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 г. Изданіе Одесскаго Общ. исторіи и древностей, подъ редакціей В. Григорьева. Спб. 1841 г. (4).

²⁾ П. С. Зак., № 4376, п. 3.

³⁾ Тамъ же, № 15447, п. I. Указъ 28 Іюня 1782 г. Слѣд. № 16187, ст. 33. Указъ 31 апрѣля 1785 г.

⁴⁾ Тамъ же, № 20958.

⁵⁾ См. ст. 269.

⁶⁾ Ст. 398.

Въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской, на основаніи мѣстныхъ правъ ¹⁾, было постановлено, что кладъ, отысканный самимъ владѣльцемъ на его собственной землѣ, весь и сполна принадлежитъ ему, изъ клада же, найденнаго кѣмъ-либо случайно на чужой землѣ, половина отдается владѣльцу земли, а другая половина тому, кто нашелъ кладъ ²⁾. Всѣ означенныя статьи о правѣ владѣнія кладомъ вошли и въ изданіе 1857 г. Свода Законовъ ³⁾.

Если археологическія раскопки различныхъ кургановъ и могильниковъ (Апаньпскій и Муранскій) и сообщенія о дѣйствительно находимыхъ кладахъ даютъ цѣнные результаты для науки, то и преданія объ этихъ сокровищахъ представляютъ богатый матеріалъ для историка, психолога и поэта, при изученіи духовной жизни народа. „Преданіе“, по справедливому замѣчанію Т. Н. Грановскаго, „не заботится о вѣрности, но въ немъ есть истина другого рода: въ немъ высказываются любовь и ненависть народа, его нравственныя понятія, его взглядъ на собственную старину“. Нѣкоторые изслѣдователи не безъ основанія видятъ въ преданіяхъ о кладахъ политико-экономическій смыслъ Русскаго народа. Не смотря на самыя тяжелыя труды, русскіе крестьяне въ огромномъ большинствѣ испытывали страшную бѣдность въ теченіе многихъ вѣковъ; нельзя сказать, чтобы они разбогатѣли и теперь, когда и правительство, и частная благотворительность стараются поддержать народъ въ его упорной и часто непосильной борьбѣ съ природою, болѣзнями, эпизоотіей, пожарами и другими невзгодами, угрожающими окончательнымъ разореніемъ крестьянству. Поэтому неудивительно, что русскій крестьянинъ не вѣритъ,

¹⁾ Литовск. Стат., разд. III, арт. 39, подтвержденный мнѣніемъ Госуд. Совѣта, Высочайше утвержд. 15 апрѣля 1842 г.

²⁾ Сводъ Гражд. Зак. Изд. 1845 г., ст. 398.

³⁾ См. т. X, ст. 430. Всѣ вышеприведенныя указанія на законоположенія приведены по статьѣ Л. Майкова: «Замѣтка къ статьѣ: «Преданія о кладахъ», который въ свою очередь заимствовалъ ихъ изъ «введенія» въ статью, напечат. въ Ж. М. Ви. Дѣль за 1845 г., ч. IX, стр. 313.

чтобы можно было и притомъ скоро разбогатѣть своимъ трудомъ: „отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ“, говоритъ опъ, а если кто изъ его собратьевъ вдругъ разбогатѣть, то приписываетъ это счастливому случаю или печальному дѣлу: „богатый совѣсти не купитъ, а свою губитъ“. О лицахъ нажившихъ богатство въ короткое время, крестьяне чаще всего говорятъ, что имъ удалось найти кладъ. Но особенно любопытно то обстоятельство, что всѣ преданія о кладахъ, подъ вліяніемъ христіанства, получили легендарный характеръ чисто въ русскомъ духѣ. Степыка Разинъ, Бурдари, братъ Разина Иванъ и другіе разбойники, зарывая кладъ, оставляютъ въ мѣстахъ сокрытія клада или святыхъ иконы, или илюстрию инициалъ, и самый кладъ, по большей части, зарываютъ ни для купца, ни для боярина, а для людей бѣдныхъ, простыхъ, неопытныхъ, дѣтей и тѣхъ, которые голыми руками и претерпѣваютъ напрасно побои и притѣсненія,—словомъ, въ преданіяхъ о кладахъ отразился тотъ же взглядъ народа, что и въ его бытовыхъ сказкахъ: о богатствѣ и бѣдности, о правдѣ и кривдѣ, о трехъ братьяхъ, о трехъ сестрахъ и снохахъ, о мачихѣ и падчерицѣ и др., гдѣ бѣдные и правдивые, гонимые богатыми и притѣсняемые криводушными, младшіе, преслѣдуемые старшими, слабые—сильными въ концѣ концовъ торжествуютъ и выходятъ побѣдителями. Въ статьѣ Н. Я. Аристова приведенъ слѣдующій рассказъ по этому поводу.

Въ одномъ домѣ была женщина въ загонѣ, не любимая въ семьѣ; ей не позволяли даже участвовать въ общемъ деревенскомъ весельѣ и въ играхъ, и потому она больше сидѣла дома. Какъ только останется она наединѣ, вдругъ завоетъ въ трубѣ вѣтеръ и послышится голосъ: „упаду—расшибусь!“... Когда она рассказала о томъ роднымъ, тѣ подняли на смѣхъ и обругали ее. Страхъ одолѣлъ несчастную женщину и она рассказала о томъ своей сосѣдкѣ, которая научила ее, какъ пособить горю: „ты возьми,—говоритъ,—бѣлую скатерть, раз-

стели около печки, поставь хлѣба-соля, и какъ только заговорить въ трубѣ голосъ, ты скажи: „упади-расшибись на хлѣбъ да на соль да на добрые годы“. — Припаса все это молодуха, сидитъ одна одишешевка по прежнему, а кладъ по является, перестать совсѣмъ голосить въ трубѣ, такъ что она объ немъ и забывать стала. Сидитъ она однажды вечеромъ, задумавшись; вдругъ завяло въ трубѣ сильнѣе прежняго: „упаду-расшибусь!“... Сначала молодуха оробѣла, потомъ оправилась и тотчасъ разостлала скатерть и проговорила по совѣту осѣдла немудрыя слова. Кладъ рассыпался изъ трубы серебромъ прямо на скатерть ¹⁾.

Степка Разина, по народнымъ преданіямъ, былъ не воровъ-разбойникомъ, а защитникомъ интересовъ, имущественныхъ и личныхъ правъ простаго народа, нарушителями которыхъ являлись помѣщики и воеводы, а потому и неуниженно, что во многихъ преданіяхъ о кладахъ, соединенныхъ съ именемъ Разина, говорится, что кладъ зарытъ нигдѣ на бѣдныхъ и гонимыхъ сильными. Съ другой стороны, оберегателями владовъ, какъ награбленнаго богатства, обогрѣннаго нерѣдко кровію людей, являются бѣсы, требующіе за обладаніе кладомъ человѣческихъ жертвъ, а потому различныя иконы съ неугасимой предъ ними лампадой или свѣчей, богоявленская вода, Животворящій Крестъ, восковыя свѣчи, просфоры, ладонъ, разныя молитвы ²⁾ Божіей Матери, Архангелу Михаилу и святымъ, заклинанія діавола, трава Петровъ-крестъ, Плакучъ-трава ³⁾ и Спрыпъ-трава завинаютъ весьма видное мѣсто въ преданіяхъ о кладахъ, какъ средства, при помощи которыхъ можно прогнать бѣсовъ и добыть кладъ, скрытый въ землѣ какимъ-либо разбойникомъ для искупленія отъ грѣ-

¹⁾ См. стр. 727. Сравни тамъ же стр. 722.

²⁾ Н. Аристовъ приводитъ въ своей статьѣ три такія молитвы. 1) Молитву Пресвятой Богородицѣ (стр. 735), 2) Молитву Михаилу Архангелу (стр. 736) и 3) Молитву Св. Николаю Чудотворцу. (стр. 737).

³⁾ Плакучъ-трава, по народному убѣжденію, выросла отъ слезъ Богородицы. См. стихъ о Голубиной книгѣ.

ховъ его души. Ворожецы или такъ называемые „мастера“, умѣющіе добывать клады, говорятъ, что для открытія и обладанія кладомъ необходимо прежде всего отслужить молебень св. Іоанну Новгородскому; затѣмъ идти на мѣсто предполагаемаго клада, взявъ съ собою девятичинную просфору ¹⁾ и прежде чѣмъ брать открытый кладъ, слѣдуетъ окурить его ладопомъ и окропить святою богоявленскою водою. Лица, занимающіяся отысканіемъ кладовъ, имѣютъ у себя такъ называемыя „вызывныя книги“, заключающія въ себѣ заклинательныя молитвы изъ „Требника“ Петра Могилы и многія другія, которыя читаются на мѣстѣ сокрытія клада. При разрытіи клада не слѣдуетъ оглядываться, разговаривать и особенно предаваться сну, а чтобы не бояться разныхъ привидѣній, нужно имѣть при себѣ траву Петровъ-крестъ, Сиринъ-траву и свѣчу воска яраго (бѣлаго). Иные охотники до кладовъ имѣютъ у себя особыя записи и чертежи, служащія для нихъ указателями и руководствомъ при отысканіи кладовъ ²⁾. Вѣроятно, эти записи составились подъ вліяніемъ устныхъ преданій и положены на бумагу грамотными кладонскателями, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе съ различными вариантами и наслоеніями позднѣйшаго времени. Къ числу такихъ записей, вѣроятно, принадлежитъ и печатающійся въ настоящей книгѣ „Извѣстій“ рукописный свитокъ Г. В. Мещеринова. Мы находимъ въ немъ всѣ тѣ характеристическія черты, которыми отличаются вообще преданія о кладахъ. Послѣ исчисления скрытыхъ въ немъ сокровищъ и указанія его мѣсто-нахожденія, даются наставленія, какъ его взять. Кладъ бабы разбойницы Варвары, Желѣзный Лобъ, можетъ быть взятъ только людьми „простосердечными“, а хитрые люди, еслибы при томъ находились, „всѣ вскорѣ изгнубутъ конечною злою смер-

¹⁾ Въ честь девяти чиновъ Ангельскихъ.

²⁾ См. образчикъ такой записи въ ст. Н. Арштова на стр. 731, а въ приложеніи къ «Замѣткѣ» Л. Майкова находится любопытный чертежъ, слѣданный въ объемѣ подлинника и съ точнымъ сохраненіемъ рисунка оригинала и его письма, относящагося къ началу текущаго столѣтія.

тію". При открытіи клада, непременно должна находится баба Варвара, безъ которой „того сокровища отнюдь никому не найтати и не взять". Баба Варвара должна троекратно окропать двери амшеника святою водою „непнтою" и, проговорявъ три раза Іисусову молитву, какъ она, такъ и всѣ, находящіеся съ нею, должны пропзнести заклинаніе діавола; „заклинаемъ тя діавола Люцифера, тѣмъ князя града ада геескаго и всѣхъ съ тобою злыхъ нечистыхъ діавольскихъ духовъ Живымъ Своимъ Истиннымъ Богомъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, Сыномъ Божіимъ и Сыномъ Маріинымъ, амею и амеюю, отъ сего часа и минуты, да-измди отъ сего мѣста и со всѣми своими нечистыми духи, невидимо нами рабами Божіими, на сухъ лѣсъ, на желтые пески сянго моря акіана. Аминь, аминь, аминь". Затѣмъ всѣмъ слѣдуетъ идти въ амшеникъ за бабою Варварою, безъ робости и сомнѣнія, съ Іисусовою молитвою „честно, тихо и кротко". Въ амшеникѣ находится „ломовая превеликая пушка, заряженная злымъ дѣломъ да образъ Св. Варвары Христовой Мученицы". Цѣль зарытія клада—спасеніе души: называя себя „многогрѣшней рабой божіей", Варвара Желѣзной Лобъ проситъ тѣхъ, конкъ достанется кладъ, „незабытно помпнать многогрѣшныхъ рабовъ божіихъ Варвару, Будаера и Степана" (Разина). Здѣсь очевидно сказалося вліяніе христіанства: сознавая грѣховность своей удалой жизни и вѣря въ отвѣтственность за свои дѣнія въ загробномъ мірѣ, разбойники надѣялись, что молитвенная память о нихъ поможетъ ихъ душѣ, что Господь не отринетъ ихъ раскаянія въ грѣхахъ; подобно новгородскому богатырю Василью Буслаеву, они разсуждали такъ: „съ молоду было много бито, граблено,—подъ старость надо душу спасти".

В. Витовскій.

МОРДВА.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ГЛАВА II.

Внѣшній бытъ.

(Продолженіе)

Мордва представляет собою самое значительное изъ восточно-финскихъ племенъ ¹⁾. Съ давнихъ поръ она раздѣляется на двѣ основныя группы: Эрзю и Мокшу ²⁾. Въ литературѣ упоминаются еще двѣ сравнительно меньшія группы—Терюхане въ Нижегородской губерніи (и уѣздѣ) и Каратаи въ Казанской, но первые обрусѣли, вторые отатарились и опредѣлить ихъ отношеніе къ названнымъ крупнымъ группамъ въ настоящее время чрезвычайно нелегко. Нѣсколько культурныхъ словъ, сохранившихся въ языкѣ, названія и формы костюма, скудныя извѣстія о древней религіи—вотъ все, чѣмъ можетъ располагать изслѣдователь.

Собраніе и обработка терюханскаго лингвистическаго матеріала были предприняты покойнымъ Веске, но не осущест-

¹⁾ Численность ея въ настоящее время можно опредѣлить до 1 миліона душъ обоаго пола.

²⁾ Въ формѣ Moxel мы встрѣчаемъ имя Мокши у Рубруквиса. Племенное названіе Эрзя можно предполагать въ Arsa, Arsania Ибн-Фозлана.

вилося за его смертью и не находятъ продолжателя. Названія отдѣльныхъ частей женскаго костюма—ш у ш п а н ь, с у с т у г ь—не заключаютъ въ себѣ ничего обособляющаго; въ некоторую особенность представляютъ формы костюма, но онѣ—продуктъ новѣйшаго времени: новыя рубашки и кафтаны терюханокъ отличаются отъ соответствующихъ принадлежностей туалета эрзянокъ и мокшанокъ, но старыя венци, которыя намъ приводилось видѣть, обнаруживаютъ близость къ эрзянскимъ формамъ.

Что касается отличія Эрзя отъ Мокши, то оно выражается въ физическомъ типѣ и въ рядѣ особенностей внѣшняго и внутренняго быта.

Презираваясь къ мокшанской толпѣ, наблюдатель скоро замѣтитъ, что она представляетъ бѣльшее разнообразіе типовъ сравнительно съ эрзянской. Рядомъ съ блѣзурями, сѣроглазыми и обладающими свѣтлой кожей особами, изъ которыхъ состоитъ эрзянская толпа, мы встрѣчаемъ здѣсь значительное, едва-ли не преобладающее, количество особей, обладающихъ черными волосами и глазами, смуглыми, желтоватымъ цвѣтомъ кожи. Лица представляютъ такое-же разнообразіе, какъ и окраска кожи и волосъ. Мокша въ большей части случаевъ, какъ и Эрзя, обладаетъ круглымъ лицомъ, но строеніе его иное, чѣмъ у Эрзя. Не рѣшаясь характеризовать это различіе въ терминахъ апатома антропологическихъ, мы отмѣтимъ только, что мокшанскія круглыя лица приближаются по типу къ татарскимъ и чувашскимъ. Среди преобладающей массы круглыхъ лицъ у Мокши встрѣчаются овальные лица, съ тонкимъ правильно очерченнымъ носомъ. Особи, обладающія такими лицами, имѣютъ большіе черные глаза, желтоватую кожу и черные волосы.

При одинаково-высокомъ ростѣ Мокша, насколько позволяютъ объ этомъ судить наши наблюденія, отличается бѣльшей массивностью сложенія и вытекающей отсюда неповоротливостью. Не обладая граціей и изяществомъ движеній, мокшан-

скія дѣвушки и женщины проявляютъ въ походкѣ, въ говорѣ, въ жестяхъ самоувѣренную силу и энергію. Прямой, нѣсколько откинутый взадъ станъ, тяжелыя, размахистыя движенія, громкая рѣчь съ нѣсколько хрипыми нотами—вотъ черты, которыя наблюдатель отмѣчаетъ въ мокшанской толпѣ.

Нарѣчіе эрзянское отличается отъ мокшанскаго и фонетикой и лексическимъ составомъ. Мокшанинъ и эрзянинъ, если они не изъ сосѣднихъ пограничныхъ деревень, не въ состояніи понять другъ друга и прибѣгаютъ для объясненій къ русскому языку ¹⁾.

Въ области вѣшняго быта главное отличіе заключается въ женскомъ костюмѣ; мужской не представляетъ особенностей. Костюмъ мокшанки и по составу, и по формамъ, и по способу надѣванія отличается отъ эрзянскаго. Нижняя одежда мокшанки состоитъ изъ рубашки и штатровъ. Рубашку свою мокшанка носитъ иначе, чѣмъ эрзянка. Въ то время, какъ у эрзянки рубашка спускается почти до пятъ, мокшанка поддегиваетъ свой длинный панаръ у пояса и не спускаетъ его ниже колѣнъ. Поверхъ его лѣтомъ она чаще всего не надѣваетъ ничего, тогда какъ полный туалетъ эрзянки предполагаетъ необходимо ш у ш и а н ъ, вышитый верхній кафтанъ, тождественный по формѣ съ черемисскимъ шоборомъ или сюспаномъ. Головные уборы мокшанокъ не имѣютъ ничего общаго съ эрзянскими и ближе къ черемисскимъ. На сѣверѣ мокшанскаго края, выше Красноплободска, употребляется головной уборъ близкій по формѣ къ черемисскому тюрику. Мокшанская панго по формѣ близка къ черемисскимъ лопатообразнымъ сорокамъ. Татарское вліяніе сказывается на Мокшѣ тѣмъ, что женщины поверхъ панго, а дѣвушки прямо на голову, наворачиваютъ холщерое полотенце или покупную шаль въ видѣ чалмы.

¹⁾ Обстоятельнаго трактата о мордовскихъ нарѣчіяхъ финская филологія ожидаетъ отъ молодого гельсингфорскаго ученаго г. Паазоненъ, который собралъ во время своихъ недѣльныхъ путешествій къ Мордвѣ обильный матеріалъ въ видѣ фонетически записанныхъ текстовъ и словаря.

Круглыхъ камлавообразныхъ кокошниковъ и сорокъ съ рогообразнымъ выступомъ надъ лбомъ, широко распространяемыхъ у эрзянокъ, мокшанки не носятъ. Полския украшенія такъ же рѣзко, какъ и головные уборы, обособляютъ эрзянокъ отъ мокшанокъ. Мокшанки не носятъ такъ называемаго пулагаа, то есть пазадника, украшеннаго бисеромъ и длинной бахромою.

По численности и району своего распространенія Эрзя преобладаетъ надъ Мокшей. Обнимая своими поселеніями южные уѣзды Нижегородской и Симбирской губерній, она заходитъ въ губерніи Тамбовскую и Пензенскую. Исслѣдованія Паазонена показали, что Эрзя занимаетъ десять деревень на сѣверѣ Темниковскаго уѣзда Тамбовской губерніи въ окрестностяхъ Кадома и двѣ деревни въ Спасскомъ у. той же губерніи (Кажлогза и Дракнио) ¹⁾. Въ Пензенской губерніи она занимаетъ значительную часть селеній Саранскаго и Городищенскаго уѣздовъ, по мѣстамъ смѣшивалась съ Мокшей. Эрзя же составляетъ главный контингентъ мордовскаго населенія въ степяхъ Заволжья—въ губерніяхъ Самарской, Уфимской и Оренбургской. Въ губерніи Саратовской она чередуется съ Мокшей.

Внѣшній бытъ Мордвы сложился подъ вѣковымъ вліяніемъ окружающей ее природы. Коренными землями Мордвы, какъ мы имѣли случай показать въ предыдущей главѣ, слѣдуетъ считать, начиная съ С., южные уѣзды Нижегородской губ.—Нижегородскій, Арзамасскій, Ардатовскій, Княгининскій, Лукояновскій и Сергачскій и прилегающіе къ нимъ уѣзды губерніи Тамбовской—Темниковскій и Шацкій, Пензенской—Браснослободскій и Инсарскій, Симбирской—Алатырскій и Ардатовскій т. е. земли, омываемыя рѣками Тешей, Пьяной, Мокшей и Сурой. До настоящаго времени на этомъ пространствѣ сохранились обширные лѣса, которые являются остатками былыхъ его лѣсныхъ богатствъ: въ Ардатовскомъ уѣздѣ Нижего-

¹⁾ Journal de la Soc. Fin.-Ougr. IX, p. XIV—XV.

родской губерніи они занимаютъ около $\frac{1}{2}$ всего пространства, въ Лукояновскомъ 40%. Въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ лѣса занимаютъ обширныя пространства по берегамъ Суры и Пьяны. Отдѣльные колки бывшихъ лѣсовъ сохранились здѣсь при монастыряхъ—Спасскомъ близъ Краснослободска, Сканьевомъ близъ Наровчата и т. д., на государственныхъ и некоторыхъ частно-владѣльческихъ земляхъ и даютъ понятіе о бывшемъ пейзажѣ страны. Громадные пробѣлы, образовавшіеся между этими колками въ теченіе вѣковъ, воображеніе можетъ восполнить на основаніи рассказовъ старожилловъ и старинныхъ актовъ. Въ рѣдкомъ селѣ мордовскаго края не помнятъ о лѣсахъ, которые подходили прямо къ мордовскимъ усадьбамъ.

Акта говорятъ о дремучихъ лѣсахъ тамъ, гдѣ теперь путешественникъ видитъ сплошныя поля. Мордовскіе лѣса въ XVII в. начинались почти непосредственно у Нижняго, за Кудьмой рѣкой. Возникшій въ это время въ вышѣшемъ Нижегородскомъ уѣздѣ Оранскій монастырь находился въ дремучемъ лѣсу. Территорія смежной съ нимъ терюшевской Мордвы даже столѣтіемъ позднѣе представлялась покрытой такими лѣсами, что въ нихъ могло свободно укрыться все населеніе волости, когда архіепископъ Д. Сѣчеповъ послѣ извѣстнаго „Терюшевскаго бунта“ задумалъ его крестить¹⁾.

О лѣсахъ, покрывавшихъ югъ территоріи, можно догадываться по картинѣ, которую до настоящаго времени представляетъ Кузнецкій уѣздъ Саратовской губерніи, по актамъ относительно Тамбовскаго и Моршанскаго уѣздовъ, по преданіямъ, сохраняющимся во всемъ мордовскомъ краѣ.

Близость черноземной полосы сказывается на этихъ лѣсахъ сравнительнымъ разнообразіемъ составляющихъ ихъ породъ. Вмѣсто боровъ, которые чередуются съ ельникомъ на лѣвомъ берегу Волги, путешественникъ встрѣчаетъ здѣсь рядомъ съ обширными сосновыми лѣсами громадныя простран-

¹⁾ А. Титовъ. «Терюшевскій бунтъ». Рус. Обзор. 1893, № 9, стр. 310.

ства, покрытыя листовными породами: дубомъ, липой, клепомъ, ясенемъ, вязомъ и др.

Среди этихъ лѣсныхъ пространствъ проглядывали въ былое время поляны большаго или меньшаго размѣра (к у ж а) и дикія поля, на которыя всего ранѣ сажались земледѣльцы¹⁾. Не мало мордовскихъ деревень до настоящаго времени носятъ названія, оканчивающіяся на к у ж а (кжа, кша) = поляна.

О томъ животномъ мѣрѣ, который населялъ обширные лѣса восточно-мордовскаго края, даютъ понятіе акты XVII в. „А не учну язъ, читаемъ ми въ купчей записи Мамонтовой пустыни мордвина Верхотенской волости (1640 г.), въ тѣхъ борговыхъ ухажьяхъ и во всякихъ вотчинныхъ угодьяхъ... въ рыбной и въ бобровой ловлѣ и во всякихъ становыхъ звѣряхъ, въ лосѣ и въ козѣ и въ свиньѣ жеребевъ по государеву оброку давать и на мѣ, на Михайлѣ, взятъ въ домъ великому чудотворцу Николѣ да труднику Мамонту по сей купчей записи заряду 100 рублевъ“²⁾. „Козинное и лосипное“ стойло, „свиное логово“, „бобровая вежа“, „бобровые гонь“ фигурируютъ въ цѣломъ рядѣ другихъ актовъ той-же пустыни³⁾. Рядомъ по мѣстамъ упоминаются еще куницы. Вся эта фауна заходила на Ю. въ область Хопра и Ворони⁴⁾.

Понятно, что мы должны встрѣтить ее и выше на С., гдѣ лѣса были обширнѣе—и акты, относящіеся къ Симбирской губерніи, дѣйствительно, указываютъ на ея присутствіе здѣсь. Въ одной изъ купчихъ Алатырской приказной избы мы читаемъ напр. слѣдующее: „а продалъ есми имъ тое вотчину впрокъ безъ выкупу и ихъ дѣтамъ... съ стоячимъ деревомъ и со пнемъ и съ лежачею колодою и со звѣри: и съ лосемъ,

¹⁾ Въ актахъ упоминается между прочимъ дикое поле въ Шацкохъ уѣздѣ въ Ценскомъ подлѣсномъ станѣ за большаки черныя лѣсохъ. Изв. Тамб. Арх. Ком. XIV, 23.

²⁾ Мамонт. пустыня. Изд. Тамб. А. К. Т. 1887. Стр. 6.

³⁾ *ibid.* Стр. 8, 9 и слѣд.

⁴⁾ *ibid.* Стр. 12—13.

и съ медвѣдемъ, и съ волкомъ, и съ лисицею, и съ куницею... и съ водянымъ звѣремъ, съ бобримъ и съ бобровыми гонимыи¹⁾».

Если среди такихъ условій мордвинъ не остался охотникомъ и не сталъ подобно своимъ сѣвернымъ родичамъ — Вогуламъ и Коми — гибнуть по мѣрѣ того, какъ сокращались лѣсные пространства, то этимъ онъ обязанъ свойствамъ почвы, которая лежала подъ полями ковыля и черными лѣсами. Эта почва, не требовавшая труда и дававшая человеку обильные плоды, рано заставила его обратиться къ земледѣлю и заниматься имъ рядомъ съ охотою, рыбной ловлею и пчеловодствомъ.

Понятіе о томъ, какъ плодородны были когда-то земли, лежавшія подъ черными лѣсами, даетъ слѣдующія слова Палласа относительно пріемовъ земледѣлія на Самарской лукѣ: „пространный человекъ, увидѣвъ зрѣвшее хлѣбопашество, конечно придетъ въ изумленіе, а именно: на не вспаханной землѣ, которая и безъ удобренія плодородна, крестьяне сѣютъ овесъ, рожь и просо, какъ будто бы на сѣденіе птицамъ, потомъ взявъ соху начинаютъ пахать, а за сохой идетъ другая лошадь съ бороною безъ погональщика и вся работа въ томъ состоитъ“²⁾.

Извѣстія русскихъ лѣтописей изображаютъ Мордву XIII вѣка уже народомъ земледѣльческимъ³⁾. Рядомъ съ земледѣліемъ у нея, судя по извѣстіямъ Рубруквиса, имѣло широкое значеніе охота (соколиная) и пчеловодство: „у нихъ много свиней, меда, воска, богатой упряжи и соколовъ“ говоритъ онъ относительно Мокши⁴⁾. Этотъ строй жизни мало измѣнился въ теченіе почти трехъ столѣтій отдѣляющихъ Рубруквиса отъ Герберштейна. Авторъ „Записокъ о Московіи“ гово-

¹⁾ Акты Бѣлоярск. № 22.

²⁾ Путеш. по разнымъ провинціямъ. Ч. 1, стр. 246.

³⁾ Лѣт. по Лавр. сп. Сиб. 1872. Стр. 428.

⁴⁾ Recueil des Voyag. faits en Asie. I.

рить, что Мокша его времени обрабатывала поля, питалась дичиной и миломъ, имѣла въ изобиліи драгоценныя мѣха ¹⁾.

Въ XVII в. судя по многочисленнымъ указаніямъ актовъ охота и пчеловодство составляли еще очень важную статью въ хозяйствѣ Мордвы: бортныя ульи и лѣсныя вотчины съ ихъ звѣремъ и птицей составляютъ главную драгоценность мордвина. Въ теченіе XVIII и XIX стол. сокращеніе лѣсной площади привело охоту въ однихъ мѣстахъ на степень второстепеннаго промысла, въ другихъ обратила ее въ пріятное воспоминаніе.

Показателемъ экономическаго благосостоянія, которымъ благодаря качествамъ своей земли Мордва пользовалась до бѣдствій послѣднихъ лѣтъ, служитъ между прочимъ ея незначительная задолженность.

Въ Саратовской губерніи (въ Кузнецкомъ уѣздѣ) приходилось долга ²⁾

у Мордвы	12 к. на десят.	— 7,25%	оклада
у Чувашъ	17 к. на	— 10,1%	—
у Русскихъ	53 к. на	— 23,5%	—
у Татаръ	1 р. 29 к. на	— 72,9%	—

Эта низшая степень задолженности Мордвы представляетъ собою прямой результатъ ея лучшаго обезпеченія землей ³⁾.

Вѣка, въ теченіе которыхъ Мордва жила въ своей благодатной странѣ, отразились на ея физическомъ типѣ. Она рѣзко отличается отъ другихъ финновъ Волжско-Камскаго бассейна—Черемисъ, Вотяковъ, Пермиковъ—своимъ ростомъ, массивнымъ сложеніемъ, здоровымъ цвѣтомъ кожи и разноромъ физическихъ силъ. Русское населеніе края также не вездѣ въ состояніи помѣряться съ Мордвой физическими ресурсами: оно позже явилось здѣсь, привнесло съ собой типъ, создавшійся въ относительно менѣе благопріятныхъ сѣверныхъ

¹⁾ Замыс. Герберштейнъ. Стр. 426.

²⁾ Сборн. стат. свѣд. по Саратов. губ. т. X, стр. 82.

³⁾ *ibid.* 50.

областяхъ и находилось въ худшихъ сравнительно съ Мордвой социальнo-экономическихъ условіяхъ.

Само собою понятно, что при подобныхъ органическихъ ресурсахъ Мордва далека отъ вырожденія, выпавшаго на долю другихъ, менѣе благоприятно обставленныхъ племенъ. Новѣйшія статистическія изслѣдованія показываютъ, что Мордва принадлежитъ къ самымъ плотнѣйшимъ народностямъ восточной Россіи ¹⁾.

Перехода къ детальному ознакомленію съ бытомъ Мордвы, мы остановимся прежде всего на ея питаніи и жилищѣ.

Пища мордвина находится въ тѣсномъ соответствіи съ его преобладающими занятіями. Въ ту пору, когда лѣса открывали обширное поле для охоты, ее составляло мясо дикихъ животныхъ и птицъ. Подобно своимъ восточнымъ родичамъ, мордвинъ не былъ разборчивъ относительно попадавшей ему подъ руку дичи. Онъ не дѣлилъ животныхъ и птицъ на съѣдобныя и не съѣдобныя: заяцъ, сова, соколъ, сорока, ворона, еще въ началѣ текущаго столѣтія употреблялись Мордвиномъ въ пищу рядомъ съ гусями и утками ²⁾. Заяцъ до сихъ поръ остается любимымъ кушаньемъ Мордвы. Въ ряду пищевыхъ продуктовъ возникшихъ на почвѣ скотоводства слѣдуетъ отмѣтить различнаго рода сыры, которые очень хвалятъ люди, пробовавшіе ихъ, пидяф-верша—кушанье изъ поджаренной сепной крови. На почвѣ пчеловодства возникъ любимый напитокъ Мордвы—пуре. Не смотря на близость своего названія къ черемисскому пуре, пюре Мордвы отличается отъ этого послѣдняго и по своему составу и по способу приготовленія. Въ то время, какъ черемисское „пуре“ есть чисто медовой напитокъ, пюре представляетъ собою родъ такъ называемаго сычужнаго пива.

Растительная пища Мордвина немногимъ отличается отъ русской. Черный хлѣбъ, пироги, квасъ, щи, блины, лепешки,

¹⁾ Сборн. стат. свѣд. о Сызр. губ. т. V, 59; т. X, 181.

²⁾ Архим. Макарій.

оладьи, кулага, каша изъ разнаго рода крупы—составляютъ существенное содержаніе мордовской кухни, какъ и русской. Покойный Майновъ къ числу кушаній специально мордовскихъ относитъ нумолоп-прайста (пельмени съ зайчпой), герп-прайста—видъ малорусскихъ варениковъ, приготовленныхъ на коровьемъ или свиномъ салѣ, балавду—лебеду вареную въ молокѣ съ крутыми яйцами¹⁾.

Остатки язычества съ его молянами и обильными животными жертвами являются причиной того, что Мордвинъ до сихъ поръ гораздо чаще, чѣмъ его русскій сосѣдь употребляетъ животную пищу.

Въ такой-же зависимости отъ условій среды находится и жилище мордвина. И матеріалы и первоначальны формы для него давала всему финнскому міру окружавшая его лѣсная природа. Естественный навѣсъ изъ вѣтвей, естественное углубленіе въ берегѣ оврага или рѣки дали когда-то древнему финну первичныя архитектурныя идеи. Разработка данныхъ природой мотивовъ обнимаетъ первые періоды въ исторіи древне-финнскаго жилья (кота, куд). Въ этой первоначальной обще-финнской работѣ участвовала, какъ показываетъ языкъ и Мордва (фин. кота || чер. куда || морд. куд).

Современное жилище мордвина представляетъ результатъ его сожителства съ русскимъ народомъ. Чтобы открыть въ немъ то, что составляетъ продуктъ его собственнаго творчества, нужно выдѣлнить формы, особня отъ русскихъ. Эта работа въ существенныхъ чертахъ уже выполнена финнскимъ ученымъ г. А. Гейкелемъ въ его трудѣ: „Die Gebäuden der Ceremissen, Mordwinen, Esten und Finnen“ (Hels. 1888). За основаніе для хронологической классификаціи существующихъ у Мордвы и родственныхъ финновъ построекъ г. Гейкель принимаетъ формы огнища въ его послѣдовательномъ развитіи.

Древнейшей формой постройки снабженной огнищемъ является у Мордвы-Мокши овипъ (о в ен), срубъ, запущенный

¹⁾ Mainof. Les restes de la myth. Mord. 61.

въ яму, съ открытымъ огнищемъ по срединѣ и легкой наземной постройкой ¹⁾). Можно думать, что и первоначальная куд устранилась такимъ-же образомъ. Между различными видами куды Мордва знаетъ ма ст и р - в у д — землянку. Къ числу архангелскихъ, но заимствованныхъ, можетъ быть, у тюркскихъ сосѣдей формъ лѣтняго жилья слѣдуетъ отнести, судя по названію, шалашъ—во ш ѣ ²⁾).

Слѣдующую стадію представляетъ баня—полуземлянка, врытая въ береговой склонъ рѣки. Такая баня, имѣя одну открытую стѣну, снабжена уже печью, которая помещается въ углу стѣны, расположенной противъ двери, и обращена къ этой послѣдней, какъ къ единственному источнику свѣта устья ³⁾). Въ баняхъ, устранившихся на ровномъ мѣстѣ, на поверхности земли, печь сохраняетъ свое положеніе въ углу противъ двери, но обращается уже устьемъ не къ печи, а къ лѣвой отъ входа стѣнѣ, въ которой прорублено окно. Тѣ же положенія печь сохраняетъ и въ старой мокшанской избѣ (мокша-куд). Въ Тамбовской губерніи печь въ углу противъ двери г. Гейкель встрѣтилъ въ мещерацкой деревнѣ Кприлово.

О такомъ устройствѣ старыхъ мордовскихъ пазъ уже раньше были извѣстія въ литературѣ. Г. Гейкель ссылается на извѣстную статью Мельникова въ „Рус. Вѣстникѣ“ и нѣсколько другихъ ⁴⁾).

¹⁾ Первоначальное названіе такого огнища, кажется сохранилось въ названіи шестка толма (тол-огонь)-ланго. Ср. томба-ланго.

²⁾ У башкиръ кошмъ называется лѣтняя стоянка.

³⁾ Печь эта очень долгое время дѣлалась глинобитная. Судя по значенію названія п а н я — г (к) у д (сооруженіе, домъ для печенія) можно думать, что жилище съ печью возникло уже въ ту пору, когда Мордва познакомилась съ земледѣліемъ: паня имѣетъ одинъ корень съ глаголомъ п а н е м с печь. Тоже значеніе, можетъ быть имѣетъ и другое названіе печи у Мокши п е т ѣ н я - г у д, если предположить что слово п е т ѣ - н я стоитъ въ связи съ русскимъ печь. Какой матеріалъ для исторіи мордовскаго огнища заключаетъ въ себѣ слово к а ш т а м о, служащее у Эрви для обозначенія печи, сказать нельзя; существующіе словари не даютъ возможности опредѣлить корень слова и его значеніе.

⁴⁾ «Симб. Губ. Вѣд.» 1867, № 91; «Пенз. Губ. Вѣд.» 1862, 24 и «Донъ» 1886, 39

Болѣе распространенными и только въ мокшанскихъ деревняхъ г. Гейкель считаетъ избы съ печью въ одномъ изъ переднихъ угловъ устьемъ къ противоположной стѣнѣ.

Нѣсколько подробностей относительно устройства старой мордовской избы г. Гейкель извлекаетъ изъ статьи, помѣщенной въ журналѣ „Маякъ“ за 1845 г. (№ 4: 84—85). Въ сороковыхъ годахъ, судя по этой статьѣ, мордовскія избы ставились не фасадомъ, а бокомъ къ улицѣ и выходящая на улицу стѣна не имѣла оконъ. Окна прорубались только въ тѣхъ стѣнахъ, которыя выходили на дворъ.

Въ избы вели двѣ двери: одна отворавшаяся въ стѣни и другая низенькая, доходившая только до половинъ косяковъ въ избы. Противъ двери въ углу, выходящемъ на улицу, стояла глинобитная печь. Во время топки дверь въ стѣна протворялась и дымъ выходилъ въ открытое пространство, оставшееся надъ второй.

Относительно оконъ въ старыхъ мокшанскихъ избахъ г. Гейкель отмѣчаетъ одну особенность: въ выходящей на улицу стѣнѣ окно помѣщается не по срединѣ стѣны, а ближе къ одному углу; эта особенность зависитъ отъ мѣста, занимаемаго печью; иначе не можетъ быть, когда она стоитъ въ одномъ изъ угловъ, выходящихъ на улицу.

Пола въ старыхъ мордовскихъ избахъ не было; мордвы довольствовались тѣмъ, что настилали на землю глины и тщательно уколачивали ее ¹⁾. Какъ переходъ къ русскому устройству половъ, г. Гейкель видѣлъ въ нѣкоторыхъ избахъ доски, настиланныя прямо на землю. Свободное пространство между дверью и печью въ старыхъ мокшанскихъ избахъ занято было широкими низкими парами (керспель), подъ которыми находилъ себѣ пріютъ мелкій домашній скотъ; на такихъ парахъ

¹⁾ Избы съ земляными полами сохранились у Мордвы Казанской губернии до сихъ поръ. Свидѣтельствомъ того, что полъ въ бѣлое время былъ неизвѣстенъ служитъ тотъ фактъ, что словомъ, обозначающимъ его у Мордвы, служитъ мастыр-земля.

устраивалась по стѣнѣ къ двери кровать. Вдоль стѣны выходившей на улицу устраивалась лавка, названіе которой (морга-вземъ) дастъ право (?) г. Гейкелю предполагать, что тутъ-же и прежде помѣщался и столъ. Въ настоящее время на этой лавкѣ въ углу помѣщается ручная мельница, а столъ стоитъ въ одномъ изъ угловъ по сторонѣ двери. Сидѣньями около стола служатъ конпикъ и лавка. Конпикъ извѣстенъ и въ русскихъ избахъ, но у Морды сохранилась, повидямому, та его форма, которая послужила для названія. Часть конпика, обращенная къ двери, имѣла оригинальный заборчикъ (боранка). Доски, составляющія заборчикъ, сводились наверху такъ, что изображали грубое подобіе коня или какого нибудь другаго животнаго. Въ устройствѣ этого заборчика да еще въ обшивкѣ печи ниже шестка только и сказывались эстетическія потребности Мордына. его стремленіе украсить свое жилище. Потребность украшать свой домъ рѣзбой снаружи мы встрѣчаемъ главнымъ образомъ у обрусѣвшихъ терюханъ Нижегородской губерніи.

При отсутствіи такъ называемаго плана въ устройствѣ поселковъ дома строились, какъ попало, но старыя избы дверью всегда были обращены къ солнечной сторонѣ—востоку или югу. Въ двери продѣлывалось оконце, которое открывалось при домашней молитвѣ¹⁾. Положеніе двери кромѣ религиозныхъ соображеній могло обуславливаться тѣмъ, что она была нѣкогда единственнымъ источникомъ свѣта.

Переходный типъ отъ „мокшанскаго“ дома къ „русскому“ г. Гейкель нашелъ въ одной избѣ въ Каргашинѣ. Печь стояла въ среднѣй правой стѣнѣ отъ входа, пространство оставшееся между нею и стѣной на право отъ двери было загорожено и служило зимнимъ помѣщеніемъ для овецъ и телятъ.

Эзя, болѣе обрусѣвшая сравнительно съ Мокшей, позабыла, по мнѣнію г. Гейкеля, старыя формы жилища и усвоила

¹⁾ I. с. 26.

русскія. Въ Самарской губерніи эрзянскія постройки тождественны съ русскими. Въ расположеніи надворныхъ построекъ старій порядокъ также мало сохранился, какъ и въ устройствѣ избъ.

Въ Буинскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи нашъ авторъ составилъ на основаніи разсказовъ планъ стараго мордовскаго двора, особенность котораго заключалась въ томъ, что изба стояла посреди двора отдѣльно отъ остальныхъ построекъ, разбросанныхъ по разнымъ угламъ. Избы въ этомъ домѣ не имѣли сѣней, но печь въ ней стояла по русски въ углу отъ двери.

На основаніи плана, доставленнаго г. Гейзелю однимъ мордвинкомъ-ученикомъ изъ Белебейскаго уѣзда Уфимской губерніи, можно заключать, что и здѣсь Мордва стремилась изобразовать всѣ надворныя постройки, не сливая ихъ по русски въ кольцо. Изба на этомъ планѣ стоитъ отдѣльно отъ другихъ зданій и снабжена только сѣнями. Клѣть, житница, конюшня, погребу помѣщаются въ разсыпную по сторонамъ двора. Въ срединѣ двора помѣщается яма—кардачь-сарко, въ которую кладутся жертвы для бога-хранителя двора. Въ настоящее время такое устройство двора вълѣдствіе скученности и тѣсноты уступило мѣсто обычному русскому. Въѣзжая въ мордовскую деревню, путешественникъ по расположенію дворовыхъ построекъ не отличитъ ея отъ русской.

Мы принимаемъ схему развитія мордовскаго жилища, предложенную г. Гейзелемъ, но не видимъ основаній устанавливать особые типы мокшанскій и эрзянскій. Почтенный ученый имѣлъ недостаточный матеріалъ относительно Эрзи и потому счелъ ее совершенно позабышею старья формы жилья.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются планы старихъ мордовско-эрзянскихъ избъ, доставленныхъ намъ бывшимъ учителемъ села Сабапчеева Алатырскаго уѣзда г. Лукинымъ и мы можемъ положительно констатировать, что старья эрзянскія избы имѣли то-же внутреннее устройство, что и мокшанскія.

Текстъ, приложенный къ планамъ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько цѣнныхъ указаній и мы воспроизводимъ здѣсь существенныя его пункты буквально.

„Въ прежнее время видъ мордовскаго селенія былъ не таковъ, какой оно имѣетъ въ настоящее время. Мордва селилась, кто гдѣ хотѣлъ, безъ опредѣленнаго плана. Улицъ не было: были порядки дома въ три или четыре, между порядками были узкіе проулки. Жилища изъбы „кудо“ помѣщались въ среднѣмъ дворѣ и состояли изъ избы и сѣней, прочія же хозяйственныя постройки строились отдѣльно, съ одной стороны двора; свободныя мѣста заносились высокими заборами. Надъ воротами устраивался сарай; въ другихъ мѣстахъ двора сараевъ не было.

Доска для стропилъ употреблялись колотыя. Крыши домовъ и другихъ построекъ были большею частью соломенные, на кровлю употребляли такъ же и „драпъ“, т. е., тесъ не пилевый, а драпый изъ сосноваго дерева.

Глиняныя печи съ топкой по „черному“ сохранились въ немногихъ избахъ. Такая печь имѣетъ сравнительно широкій шестокъ „томбамо ланга“. Противоположная сторона горнушки состояла изъ глиняной же стѣнки или просто заслонялась доской. Надъ шесткомъ укрѣплялся шестъ для сушки дровъ и лучины. Приспособленій для варки пищи, не разводя огня въ печи, не замѣчается. Можетъ быть шестъ надъ шесткомъ и служилъ для этой цѣли; если повѣсить котелокъ на шестъ, подъ котелкомъ на шестѣ развести огонь, то можно удобно сварить пищу. Въ настоящее время Мордва варитъ пищу на шестѣ, не разводя огня въ печи, слѣдующимъ образомъ: на шестокъ кладутъ камень, на который ставятъ чугуны, а около чугуна разводятъ огонь. Поднѣ печи по „черному“ устраивалась съ кожухомъ, для того, чтобы шиль изъ печи при топкѣ не выходилъ наружу. Съ боковой части печи, устраивалась „гаська ланга“—широкая ланка въ аршинъ и болѣе ширины, подъ ней была задняя въ подполь „гаськас совсема варя“.

Лавка кругомъ до полу забивалась досками и представляла изъ себя ящикъ или ларь; съ узкой сторы отъ печи устраивалась дверца. „Гаська ланго“ служила для помѣщенія агнятъ: верхъ служилъ для спанья. Высота „гаська ланго“ была въ половину печи“.

Изъ разсмотрѣнiя плановъ г. Лукппа читатель убѣдится, что въ старыхъ эрзянскихъ избахъ, какъ и въ мокшанскихъ, печь помѣщалась въ одномъ изъ противоположныхъ двери угловъ и была обращена устьемъ или къ двери (№ 2) или къ окну противоположной стѣны (№ 3). Перемѣстившись въ одинъ изъ угловъ у двери, она на первыхъ порахъ обращена была устьемъ къ противоположной боковой стѣнѣ, а не къ стѣнѣ противъ двери. Въ углу по ту или другую сторону двери, противъ устья печи, помѣщался столъ и божница. Въ повѣйшей литературѣ относительно Морды мы встрѣчаемъ извѣстiя, что и въ эрзянскихъ избахъ окна большею частiю выходятъ во внутрь двора¹⁾.

Избу съ расположенiемъ, соответствующимъ плану № 3, мы встрѣтили въ эрзянскомъ селѣ Тешпяръ Городищенскаго уѣзда Пензенской губернiи. Эрзянскими—судя по присутствию на дворѣ кардась-сарко—слѣдуетъ признать и тѣ избы, планы которыхъ данъ г. Гейкелю мордвинъ Уфимской губернiи.

Какую форму имѣли сѣни старой мордовской куды, можно догадываться изъ ихъ названiя—к у д - п е л ь к с, к у д - м и г е л ь (передъ дома). Тожественный по названiю черемисскiй к у д - о н д ж ы л представляетъ собою пространство, открытое съ лицевой стороны и защищенное выступомъ крыши сверху, выступами стѣнъ съ боковъ. Открытое преддверiе такого рода сохранилось при бапяхъ у Пермиковъ и имѣю мѣсто въ старыхъ чувашскихъ и башкирскихъ избахъ.

Въ какой степени возстановленный выше типъ дома слѣдуетъ признать мордовскимъ, сказать опредѣленно въ

¹⁾ Мордовское село Лобаски (Ниж. губ. Сергач. у.) Ниж. Ен. Вѣд. 1887, стр. 735.

настоящее время нельзя. Старая мокшанская изба отличается, конечно, от современной русской, но сохранится ли это различие, когда мы подставим вмѣсто современной русской избы старинную, это еще вопросъ, который разрѣшится только тогда, когда мы будемъ хорошо знать устройство и исторію развитія старинной русской избы. Къ сожалѣнію мы мало до сихъ поръ занимаемся внѣшнимъ бытомъ русскаго народа и имѣемъ смутныя представленія не только объ исторіи русскаго дома, но даже о его современныхъ вариантахъ. Р. Гейкелю, впрочемъ, не безызвѣстно, что избы съ печью, обращенной устьемъ къ двери, Мельниковъ встрѣчалъ и въ русскихъ селеніяхъ Тамбовской, Пензенской и Рязанской губерній ¹⁾.

Рядомъ съ будой Мордва съ даянхъ поръ имѣла различныя виды клѣтъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ и у палъ—клѣтъ съ окнами, соотвѣтствующую русской горницѣ, у томо собственно клѣтъ и лато—сарай и навѣсы. Въ настоящее время формы всѣхъ этихъ построекъ не отличаются отъ русскихъ, но въ пѣсняхъ упоминаются клѣтки съ балконами, подобныя тѣмъ, которыя до настоящаго времени встрѣчаются у черемисъ. Картина стараго мордовскаго жилья будетъ закончена, если мы прибавимъ, что домъ и хозяйственные постройки ограждались у Мордвы заборомъ.

Вѣковое сожительство съ русскими отразилось на мордовскомъ домѣ помимо извѣстнаго уже намъ измѣненія плана внесены въ архитектуру художественнаго элемента—рѣзныхъ украшеній, которыми тѣмъ обильнѣе покрывается фасадъ мордовскаго дома, чѣмъ ближе мордовскія селенія къ тому русскому краю, въ которомъ русская народная архитектура достигла высшей ступени своего развитія—верхнему Поволжью. Наибольшую роскошь орнамента мы встрѣтили въ деревняхъ, расположенныхъ по почтовому тракту изъ Нижняго въ Арзамасъ.

¹⁾ 1. с. стр. 26. Прим. 2.

Оставляя по необходимости въ сторонѣ вопросъ объ отношеніи старо-мордовской избы къ старо-русской, мы обращаемъ вниманіе читателей на то, что избы одинаковаго устройства самъ г. Гейкель находилъ у Татаръ, а путешественники прошлаго вѣка указываютъ у Чувашъ. Описанный г. Гейкелемъ типъ жилья, стало быть, является общимъ для народностей Поволжья и его можно было-бы пока назвать волжско-булгарскимиъ.

Меблировка старой мордовской избы была несложна. Ее составляли лавки, столъ и скамьи, сдѣланныя изъ дѣльнаго бруска дерева съ подрубленными сучьями вѣсто ножекъ (морга-вземъ).

Необходимую утварь и посуду мордвинъ въ былое время выдѣлывалъ самъ. Искусство дѣлать горшки (шакшъ) было извѣстно Мордвѣ съ давнихъ поръ. Горшки грубой работы составляютъ необходимую принадлежность старихъ мордовскихъ могилъ. Деревянную посуду—чашки, ковши разнообразныхъ размѣровъ и формъ для личнаго употребленія и для жертвоприношеній Мордва приготавлила также сама, но той потребности украшать деревянныя подѣлки рѣзьбой, которая даетъ такую своеобразную фізіономію черемисскимъ и чувашскимъ издѣліямъ, у нея мы не видимъ.

Къ числу издѣлій, которыя мордвинъ съ давнихъ поръ приготавливалъ самъ, относятся простѣйшія орудія передвиженія, охоты и земледѣльческаго труда. Подобно всемъ своимъ восточнымъ родичамъ мордвинъ на первыхъ порахъ зналъ одно только орудіе передвиженія на суши—сани (нурда(т)—ср. перм. варт).

Вспоминаніе о томъ, что сани когда то употреблялись для перевозки тяжестей на суши безъ различія времени года сохранилось въ языкѣ: слово нурт значить одновременно сани и возъ. Для передвиженія по водѣ мордвинъ умѣлъ приготавливать нѣсколько сортовъ лодокъ. Самъ онъ, конечно, выдѣлывалъ и лукъ со стрѣлами, съ употребленіемъ которыхъ онъ познакомился еще въ пору совместной жизни съ осталь-

ными родичами. Переименованными здѣсь немого численными видами издѣлій ограничивалась у Мордвы до XVIII в. обработка лѣсныхъ продуктовъ.

Съ XVIII в. Мордва познакомилась съ изготовленіемъ поташа. Казенные поташные заводы принесли не мало огорченій предкамъ выпѣшняго поселенія Нижегородской, Пензенской и Тамбовской губерній, но за то Мордва присмотрѣлась къ дѣлу и въ настоящее время взяла его въ свои руки. Въ настоящее время въ Пензенской губерніи есть села, въ которыхъ оказывается до 20 владѣльцевъ поташныхъ заводовъ; таково напр. Новое Пшеново Писарскаго у.¹⁾

Изъ техническихъ растений Мордва обрабатываетъ преимущественно коноплю. Сѣмя идетъ на изготовленіе масла, которое въ Нижегородской и Пензенской губерніи стало почти спеціальностью Мордвы, а волокна на производство необходимыхъ тканей. Обработка продуктовъ скотоводства сдѣлала въ послѣднее время у Мордвы нѣкоторые успѣхи. Въ Пензенской губерніи между Мордвой развиты вальцовый и шерстобитный промыслы²⁾. Производство сукна представляетъ собою старинный мордовскій промыселъ. Подобно Чурашамъ и Черемисамъ, Мордва чаще всего употребляетъ бѣлое сукно.

Обработка металловъ остановилась у Мордвы на зачаточной ступени развитія. Ножи, топоры, стрѣлы, копыя, огнива до XVIII вѣка, нужно думать, выдѣлывались мѣстными работниками, но въ XVIII в. ипородцамъ было запрещено изъ политическихъ видовъ заниматься кузнечнымъ ремесломъ и Мордва отвыкла отъ него.

Область женскаго обрабатывающаго труда распространяется главнымъ образомъ на производство и окрашиваніе тканей и изготовленіе изъ нихъ различныхъ принадлежностей костюма.

Мордовки до настоящаго времени, изготовивъ пряжу, сами ее красятъ. Знакомство съ красильными веществами овѣ

¹⁾ Пенз. Губ. Вѣд. 1893, №

²⁾ *ibid.*

унаследовали, по всей вероятности, еще от своих прабабок. Путешественники XVIII в. указывают растения, которыми мордовскія женщины пользовались для окрашиванія пряжи— чертополохъ (пижелаома тпкшедь) для окраски въ зеленый цвѣтъ, дрокъ въ желтый, жарѣна—въ малиновый, душица— въ алый.

Женскій костюмъ Мордвы—вѣнецъ творчества мордовскихъ женщинъ—представляетъ весьма значительное разнообразіе формъ и можетъ сдѣлаться предметомъ самостоятельнаго этнографическаго этюда. До сихъ поръ не помѣчены еще ни варианты его, которые вѣютъ мѣсто на родниѣ Мордвы въ предѣлахъ одной и той-же племенной группы, ни границы ихъ распространенія. Наши собственныя наблюденія и данныя, найденныя нами въ литературѣ, позволяютъ установить, что даже въ предѣлахъ одной племенной группы у Мордвы, какъ и у Черемисъ, есть районы, различающіеся одинъ отъ другаго формами костюма—преимущественно головныхъ уборовъ.

Начиная нашъ обзоръ съ сѣвера, мы должны отмѣтить прежде всего „вѣнецъ“ обрусѣвшей терюханской Мордвы—уборъ, который сохранился у очень немногихъ мордвокъ и дается на прокатъ при вѣнчаніи. Его русское названіе вполне соответствуетъ формѣ. „Вѣнецъ“ состоитъ изъ проволочной діадемы, отъ которой на спину спускаются нитяныя вѣсти, унизанныя ужевками. Спереди къ вѣнцу пришивается широкая лента изъ толстаго холста, унизанная серебрянными монетами. Отъ ушей до пояса и ниже спускаются такіа-же ленты или ремни, унизанные деньгами—это такъ называемые *п л е т н и*. Шея терюханки украшается обычными борками и сустугомъ—круглой фибулой, отъ которой на грудь спускаются нити, унизанныя бисеромъ и тельками.

Лѣтній повседневный костюмъ терюханки состоитъ изъ длинной рубашки и распашнаго широкаго кафтана, тождественнаго съ западно-черемисскимъ шушпаномъ по формѣ и по

названію. Шушпанъ имѣеть на рукавахъ широкую—вершковъ до 5—вышивку, узоры которой не имѣють ничего общаго съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ у остальной Мордвы. Рубашка имѣеть видъ прямаго мѣшка съ разрѣзомъ посрединѣ груди; вдоль ея украшаются небольшою вышивкой. Мордва извѣстной намъ Борисовской волости скупа на вышивки, но А. Д. Смирновъ, наблюдавшій ее въ селахъ, сосѣднихъ съ Терюшевымъ, отмѣчаетъ расшитые красной и черной шерстями рубахи и головные уборы¹⁾. Для болѣе холодной погоды у терюхановъ имѣется с е р я г а—узкій до пояса и расширяющійся къ низу кафтанъ изъ бѣлаго самодѣльнаго сукна, украшенный по подолу узорами изъ шнура и раковинъ.

За Терюханами на В. и на Ю. вдетъ Эрзя. Широко раскинувшая свои поселенія, Эрзя по формамъ костюма можетъ быть раздѣлена на три группы, границы которыхъ мы намѣчаемъ только самымъ приблизительнымъ образомъ.

Первая группа охватываетъ на коренной территоріи Арзамаскій и Ардатовскій уѣзды Нижегородской губерніи, а на повыхъ, заволжскихъ мѣстахъ Ставропольскій уѣздъ Самарской губерніи (вѣроятно, и другіе смежныя съ нимъ), Стерлитамакскій Уфимской. Характерными принадлежностями костюма этой группы являются: 1) круглый вышитый обсеромъ кокошникъ въ видѣ полудцилиндра съ спускающейся на спину широкой унизанной блестящею лопастью, 2) сдѣланные изъ толстой ткани и украшенные рядами ужевовъ, бубенчиковъ и бусъ передникъ и назадникъ.

Слѣдующую крупную группу, которую по мѣсту ея на коренныхъ мордовскихъ земляхъ можно назвать восточной, образуютъ уѣзды Лукояновскій и Сергачскій Нижегородской губерніи, Саранскій Пензенской и примыкающіе уѣзды Симбирской губерніи. Эту группу характеризуютъ высокій, узкій, поднимающійся надъ лбомъ въ видѣ рога кокошникъ и такъ

¹⁾ «Извѣстія» т. XI, вып. 3, стр. 286.

называемый пулагай—толстый бисерный, украшенный длинной черной бахромой назадникъ.

Третью маленькую группу образуетъ Эрзя Тамбовской губерніи. Кокосникъ этой группы по своей основной формѣ приближается къ кокоснику первой группы, но отличается отъ него характерными придатками по бокамъ, надъ ушамъ, въ видѣ свитыхъ изъ красныхъ пштокъ или шерсти мячей. Задняя часть кокосника отличается тѣмъ, что тулья его, если здѣсь идетъ это названіе, сверху сплошь унизана особаго рода мелкими мѣдными луговипами и производитъ впечатлѣніе чувашской тохы. Мѣсто пулагая и длиннаго назадника здѣсь занимаетъ прикрѣпленная сзади къ поясу бисерная накладка. Неизвѣстную въ другихъ мѣстахъ принадлежность костюма этой группы составляетъ такъ называемая шубейка. Это сшитая изъ кумачу на легкой подкладкѣ и отороченная мѣхомъ безрукавка съ мѣховымъ воротникомъ. Несмотря на свое названіе, шубейка представляетъ собою принадлежность лѣтняго костюма и замѣняетъ собой шушпанъ.

Эрзянки носятъ тѣ-же по формамъ, но гораздо болѣе распитые, чѣмъ у терюханокъ, шушпанъ и рубашку. Шушпанъ въ XVIII в. имѣлъ желтый цвѣтъ и широкіе (до полуаршина) рукава, въ настоящее время онъ дѣлается бѣлымъ и особенно богато расшивается на груди. Вышивка эта, когда полъ сведенъ на груди, представляетъ широкій четырехугольникъ.

Въ костюмѣ Мокши мы замѣтили—по отношенію къ головномъ убору—три группы: сѣверозападную, которая захватываетъ сѣверную половину Краснослободскаго уѣзда (на С. отъ уѣзднаго города) и смежныя мокшанскія селенія Тамбовской губерніи, юго-западную, въ составъ которой входитъ южная часть Краснослободскаго уѣзда, и восточную, охватывающую собою Инсарскій уѣздъ. Первая группа употребляетъ панго, имѣющую видъ нѣскольکو срѣзаннаго черемисскаго тюрика (ш м а - ш о б ы ч), у второй еще не давно была въ употребленіи панго въ видѣ лопатообразныхъ черемисскихъ сорокъ;

третья группа употребляет панго, очень близкую по формѣ къ изображенной у Палласа и Георга¹⁾.

Группы, намѣченные нами, различаются и по другимъ особенностямъ костюма. Одинаковый по основной формѣ панаръ имѣеть напр. у восточной группы широкую вышивку во всю длину рукава, которой мы не встрѣчаемъ на западѣ. Сравнительное изученіе покажетъ не мало другихъ мелкихъ варьянтовъ въ формахъ пояса, поясныхъ, грудныхъ и шейныхъ украшеній, но отмѣчать эти варьянты, не имѣя возможности сослаться на сопровождающіе текстъ рисунки, мы считаемъ почти бесполезнымъ и заключаемъ наши замѣчанія о мордовскомъ костюмѣ въсколькими общими замѣчаніями относительно его исторіи.

Въ томъ видѣ, какой панаръ имѣеть у эрзянокъ, онъ чрезвычайно близокъ къ византійскому мужскому одѣванію, которое называется далматикомъ, дивитисіемъ или саккосомъ²⁾. Мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на эту близость въ виду того, что она бросается въ глаза: нижній разрѣзъ эрзянскаго панара представляетъ совершенную тождественность съ разрѣзомъ и украшеніемъ дивитисія. Съ другой стороны боковыя, сдѣланныя полуovalомъ вышивки мокшанскаго панара чрезвычайно близки къ таковымъ-же на туникахъ, которыя изображены на фрескахъ, открытыхъ въ новѣйшее время въ Кіевѣ и фигурировавшихъ въ копіи на VIII археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что это сходство не случайность, а пережитокъ того вліянія, которое имѣла Византія, а можетъ быть еще и греческія колоніи, на костюмъ пародностей, населявшихъ южную и среднюю Россію. Что формы былой мужской одежды уцѣлѣли въ женской—этому не приходится удивляться. Сустугъ является въ настоящее время принадлежностью женскаго мордовскаго костюма, между тѣмъ въ XII в. онъ украшалъ вмѣстѣ съ грив-

¹⁾ Георга. Опис. вѣстхъ народ. ч. I, стр. 44.

²⁾ См. изображеніе дивитисія въ «Byzantina» Д. Э. Бѣлзеса. II, таб. I.

нами и браслетами мужчин¹⁾; бисерное оплечье (цифксъ), которое мы встрѣчаемъ у мориавовъ, когда-то фигурировало также въ качествѣ принадлежности мужскаго костюма. Вопросъ о пути, которымъ попали къ Мордвѣ эти принадлежности южнаго, греческаго костюма, можетъ быть рѣшенъ на почвѣ тѣхъ данныхъ, которыя предлагаетъ намъ археологія. Бассейнъ Цна-Мокша-Ока съ первыхъ вѣковъ нашей эры находился въ торговыхъ сношеніяхъ съ греческимъ югомъ: монеты римскихъ императоровъ, въ качествѣ случайныхъ находокъ, встрѣчались здѣсь уже давно. Въ 1892 г. членъ Императорской Археологической Комиссіи А. А. Сипцынъ нашелъ византійскія монеты VIII—IX вѣка въ могильникѣ, который по характеру содержавшихся въ немъ вещей онъ признаетъ за мордовскій. Кое-что изъ принадлежностей своего костюма Мордва могла получать такимъ образомъ прямо отъ торговцевъ-грековъ. Вѣроятно же другое предположеніе: греки передали свой костюмъ русскимъ племенамъ днѣпровскаго бассейна; отъ нихъ его заимствовала Мордва и по собственному финскимъ племенамъ консерватизму сохранила до нашего времени. Роль этихъ племенъ, какъ хранителей древне-русскихъ формъ костюма, жилья и многихъ другихъ сторонъ быта еще недостаточно оцѣнена, хотя матеріалъ для этого уже имѣется.

Обзоръ творчества Мордвы въ области внѣшняго быта мы закончимъ тѣми зародышами искусства, которыя представляютъ собою вышивки, украшающія мордовскія одежды. Носительницей и выразительницей эстетическихъ потребностей является у Мордвы женщина. Мордвинъ равнодушенъ въ изящному; во всемъ, что онъ дѣлаетъ, онъ преслѣдуетъ практическую цѣль. Сдѣлавши вещь пригодную для того или другаго употребленія, онъ не чувствуетъ потребности украсить ее. Побужденія, которыя заставляютъ чувашина и черемисина покрывать рѣзбой солопицы и поставцы, украшать изображеніями птицъ и животныхъ ручки своихъ башмаковъ, ему совер-

¹⁾ Уваровъ. Меря.

ленно чужды. Женщина проявляетъ сравнительно съ нимъ большую широту потребностей. Она не меньше чувашки и черемиски работаетъ надъ украшеніемъ своего костюма и проявляетъ въ этой области нѣкоторую долю оригинальности. Сравненіе эрзянскихъ и мокшанскихъ вышивокъ съ черемисскими и чувашскими показываетъ, что оригинальность эту въ большей степени обнаруживаетъ Эрзя, въ меньшей Мокша.

Эрзянскія вышивки рѣзко отличаются отъ черемисскихъ по своимъ мотивамъ. Холстъ зашивается почти сплошь пятнами одного какого-нибудь цвѣта, чаще всего такъ называемымъ „бордо“. На этомъ основномъ фонѣ выступаютъ звѣздочки или квадратики какого-нибудь другого цвѣта, чаще чернаго. Такого-же рода вышивка, широкой полосой спускается на рубашкѣ отъ пояса къ подолу, гдѣ около небольшого разрѣза она расширяется.

Вышивки мокшанскихъ рубашекъ и панго обнаруживаютъ своими мотивами значительную близость къ чувашскимъ и черемисскимъ. На тюрикообразныхъ панго Краснослободскаго уѣзда, на рукавахъ, плечахъ, обшлагахъ и подолахъ рубашекъ Краснослободскаго и Инсарскаго уѣзда мы встрѣчаемъ обычные у Черемисъ и Чувашъ стилизованные розетки и крестъ. Эта однородность узоровъ обнаруживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ далѣе мы углубляемся въ прошлое. Старинная рубашка Инсарскаго уѣзда и по узорамъ вышивокъ и по общему стилю гораздо ближе къ черемисскимъ, чѣмъ позднѣйшія. Въ то время, какъ на широкихъ рукавныхъ вышивкахъ старыхъ рубашекъ встрѣчаются крестъ и розетка, рукава новѣйшихъ рубашекъ, какъ и въ Краснослободскомъ уѣздѣ, зашиваются сплошнымъ узоромъ, который чаще всего имѣетъ видъ переплетающихся лентъ двухъ цвѣтовъ.

Это родство мокшанскихъ и черемисскихъ вышивокъ представляетъ любопытный матеріалъ для выясненія былыхъ отношеній Мордвы къ народностямъ Поволжья. Въ настоящее время въ сосѣдствѣ съ Чувашиями и Черемисами живетъ Эрзя

Симбирской и Нижегородской губерній, сосѣдями же Мокши являются, кромѣ Эрзя, Русскіе и Татары. То же взаимное положеніе народностей мы должны будемъ констатировать, если обратимся къ свидѣтельствамъ исторіи. Эрзя и Терюхане были сосѣдями Черемисъ въ XVIII, XVII и XVI вв. Исходя изъ этихъ фактовъ, мы должны были-бы ожидать, что не Мокша, а Эрзя обнаружатъ большую близость къ Черемисамъ и Чувашамъ. Объяснить кажущееся несоотвѣтствіе фактовъ мы можемъ только при помощи двухъ предположеній: или Мокша когда-то, раньше, чѣмъ Эрзя, жила рядомъ съ Черемисами или черемисско-чувашскія формы орнамента ей переданы какой-нибудь другой народностью—напр. Буртасами, которыхъ, какъ мы уже видѣли, можно считать родичами Чувашъ. Въ виду скудости нашихъ свидѣній о Буртасахъ мы охотнѣе склоняемся въ пользу перваго предположенія. За него говорить кое-какіе факты. Въ брошюрѣ „Этнографія по Казанской научно-промышленной выставкѣ“ мы отмѣтили тотъ фактъ, что родственныя съ мордовскими и преимущественно мокшанскими формы головнаго убора оказываются у Черемисъ Вятской губерніи, несомнѣнно ранѣ своихъ приволжскихъ родчей выступавшихъ изъ своей первоначальной родины—съ береговъ Оки ¹⁾).

Къ этому-то періоду, когда Черемисы жили по нижнему теченію Оки, а Мокша прямикала къ нимъ, занимая бассейнъ рѣки того-же названія, и можно отнести съ извѣстной вѣроятностью, общія формы орнамента рядомъ съ нѣкоторыми общими формами костюма.

¹⁾ Стр. 15.

ГЛАВА III

Семейныя и общественныя отношенія.

Въ очеркахъ „Черемисы“, „Вотяки“ и „Пермяки“ мы на-
мѣтили тѣ ступени, которыя прошла въ своемъ развитіи вос-
точно-финская семья. Исторія мордовской семьи въ общихъ
чертахъ шла тѣмъ-же путемъ. И здѣсь современнымъ фор-
мамъ, которыя созданы христіанствомъ, дѣйствующимъ кано-
ническимъ правомъ и выработавшимся на этой почвѣ поня-
тіями, предшествовали иныя, архаическія формы. Первые на-
меки на эти формы мы находимъ въ мордовской терминологіи
общественныхъ отношеній. Читатель легко нахѣтитъ ихъ
самъ, всматрѣвшись въ приводимыя ниже термины.

Мокша.

Эрзя.

А ля мужчина, отецъ старшій

(эрз. хужинь); од-а. вотяпимъ т е т е й

оцю-ала дѣдъ (М.)

покш-тей, бода

ата дѣдъ, самецъ (эрз. ста-
рикъ, хозяинъ)

—

атай дядя по отцу или ма-
тери.

дэда мать

авай

оцю-дэтай бабка

бабай.

цѣра сынъ, парень, юноша

—

стпирь дочь, дѣвушка

техтерь

п у в о в н у в ъ
п у т ь к а в н у ч к а.

О т ц а й д я д я с т а р ш е о т ц з п о к ш а й
п а т я д я д я м о л о ж е о т ц а , с т а р - п а т а й т е т к а . с т а р ш а с е с т -
ш и й б р а т ь , д в о ю р о д н ы й б р а т ь р а , д в о ю р о д н а я . с е с т р а (—
(о т ь д я д и) . р я ш ь) .

л е л а й с т а р ш и й б р а т ь , д я д я
п о о т ц у .

а л а й с т а р ш и й б р а т ь (М .) ; а л ' а а л ' к а й
к а й

я л а к с ь м л а д ш и й б р а т ь ¹⁾ б а ч к а м л а д ш и й б р а т ь и п л е -
м я н н и ц а

щ а к а й т е т к а

а к а й ж е н щ и н а с т а р ш е д а н -
п а г о л и ц а — с е с т р а , т е т к а ,
п л е м я н н и ц а , с е с т р а м а т е р и

с а з о р м л а д ш а я с е с т р а , н е в ѣ с т -
к а , с в о я ч е н н и ц а , п л е м я н н и ц а

а в а , ж е н а , з а м у ж н я я ж е н щ и - а в а , н и
н а , м а т ь , с а м к а

э р ь в е ж е н а ; с р . о д и р ь в а — у р ь в а , у р а ш (н е в ѣ с т к а)
н е в ѣ с т к а , м о л о д у ш к а , в т о -
р а я ж е н а .

э р ь в е н е н е в ѣ с т а о д - е р ь в а н е в ѣ с т а

с о д а м о ж е н и х

м и р ' д э м у ж ь м и р ' д э , п о л а й , в а с т а (с р .
в а с т о м е — с х о д и т ь с я)

о в з я т ь , п а с ы н о в ъ с о д а м о

¹⁾ Изъ слова пельмерва — младшая сношенница, жена младшего брата можно, кажется, еще извлечь слово для обозначения младшего брата — пельме, пель. Ср. лопар. велль, чер. шумбель.

Скѣство по жннѣ.

Атя-виз тесть	Ватась
ава-виз теща	
палдас младшая свояченица,	ба г'дуз
база, бажай шуринъ	ба г'за', г'га'ай
	бачка младшій шуринъ.

Скѣство жнн по мужѣ.

атай свекоръ, атаviz	атавт, низан'а (?)
авай свекровь (баба), ававиз	ававт
кефта деверь	агай, парнедь
агге старшій деверь (Майн-атай)	шитце (Майн.)
маз'не, полма-атай младшій деверь	парачъ
важ'не самый младшій	к'ялюнь
улманъ, впньдернай золовка	
ак'гай, полмастирь (Майн.) золовка старше мужа, старшая свошеница.	авне
стыржай младшая золовка	парня
бастыржай самая младшая	
кел-ава, к'ялю — свошеница.	

Изъ разсмотрѣнїя предложенной таблицы читатель можетъ убѣдиться, что Мордва, подобно остальнымъ финскимъ племенамъ волжско-камскаго бассейна, не выработала специальныхъ терминовъ для обозначенїя кровныхъ отношенїй, соединяющихъ мальчика или дѣвочку съ тѣмъ либо изъ взрослыхъ: сынъ обозначается тѣмъ-же словомъ, что и всякій молодой человекъ вообще, дочь тѣмъ-же словомъ, что и всякая дѣвушка¹⁾. Какъ Вотяки и Черемисы, Мордва различаетъ, дажѣ,

¹⁾ Ср. наши «Черем.» стр. 99 («Изд.» т. VII), «Вог.» стр. 130—131.

не степени родства, а отношенія возраста; словъ, соотвѣтствующихъ русскимъ: дѣдъ, баба, дядя, тетка, племянникъ, братъ, сестра, внукъ, внучка въ мордовскомъ языкѣ нѣтъ, по за то мы встрѣчаемъ у Эрзи и Мокши рядъ словъ, которыя служатъ для обозначенія лицъ старше и моложе даннаго лица: покштей э., оцю аля дѣдъ, оцай м., покшай э. — дядя старше отца. патай, алай м. л'алай, алькай э. — дядя моложе отца, старшій братъ двоюродный братъ, акай м., патай э. тетка, старшая сестра, двоюродная сестра, сѣюр э. м. — младшая сестра. племянница. Мы не разъ уже имѣли случаи разъяснить значеніе этой своеобразной терминологіи. Она является памятникомъ пережитыхъ семейно-общественныхъ отношеній.

На самой ранней ступени своего развитія мордовская семья, судя по терминологіи, представляла собою союзъ лицъ, связанныхъ между собою тѣмъ, что они жили подъ одной кровлей. Обладаніе женщиной въ этомъ союзѣ еще не было индивидуализировано: а в а м., в в э. означаетъ не жену въ смыслѣ супруги даннаго лица, а вообще зрѣлую женщину; э р в е м., у р в а э. — вообще женщину, взятую въ известную семью: жену, сноху. Вслѣдствіе того, что пары особей, которыя находились бы въ постоянныхъ отношеніяхъ, въ немъ еще не выдѣлились ясно, отдѣльный членъ его не въ состояніи былъ выдѣлить свое потомство, точно опредѣлить степень близости, въ которой онъ находился къ окружающимъ и дѣлил ихъ на группы по возрасту: женщинъ и мужчинъ старше себя, женщинъ и мужчинъ моложе себя. На этомъ уровнѣ отношеній не могло быть, понятно, мѣста для какихъ бы то ни было ограниченій полового инстинкта: представленіе о томъ, что данная особь не должна вступать въ половыя сношенія съ тѣмъ-то и тѣмъ-то изъ окружающихъ, не зарождалось еще и не имѣло для себя почвы. Границы инстинкту ставилъ только возрастъ.

Отголосками этого порядка вещей до сихъ поръ служатъ вѣбрачныя отношенія молодежи. Теоретически, въ лицѣ своихъ

наиболѣе обрусѣвшихъ представителей. Мордва признаетъ, что половая жизнь женщины должна начинаться съ момента вступленія въ бракъ, но практика массы далеко не соответствуетъ этому идеалу. Дѣвушка начинаетъ вступать въ сношенія съ молодыми людьми съ момента наступленія половой зрѣлости — лѣтъ съ 14. До брака, который наступаетъ лѣтъ въ 20—25, она успѣваетъ ознакомиться съ многими изъ своихъ молодыхъ однополовцевъ. Если результатомъ вѣбращаго сожителства является рожденіе ребенка, это обстоятельство не шокируетъ родителей дѣвушки. Майновъ въ своихъ „Очеркахъ юридическаго быта Мордвы“ приводитъ рядъ пословицъ, изъ которыхъ слышится снисходительное отношеніе Мордвы къ дѣвчачьимъ грѣхамъ. Подобно другимъ восточно-финнамъ мордвинъ прощаетъ вѣбращае рожденіе ребенка въ виду того, что онъ является приращеніемъ семьи¹⁾. Рождество не служитъ препятствіемъ для установленія этихъ кратковременныхъ отношеній. Двоюродные братъ и сестра зачастую оказываются въ вѣбращаой связи. Въ Писарскомъ уѣздѣ намъ указывали на случаи, когда родственная связь жившихъ такимъ образомъ паръ оказывалась болѣе тѣсными: въ двухъ деревняхъ вѣбращаыя отношенія соединяли брата и сестру. Связь съ женой брата здѣсь также считается довольно обычнымъ явленіемъ.

Отсутствіе ограниченій, которая могла бы ставить препятствію мысль объ общемъ происхожденіи, характеризующее эти вѣбращаыя отношенія, переживаетъ эпоху гетеризма; его можно прослѣдить и въ начальной исторіи брачнаго союза. Предпринимая индивидуализировать обладаніе женщиной при помощи извѣстныхъ обрядовъ, мордвинъ былой, языческой поры не считалъ близкаго рождства препятствіемъ для заключенія союза. У Эрзи Сергачскаго уѣзда Нижегородской губерніи сохранилось преданіе, что въ старину братъ могъ жениться на сестрѣ²⁾. У Эрзи Симбирской губерніи также сохранились преда-

¹⁾ Майновъ I. с. 22.

²⁾ «Ниж. Ев. Вѣд.» 1887, стр. 677.

ніа, что въ старину возможна была женитьба брата на родной сестрѣ. Учитель села Дубеновъ сообщаетъ намъ слѣдующій рассказъ мѣстной Мордвы. Въ одномъ семействѣ была очень красивая дѣвушка, смиренная, работающая. Родителямъ жалко было съ ней разстаться, отдать въ чужую семью замужъ; они отослали ее погостить къ родственникамъ, а когда она возвратилась, приняли ее, какъ чужую, и принудили съ этого времени считать родного брата мужемъ.

Мотивъ о брачномъ союзѣ сестры съ братомъ слышится и въ слѣдующей мордовской пѣснѣ.

Уля, Уля, красивая Уляшка!

Въ день Коляды она мытія замочила,

Въ день Рождества она мыть ходила.

Пришла Уля домой съ мытя.

Отцевскія ворота заперты.

«И отопри, и отопри, воспитавшая меня матушка,

И озябли, и озябли рученьки мои,

Еще сильнѣе озябли ноженьки мои».

—«Если назовешь невоспитавшей матушкой,

Тогда отопру, тогда тебя впушу.

И отопри, и отопри воспитавшій меня батюшка.

И озябли и т. д.»

—«Если назовешь меня своимъ свекромъ,

Тогда отопру, тогда тебя впушу».

«И отопри, и отопри, кормилецъ мой старшой братецъ?

И озябли и т. д.»

—«Если назовешь меня своимъ старшимъ деверемъ,

Тогда отопру, тогда тебя впушу».

«И отопри, и отопри, невестушка матушка!»

.

—«Если назовешь меня снощенницей,

Тогда отопру, тогда тебя впушу».

«И отопри, и отопри кусочекъ моего сердца,

Впусти ка меня сердечный жирушка!»

.

—«Если назовешь меня милымъ муженькомъ,

Тогда отопру, тогда тебя впушу».

Дѣвушка называетъ всѣхъ этихъ лицъ такъ, какъ они требуютъ:

И отперъ ей ея милый мужъ,
Кусочекъ отъ ея сердца
И впустилъ ее въ теплую избу.
Войди-ка, милая душечка, войди-ка!
Войди-ка, Уля, войди-ка!
Вошла Уля въ теплую избу,
Сѣла Уля на край печки.
«Печка-матушка, кормилица,
Печка-матушка, родная!
Расколись ты на двое
Пусти-ка меня въ подземелье!
Раскололась печка на двое,
Пошла Уля въ подземелье
Выпросила она рубашку кусочку своего сердца »
.

Свойство также не служило препятствіемъ для заключенія брачнаго союза въ ту пору, когда обладаніе женщиной индивидуализировалось. Лепехинъ говоритъ, что мордва въ языческую пору не считала грѣхомъ брать въ жены двухъ родныхъ сестеръ одну за другой. Воспоминанія объ этомъ обычай сохранилось и въ пѣсняхъ.

Богатъ, богатъ ли Захарій!
.
.
.
Померла, сгибла жена его.
Гдѣ ходить—онъ плачетъ,
Гдѣ ходить—онъ сокрушается.
Кто увидѣлъ его, какъ онъ плачетъ,
Кто услышалъ его, какъ онъ сокрушается?
Его увидѣла свояченица его Матря.
«Куда вздумалъ, Захарій мой, ты такъ?»
—«Вздумалъ я, Матря свояченица, себѣ жену искать.»
«Почему ты, мой Захаръ, ходишь по дальности:
Айда возьми меня самое, Захаръ ты мой».
.
.
.
«Взялъ Захарина свою свояченицу Матря».
.

¹⁾ Произведенія морд. народной словеси.—Пѣсни. Стр. 213—219.

Такой-же бракъ рисуется въ пѣснѣ о старомъ Губаѣ, но здѣсь онъ готовится уже противъ воли свояченицы.

«Возьму, возьму, Окся свояченица, тебя за себя».
 «Не пойду, не пойду, старый Губай!
 До единого постѣдѣли волосы головамъ твоимъ,
 До рта постѣдѣла борода твоя.
 Отъ какой нужды постѣдѣли они?»
 Возьму, возьму въ караульщицу,
 Возьму тебя въ домовницу!»

Въ прошломъ столѣтїи обычай жепитьи на свояченицѣ былъ въ полной силѣ. О немъ свидѣтельствуютъ Лепехинъ и Мильковичъ. По словамъ Лепехина овдовѣвшій мордвинъ, если у него была свояченица, являлся къ тестю и требовалъ выдачи свояченицы. Если тесть отказывалъ, зять старался незамѣтно выпнуть изъ подъ пола коровай хлѣба и положить его на столъ. Совершивши съ успѣхомъ эту операцію, зять спѣшилъ убраться, крикнувъ тестю: „вотъ хлѣбъ соль, береги мою энай“. Съ этой минуты тесть уже не могъ отказать ему въ руки свояченицы (1, 173). Тоже самое, по словамъ Мильковича, дѣлалось въ Симбирской губерніи (М. 46).

Переходъ отъ связей, основанныхъ на сожительствѣ къ связямъ, основаннымъ на происхожденїи, представляетъ такъ называемый матриархатъ. Первымъ сочетанїемъ, которое покончено на всѣмъ признаваемой генетической связи, является группа, состоящая изъ матери и ея дѣтей. Мордва не сохранила ни въ своихъ обрядахъ, ни въ своихъ пѣсняхъ такихъ воспоминанїй объ эпохѣ преобладающаго значенїа матери, какія мы встрѣчаемъ у Вотяковъ, но отголоски этой эпохи до насъ все-же дошли — въ особенностяхъ религіозныхъ воззрѣнїй на природу, въ терминологїи родства и въ нѣкоторыхъ обрядовыхъ чертахъ.

Представленїа объ отношенїяхъ духовъ (боговъ) къ явленїяхъ природы прошли у Мордвы, какъ и у другихъ восточныхъ финновъ, двѣ стадїи развитїа: на первой, болѣе древней

стадіи, слѣды которой сохранились наиболѣе у Мокши, явленія оказываются связанными съ божествами отношеніями рожденія, на второй отношеніями власти, обладанія. При этомъ замѣчается, что Мокша, зная духовъ—отцовъ и матерей, съ болѣе высокимъ почтеніемъ относится къ матерямъ: имена юртавы, куд-авы, гирь-авы, ведь-авы мы слышимъ на каждомъ шагу, между тѣмъ, какъ юрт-атя, куд-атя, гирь-атя и д. т. упоминаются рядомъ съ авами лишь въ наиболѣе полныхъ молитвенныхъ формулахъ.

Воспоминаніемъ о быломъ материнствѣ является далѣе особая терминологія для родства по матери.

щатай дѣдъ по матери

щатай жена дяди

щенай двоюродный братъ, сынъ брата матери.

Къ числу признаковъ былаго материнства мы относимъ, слѣдую Тайлору ¹⁾ и тотъ фактъ, что Мордва знала, судя по смѣшенію понятій пасынка и зятя, время, когда мужъ входилъ въ родъ своей жены.

Къ фактамъ, зарожденіе которыхъ восходитъ къ эпохѣ матриархата, принадлежитъ наконецъ въ прошломъ выдающаяся роль брата—какъ покровителя женщины и до известной степени хозяйки ея судьбы. Въ мордовскомъ свадебномъ обрядѣ сохранилось не мало намековъ на такую роль братьевъ.

У Эрзи Бугульминскаго уѣзда, прощаніе невесты съ родственниками обставлено такъ, какъ будто братья насильственно принуждаютъ ее къ этому: братья вносятъ ее въ пазу и выносятъ, невеста-же держитъ руки скрещенными на груди въ знакъ того, что она подчиняется только силѣ ²⁾. Въ причтаніяхъ Эрзи Саратовской губерніи сквозитъ мысль, что братъ былъ кормильцемъ невесты въ пору ея дѣвчества ³⁾.

¹⁾ «Этногр. Обзор», V, 7—8.

²⁾ Майновъ. I. с. 62, 72.

³⁾ *ibid.* 64, 92.

Первыя видоизмѣненія матриархальнаго порядка возникли на почвѣ захвата женщины чужаго рода. Отраженіе того, что происходило въ далекомъ прошломъ, можно наблюдать въ современныхъ брачныхъ обрядахъ, въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыми сопровождается увозъ невесты изъ дома отца. Этотъ моментъ наполненъ переживаниями изъ эпохи умиканія невесты.

Въ настоящее время группа лицъ, которая составляетъ отправляющійся за невестой поѣздъ состоитъ изъ урведей и такъ называемыхъ кудъ съ покш-куда коглаѣ. Въ литературѣ эти термины обыкновенно переводятся словами дружка, поѣзжане, но этотъ переводъ только приблизительный. Той идеѣ, которая заключается въ русскомъ словѣ „дружка“, урведей въ себѣ не заключаетъ. Корень этого слова одинъ и тотъ же, что и у слова урва, уренъ. Намъ кажется, его можно передать словами добыватель рабыни (снохи). Что касается кудъ, то въ виду невыработанности въ мордовской грамматикѣ ученія о суффиксахъ, трудно сказать, имѣетъ-ли онъ отношеніе къ слову куд (куда), означающему избу, и можно ли его переводить словомъ домашній.

Урведей съ своими кудатъ въ Симбирской губерніи съ вечера прѣзжаетъ за невестой, а лѣтѣмъ останавливается таборомъ около околицы—какъ дѣлалось это въ старину, когда невесту дѣйствительно похищали. Въ домъ невесты они явятся уже не ночью, а раннимъ утромъ и проникнутъ въ него только послѣ подачи. Здѣсь ихъ угощаютъ, невеста скоро прощается съ родными, поѣзжане подхватываютъ ее, тащатъ въ кибитку и везутъ—въ настоящее время въ церковь, въ языческую пору, конечно, прямо въ домъ жениха.

Преданія и рассказы стариковъ показываютъ, что современные обряды являются отголоскомъ того, что происходило при дѣйствительномъ похищеніи. Въ районѣ села Великаго Врага Арзамасскаго у. на краю лѣснаго урочища Моргуша стояло нѣкогда два болвана, выдѣланныхъ на подобіе мужчины и

женщины изъ стоявшихъ на корню древесныхъ стволовъ въ память совершеннаго тутъ убійства жениха и невѣсты. Мордвинъ деревни Корява похитилъ для своего сына дѣвущку въ Великомъ Врагѣ. Родные пагнали ихъ въ Моргушѣ; завязалась драка, которая кончилась тѣмъ, что женихъ и невѣста оказались убитыми ¹⁾. О дракахъ и убійствахъ, которыя происходили при похищеніи, помнятъ и въ селѣ Лобаскахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегород. губ. ²⁾. Въ Инсарскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи помнятъ время, когда дѣвущекъ хватали на улицахъ и тащили къ себѣ домой.

Источники, которыми мы располагаемъ, не даютъ намъ возможности намѣтить условія, создавшія захватъ: возникъ ли онъ на почвѣ пужды въ женщинахъ, въ которой могли оказываться отдѣльными рода, или явился однимъ изъ послѣдствій борьбы родовъ вообще. Только языкъ позволяетъ сдѣлать догадку, что чужеродная женщина первоначально входила въ домъ рабочей силой, раб и н е й. Терминъ, которымъ въ мордовскомъ языкѣ обозначается сноха, стоитъ повидному, въ родствѣ съ терминами, означающими рабыню: сноха э. у р ъ в а, замужняя женщина, рабыня у р е н ѣ, рабъ у р а ³⁾. Въ эрзянскихъ свадебныхъ пѣсняхъ, опубликованныхъ М. Е. Евсевьевымъ мы встрѣчаемъ для замужества терминъ в а р д о в с - ш и, который можно перевести словами дни рабства въ виду того, что въ эрзянскомъ нарѣчій слово в а р д а н к а означаетъ служанку, невѣсту.

По отношенію къ рабынѣ возможенъ уже былъ вопросъ о томъ, кому она должна принадлежать, всѣмъ мужчинамъ рода или комунибудь одному. То или другое рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ обстоятельствъ, при которыхъ совершилось похищеніе, всѣ ли мужчины дома отправлялись на охоту за женщиной или одинъ.

¹⁾ Ниж. Еп. Вѣд. 1836, № 10, стр. 9.

²⁾ Ibid. 1837, № 14, стр. 727.

³⁾ Въ рукописномъ словарѣ г. Евсевьева мы встрѣчаемъ слово у р е - работникъ, замужняя женщина.

У Черемшанской Мордвы въ прошломъ столѣтїи похищали самъ женихъ, подговоривши нѣсколько товарищей и выслѣдивши дѣвушку на базарѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ (Лепех. I, 174). Въ тѣхъ случаяхъ, когда похищеніе только симулировалось, дѣятелими являлись друзья и поѣзжане (175). Во главѣ поѣзда находились отецъ или братъ жениха. Избу и находящихся въ ней родственниковъ невѣсты при этомъ запирали снаружи.

Въ настоящее время фиктивное похищеніе совершается при самыхъ разнообразныхъ условїяхъ. Въ однихъ случаяхъ умыкаетъ дѣвушку глава семьи съ своими домочадцами ¹⁾, въ другихъ женихъ съ подобранными товарищами ²⁾, въ третьихъ болѣе рѣдкихъ случаяхъ женихъ единолично ³⁾. У Эрзи Симбирской губерніи похитителями невѣсты являются совершенно посторонніи лица, опытные въ этомъ дѣлѣ ⁴⁾. И современный ритуалъ и кое-какія данныя исторїи позволяютъ однако констатировать, что обладаніе похищенной индивидуализировалось не сразу, что даже похищенная женщина была нѣкоторое время если не общимъ достояніемъ всего рода, то по крайней мѣрѣ главы его наравнѣ съ тѣмъ изъ членовъ рода, въ чье исключительное пользованіе она назначалась номинально.

Въ свадебномъ мордовскомъ ритуалѣ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что жертвами символическаго насилія является не одна сторона, а обѣ. Если невѣста всячески отбивается отъ поѣзжанъ, покидая отцовскій домъ, то женихъ, завидя брачный поѣздъ, бѣжитъ опрометью на дворъ и прячется гдѣ нибудь въ клѣткѣ, на сѣновалѣ или въ другомъ какомъ укромномъ мѣстѣ и съ полнымъ безучастіемъ относится къ появленію въ домъ его будущей жены ⁵⁾. Въ с. Кузоватовѣ Сивгилеевскаго уѣзда и Савкинѣ Хвалынскаго у. Са-

¹⁾ Майн. I. с. 81.

²⁾ *ibid.* 87, 92.

³⁾ Ниж. Еп. Вѣд.

⁴⁾ Сообщ. г. Луккиныя.

⁵⁾ Ниж. Г. В. 1865, № 24.

ратовской губерніи женихъ лежитъ во время появленія невѣсты на палатахъ спокойно. Это безучастіе женихъ сохраняетъ до самаго отъѣзда въ церковь: пока идутъ приготовленія къ отъѣзду, онъ спокойно занимается домашними дѣлами. Въ нужный моментъ его отыскиваютъ и везутъ въ церковь. Когда обрядъ оканчивается, женихъ снова возвращается къ тому дѣлу, отъ котораго его оторвали ¹⁾.

Съ наибольшей рельефностью сказывается стремленіе жениха спрятаться къ моменту привода невѣсты въ его домъ у Нижегородской Мордвы. Мельникъ рассказываетъ, что едва только оканчивался обрядъ вѣнчанія, женихъ уходилъ въ сторону, украдкой выходилъ изъ церкви и сѣвши на первую попавшуюся телегу мчался во всю прыть по деревнѣ и прятался у кого нибудь изъ сосѣдей—зарывался въ сѣно или садился въ уголь курятника, а зимой на печь, или на полати въ самый уголъ. Пока происходилъ брачный пиръ, молодой не пивши не сѣвши продолжалъ скрываться у сосѣдей. Когда вечеромъ гости разошлись, его начинали искать, отыскивали и вели въ амбаръ, гдѣ его уже ждала молодая ²⁾. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ невѣста является въ домъ жениха съ дарамъ еще наканунѣ свадьбы, женихъ также уходитъ къ сосѣду или въ баню ³⁾.

Объяснить такое необычное поведеніе жениха можно только при предположеніи, что было время, когда и онъ вступалъ въ бракъ противъ воли—и такое время, дѣйствительно, было.

Въ преданіяхъ и пѣсняхъ Мордвы обонхъ колѣнъ сохраняются живыя воспоминанія о временахъ, когда съ похищенной или купленной взрослой дѣвушкой соединяли формальными узамъ брака мальчика лѣтъ 6—10 ⁴⁾.

¹⁾ Ниж. Г. В. 1865, № 24.

²⁾ Сообщено В. В. Фитингофовымъ.

³⁾ Сиб. Г. В. 1851, № 25.

⁴⁾ Порядокъ этотъ имѣлъ мѣсто, по свидѣтельству Паласа, еще въ XVIII в. (I, 111). Ср. И. Н. Дубасовъ. Очер. изъ ист. Тамб. кр. I, 126.

Въ сборникѣ Паазонена приведена пѣсня, живо рису-
ющая положеніе обѣихъ противоположенно и насильственно сое-
диненныхъ сторонъ.

Пусть колдунъ испортитъ маленькаго мужа.
Пусть колдунъ, милая подружка, испортитъ маленькаго мужа.
Я стараюсь изо всѣхъ силъ ухаживать за нимъ и не выходить
ничего,
Я стараюсь, милая подружка, самымъ лучшимъ образомъ ухаживать
за нимъ и не достигаю ничего.
Семья садится за ужинъ, милая подружка.
А онъ, подружка, садится въ уголь у двери,
Онъ садится на лѣво отъ двери.
Семья спать ложится, милая подружка,
А онъ садится ужинать, милая подружка.
И всегда, безперечъ, милая подружка, проситъ онъ мягкаго
хлѣба,
Безперечъ, милая подружка, проситъ онъ ложечку.
Пусть колдунъ испортитъ маленькаго мужа.
Я стараюсь изо всѣхъ силъ ухаживать за нимъ и ничего не вы-
ходить.

Наконецъ, милая подружка, захочетъ и онъ спать.
Я пытаюсь убаюкать его и ничего не выходитъ.
Положу его къ стѣнѣ, милая подружка,
И боюсь, боюсь, милая подружка, что его клопъ укуситъ.
Положу его къ своему животу, милая подружка,
И боюсь, боюсь, милая подружка, что блоха его укуситъ.
Положу его къ себѣ на руки, милая подружка,
И боюсь, боюсь, что раздаваю его.
Положу его на край лавки, милая подружка,
И боюсь, боюсь, что онъ упадетъ.
Я пытаюсь всячески ухаживать за нимъ и не выходитъ ничего.
Пусть колдунъ испортитъ маленькаго мужа.
Какъ привяжу я, милая подружка, его къ качалкѣ.
Положила я его въ качалку, милая подружка,
Около моей ноги, подружка, положила ее веревочку.
Я качаю, качаю, милая подружка, маленькаго мужа.
Какъ возьму я, милая подружка, мѣдную свистульку,
Я свистала, свистала у его головы,
Какъ взяла я, милая подружка, ремень изъ телячьей кожи,
Какъ привязала я его на ремень изъ телячьей кожи,
Какъ положила я его себѣ на спину.
Въ темный лѣсъ унесла я его милая подружка.

Какъ возьму я его милая подружка за обѣ ноги,
 Какъ метну я его на крѣпкій дубъ,
 Какъ вырву я, милая подружка, маленькую ноглику
 На мокрое мѣсто положу я его, подружка,
 Луговнымъ дерномъ я его накрою подружка.
 Какъ пойду теперь домой я, милая подружка?
 Пока иду я, все плачу, милая подружка.
 Встрѣчаетъ меня, милая подружка, молодой парень.
 Онъ спросилъ, онъ спросилъ меня, гдѣ ты была?
 Я ходила, молодой паренекъ, убить моего мужа,
 Я ходила, дружокъ, уничтожить своего мужа.
 Зачѣмъ ты, молодая баба, убилъ маленькаго мужа?
 Затѣмъ я убилъ своего маленькаго мужа, паренекъ:
 Я старалась изо всѣхъ силъ ухаживать за нимъ и ничего не
выходило,

Я хлопотала и не достигала этимъ ничего.
 Гдѣ спрятала ты твоего маленькаго мужа?
 На болотистомъ мѣстѣ я его похжила;
 Луговнымъ дерномъ его я накрыла,
 Въ березовый вѣтсокъ я его положила,
 Березовыми вѣтвями его я накрыла.
 Иду я, паренекъ, и оплакиваю себя (2).
 Какъ приду я, паренекъ, теперь ко свекру,
 Что буду я, паренекъ, отвѣчать свекру?

Картина отношеній, раскрывающаяся въ этой пѣснѣ, вполнѣ объясняетъ поведеніе ребенка-жениха въ былое время. Убѣжать, избѣжиться отъ грозившей участи было тогда его естественной потребностью. Съ переменной порядковъ на этой почвѣ созданъ простой обрядъ.

Другая пѣсня подобнаго-же содержанія помѣщена въ „Образцахъ мордовской народной словесности“, изданныхъ Православнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ.

Молодой парень маленькій женился,
 Взялъ жену очень хорошу;
 Черны, черны глаза ея,
 Еще черны ея брови
 Выходить, входитъ молодушка взадъ-впередъ въ ворота...
 Кто увидѣлъ ее входящей, выходящей въ ворота?
 Увидѣла ее старшая золовка,
 Замѣтила ее старшая золовка.

Затѣмъ ты не разбудила, невѣстка, своего мужа?
 Онъ давно ушелъ на охоту.
 Отчего, невѣстка, борозы-го дома?
 Отчего, невѣстка, у тебя лапти въ крови?
 Пѣтухи, курочки раззрились—я разнимала...
 Она свою исподнюю пояску развязывала:
 Исподней пояской своего мужа удавила.
 Она его въ большую уряму отнесла,
 Въ текучую воду его бросила.

Варианта.

«Звала, звала молодушка
 Своего мужа спать, не дозволяла его
 За концы пальчика поймала сар,
 Въ березя взяла его,
 На свою постель принесла,
 На мягкую постель кинула его.
 Долго, недолго молодушка спала, до полуночи.
 Не хороший сонъ молодушка видела:
 Молодушка свою исподнюю пояску развязала,
 Мужу своему на шею закинула,
 Къ большой рѣкѣ приволокла его,
 Въ глубокую воду кинула его.

Насильственно введенная въ домъ, связанная помянательно съ ребенкомъ, молодая жепщина была фактически достоянiемъ взрослыхъ членовъ семьи и ближайшимъ образомъ главы дома-отца. Спыхачество было естественнымъ результатомъ условий, при которыхъ дѣвушка входила въ домъ, и въ мордовскомъ быту еще въ XVIII в. оно представляло широко-распространенное явление.

Въ архивѣ Пензенской духовной консисторiи сохранились документы, доказывающiе, что духовенство за приличное вознагражденiе сквозь пальцы смотрѣло и на спыхачество и на обуславливающiе его фиктивные браки малолѣтнихъ. Указы Правительствующаго Сената, адресованные духовенству Пензенской епархи въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтiя, констатируютъ, что Мордва—повокрещены „малолѣтнихъ своихъ сыновей лѣтъ 8, 10 и до 12 женятъ и берутъ за нихъ дѣвокъ лѣтъ 20 и

богѣ, съ которыми свекры впадаютъ во многое кровосмѣшеніе¹⁾. Не взирая на неоднократныя предписанія не допускать такихъ браковъ они имѣли мѣсто до 20-хъ годовъ текущаго столѣтія, тогда наименьшій возрастъ жениха былъ установленъ въ 15 лѣтъ²⁾. Съ того времени, какъ законъ опредѣлилъ предѣльный возрастъ мужа, снохачество утратило свою почву, но оно продолжаетъ существовать по инерціи въ особенности у Мокши и до сихъ поръ.

Въ дѣлахъ Карсаевскаго волостнаго правленія мы имѣли случай найти рядъ указаній на его существованіе, хотя общественное мнѣніе относится уже къ нему отрицательно. Лицо, названное публично снохачемъ, считаетъ себя обиженнымъ и привлекаетъ оскорбителя къ отвѣтственности. Почвой, на которой до сихъ поръ удерживается снохачество, является солдатство. Въ ряду лицъ, которыя предъявляютъ притязанія, на молодую женщину, оставшуюся безъ мужа, фигурируетъ на первомъ планѣ свекоръ. Пользуясь своимъ положеніемъ въ домѣ, онъ прибѣгаетъ къ побоямъ и насилію въ томъ случаѣ, если встрѣчаетъ сопротивленіе своихъ.

Представленіе объ исключительномъ правѣ мужчины на гущенную или похищенную женщину развивалось у Мордвы медленно. Рубруквисъ, писавшій въ XIII в., говоритъ относительно современной ему Мордвы: „они не ревнивы и мало беспокоятся если узнаютъ, что кто нибудь спалъ съ ихъ женами“³⁾. Нельзя сказать, чтобы отъ этой былой снисходительности къ грѣхамъ жены не осталось слѣдовъ и въ настоящее время. Мужъ, находящійся въ долгомъ отсутствіи, напр. солдатъ, не претендуетъ на вѣрность жены⁴⁾. Свои воззрѣнія на счетъ правъ мужа мордвен-мокшанки съ откровеннымъ цинизмомъ обнаруживали на такъ называемыхъ бабьихъ праздникахъ („авань боза“). Въ Вечкниѣ (Вочквиниѣ) Наровчат-

¹⁾ Пена. Еп. Вѣд. 1874, стр. 764.

²⁾ Recueil des voyag. faits en Asie I.

³⁾ Ср. М. Львовъ. стр. 122, 124.

сваго уѣзда въ понедѣльникъ послѣ Оумина воскресенья происходитъ обрядъ перенесенія священныхъ свѣчей, съ которыми совершаются моляны, изъ одного дома въ другой. Въ обрядѣ участвуютъ одвѣ женщины. Собравшись къ дому, гдѣ хранились до этого момента свѣчи, женщины сначала молятъ. Моляны совершаютъ старухи, которыя просятъ бога, чтобы рыбаки не тонули въ теченіе наступающаго лѣта, чтобы больше родилось дѣтей, чтобы богъ далъ здоровья пахарямъ, чтобы не было порчи. Попивши и поѣвши, несутъ свѣчи къ сосѣду. Во главѣ процессіи идутъ три бабы съ такъ называемыми „алашат“ — палочками, концы которыхъ обдѣланы въ видѣ конскихъ головъ. Одна изъ нихъ — та, въ домъ которой переносятся свѣчи, — несетъ эти послѣднія, другія двѣ хлѣбъ, говядину, пшеничный пирогъ, вино, брагу. За ними еще три бабы ѣдутъ верхомъ на палкахъ аршина въ 2—2½, длинной. Вся компанія распѣваетъ грубо-эротическія пѣсни. Оставивши штатогъ у того лица, на которое приходится очередь, пьяныя бабы ѣдутъ верхомъ на палкахъ по улицамъ. Мужчины старательно избѣгаютъ встрѣчи съ ними въ виду того, что попавшій въ руки къ бабамъ дѣлается жертвой безобразныхъ издѣвательствъ. Несчастнаго раздѣваютъ до нага, поднимаютъ на плечи и несутъ по улицамъ, высказывая весьма откровенныя соображенія на счетъ физическихъ ресурсовъ своей жертвы. По поводу слабо развитаго человѣка откровенно заявляютъ, что его жена должна ходить къ другимъ мужикамъ; по адресу здороваго также откровенно высказывается, что къ нему, несомнѣнно, ходятъ чужія бабы.

Съ возникновеніемъ индивидуальныхъ правъ мужчинъ на женщину измѣняется и отношеніе дѣтей къ родителямъ. Преобладающее вліяніе переходитъ къ отцу — владѣлкѣ матери. Майновъ приводитъ мѣсто, изъ котораго можно заключить, что въ былое время Мордва допускала для отца право на жизнь и смерть своихъ дѣтей. Пургине-пазъ, родившійся уродомъ по этому мѣсту, былъ сброшенъ родителями на землю (134).

Представленіе о правѣ отца на жизнь своего дѣтяти слышится въ слѣдующихъ словахъ свадебнаго причитанія, записаннаго г. Паазоеномъ:

Подними твои руки вверхъ,
Объщай меня вышнему богу,
Опусти твои руки внизъ
Объщай меня земляному богу,
Распростри свои руки,
Объщай меня черной смерти¹⁾.

Къ періоду развитіягося патриархата относится купля дѣвушки, замѣнившая, главнымъ образомъ у Эрзи, ея похищеніе. Отець продаетъ дочь, какъ свою собственность, женихъ или его родъ покупаютъ ее, какъ вещь, которой можетъ распоряжаться по усмотрѣнію. Какъ широко въ былое время понимались права на купленную женщину, можно видѣть изъ того, что еще въ XVIII были живы воспоминанія о томъ, что въ старину мужъ могъ продать жену съ прижитыми отъ нея дѣтьми въ томъ случаѣ, если она перестала ему нравиться²⁾. Значительная часть обрядовъ, сопровождающихъ мордовскую свадьбу, находится въ связи съ физической или фактивной продажей невѣсты. Въ формѣ прооя продажа невѣсты является до послѣдняго времени рѣшающимъ моментомъ брака. Съ момента прооя женихъ вступаетъ у Мокши въ фактическое обладаніе невѣстой и ходитъ къ ней спать, не дожидаясь церковнаго или иного освященія своихъ правъ.

Естественнымъ результатомъ купли-продажи невѣсты является роль, которую въ дѣлѣ выбора ея играетъ родители и родственники. Въ виду того, что деньги за невѣсту — „цѣна“ — выплачиваетъ отецъ, выборъ является уже его дѣломъ: покупается та дѣвушка, цѣна которой по силамъ дому и приобрѣтеніе которой представляется для него выгодной. Ни продаваемая, ни тотъ, для кого она покупается, не имѣютъ рѣшающа-

¹⁾ I. с. 181.

²⁾ Лепех. Зап. I, 173.

го голоса. Въ прошломъ столѣтїи женихъ купленной невѣсты только въ тотъ моментъ, когда ее приводили въ домъ, видѣлъ ее впервые. ¹⁾ Деньги, вырученныя за продажу невѣсты идутъ у Эрзи отцу и роду (въ формѣ провоза), у Мокши—невѣсты и приобретаютъ значеніе средневѣковаго „ Morgengabe“.

Съ наступленіемъ момента, когда женщина становится предметомъ купли-продажи, создается почва, на которой могло если не возникнуть, то развиться многоженство—новый періодъ въ эволюціи мордовской семьи. Зародыши полигиніи, какъ и полиандрїи заключаются въ коммунальномъ бракѣ. Полиандрїя въ формѣ снохачества и левирата выдѣляется рапѣ, въ періодъ умыканія женщины. Совмѣстное пользованіе женщиной опредѣляется ея совмѣстнымъ похищеніемъ. Многоженство (полигинія) становится возможнымъ тогда, когда благодаря измѣнившимся условіямъ прїобрѣтенія женщины содѣйствіе другихъ становится ненужнымъ и человекъ получаетъ возможность удовлетворять своей прихоти въ мѣру своихъ покупательныхъ способностей.

Воспоминанія объ эпохѣ, когда было въ обычаѣ многоженство, сохранились до сихъ поръ въ народной поэзіи Мордвы.

Въ сборникѣ Миссіонерскаго Общества помѣщено три пѣсни, въ которыхъ упоминается о многоженствѣ.

Старикъ Букментій хорошъ,
Молодецъ Букментій добръ:
Сыновьевъ у него семеро,
Снохъ у него четырнадцать. (149)

Мурза, мурза, богатый мурза!
Три законныхъ жены у него,
Тридцать у него дѣтей. (163)

Богатъ, богатъ,
Богатый мордвинъ,
Мокша изъ Коши.

¹⁾ Майн. 48, 56.

У него семь законныхъ женъ,
У него семеро дѣтей синовейъ...

(171)

Въ этихъ пѣсняхъ отражается порядокъ, который наблюдали еще путешественники прошлаго столѣтія: Лепехинъ, Пазласъ, Георги. Лепехинъ говоритъ, что въ языческую пору каждый мордвинъ могъ имѣть столько женъ, сколько въ состояніи былъ прокормить (I, 173).

Сохраняя до настоящаго времени остатки своего права на личность дѣтей, отецъ естественно является для нихъ авторитетомъ во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ. Вопросъ о границахъ отеческой власти у Морды довольно обстоятельно разработанъ въ известной книгѣ Майнова „юридическомъ бытѣ Морды“.—Отецъ является безусловнымъ судьей въ домашнихъ дѣлахъ, безконтрольнымъ распорядителемъ семейнаго имущества. Непочтительнаго сына отецъ можетъ лишить наследства и выгнать изъ дому по первому оскорбительному слову¹⁾. Мокна лишаетъ такого сына даже падья. Даже у отдѣльнаго сына отецъ за непочтительность можетъ отобрать падь. Отсылая читателя за подробностями къ этой книгѣ, мы считаемъ однако нужнымъ замѣтить, что въ первоначальной мордовской семьѣ авторитетъ отца имѣлъ исключительно матеріальную основу. Отецъ имѣлъ значеніе, пока былъ способенъ къ работѣ. Стѣлавшись неспособнымъ къ труду, онъ терялъ не только свое преобладающее положеніе въ семьѣ, но и самое право на существованіе. Въ с. Шадымъ Нисарскаго у. намъ привелось слышать любопытное преданіе о практиковавшемся въ старину обычаѣ избивать неспособныхъ къ труду стариковъ. Въ определенное время устраивался особый праздникъ „пошт-(ай)поза“ (пиво дѣловъ). Варилось пюре и закипягося старика усердно угощали, затѣмъ сажали на лубокъ предъ вырытой ямой, забивали до смерти дубинками и на этомъ же лубкѣ зарывали въ яму. Въ виду важности заключающагося

¹⁾ Майн. I. с. 179.

въ этомъ преданіи факта считается нужнымъ замѣтить, что рассказчикъ сообщилъ намъ его самъ, безъ всякаго вопроса съ нашей стороны. Въ послѣдующіе періоды развитія семьи власть отца приобрѣла нравственное основаніе. Даже ослабѣвшій старикъ, какъ посредникъ между семьей и богами, сохранялъ свое значеніе, но въ экономической сферѣ его власти поставилъ границы повня условія жизни. Сынъ работавшій на отцовскихъ поляхъ, въ отцовскихъ угодьяхъ не имѣлъ отдѣльнаго заработка и считалъ совершенно естественнымъ экономическія права отца: сынъ, зарабатывающій деньги на откожихъ промыслахъ, смотритъ на семейное достоиніе уже плачет: если отецъ вздумаетъ по своему усмотрѣнію распорядиться подобными заработками дѣтей, противъ него уже протестуютъ и обращаются къ міру, который даетъ семьѣ право избрать новаго домовладѣлку¹⁾.

На почвѣ установившейся отеческой власти складывалась у древней Мордвы родовая организація. Союзъ лицъ, связанныхъ кровнымъ родствомъ, представлялъ, кажется, единственную общественную форму, извѣстную древней Мордвѣ. Путешественники XIII в. говорятъ, что Мордва не имѣла большихъ населенныхъ мѣстъ и жила разбѣяно въ дѣсахъ. Названія населенныхъ мѣстъ, составленныя изъ словъ лей (рѣчка), бука (поляна) и веле (дерезня, поле) ссоединенныхъ съ личными именами, показываютъ, что по крайней мѣрѣ значительная часть поселеній возникла изъ урочищъ, находившихся во владѣніи одного хозяина. Акты XVII в. даютъ намъ возможность составить представленіе о составѣ древней мордовской большой семьи или рода. Въ извѣстномъ уже намъ дѣлѣ о моленьи на кладбищѣ въ д. Чувазахъ содержатся положительныя указанія на то, что въ первой половинѣ XVII в. были деревня, служившія поселеніями отдѣльныхъ родовъ. Мордвинъ дерезни Старикъ Чувазъ показывалъ, что „была де у нихъ молба у пяти деревень по своей вѣрѣ, а была на той молбѣ Алатурскаго уѣзда..

¹⁾ Майновъ I. с. 141, 160.

д. Старого Ожердѣва Баюшъ Учасъ своимъ родомъ и со племенемъ всею деревнею, дер. Андреевки Чуба Бошаевъ своимъ родомъ и со племенемъ всею деревнею, дер. Ермурзины Старпо Ермензипъ своимъ родомъ и со племенемъ всею деревнею¹⁾). Въ деревняхъ, служившихъ мѣстомъ жительства нѣсколькихъ родовъ, население группировалось по этимъ родамъ. Для разложенія родовъ и слиянія ихъ въ общину въ XVII в. не было почвы въ виду характера владѣнія землей. Общинное владѣніе въ современномъ смыслѣ составляетъ у Мордвы результатъ русскаго, по всей вѣроятности, правительственнаго вліянія. Въ XVII в. мордовскіе роды владѣли землей—пашнями и ужожами—на вотчинномъ правѣ и распоряжались ими на правыхъ поляхъ собственниковъ—продавали, дарили и т. д. Предметомъ нераздѣльнаго владѣнія были земли, находившіяся виѣ какого-бы то ни было пользованія жителей селенія.

Въ настоящее время подъ вліяніемъ раздѣловъ родовой бытъ уже разложился, но воспоминанія о немъ выступаютъ въ языкѣ и въ бытѣ въ важнѣйшіе моменты жизни Мордвы—при молянахъ и брачѣ. Мордва сохранила нѣсколько словъ, служащихъ для обозначенія родоваго союза. Сюда относятся чаще употребляемое *малавикс* въ значеніи параллельномъ вотяпкому *бѣлак*, затѣмъ *раська* и уцѣлѣвшее въ мѣстныхъ названіяхъ *буэ* (Ориапъ-буэ=Ардатовъ). Можетъ быть самое названіе деревни *веде* имѣеть тоже значеніе: въ недавнемъ еще словарѣ г. Евсеева мы встрѣчаемъ его между прочимъ въ значеніи *родъ*. Родъ въ смыслѣ союза лицъ, объединенныхъ общими обязанностями по отношенію къ предкамъ и богамъ, выступаетъ въ особенности при молянахъ. Въ Пензенской губерніи Мордва въ 60 годахъ текущаго столѣтія группировалась на общихъ деревенскихъ трапезахъ, слѣдовавшихъ за моленіемъ, породно. Въ составъ формировавшихся при этомъ родовыхъ группъ входили такіа лица, которыа не могли пред-

¹⁾ Акты Госуд. Росс. I, 297.

ставить соединяющихъ ихъ связей и только по преданію считали себя членами одного рода ¹⁾).

Въ брачныхъ обрядахъ сохранились также воспоминанія о томъ, что въ былое время дѣвушка продавалась и покупалась цѣлымъ родомъ. Архимандритъ Макарій (нынѣ архіепископъ Новочеркасскій) говоритъ относительно Эрзи Нижегородской губерніи, что отецъ жениха отправлялся въ домъ невѣсты съ виномъ для проноса ея въ сопровожденіи всей своей родни и съ „озоритыми пирогами“. Пироги эти принимали родственники невѣсты и этотъ фактъ служилъ доказательствомъ состоявшагося соглашенія ²⁾. У Эрзи Самарской губерніи мать жениха передъ отвозомъ невѣсты обязана обойти всѣхъ ея родныхъ и оставить въ каждомъ домѣ по ковригѣ хлѣба ³⁾. У Эрзи Симбирской губерніи невѣста утромъ въ день отъѣзда изъ родительскаго дома ходитъ по родственникамъ и ницетъ у нихъ защиты противъ чужихъ людей, которымъ продать ее отецъ ⁴⁾. Члены рода, защищающіе ее даже послѣ продажи отцемъ, являются съ титуломъ у р ъ в (а) - а з я т (невѣстину мужики, родичи) непремѣнными дѣятелями сватъбы въ моментъ увоза ея въ домъ жениха. Къ нимъ обращается невѣста съ просьбой не отдавать ее чужому отцу матери.

Не отдавайте меня незнакомому человеку,
Не отдавайте чужому отцу-матери,
Я за вами жила и жасъ балуга ⁵⁾.

У Мордвы Нижегородской губ. по свидѣтельству того-же Макарія цѣну невѣсты назначали „пнята“ и „имбаба“—старикъ и старуха, выполнявшіе жреческія функціи во время майновъ и воплощавшіе въ себѣ идею рода ⁶⁾.

¹⁾ Пенз. Еп. Вѣд. 1868, стр. 24.

²⁾ Майн. 56.

³⁾ ibid. 75.

⁴⁾ Майн. 90.

⁵⁾ Пѣсни. Стр. 91. Ср. Майновъ. I. с. 90.

⁶⁾ Майновъ. I. с. 58.

Случаи, подобные тому, который изложенъ въ дѣлѣ о моленіи въ Чукалахъ, показываютъ, что въ позднѣйшемъ мордовскомъ быту извѣстны были общественныя группы и большія, чѣмъ родъ.—сочетанія родовъ, связанные общимъ культомъ на почвѣ существующаго или бываго сожительства. Родъ или группа родовъ, жившая на опредѣленной территоріи, выдѣляла опредѣленный участокъ ея для кладбища и моляны въ честь усопшихъ, происшедшія на немъ, соединяли, какъ мы видимъ изъ Чукальскаго моленія, всѣхъ, чьи предки были погребены на этомъ кладбищѣ. Роды, переселившіеся далеко на сторону, на время этихъ моляновъ являлись на общее кладбище предковъ. Иногда такими сборными пунктами служили давно покинутыя и перешедшія уже въ личное владѣніе полянки въ лѣсу. Изъ бумагъ, относящихся къ такъ называемому Терюшевскому бунту, происшедшему въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ 40-хъ годахъ XVIII в., видно, что у Терюханъ Нижегородской губерніи существовали также общія для нѣсколькихъ деревень кладбища, на которыя они собирались для совмѣстныхъ моленій. На почвѣ сожительства родовъ, несвязанныхъ между собою происхожденіемъ, возникали и общія молитвенныя роши („керемети“), собиравшія въ своихъ предѣлахъ населеніе нѣсколькихъ деревень. Въ чемъ выражалась въ дорусскій періодъ гражданская связь этихъ объединенныхъ общимъ культомъ группъ, за скудостью данныхъ, трудно сказать опредѣленно. Языкъ показываетъ, что Мордва различала по крайней мѣрѣ двѣ категоріи носителей власти—азы р'овъ—кудь-азыра или глазу отдѣльнаго дома, семейной общины и отцю-азыра, великаго хозяина. Въ настоящее время этимъ именемъ мордва зоветъ царя, въ былое время, вѣроятно, она такъ называла своихъ князей, пока не усвоила татарскаго титула мурза¹⁾. Лѣтописи и акты позволяютъ намъ констатировать, что такихъ князьковъ на мордовской территоріи было значительное коли-

¹⁾ У Эрзи существуетъ въ значеніи господина еще слово иишке.

чество и власть каждаго изъ нихъ въ отдѣльности простира-
лась на незначительное количество родовъ.

На основаніи данныхъ языка можно установить, что груп-
пы совместно жившихъ родовъ выработывали для себя общія
нормы поведенія—п л я, к о й (обычай), имѣли органы для рѣ-
шенія общихъ дѣлъ—сходы, собранія (п у р п а м о, п р о м к с,
т а р к а, м. о р а м, к у ж а—сходка, п о л е) и начальниковъ,
въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась власть (п р я в к с).
Термины юридическіе и соціально-экономическія вводятъ насъ
въ кругъ тѣхъ отношеній, которыя сложились на почвѣ благо-
жительства родовъ. Различая съ давнихъ поръ богатыхъ и
бѣдныхъ людей, Мордва создала рядъ словъ для обозначенія
отношеній, въ которыхъ они могли оказываться: у р е—рабъ,
в а р д а н к а—служака, т с ю м о—должникъ, виновникъ, в а ж о—
работникъ. Майновъ приводитъ термины п р е а с ь с ь г а для
обозначенія обязательства, въ которомъ одна изъ сторонъ ру-
чается головой, п р е а с ь п и т п е—цѣна головы—для обозна-
ченія отступнаго.

Вспомниваемъ о тѣхъ обязательствахъ, которыя лежали
на общинѣ по отношенію къ ея главѣ служить оригинальный
терминъ для обозначенія подати—к а я в к с—сброшенное.

Далѣе тѣхъ отношеній, которыя имѣли мѣсто въ общинѣ,
какъ союзѣ родовъ, творчество Мордвы въ сферѣ соціальной не
пошло. Борьба съ татарами и русскими временно соединяла
отдѣльныя общины, но эти сочетанія не имѣли устойчивости
и не могли отлиться въ опредѣленные нормы. Ввести эти
общины въ составъ болѣе сложной организаціи выпало на до-
лю русскаго народа.

И. Смирновъ.

ХРОНИКА.

Экскурсія на мѣсто древняго Суvara.

Матарско-чувашское названіе села Кузнечихи Спасскаго уѣзда совершенно созвучно съ именемъ Буларскаго города «Суваръ», упоминаемаго у Арабскихъ писателей X столѣтія.

Татары называютъ это село Искесуар, чуваши Кивесвар (старый Сварь) въ отличіе отъ сосѣдней дер. Новой Кузнечихи (тат. Ян-ясуар, чув. Ченесвар).

Отъ татаръ я узналъ, что около села Кузнечихи есть мѣсто большаго древняго города, гдѣ очень часто находятъ разныя старинныя вещи. Объ этомъ я заявилъ секретарю Общества И. Н. Смирнову, по предложенію котораго и поѣхалъ самъ осматривать эту мѣстность лично и справиться о находкахъ. Съ этой цѣлью 23-го мая я пріѣхалъ въ с. Кузнечиху, которое находится на рѣкѣ Уткѣ въ 40 верстахъ къ югу отъ г. Спасска. Сравнившись предварительно въ мѣстномъ Волостномъ Правленіи о Суварскомъ городищѣ и о его находкахъ, я ездилъ себѣ въ проводники мѣстнаго старожилъ Емельяна Кузнецова, который мнѣ между прочимъ изъяснилъ, что село носитъ такое инородческое названіе (Свар) потому, что здѣсь былъ очень большой турецкій городъ Сваръ (какъ они обыкновенно называютъ и всѣ находки турецкія); здѣсь была ихъ столица, разрушившаяся послѣ какой-то войны.

Мѣстные жители именемъ «свар» называютъ не большую горку, находящуюся въ полуверстѣ отъ села, гдѣ тоже есть слѣды человѣческаго жилья. Объ этомъ городѣ подробно разсказывалъ мнѣ бывшій въ дер. Старомъ Баранѣ 80-лѣтній мулла, у котораго были старинныя книги. Русскіе поселились сюда уже на разоренное мѣсто изъ разныхъ губерній (разный сборъ — какъ они называютъ). Особенно древними поселеніями у нихъ считаются сосѣднія татарскія селенія: Старый Баранъ (Иске-Ризабъ), Старые Юрткуды, Кутельблево и Старые Саламан.

Названіе «Кузнечиха» извѣстно только русскимъ, а всѣ инородцы (даже въ уѣздахъ Чистопольскомъ, Ланшевскомъ, Мамадышскомъ и въ Самарской губерніи) называютъ это село именемъ древняго города Свар или Сувар. Самое городище находится въ двухъ верстахъ къ югу отъ села на томъ

же берегу Утки и въ 1 верстѣ отъ дер. Давиловки, находящейся на противоположной сторонѣ рѣки, около 50 верстъ на юго-востокъ отъ с. Болгаръ и въ 3-хъ верстахъ отъ сѣверной границы Самарской губернии, около верховьевъ трехъ притоковъ Волги: Бездны, Утки и Маймы. Городище съ трехъ сторонъ окружено рвами и валами (съ южной—одинъ валъ и ровъ, съ сѣверной и восточной двумя параллельными валами и рвами), а съ западной стороны окружено рѣкою Уткой, берега которой, по рассказамъ крестьянъ, дѣтъ 20 тому назадъ составляли непроходимыя болота. Глубина рововъ отъ 2 до 3 сажень, разстояніе между двумя валами около 5 сажень. Съ сѣвера и востока на среднемъ (внутреннемъ) валу есть какія то ямы; проводникъ мой называлъ ихъ западинами, съ которыхъ турецкіе солдаты охраняли свою столицу.

Съ восточной стороны есть два узкія хода въ городище, старина звали ихъ воротами. Огромность протяженія этихъ валовъ и рововъ и значительная глубина ихъ заставляютъ предполагать, что древнѣйшее поселеніе здѣсь принадлежало къ числу важнѣйшихъ городовъ Българскаго царства.

Кромѣ валовъ и рововъ признаками такого обширнаго города служатъ также обиліе различнаго рода находокъ на значительномъ пространствѣ. Площадь его занимала около 6 верстъ въ окружности; признаки человеческого жилья есть и внѣ валовъ почти на протяженіи 2-хъ верстъ отъ самаго городища въ направленіи къ с. Кузнецкиѣ.

Я ископалъ все городище и его окрестности, но кромѣ черепковъ ничего не нашелъ, впрочемъ этому препятствовало отчасти то, что въ настоящее время площадь городища застлана рожью. Остатковъ каменныхъ зданій нигдѣ не сохранилось и старожиты о нихъ не помнятъ. Основываясь на соч. Арабскаго писателя X столѣтія Эль-Бальхи можно предполагать, что каменныхъ зданій въ Суварѣ совсѣмъ не было.

Пришедши обратно въ село, я спрашивалъ у мѣстныхъ крестьянъ, нѣтъ ли у нихъ какихъ-либо старинныхъ вещей и монетъ, находимыхъ въ соседнемъ городкѣ и въ его окрестностяхъ, и они отвѣчали, что и здѣсь не рѣдко выпахиваютъ турецкія деньги, да ихъ отдаютъ ребятишкамъ играть въ орлянку, а желѣзные топоры старинной формы отдаютъ кузнецу передѣлывать въ сошники, топоры и другія домашнія вещи. Въ самомъ городкѣ и въ окрестностяхъ, на пашнѣ, находили прежде весьма много и нинѣ часто находятъ древнія татарскія вещи. Нѣкоторые говорятъ, что они прежде цѣлыми корзинами выкапывали такихъ старинныхъ вещей съ этого городка. Внутренность городка начали распахивать подъ посѣвъ еще не очень давно. Разныхъ черепковъ и костей прежде было очень много, отъ изобилія ихъ въ некоторыхъ мѣстахъ городка совсѣмъ невозможно было распахивать. И нинѣ иногда на нѣкоторыхъ мѣстахъ попадаются какія-то ямы, такъ что лошади тонутъ, почему рабочіе мѣстнаго помѣщика Данченко ихъ заваливаютъ. Между остатками древнихъ глиняныхъ издѣлій очень часто попадаются сѣдланіе изъ красной глины разной величины обожженные шарики съ дырочкой, совершенно похожіе на наши счетные шарики. Подобныхъ шариковъ было много найдено и въ Българскомъ городищѣ, какъ имъ видно изъ описанія Палласа

(Древние города Шпилевского, стр. 254). Я приобрёл несколько таких шариков у татар составней дер. Нового Барана.

Местные крестьяне рассказывают, что дяди их, как бышие крепостные, отлазили дороги находки своим господам, особенно князю Давыду, так как городище находилось и находится на помещичьей земле. Также много покупал у них таких находок князь Баратаев, впрочем тот, на которого есть указание в объяснительной записке к археологической карте Казанской губернии И. А. Ивановского («Находки в с. Кузнечиха—кн. Н. П. Баратаева»—стр. 3).

Один крестьянин нашёл старинную серебряную тарелку, другой—цѣлым кувшинъ татарскихъ монетъ, третій—60 кусковъ серебра, положихъ на бороновыи зубъ. и всё находки отбрали у нихъ владѣльцы селенія. Мѣстный помещикъ г. Данченко показавъ мнѣ нѣз найденныхъ въ этомъ городкѣ вещей извѣстійся у него русскій серебряный рубль—кусокъ продолговатой формы серебра безъ всякаго клейма около $\frac{1}{4}$ фунта. Онъ же Данченко говорилъ, что кто-то у нихъ нашёл до 30 штукъ татарскихъ монетъ, но ему ни одной не удалось достать.

Кромѣ того мѣстные крестьяне рассказываютъ, что на городкѣ распахиваютъ много человѣческихъ костей и череповъ, и теперь тамъ валяются нѣсколько совершенно бѣлыхъ череповъ, но къ сожалѣнію мнѣ не удалось видѣть ни одного черепа; одинъ крестьянинъ было и общался принести однихъ цѣлымъ черепъ, но я его не дождался—уѣхалъ.

Въ одной верстѣ къ сѣверу отъ села на правомъ берегу р. Утки, гдѣ нынѣ стоятъ кирпичные сараи, по рассказамъ мѣстныхъ жителей, находилось какое то древнее кладбище. Въ настоящее время никакихъ слѣдовъ его не сохранилось, такъ какъ мѣсто это съ давнихъ временъ расплывали и землю в зили на пашню.

На сѣверномъ концѣ села мѣстнымъ крестьянинъ Н. Худяковъ при разрытіи погребя вырылъ человѣческія кости и одинъ черепъ. Узнавъ объ этомъ, я отправился на это мѣсто удостовѣриться и въ только что разрытомъ погребу мы обнаружили четыре не глубокихъ могилы. Положеніе полусгнившихъ костей указываетъ, что погребеніе было въ сидячемъ положеніи. Съ этого могильника я привезъ съ собою 1 черепъ безъ нижней челюсти и переднюю часть верхней челюсти съ другого черепа, остальные кости всё сгнили. Всѣ 4 могилы глубиной не болѣе $1\frac{1}{2}$ аршина.

Переночевавъ въ с. Кузнечихѣ и собравъ тамъ нѣсколько матеріаловъ. на другой день я отправился въ ближайшую татарскую деревню Новый Баранъ (Яга разяба) для собиранія тѣхъ же матеріаловъ, такъ какъ крестьяне этой деревни работаютъ (пашутъ, жнутъ и пр.) помещику Данченко, на землѣ котораго находится Самарское городище. Въ этой деревнѣ находокъ оказалось также очень много, но я приобрѣлъ лишь нѣсколько старинныхъ вещей по той причинѣ, что татары, какъ любители старинныхъ вещей, дорожатъ этими находками, купитъ у нихъ по дорогой цѣнѣ мнѣ не хотѣлось. Въ этой дер. одинъ татаринъ нашёл большой серебряный браслетъ старинной формы; другой нашёл мѣдный молоточекъ, одинъ конецъ котораго слу-

жилъ печатью (съ надписью), у третьяго хранится какое то женское украше-
ніе съ надписью, у одного хранится иѣлиный кистень съ шишечками и пр.

Изъ находимыхъ здѣсь древнихъ вещей можно бы было составить цѣ-
лыя коллекціи Суварскихъ древностей, если не пожалѣть небольшую сумму
денегъ на ихъ пріобрѣтеніе у мѣстныхъ жителей и сосѣднихъ татаръ, кото-
рые любятъ ихъ собирать. Археологическія же изслѣдованія и значительныя
раскопки открыли бы цѣлую исторію этого города, такъ какъ до сихъ поръ
еще никакихъ научныхъ изслѣдованій по этой мѣстности не было и никто
никакихъ раскопокъ не производилъ, а вещи находятъ лишь при распати-
ваніи полъ постѣй.

Въ заключеніе вправѣ считать себя счастливымъ, что для науки открыто
теперь мѣстонахожденіе другаго обширнаго Бугарскаго города Суара, имя
котораго до сихъ поръ еще не исчезло въ памяти народа.

Учитель Гайнитдинъ Садваровъ.

МАТЕРИАЛЫ

I. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ

Археологическія раскопки въ Оренбургской губерніи и Тургайской области.

Въ недавно изданномъ отчетѣ Императорской Археологической Комиссіи за 1889 г. напечатана между прочимъ статья о произведенныхъ профессоромъ Петербургскаго университета Э. Ю. Петри раскопкахъ, для производства археологическихъ изслѣдованій.

Особенное вниманіе проф. Петри обратилъ на древнія развалины на берегу озера Кисля, въ 1½ верст. отъ станицы Варнинской, въ Верхнеуральской уѣздѣ.

Во время проѣзда проф. Петри развалины представляли собой четырехугольное зданіе, съ надмоленнымъ верхомъ, до 8 саж. въ вышину, съ двѣнадцатигранной пирамидальной башней. (Ср. Болгарскія развалины).

Внутренность зданія—квадратъ до 8 шаговъ; потолокъ—куполообразный; въ центрѣ купола, въ деревянной втулкѣ, металлическое черное кольцо; въ каждомъ углу зданія—ниша съ краснымъ потолкомъ; отъ одной ниши къ другой проведенъ, въ основаніи, жолобъ съ отдушниками; дверь зданія обращена на югъ; одно окно обращено на востокъ, другое на западъ; полъ залитъ слоемъ извести; въ центрѣ развалины находится яма, видимо—могила: входъ въ башню былъ черезъ окно, сзади бруствера зданія, части фронтона. (Ср. Болгарскія развалины).

Внѣшній и внутренній осмотръ развалинъ выяснилъ проф. Петри, что въ развалинахъ хозяйничали калдонскителіи, а равно и лица, которымъ нуженъ былъ даровой кирпичъ и камень. Тѣмъ не менѣе проф. Петри приступилъ къ раскопкамъ и нашелъ слѣдующее: теменную кость человѣческаго черепа, множество бараньихъ и лошадиныхъ костей, помѣченныхъ красной краской; небольшое количество угольевъ и обожженныхъ, но не человѣческихъ костей; лубокъ и доски, обрисовавшіе человѣческую фигуру, съ отверстиями для глазъ и для рта въ лубкѣ; женскій скелетъ дальной въ 2 арш. 6 вершк.; на шеѣ скелета—куски шелковой ткани, при черепѣ скелета двѣ

золотыя серьги съ двумя жемчужинами и однимъ яхонтомъ; изъ ручныхъ пальцевъ—два золотые перстни съ украшениями изъ золота же и небольшихъ камней, похожихъ на бирюзу; недалеко отъ скелета найдены еще черепъ и обломокъ небольшой деревянной палицы, окрашенный малиновой краской.

Проф. Петри предполагаетъ, что множество бараньихъ и лошадиныхъ костей, окрашенныхъ красной краской—это приношенія киргизовъ къ могола въ святого, которой, будто бы, погребены въ развалинахъ; подобными приношеніями киргизы отводять отъ себя болѣзнь на животныхъ; черепа—по признакамъ принадлежать къ монгольскому типу; деревянная палица напоминаетъ существующій нынѣ и употребляемый при охотѣ на волковъ; серьги, по сообщенію мѣстныхъ жителей, напоминаютъ казачскія, изъ высоко цѣнимыхъ этия инородцами.

По рисунку, приложенному къ статьѣ, серьги напоминаютъ большой знакъ возроса, обращенный вправо, а перстень большой мужской перстень съ печатью.

Найденныя проф. Петри вещи переданы въ Россійскій Историческій музей.

Занимаясь изслѣдованіями въ Тургайской области, проф. Петри обратилъ вниманіе на возвышенную мѣстность, покрытую курганами, близъ озера Убалы-куль, въ Николаевскомъ уѣздѣ. Проф. Петри изслѣдовалъ только три кургана и въ каждомъ нашелъ слѣды, что у обитавшаго здѣсь народа была обычай сожигать трупы. Слой древеснаго угля найденъ посрединѣ каждаго кургана. Въ одномъ изъ разрытыхъ кургановъ найдена каменная баба очень грубой отдѣлки. Кромѣ бабы, не смотря на тщательные поиски, ничего не найдено. Мелкіе курганы засыпаны камнями разнообразныхъ величинъ. Среди нихъ найдена другая каменная баба, лежащая лицомъ внизъ, такой же грубой работы, какъ и первая баба. Проф. Петри находить, что лица бабъ—съ характерными монгольскими чертами и длинными усами.

II. ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Апокрифическая кладовая выпись ¹⁾.

Въ томъ же коренномъ нашемъ амшеникѣ ле на столу впердникъ угле три круга чистаго ярого воску вкаждомъ вѣсу по десяти пудъ впервомъ кругу аллты вкрѣпкомъ сосудѣ на мпотне вразныхъ мѣстахъ кладовы жъ

¹⁾ Печатаемая здѣсь «выпись» доставлена обществу почетныхъ членомъ его В. Г. Мещериновымъ, который отыскалъ ее въ фамиліальныхъ бумагахъ. Языкъ «выписи», способъ датированія (отъ Рождества Христова), анахронизмы дѣлаютъ несомнѣннымъ, что она сфабрикована была не ранѣе XVIII в. и даже конца его, когда въ народное обращеніе проникли словечки въ родѣ «куртно» и т. п. По словамъ В. Н. Витевского, любезно предложившаго редакціи копію съ выписи, рукопись представляетъ собою свитокъ, шитый до пяти четвертей въ длину и немного болѣе четверти въ ширину. Почеркъ рукописи, напоминаетъ собой почеркъ конца XVII или начала XVIII вѣка,

поклажи подлинныя выписи писанныя рукою самою славной пореклу в рвари по отечеству Ильинишной а по прослытию желѣзного лоба бабы разбойницы кудяровой родной большой сестры и брата ея кудяра разбойника тутъ же есть три выписи бышняго главнаго ихъ осаула степана равина по второмъ кругу всѣхъ поклажъ отъ кладовыхъ аишениковъ отъ ларцевъ и сундуковъ пять сотъ семьдесятъ четыре ключа и всякия кысокой и красной надобности такоже и замочныя травы свещами тутъ же вкрѣпкомъ сосуде сильная и могучая вода которая взята кудяромъ разбойникомъ выдейскомъ царстве и та вода велики пристойна всякимъ людемъ да и всякимъ человѣческимъ скорбемъ и недугомъ тако же впутяхъ издорогахъ ивогсякихъ нужныхъ случаяхъ целебна и качества и прочему ковсему пристойна а втретьемъ кругу залиты вкрѣпкомъ же сосуде заговорныя и отговорныя книги и подлинныя по всѣмъ поклажамъ выписи и доводы а буде учинится всѣмъ намъ отъ кого какая гибель или смертныя часть или же какое другое главное несчастье то сия выпись уже всеконечно отъ положеннаго сего мѣста нами обратно невозмется а положена сия подлинная выпись в жестянке простымъ дѣломъ рукою самою бабы разбойницы желѣзнаго лоба на той же поляне еремниной влуде кряковисте да образъ ангела ея варавры Христовой мученицы и будетъ колитванъ той хрестовой мученицы варавры сію выпись кого налюбя Богъ дарствуетъ тому искать во первыхъ тотъ главный нашъ коренной кладовой вѣлжикъ аишеникъ на той поляни еремниной близъ желбатаго вяза по правую сторону куратно отхрѣсть на востокъ ровно семь сажень три шага рыть вглубину да потолка два аршина счетвертью и придетъ бѣлой тесанный камень то собрать весь тотъ камень смотреть выхода подъ землю который выходъ выкладенъ самороднымъ краснымъ и зеленымъ камнемъ ктѣмъ выходомъ пришелъ ко дверемъ съ ярми зажженами свещами спростымъ сердцемъ и притомъ же была бы тутъ сплнн неот-

съ преобладающимъ употребленіемъ омеги, или двойнаго ѿ, предъ простымъ ѿ; встрѣчаются неупотребительныя теперь формъ творительнаго падежа именъ существительныхъ муж. рода на омы, напр. «дѣломъ», окончанія глаголовъ въ 3 л. единств. и множ. числа на ты, напр. «будеть, дарствуетъ, придетъ, погибнетъ» и т. п.; знаковъ препинанія въ рукописи вовсе не встрѣчается; съ боковъ рукописи проведены двѣ параллельныя черты: черная и красная; оборотная сторона рукописи пуста. Рукопись сохранилась не вполне: верхній лѣвый уголъ ея оторванъ по гипотенузѣ треугольника до начала строки 26 сверху. Чернила особенно въ началѣ рукописи, отъ времени значительно поблекли. Изъ того, что увидѣно отъ начала свитка, видно, что видѣтъ говорится о богатыхъ сокровищахъ, которыя были посланы отъ какого то Крымскаго хана въ Москву, къ царю Ивану Васильевичу (Грозному). Сокровища эти состояли изъ тринадцати бочекъ съ золотомъ; каждая бочка имѣла 4 аршина въ длину и 2 аршина въ ширину; на каждой бочкѣ по тридцати желѣзныхъ обручей. Кроме «золотой казны», въ большихъ дубовыхъ сундукахъ, окованныхъ желѣзомъ, много царской посуды, платья, жемчугу и другихъ драгоценныхъ вещей, золотыхъ и серебряныхъ, да тутъ же въ золотыхъ ларцѣ залиты чистымъ яримъ воскомъ самосвѣтныя камины».

и́нно баба по имени варвара а у тѣхъ у дверейъ внутри амшеника стоитъ превезкая пушка заряжена аминь дѣломъ и по приходе до дверейъ трюмческую Иисусову молитву а потомъ и всѣмъ рядомъ кто тутъ бывъ прилучится говорить единогласно во имя отца и сына и святого духа аминь аминь аминь да той же бабѣ варварѣ тѣ двери троскратно окропить святою водою испитомъ и говорить ей и себѣ всѣмъ единогласно благодать святого духа да будетъ со всѣми нами и нанами всегда имне и присно и вѣки вѣковъ аминь аминь аминь и потомъ же говорить тако заклинаеяъ ты диявола люцифера тм князя града ада геенскаго и всѣхъ стобомъ амыхъ нечестыаъ дьяволскихъ духовъ живымъ своимъ истиннымъ Богомъ Господомъ Иисусомъ Христомъ синомъ Божиимъ и синомъ Мариинымъ ааею а амею отъ сего часа минуты да изиди отъ сего мѣста и со всѣми своимъ нечестыми духи невидимо нами рабами божиими (мирѣками) на сухъ лѣсъ на желтые пески синяго моря акына аминь аминь аминь и потомъ всѣмъ вдарукъ смолитвомъ дунуть адвери то втотъ же часъ и минутомъ благодатию тою святого духа растворяются и потомъ лить всѣмъ силѣ амшеникъ за бабою варварою безовсякаго суманительства со иисусовою жъ молитвою честно тихо и кротко безробности и брать втой добрый часъ все то положенное сокровище а безбабы варвары того сокровища отнюдь никому не найтуть и никакими невязать извять то безчисленное и безцѣнное сокровище чтобъ вѣкъ незабытно поминать многогрѣшныхъ рабовъ божиихъ варвару кудеяра и степана и потомъ уже гдѣ инасть протамъ покажи то всѣ сами почестъ тѣмъ людемъ подлинными видми и доводи показуть а знающихъ хитрыхъ людей кроже просто сердечныхъ при извять той покажи чтобм отнюдь не было а ежели хоша при томъ таковымъ тутъ быть случитна то всѣ вскоре изгбнуть конечно злою смертію писана отъ рождества Христова 1673 года мѣсяца декаврия во 3 день при семъ же втой вѣрности свосрочно подписуюсь я многогрѣшная раба разбойница варвара желѣанный лобъ»

III. ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

Изъ быта мордвы села Живайкина Жадовской волости, Карсунскаго у. Симбирской губ.

Мордва изслѣдуемаго села называетъ себя «эрзя». Село это по мордовски называется: «Живай-веле». Отдѣльными ульми, кощми или курищами, изъ которыхъ состоитъ оно, по мордовски называются: ташто-веле, оль-веле, рувън-пе и вешковъ-пе.

Отдѣльные части женскаго костюма по мордовски назыв.: рутса, котола панарь, а отдѣльные узоры, которыми вышиваются женскія рубашки, назыв.: лангартъ, судьянеть, сурискеть, крестнеть и кувальмотъ. Въ селѣ Живайкинѣ, кромя мордвы, есть и другіе имородцы—чуваши; но другъ у дружки ничего не заимствуютъ изъ женскихъ принадлежностей одежды и украшенія, а заимствуютъ, какъ мордва, такъ и чуваши у русскихъ.

Воспоминанія о времени, когда мальчикъ лѣтъ 8—12 женили на взрослой дѣвцѣ, сохранилось и донынѣ; но пѣсенъ на этотъ счетъ не сохранилось и не держится обычай, чтобы невіста была старше жениха, а напротивъ помоложе. Дѣвочки начинаютъ водить игрища и посидѣнья и заводятъ себѣ «дружковъ» съ 16 лѣтъ. Когда сходятся парень и дѣвушка, обращается строгое вниманіе и на 4-ю степень родства. Дѣти, прижитыя дочерью какого нибудь человѣка до замужества, называются: «питси палакъсь потмонъ». Зять, принятой въ домъ называется: худось соватонъ содамо, фамилію своего тещи не принимаетъ.

Когда болной начинаетъ умирать, то подушки и постель его убираютъ; мѣсто, гдѣ лежалъ умершій посыпаютъ золой; въ то мѣсто, гдѣ лежалъ умершій, втыкаютъ косарь или ножъ; чертятъ около умершаго ножемъ, водятъ по шеѣ, груди и по ногамъ умершаго. Когда выносятъ покойнаго изъ дома, окропляютъ съ вѣника набу и просятъ его, чтобы онъ далъ оставшимся долгую жизнь; ахѣтъ за воротами останавливаются съ гробомъ и зовутъ раньше умершихъ родственниковъ встрѣчать покойника. Въ старину рыли могилы такой же глубины, какъ въ настоящее время роютъ, и бросали туда деньги: оборачиваютъ и оборачивали головой покойника на западъ. Могильная яма и насыпь назыв. по мордовски: калмо и калмоланго. Скоропостижно умершимъ и опойцамъ мордва приписываетъ бездождіе. Въ старину кладбища устраивались на ровномъ мѣстѣ и на этихъ кладбищахъ стояли молебныя березы. Въ старину были обѣія и минальныя моленія и устраивались передъ Троицею Казанской и масляницей. Во время моленій съ поминующихъ брали кольца, бисеръ и вѣшали ихъ на проволоку или на нитку на молебныя березы. Кладбище по мордовски называется калмазырь. Нѣкоторые болѣзни и несчастія мордва приписываетъ гнѣву покойниковъ, а умилостивляютъ ихъ такъ: ходятъ ночью на могилу старики и старухи на поминки. Приглашающіе приносятъ съ собой пища, блага и откладываютъ умершему отъ каждаго приношенія. Если кто-нибудь нечаянно дотронется до щепъ отъ гроба умершаго, то молятся, чтобы избавить того человѣка отъ притки. Разсказовъ о томъ, кто видалъ Вель-аву много; говорятъ, въ каждой рѣчкѣ есть своя Вель-ава и Вель-ага, и многие были у нихъ въ гостяхъ. Мельники, когда устраиваютъ мельницу, бросаютъ въ воду животныкъ и обѣщаютъ Вель-авѣ человѣческую голову; потомъ въ рѣкѣ будто-бы оказывается утопленникъ, а также бросаютъ въ воду чью-нибудь украденную шапку и говорятъ: «вотъ тебѣ чело-вѣческая голова». Бабы, которыя не родятъ, ходятъ на рѣчку и прощаются и говорятъ: «Вель-ава, матушка, прости меня, быть можетъ и тебя обидѣла и поэтому не рожу дѣтей». Мѣстная мордва говоритъ, что Вель-ава воруетъ новорожденныхъ дѣтей; бьются отъ Вель-авы «прыжки» и ходятъ къ ней болные съ подарками прощаться. Въ старину Вель-авѣ бывали особые моленія, куда собирались мужчины и женщины, молодые и старые. На этихъ моленіяхъ молились Вель-авѣ и просили еѣ послать дождикъ, ростъ хлѣбу, дать людямъ дѣтей (это дѣлалось ночью). Дѣвушки, желающія выйти замужъ, или парни, желавшіе жениться, бросали въ воду вѣнокъ. Въ каждомъ большомъ лѣсу живутъ своя Вирь-ава и Вирь-ага. У Вирь-авы есть дѣти и многіе ви-

дѣли ихъ, а живутъ они всадѣ. Въ старину Вирь-авы людей, которые попадались къ нимъ, щекотили и даже съѣдали; также рассказываютъ, что Вирь-авы приходила къ бабамъ повитухой; носила ей въ дѣсь лица, блиновъ, чтобы она не хватала ихъ ребятъ, когда придутъ за грибами, за ягодами. Бабы, у которыхъ не родились дѣти, посылали въ дѣсь Вирь-авѣ подарковъ. Она ловила въ дѣсу лошадей и ѣдила на ихъ. Вирь-ава есть вѣтряная старушка. Когда начинается сильный вихрь, то просятъ Вирь-аву, чтобы она остановила его. Когда въ вихрь, который крутитъ пыль, бросаютъ ножъ, вихрь перестаетъ. Когда вѣтеръ дуетъ тихо и слышится тихій свистъ, говорятъ: Вирь-авы дѣтей зоветъ. Бросаютъ въ вѣтеръ яйцо болтуна и просятъ Вирь-аву побережъ ихъ отъ огня; а во время пожара Вирь-авѣ бросаютъ первое яблоко, сорванное въ Преображенье, чтобы она ворожилась. Рассказываютъ, что вихрь захватываетъ и уноситъ людей, особенно женщинъ; говорятъ, что не хорошо кормить скотину сѣномъ, которое разметаетъ вихрь, шить рубашки изъ холста, который приподняло вѣтромъ (хворь будетъ). Мѣстная морда поминаетъ Пакся-аву (полевую старуху) и говорятъ, что у каждой деревни въ полѣ живетъ своя; рассказываютъ также, что Пакся-ава бережетъ поле отъ чужой Пакся-авы, и бываютъ между ними драки; когда чужая одолеваетъ, въ полѣ бываетъ неурожай. Жнецы передъ началомъ жатвы и когда садятся обѣдать, зовутъ съ собой вѣсь Кузьму-Демьяна. Когда начинаютъ пахать, зарываютъ въ землю яйцо и просфору.

Хозяева пчельниковъ поминуютъ: «Нешке-пазъ». Въ каждомъ пчельникѣ есть свой Нешке-пазъ и живетъ онъ въ одномъ изъ ульевъ. Когда ломаютъ медъ, наливаютъ чашечку смолы, ставятъ около пеньковъ и зовутъ его попить. Домового и домовую называютъ Юртонь-кирды, а живетъ онъ подъ печкой. При переходѣ въ новый домъ хозяинъ ходитъ ночью на старое жилье и зоветъ Юртонь-кирды съ собой въ новый домъ, сло или «юртонь-кирды юрт-ава, юртонь-кирды юртъ-ава, пойдѣмъ съ нами въ новый домъ». Есть повѣрье, когда на крышѣ дерутся кошки что это не кошки дерутся, а свой домовый съ чужимъ. Сынъ, который отходитъ, отдѣляется отъ отца и заводитъ свое хозяйство, зоветъ этого же домового. Человѣкъ, который отдѣляется, призывая въ свой новый домъ домового, говоритъ: «дѣдушка домовый, ге оставь насъ, пойдѣмъ съ нами жить: хочешь на лошади, хочешь пѣшкомъ». Были моляны (у чувашъ и въ настоящее время) подъ названіемъ кереметь, на которыхъ молились Мастыр-пазу. Моляны такой устраивался въ дѣсу; посреди него стоялъ столъ. Въ старину были особия молявенныя рошчи, загороженныя алборами. Велень-пазъ есть вѣчто въ родѣ домового.

Въ селѣ Живайкинѣ три нагодности: русскіе, мордва и чувашы—съ инородческихъ большинствомъ. Между этими жителями русскій языкъ распространенъ въ хорошей степени и говорятъ на немъ всѣ и мужчины, и женщины, даже семилѣтніе ребяткиши. Говорятъ довольно хорошо—правильно и охотно. На своемъ родномъ языкѣ говорятъ очень рѣдко и пришлось только встрѣтить нѣсколько женщинъ, оставшіе совсѣмъ обрусѣли. Старухи напр. говорятъ: отецъ—тетай, мать—авай, помоложе—тятка, мамокъ и т. д. Учениковъ я никогда не слышала, чтобы говорили на своемъ родномъ языкѣ.

Нимішнія дівушки и женщины не знают даже, какъ поются мордовскія пѣсни. Вышеупомянутыя женщины, во время бесѣды съ нами, говорили, что нимішній народъ все болѣе и болѣе русстѣт и заимѣтаетъ это въ томъ, что всѣ одѣваются по русски, говорятъ по русски и старинныхъ обрядовъ не исполняютъ. Иностранцы съ русскими въ хорошихъ отношеніяхъ. Праздники, какъ у иностранцевъ, такъ и у русскихъ бывають въ одно время, и гуляють вмѣстѣ. Русская молодежь допускается на иностранческія игры и наоборотъ иностранческіе парни на русскія. Мордва берутъ нестѣт у русскихъ и русскіе у мордвовъ, а у чувашъ ни мордва, ни русскіе не берутъ и не отдають. Въ волостныхъ сходахъ въ смѣшанныхъ волостяхъ—рѣшаются дѣла вообще по числу голосовъ (при этомъ бываетъ, что нѣкоторые мордва и русскіе заодно на остальную сторону). Въ волостномъ судѣи и старшинамъ избираются безразлично и мордва, и русскіе, и чуваши. Живетъ каждая народность особо, занимаетъ особый коменъ. Дѣти и молодежь обѣихъ сторонъ собираются на общія игры и говорятъ на русскомъ языкѣ. А равно и на посидѣнкахъ господствуетъ русскій языкъ и русскія пѣсни. Переговоры на мирскихъ сходахъ идутъ на русскомъ языкѣ. Языкъ обрусѣвшихъ иностранцевъ отъ языка чисто-русскаго населенія отличается; грубѣе говорятъ. Навъ костюма мордву выдѣляютъ особые мордовскіе лапти.

Ф. Бутузскъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письма изъ Гельсингфорса.

II.

Сегодня на годичномъ собраніи Финно-Угорскаго общества должно, что известный датскій ученый проф. В. Томсенъ дешифрировалъ бывшія до сихъ поръ загадкой Орхонскія и Енисейскія надписи и установилъ, что они сдѣланы на языкѣ тюркской группы. Въ «Mémoires» Финно-Угорскаго общества будетъ помѣщенъ доставленный Томсеню переводъ надписей. Подробности относительно своего открытія проф. Томсенъ предполагаетъ сообщать въ засѣданіи датскаго научнаго общества 15 декабря. Постараюсь познакомить съ ними читателей «Извѣстій», какъ только у насъ будутъ получены свѣдѣнія изъ Копенгагена.

Гельсингфорсъ. 2 дек. 1893.

Г. Вилкина.

Письмо изъ Красноярска. (Архивный вопросъ).

Слишкомъ годъ тому назадъ въ Красноярскѣ въ Енисейск. губери. статистическомъ комитетѣ возникъ вопросъ объ учрежденіи Енисейск. архивной комиссіи. Возникъ этотъ вопросъ послѣ того, какъ въ комитетъ поступило изъ архивовъ мѣстныхъ правительственныхъ учреждений нѣсколько описей дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію. Ближайшее разсмотрѣніе этихъ описей и нѣкоторыхъ дѣлъ членами комитета вызвало у послѣднихъ желаніе возбудить ходатайство объ открытіи въ Красноярскѣ архивной комиссіи. Желаніе это, какъ нельзя болѣе, совпадало съ интересами исторической науки. Дѣло въ томъ, что безповоротное уничтоженіе архивныхъ дѣлъ въ Сибири то пожарами, то путемъ продажи торговцамъ, слишкомъ опустошило мѣстные архивы и, конечно, лишило историческую науку цѣнныхъ данныхъ. Достаточно напомнить, что еще въ 1880 году сохранялся въ Красноярскѣ весьма важный архивъ съ документами XVII вѣка, но, благодаря небрежности при выборѣ помѣщенія для этого архива, онъ былъ совершенно уничтоженъ пожаромъ въ 1881 г. А между тѣмъ здѣсь были документы, написанные на березовой корѣ, что практиковалось въ Сибири въ XVII вѣкѣ нѣрѣдко за

неисчислима бумага. И до настоящего времени еще сохранились документы въ нѣсколькихъ архивахъ Енисейской губерніи со второй половины XVIII вѣка, а съ начала XIX в. матеріаломъ сохранилось весьма много.

Такимъ образомъ, всѣ данныя говорили за необходимость учрежденія въ Красноярскѣ архивной комиссіи. Вотъ почему, послѣ обсужденія этого вопроса въ январѣ прошлаго года на засѣданіи Енисейск. Губерн. Стат. Комитета г. начальникъ губерніи Л. К. Теляковскій выразилъ свое согласіе ходатайствовать въ Петербургѣ о разрѣшеніи открыть въ Красноярскѣ архивную комиссію.

Послано было ходатайство въ Археологическій Институтъ. Отвѣтъ былъ полученъ въ сентябрѣ прошлаго года. Директоръ Археологическаго Института кн. А. Н. Трубецкой изъявилъ согласіе на открытіе Енисейской Архивной Комиссіи, но съ условіемъ, что открытіе ея можетъ послѣдовать не прежде, чѣмъ будетъ найдено въ Красноярскѣ подходящее помѣщеніе для архива и историческаго музея, а также средства для перевозки архивныхъ дѣлъ, изданія трудовъ архивной комиссіи и для другихъ ея потребностей. Въ виду этого въ статистическомъ комитетѣ было постановлено обратиться въ городскія думы Енисейской губерніи съ просьбою дать средства архивной комиссіи.

Пока получился отвѣтъ изъ Енисейска; отвѣтъ отрицательный. По всей вѣроятности, и отъ другихъ городскихъ думъ получатся такіе-же отвѣты. Рѣсчитывать на матеріальную поддержку архивной комиссіи со стороны частныхъ лицъ трудно. Правда въ Красноярскѣ есть не мало людей очень богатыхъ, но о желаніи ихъ помочь средствами архивной комиссіи ничего не слышно.

Между тѣмъ количество архивныхъ дѣлъ, подлежащихъ уничтоженію, въ архивахъ нѣстныхъ правительственныхъ учреждений увеличивается очень быстро. Въ засѣданіи Енис. Губ. Стат. Комитета 17 февраля т. г. было сообщено, что въ комитетъ снова поступили описи съ перечисленіемъ 30,000 дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію. Положимъ, что за немногими исключениями, дѣла эти относятся къ XIX вѣку. Но и эти дѣла, если своевременно не позаботиться о тщательной разборкѣ и сохраненіи ихъ, могутъ быстро погибнуть. Вотъ почему до открытія архивной комиссіи нѣкоторые изъ членовъ Енисейск. губ. стат. комитета пожелали взять описи архивныхъ дѣлъ, чтобы по этимъ описямъ отыскать дѣла, интересныя въ научномъ отношеніи и потому заслуживающія сохраненія. Конечно, при подобномъ пересмотрѣ описей весьма возможно ожидать многихъ ошибокъ, архивныя описи составлены писарями крайне не точно, и узнать по описи—нужно-ли известное дѣло оставить или нѣтъ—очень трудно; самыя же дѣла разбросаны въ разныхъ пунктахъ, отстоящихъ отъ Красноярска на 300 и болѣе верстъ.

Позаботиться о перевозкѣ этихъ дѣлъ въ Красноярскъ и научной, согласной съ теоріей архивовѣднія, разборкѣ ихъ могла-бы Енисейская архивная комиссія. Но на открытіе этой комиссіи, кажется, мало надежды. А жаль: нашлось-бы въ Красноярскѣ и вполнѣ подходящее помѣщеніе для историческаго архива, блан-бы и работники въ комиссіи.

Красноярскъ. 1893 г. мая 20-го.

Н. Такай.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Матеріалы по археологiи Россiи, издаваемые Императорской Археологической Коммиссiей. № 11. Лядинскій и Тонниковскій могильники Тамбовской губерніи. В. Н. Ястребова. Спб. 1893.

Лядинскій могильникъ былъ обнаруженъ въ 1869 г. Первая свѣдѣнія о немъ сообщилъ Аспелинъ въ своихъ «Antiquités du Nord Finno-ougrien». Г. Ястребовъ провѣлъ въ 1887 г. по порученію И. А. Коммиссiи его раскопку и въ названномъ выпускѣ «Матеріаловъ» выкомитъ насъ съ результатами своего изслѣдованія. Основными задачами этого послѣдняго онъ поставилъ опредѣленіе времени и народности, къ которымъ относится могильникъ; въ соображенія по существу — объ образѣ жизни оставившей могильникъ народности, объ ея торговыхъ отношеніяхъ она не входитъ; потому-ли, что считатьъ эти вопросы лишними въ археологическомъ изслѣдованіи, потому-ли, что за недостаткомъ данныхъ не рѣшается на рискованныя заключенія — это остается невыясненнымъ. Оцѣнивая трудъ г. Ястребова, мы, конечно, будемъ имѣть въ виду только то, что онъ намъ предлагаетъ и не будемъ упрекать его за то, что онъ поставилъ себя въ узкія рамки.

Наше первое замѣчаніе будетъ касаться внѣшней стороны изданія — отношенія атласа къ тексту. Читать изслѣдованіе г. Ястребова, обращая постоянно къ таблицамъ, дѣло не легкое. Таблицы были составлены и, повидному, отпечатаны раньше текста; въ распредѣленіи предметовъ нѣтъ никакой системы; изслѣдователь, очевидно, руководствовался однимъ стремленіемъ — расположить предметы покривѣе и посимметричнѣе; предметы извѣстной категоріи, напр. бляшки, фигурируютъ на таблицахъ III, VI VII, VIII, IX въ перемежку съ другими. Текстъ составлялся, видимо, поадѣ и его расположеніе совершенно не зависитъ отъ таблицъ да и не могло зависеть, потому что описывая предметы въ томъ порядкѣ, въ которомъ они изображены на таблицахъ, авторъ не могъ дать ничего даже отдаленнымъ образомъ похожаго на «изслѣдованіе».

Это несоотвѣтствіе между текстомъ и таблицами не выгодно и для читателя и для автора: читатель вынужденъ каждую минуту безжалебно вертѣть таблицы прекраснаго изданнаго атласа, авторъ не имѣетъ возможности

закрѣпить въ сознаниі читателя тѣ основанія, въ силу которыхъ онъ говоритъ о предметахъ, напр. о тѣхъ-же бляшкахъ—въ известномъ порядкѣ. Чтобы уяснить себѣ его систему, приходится вырвать изъ книги всѣ таблицы, разложить ихъ передъ собой и постоянно перебѣгать глазами съ одной на другую.—Обращаемся къ содержанію труда г. Ястребова. Стр. 1—18 посвящены изложенію обстоятельствъ, при которыхъ были обнаружены изслѣдуемая вещь. Авторъ отмѣчаетъ два обнаруженныхъ его раскопками типа погребенія—собственно погребеніе и трупосожженіе. Первое было обнаружено въ 127 могилахъ изъ 143, послѣднее въ 16. Въ наиболѣе сохранившихся могилахъ перваго рода (1¹/₂ всего количества) скелеты лежали на спинѣ съ вытянутыми ногами, по большей части головой къ Ю., ногами къ С., на вискѣ (чаще лѣвомъ), съ вытянутыми или пригнутыми къ груди руками; во многихъ могилахъ обнаружены слѣды лубка иногда съ березовой корой (въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ всѣмъ скелетомъ и сверху него нѣкими длинными полосами); однажды былъ найденъ въ могилѣ скелетъ небольшой лошади. Въ 12 могилахъ съ полнымъ трупосожженіемъ жжеными кости въ видѣ мелкихъ кусковъ вмѣстѣ съ пепломъ лежали слюсы отъ 1¹/₂ до 1 вершка толщиной; вмѣстѣ съ ними замѣчались черепки глиняной посуды и—въ безпорядочной обыкновенно кучѣ—разныя вещи; въ нѣкоторыхъ случаяхъ сверху костей или подъ ними замѣчались довольно большіе остатки ткани; на металлическихъ вещахъ никакихъ случаевъ порчи отъ огня не замѣчалось. Въ виду почти полного отсутствія въ могилахъ угля и дерева г. Ястребовъ предполагаетъ, что умершій сожигался въ могилѣ.

Отношеніе одного погребальнаго обряда къ другому авторъ представляетъ несомнѣнно ясно: «наряду съ совершеннымъ сожженіемъ покойника догускалось и не полное и это обстоятельство намекаетъ на то, что обрядъ трупосожженія въ эпоху существованія могильника не былъ установленъ и самостоятеленъ». Текстъ г. Ястребова не даетъ намъ возможности понять, что хотѣлъ онъ сказать: считаетъ ли онъ могилы съ трупосожженіемъ памятникомъ особой народности или видитъ въ трупосожженіи обрядъ, практиковавшійся однимъ и тѣмъ-же народомъ на ряду съ погребеніемъ. Существенное значеніе въ этомъ вопросѣ можетъ имѣть обстоятельство, отмѣчаемое авторомъ нѣсколько ниже: по характеру находимыхъ въ нихъ вещей могилы съ трупосожженіемъ не отличаются отъ могилъ съ погребеніемъ.

Самый обширный отдѣлъ книги г. Ястребова посвященъ «обозрѣнію древностей со стороны формы». Указывая «болѣе или менѣе сходные типы въ древностяхъ другихъ мѣстъ Россіи и отчасти 3. Европы», авторъ думаетъ «прийти къ опредѣленію мѣста, которое принадлежитъ лядинскимъ древностямъ среди другихъ, ставшихъ рамѣ ихъ известными».

Внимательно и не разъ перечитавши этотъ отдѣлъ и слѣдующія за нимъ заключенія, мы не нашли тѣхъ выводовъ, къ которымъ привело г. Ястребова сопоставленіе лядинскихъ древностей съ другими.

Аналогій оказывается масса; ихъ можно искать и на востоцѣ Россіи—въ древностяхъ Сарая и Бугарціи, въ Вятской и Пермской губерніяхъ—и въ

средней Россіи—въ губерніяхъ Рязанской, Владимірской, Костромской, Ярославской—и на западъ—въ губерніяхъ Смоленской, Витебской, Прибалтійскомъ краѣ, въ Финляндіи—и на Ю. В. на Кавказѣ и наконецъ за предѣлами Россіи въ Даніи, Швейцаріи, Греціи, Египтѣ. На разысканіе этихъ аналогій авторъ потратилъ не мало труда, но онъ остановился на головнѣхъ дорогахъ: чтобы опредѣлить мѣсто лядинскихъ древностей, нужно было пролѣзть еще одну работу: 1) выдѣлать районы наибольшаго тяготѣнія лядинскихъ древностей; такимъ образомъ авторъ могъ-бы подойти къ опредѣленію группъ, въ составъ которой входила народность, оставившая лядинскій могильникъ.

На выполненіе этой работы потребовалось-бы уже не много времени и труда: стоитъ раза два—три пересмотрѣть въ той отдѣлѣ книги г. Ястребова, чтобы наметить тѣ районы, къ которымъ тяготѣютъ лядинскія древности. Въ ближайшемъ родствѣ онѣ оказываются съ древностями Моршанскаго и Шликаго у.у. Тамбовской губ., Касимовскаго Рязанской и Муромскаго Владимірской (линіи Циа-Мокша-Ока): на всемъ этомъ протяженіи встрѣчаются одинаковыя гривны и шейныя кольца, ажурныя пряжки въ видѣ кольца, фибулы съ разожнутыми концами (т. VIII, р. 1, 3, 4, 8), пряжки въ видѣ бляхи (т. V, р. 1, 2, 4, 7), бронзовыя трубочки (т. I, р. 5, 7; т. IV, р. 8), спиральныя привѣски (т. III, р. 27—29), пластинки, расширяющіяся къ низу, съ ушками и цилиндрическими привѣсками (т. I, р. 9, 10, 12, 13), бронзовыя спиральныя браслеты (т. IV, р. 6, 9), браслеты въ видѣ обручиковъ (т. II, р. 1, 3, 6)—т. е. всѣ главнѣйшія принадлежности женскаго костюма. За этимъ райономъ тѣснѣйшаго соприкосновенія лядинскихъ древностей съ древностями остальной Россіи слѣдуетъ болѣе широкій, въ который входятъ болѣе или менѣе сходныя древности западныхъ губерній Россіи: Витебской и Лифляндской (головныя вѣтчики, гривны и спиральныя браслеты и кольца браслеты изъ бронзоваго обода съ петлей, кольца въ видѣ кокошника, четырехъугольныя бляшки съ крестомъ, тканъ; таб. XI, р. 7), Курляндской (гривны, спиральныя браслеты и кольца), Могилевской (шейное кольцо), Смоленской (литыя бронзовыя украшенія съ конскими головками и привѣски въ видѣ полумѣсяца, бляшки съ крестомъ), С.-Петербургской (тоже бляшки съ продолговатыми четырехъугольными привѣсками, бронзовыя ведра и грушевидныя бубенчики), Эстляндіи (бронзовыя шарообразныя бубенчики, кольца въ видѣ кокошника), Новгородской (грушевидныя бубенчики), Финляндіи (спиральныя браслеты и кольца, кольца въ видѣ кокошника, бронзовыя ведра), Гродненской (спиральныя кольца). За предѣлами этого района аналогіи оказываются— хотя въ меньшемъ количествѣ—на Кавказѣ въ могильникахъ Осетіи и въ Волжской Булгаріи.

Сопоставляя эти результаты г. Ястребова могъ-бы прийти къ заключенію, что Лядинскій могильникъ принадлежитъ народу, стоявшему въ ближайшемъ родствѣ съ древнимъ населеніемъ Рязанской и части Владимірской губерній и находившемуся въ сферѣ торговаго вліянія племени, которое населяло губерніи Витебскую, Гродненскую, Лифляндію, Курляндію,— т. е. древнихъ Литовцевъ. Племя, которое въ своемъ прошломъ болѣе подходитъ къ этимъ признакамъ, является та самая Мордва, къ правымъ

которой на Лядинскій могильникъ такъ скептически относится г. Ястребовъ, Мордва изъ вѣтъ народовъ волжскаго бассейна выдѣляется своимъ культурнымъ тяготѣніемъ къ литовскому племени; въ то время, какъ черемисы и вотяки подчинялись вліянію тюрко-болгарь, она отъ литовцевъ заимствовала важнѣйшіе элементы своей культуры. Въ пользу мордовскаго происхожденія древностей Лядинскаго могильника говорятъ и родство нѣкоторыхъ формъ и приемовъ ихъ фабрикаціи съ формами до сихъ поръ употребляемыхъ мордвою украшеній и приемами ихъ фабрикаціи. Укажемъ для примѣра на грудное украшеніе, представленное на таб. III, фиг. 32 и на фибулы таб. VIII (1, 2, 3 и др.). Тожественное по формѣ мокшанское грудное украшеніе находится въ мѣстномъ Музеѣ Отечества; что касается фибулы, то она несомнѣнно является прототипами нѣмѣнскихъ мордовскихъ «шурька». Обычное въ лядинскихъ древностяхъ прикрѣпленіе различныхъ подвѣсокъ при помощи завитой спирали проволокъ до сихъ поръ имѣетъ мѣсто на мордовскихъ «шурькахъ», «смыльгахъ» и «сустгахъ».

Вопросъ о времени, къ которому принадлежитъ могильникъ, разработанъ г. Ястребовымъ гораздо тщательнѣе. Тутъ онъ допускаетъ даже нѣкоторыя измѣненія. Не довольствуясь такими ясными показаніями, какъ арабская надпись XI—XIV в. на бронзовомъ ведрѣ, имитациіи арабскихъ дирхемовъ VIII и IX в.в., тождество нѣкоторыхъ предметовъ съ предметами найденными въ другихъ губерніяхъ совмѣстно съ монетами X в., г. Ястребовъ обращается къ показаніямъ, которыя могутъ дать формы предметовъ и мотивы орнамента, хотя самъ сознаетъ, что въ данномъ случаѣ это примѣръ не надежный. «Мы указали для предметовъ лядинскаго могильника рядъ болѣе или менѣе близкихъ аналогій изъ самыхъ разнообразныхъ эпохъ, начиная съ классической и кончая современной намъ и пытались по возможности указать смысловое соотношеніе формъ, указать формы первичныя и производныя. Но логическая послѣдовательность не всегда совпадаетъ съ послѣдовательностью времени; намъ приходилось отмѣчать формы первичныя и производныя вмѣстѣ, бокъ о бокъ; такое одновременное ихъ существованіе обуславливалось съ одной стороны чрезвычайной живучестью художественно-промышленныхъ формъ, съ другой — особенностями употребленія вещей и различіемъ въ матеріальномъ достаткѣ потребителей. Такимъ образомъ для хронологіи могильника не могутъ годиться аналогіи съ вещами, которыя не представляютъ полного сходства или тождества съ изучаемыми». Въ этой тирадѣ исполнѣ ясно только послѣднее положеніе: аналогіи не полныя не годятся для опредѣленія времени, къ которому относятся извѣстныя древности. Совершенно соглашаясь съ авторомъ на этотъ счетъ, мы можемъ прибавить, что прибѣгать къ ихъ помощи и надобности нѣтъ; къ чему осложнять дѣло приемами, которые ужѣтимъ въ изслѣдованіи пхятинковъ палеолитической эпохи, когда имѣются совершенно ясныя хронологическія указанія.

И. Смирновъ.

Ридэ Земл. свѣтлыя ср. родъ.
 Риж Крок. красота; рижтама не-
 красивый; рижля пригожій во всѣхъ
 отношеніяхъ; рижлемаш смарзять,
 опрятиммъ слѣзать.
 Рипшаш г.чер. Земл. см. рюшмш;
 рипшикташ засталять качать.
 Ровалтшш, Земл. подопласка у ру-
 баша.
 Рогожѣ рогожа.
 Рода Земл. г.чер. локкій.
 Родантшшш Вас. см. родитше.
 Родо родственникъ.
 Рож дыра, отверстие.
 Рок земля (персть).
 Рон сопля; рон-возйом насморкъ.
 Рогос (г.чер. лені) ухабы.
 Ронгос ронжа-сойка.
 Ронмж Крок. сѣдой.
 Ронэдѣм рюгау.
 Рончѣм разываю, расплетаю, раз-
 брасываю.
 Рредаш Крок. чистить, пошпро-
 вать, общипывать.
 Рридаш г.чер. Земл. см. рредаш.
 Ру дрожжи.
 Руакш (г.чер. нунчук) кислое гѣ-
 сто.
 Руалаш надрубить, зарубить; ру-
 алѣкташ заставить зарубить.
 Руалмо-подлѣш крочки для за-
 стегиванья платья; руалмо-подлѣш-омо
 пестелька.
 Руалтѣш схвастать.
 Рудалтѣш разывиваться, выва-
 живаться.
 Рудѣм разывиваю, разываю лопте;
 рудѣн-каѣн разываюся.
 Ружге Земл. слышкомъ, нешстово,
 вѣтрено, безобразно.
 Рум Земл. см. ром.
 Румбукѣм мутный.
 Румдуктѣш Земл. (рубуктѣш?)
 муть.
 Рум Вас. см. ром.

Рус Смирн. роса.
 Рус русскій; русшѣ по-русски; ру-
 шѣл-капкѣ русскія, тесовыя ворота;
 рус-арій воскресенья; рус-арій-куго-
 юмо великій богъ воскресенья; рус-
 арій-куго-пуйропо создатель воскре-
 сенья; рус-арній-юиом-авжо мать бо-
 га воскресенья.
 Русштѣм пьянству, пьянѣ; русш-
 шо пьяница; русшѣктѣм опьяняю.
 Русшта коробъ изъ луба содною
 изъ палокъ, — для процѣживанья су-
 сѣ; отъ барам.
 Русѣм рублю.
 Ривѣж лисца.
 Рйгагсѣль Крок. см. родитше.
 Рйдагсѣль Земл. ср. рйгагсѣль,
 см. родитше.
 Рйварѣш г.чер. Земл. отряхивать,
 стряхивать; рйвѣш трясти; рйвалтѣш
 встряхиваться.
 Рймалдѣш Земл. см. рюмблгѣм.
 Рикталѣш г.чер. Земл. подогрѣ-
 вать; рриктѣш см. брйктѣм.
 Рюдо сердцевина; димпѣ-рюдо свѣ-
 тлыя.
 Рюдѣнше ржавчина; рюдѣнш
 ржавѣть; рюдѣндѣрѣм покрываю ржав-
 чиною.
 Рюдѣм вытягиваю веревку посред-
 ствомъ передергиванья черезъ крючекъ.
 Рюжгѣм шумлю; ржжген-шолѣ-
 нѣш шумъ.
 Рюжд Смирн. вдругъ.
 Рюзѣм киваю, машу, трясу; рю-
 зятѣрѣм встряхиваю; рюзятѣм тря-
 суся.
 Рюм Крок. мракъ, темнота; рюмѣ-
 гѣш смеркаться.
 Рюмблгѣ сумерка; рюмблгѣм
 смерклося; рюмѣ Земл. мрачно, —нѣ.
 Рюм г.чер. Земл. изморось; рюм
 вылѣш моросить, наморось влѣгъ.
 Рюшш Земл. см. шепкѣ; рюшшѣм
 качаю, машу; рюшшѣтѣм качаюся.

Рючка опахивается хвостом.
Рюшт Земл. см. шалт, рашт.

О.

Саба г.чер. Земл. ладонь.

Сабаш Земл. косить (трава), ударить по щекѣ, поспать (мужкой мѣсиво); сабалаш ударить по щекѣ.

Сабикалаш г.чер. Земл. похлопывать въ ладоши; сабиктѣм выставляю хлопать въ ладоши.

Савд (г.чер. сѣ, чув. сѣва) коса (орудіе).

Савар заборъ изъ досокъ или бревень.

Савалд (чув. спбала) ложка; мард-савалд, куту савалд уполовникъ.

Савут Земл. лично, наблюдающее за поѣздомъ на черемисской свальбѣ.

Савиралам верту, оборачиваю.

Савирѣм заворачиваю.

Савирнѣм (чув. сярин) оборачивлюсь, верчусь, заворачиваюсь, возвращаюсь; кече савиртѣш подсолнухъ.

Сагд Земл. воалѣ, полгѣ, мнио, околѣ, при; савлэмалш г.чер. приближать, придвигать; савлэмаш приближаться.

Сагад Земл. см. савиле.

Сагарак Земл. поближе.

Сагат (чув. сагл, тат. сагат) честь.

Савиле (чув. секле) крюкъ; тѣриволк-савиле крюкъ, употребляемый для утверждения нижней стрѣхи.

Сагэл вонь тула.

Сад (г.чер. садониче) садъ; сад-ола садовое яблоко.

Садик Земл. точно также.

Садэ вонь тотъ.

Сле (г.чер. лжѣ) хорошій, исправный.

Сайлаш Земл. украшать.

Сайрѣм Исм. см. серѣм.

Сакалаш Смирн. заѣхивать.

Сакалтѣм (чув. сѣк) вѣшан, заѣвляю.

Сакалт закладъ.

Сакалк (чув. сапла) заплата.

Сакамѣк (тат. сукман) тропа.

Сактараш Земл. см. чактарѣм.

Сакѣм (чув. сѣк) вѣшан, заѣвляю

Сала, салам (тат. салам) поклонъ, почтенеіе.

Салалтѣш Земл. г.чер. носится.

Салат (чув. и тат. салат) соловѣ.

Салко Земл. помело; ср. солго; салалтѣш метлою спланивать.

Салкемдѣш г.чер. Земл. воспламенять; салкемѣш воспламеняться.

Саламд (г.чер. сельма) сковорода; салам-киндѣ лепешка изъ кислаго тѣста, печеная на сковородѣ.

Сало (тат. сала) однорядный плоть.

Салтак солдаты; салтак-ушнѣн бушка.

Самѣк замокъ.

Самнѣ г.чер. Земл. неладно, не годятся, ошибочно.

Самирѣк (чув. сярнѣк) молодой.

Санд (чув. сѣнга, г.чер. лепка) лобъ; сан-ончол-уш пихоръ на лбу; чолка.

Сандлѣк (чув. сѣнлѣм) мѣръ, вселенная; атмосфера.

Сандѣк сумдукъ.

Сап-керѣм шажки.

Сап-вогло, сапондо мѣтъ.

Саплѣ см. кердо.

Саплак Смирн. см. савилѣк.

Сапалатѣш Земл. раскатываться (о сѣняхъ); сапалатѣш раскатъ (изъ дорогѣ вѣномъ).

Сар соловой, буланнѣй, ближневѣй (цвѣтъ, похожій на тѣлесный); тат. сарм желтый; чув. сара желтый, русый, рыжій.

Сар, саркалк (чув. сѣра) войско.

Сарасá г.чер. Земл. прилично, по-
лезно.

Сарлагэм (чув. сарлах, тат. зьарлыкмыи) яляю, щажу.

Сарсá (чув. саран, г.чер. орани) воробей.

Сасá Вас. см. сарсá.

Саскá завязь плода и его цвѣ-
токъ; саскá-куго юно, пудрошо вели-
кій богъ и создатель плодотв.

Саслáш г.чер. Земл. кричать, во-
пить, громко требовать.

Сат г.чер. Земл. игра въ чижь.

Сатú (тат. сатму торгова, прода-
жа) товаръ, покупка.

Саче ангель хранитель, (тат. сак-
че хранитель).

Сацáш г.чер. Земл. покушаться,
намѣреваться.

Саяк Земл. приласкъ, стринникъ,
шатунъ, незаконнорожденный.

Себень-шумш Крок. заглушать,
ослушать.

Себяш, себязш Земл. см. сабаш.

Сегé, сегедá воть такъ.

Седерáн г.чер. Земл. см. серетáм.

Седашáк г.чер. Земл. здѣсь.

Седэ воть этого.

Седряумбáа (тат. сундара) по-
лати.

Семелялтáш г.чер. Земл. утѣ-
шаться; семеляш утѣшать.

Семенók Земл. подобно.

Семáк Земл. семикъ (черемисскіе
помники).

Семáи подобно, наподобіе; по;
точь въ точь; тѣмни шумкэт семáи
лиже да будетъ по слову твоему.

Семь-семь г.чер. Земл. постепенно.

Семэм (тат. зымтам, чув. спы) побѣждаю.

Сенáя время цвѣтенія хлѣбовъ, —
время, въ которое черемисы не про-
изводятъ ни какихъ земляныхъ ра-
ботъ — земля именьнища.

Се-паида Крок. см. сап-воило.

Серьгáш (тат. сирга серьга) Вас.
перстень, кольцо у Смири. серьга; ни-
ий сергáш Смири. бубенчикъ.

Сердешкá сердечникъ.

Серэм (г.чер. сирси, чув. сираи,
сэрам, тат. чираи), лугъ, дерть.

Серлагэм см. сарлагэм.

Сернен г.чер. Земл. уада.

Серетáм (чув. серла, тат. сэрлá
г.чер. седра) смилъ, подагричникъ; се-
ретáи кáик овслика.

Серь (чув. сыр, г.чер. сирь, тат.
зыр ярь, крутой берегъ) берегъ, ма-
терикъ.

Сепиá г.чер. Земл. падушая бо-
лтáи; сепиáш страдать падушею бо-
лтáиш.

Середá г.чер. Земл. поля.

Серэк г.чер. Земл. тощій; сере-
кляиáш тощать; серекляндарáш исто-
щать, изурять.

Сесъ-куртви г.чер. Земл. жестъ,
бѣлое желѣзо.

Серáн г.чер. Земл. (тат. зирáи)
рыжая (масть) рыжій; серяменáш ры-
жѣть.

Серасэм Земл. сорасэм.

Серкалаш Земл. см. сбрáи.

Серахáш г.чер. Земл. см. сар-
лагэм.

Сертиáш Зем. см. шортиáт-во-
зэм.

Сш (чув. смá) Смири. честь, уго-
щеніе.

Сшгрэм кричу, визжу, галяю.

Силътá г.чер., силътже лугов. чер.
Земл. пренудрость.

Силэм (тат. сийлэмáи, чув. сий-
лэ) угошар; см. си; тошто си-лав-тау
спасибо за прежнее угощеніе.

Сшáи (г.чер. кельэ) неводъ.

Сшлáш г.чер. Земл. благосло-
влять.

Сшрáш г.чер. Земл. неслышáть.

- Сиря́ горячая сѣра.
 Сири́ктáш г.чер. Земл. заста-
 влять писать.
 Сири́п г.чер. Земл. тягостно.
 Сири́ш г.чер. писать.
 Сири́ Крок. селеніе, деревня.
 Ситá (тат. зыта) довольно, доста-
 точно; ситарём наполняю; ситэма я
 насытился; ситарялэ́ш Земл. удо-
 вольствоваться, наполняться, насы-
 щаться.
 Сити́йж Вас. незаконнорожден-
 ный, бродяга, недоносокъ.
 Сі́ян (тат. зыин) убитокъ, изьянъ.
 Сі́и Земл. см. суйи; сіи-авди друж-
 ка, угощающій на свадьбѣ.
 Ска́ла́ да, то-то; ка́зи скала то-то
 ушелъ; укэ́ скала́ то-то нѣтъ; ту́гэ́ ска-
 ла́ да, такъ.
 Ска́ни́я (тат. скамія) скамья.
 Сля́ик (чув. ислек, г.чер. ўпшы)
 шапка.
 Сне́га́ Вас. см. мѣрь.
 Смя́я Крок. благословеніе, см. Земл.
 свмэйш.
 Смо́нитля́ш Земл. смолить; смо-
 ле́ смола.
 Соба́лэ́ш Земл. см. совэм.
 Сова́ ладонь, въ переносномъ смы-
 слѣ пощечина; совэм, совкалэм (чув.
 сляп бить) ударить по щекѣ.
 Сово́к (тат. сауак) совокъ, лотокъ.
 Сога́ (чув. сьога, тат. вьакэ, г.чер.
 шўиш) воротникъ; колсога́ жабры.
 Сога́ Земл. см. шога; согалаш па-
 хать.
 Содо́к всетаки
 Содор Вас. см. вашкё.
 Сокор (чув. сокюр, тат. сукыр)
 слѣпой.
 Сокма́к (тат. сукмак) см. сакмак.
 Сола́ Вас. (тат. сол) плоть, см. сало.
 Солга́н Смири. (тат. жалган)
 вадоръ, ложка.
 Сола́ (чув. соль, тат. саламат, чм-
 бырка) плеть, кнутъ.
 Сола́ (чув. сола) село, деревня,
 Солагáй (чув. солагий, тат. сула-
 гай) Вас. см. шолга́й.
 Сола́лэ́ш Земл. махать.
 Сола́га́ Вас. см. согá.
 Сола́го (тат. чагич, чув. сольго)
 метла для опахиванія вороха на гумнѣ.
 Сола́калэм (чув. сола) машу.
 Сола́ дровяной плоть; ср. сало.
 Сола́ик Вас. полотенце.
 Сола́ик (чув. сольик, тат. вяликъ)
 пламя, искры, жаръ (красные уголья).
 Сола́эм кошу (траву).
 Сола́й Земл. малая частіца време-
 ни, минута.
 Сом (чув. сьом, г.чер. сам) плевелъ;
 сомэм сола́эм выпалываю плевелъ.
 Сомйá (чув. сьомйа) дѣло, нужда;
 сомйáликъ способность, посолъ.
 Сомáн Земл. меладно, вадоръ, ложка.
 Сор Земл. взрослый.
 Сорасэм (чув. сьорасъ) стоаарш-
 ваться, мириться, сватать; сорастарэм
 примиряю, умиротворяю.
 Сорвалэм (тат. соробом) прошу
 о помилованіи, умоляю.
 Соркэм (г. чер. царкэм) трехъар-
 шинная плаха дровъ.
 Сорла́ (чув. сьорла) серпъ.
 Сорля́ик (чув. сьуварлык) Вас. удя-
 ла; сорайком чиктэм взнуудываю; с.
 кудакшэм взнуудываю.
 Сорта́ (чув. сьорда) свѣча; сорта́-
 кече Земл. поминки въ великій чет-
 вергъ; шынчá-сорта́ вרכתъ.
 Сотарáш Земл. радоваться чужо-
 му горю.
 Сота́лга г.чер. Земл. свѣтловатый.
 Сохта́ колбаса.
 Сбрём общаю; сбремено обѣта.
 Сбс́ям (чув. сьурлесень, сьуря-
 чень) галста.
 Ссб́ряш Крок. оторачивать; ссб́-
 рэме оторочка.

Стопка Крок. стаканъ.
Стэла (чув. сыгала, тат. бстала)
стола.

Суан (тат. суанлык, г.чер. шуан,
чув. суван) суанлык заслуга, спасение.

Суараик (чув. сьуараик) см. сор-
лик.

Суас (г.чер. толар) татарина; суас-
ла по-татарски.

Суат Земл. святой; суатаанаш свя-
тита; суатик свято.

Субуво Земл. глухарь.

Субирчик болтухъ яйцо, субир-
чиканларэм Крок. дѣлаю яйцо бол-
туномъ; субирчикангем дѣлаюся бол-
туномъ (о яйцѣ).

Субинь благословение.

Суэ (г.чер. субуво) глухарь са-
мецъ; чув. узан телерева.

Сук обѣщаніе Богу или керемети;
у Крок. порука, ручательство.

Суксо см. сахче.

Сукіэм) встаю на колѣна; су-
Сукунем) кунем кумалм кланя-
юсь земно.

Сукур (чув. сьукур) короной хлѣба.

Сулакмамаш г.чер. Земл. уни-
вать; см. сулак.

Сулак г.чер. грѣхъ,—шю.

Сулул засовъ, задвижка.

Сулам-дуктам спасю, искупаю,
свидѣтельствую въ пользу; сулам-ма-
лам беру обратно заложенное (тат.
эблам, чув. сьул спасать, искупить).

Суламш Земл. сулитъ.

Сумпу-монастыр (по рѣчкѣ Сум-
кѣ) Ранфская пустыня.

Сур Вас. свивый, сѣдой (тат. соро-
сѣрый).

Сурэв-кед Крок. замызвется.

Сурнай (чув. сурнай) волынка;
тат. сурнай—какая то веселая, плясо-
вая мелодія.

Суро Вас. бурый; см. нууро.

Сурт (чув. сьорт) все малворное

строение; сурт куго ишо великій богъ
дома; сурт куго нуарошо великій пре-
дпродѣлитель судьбы дома; сурт-орт
домовой духъ (чутье); суртло кутуай,
кувай домовые дѣдушка и бабушка;
сурткм-арайышо куго ишо великій
богъ хранитель дома; сурт уиблям
сахче ангель-хранитель дома; у Крок.
сурт отечество, мѣсто родины; сурткм
отечественный.

Сурэ (тат. соро-карт) грутень.

Сускэн Земл. см. сфсгукен.

Суско рыболовный сачекъ.

Суслэ (тат. шбшадк, чув. шшшл)
кочельмъ (г.чер. шужель).

Сусир (г.чер. шшшур) язва, рана;
сусиргэм раниса; сусиртэм раню.

Сусу Земл. удовольствіе, радость;
сусуамаш увеселить.

Сутан Сири. голодный; сутэм
голодан; см. сѣт.

Суткд сутки.

Суто (г.чер. сото, чув. сьот) свѣтъ,
свѣтлый; сутэм, сутэмтарэм освѣщанъ.

Син (чув. син) лицо, облакъ (тат.
син статуа); синдэмо малокровный; у
Вас. синдэмо безобразный; синсир Зеца.
неблагоушно, некрасиво, не учтиво
(чув. синзыр безобразный).

Сиван (чув. сьпан, тат. чмуан) че-
рей.

Сивин свадебный женскій каф-
танъ.

Сир частица, приставляемая въ
концѣ слова, для отряпанія.

Сирэ (чув. сира, сра) пиво.

Сиравоч, сиравочий ключъ отъ
замка.

Сирадэм зашрано.

Сиран (чув. сирам) сиромятная
кожа.

Сиркд Вас. укусъ.

Сиркд Вас. см. салнд.

Сирэм сержусъ, бранъ; сиркдтэм
сержу, валорю.

- Сирцѣи́ш Крок. см. шѣрчѣи́ш.
 Сѣсна́ (чув. сисна, г.чер. сасна) синья; сѣсна́ узѣ борозъ; сѣге поро-
 сеюкъ.
 Сѣт-ѣи́ш обжора челоуѣкъ.
 Сѣѹм (чув. смян) см. сян.
 Сѣтрѣм продаю по высокой цѣ-
 нѣ, оббираю до чиста, беру безошала-
 но, (тат. сидрам раздирю).
 Сѣи Вас. см. сѣи.
 Сѣя́ (тат. вѣйя) г. Свижскъ.
 Сѣян свадьба; сѣян-вуй распоря-
 дитель шра, голова свадьбы; сѣян-ка-
 лик поѣжане.
 Сѣве древесный червь (чув. шѣге
 хлѣбный червь).
 Сѣге (чув. сѣгѣ, г.чер. стеряи)
 стеряи (тат. чѣгѣ балыкъ).
 Сѣгзѣм (г.чер. шигаѣм) выщелки-
 ваю, хушу орѣхи.
 Сѣгрѣм (чув. сѣхр) см. сѣгрѣи.
 Сѣдур-умбѣа (тат. сѣмѣра) см.
 седрябѣа.
 Сѣвели Вас. см. сусѣ.
 Сѣмь осязаніе; кѣд-сѣмѣи наощуъ.
 Сѣмѣ Вас. см. шѣмѣ.
 Сѣкъ соръ; см. кѣштра; сѣкѣн-
 дѣм засоряю; сѣкѣнѣм засоряюсъ.
 Сѣкѣш Земл. повергаться, падать
 въ ноги.
 Сѣкѣш Крок. сорить.
 Сѣлюк Вас. (чув. сѣлѣх) шѣвка.
 Сѣлѣк Крок. супонь.
 Сѣм сѣр упрямый.
 Сѣмѣсѣр Вас. сѣт-ѣи́ш.
 Сѣмгрѣм (тат. зѣмерѣи́ш, чув.
 сѣмѣрле) разваливаюсь, разрушаюсъ;
 сѣмѣрѣм разрушаю.
 Сѣмѣлѣш Земл. спотыкаться.
 Сѣнѣш г.чер. Земл. усохнуть, раз-
 сохнуться и вслѣдствіе того расше-
 ляться.
 Сѣрѣ (чув. сѣре) борова; сѣрѣм
 бороноу (тат. сабан сѣрам пугомъ па-
 шу).
 Сѣрѣм) праздникъ языческихъ
 Сѣрѣмъ) общественныхъ жертво-
 приношеній.
 Сѣрѣп (тат. сѣрат) икона, образъ.
 Сѣргѣм) (чув. кирле, шарла) про-
 Сѣрѣм) извожу гажъ.
 Сѣрѣ (г.чер. тахта) трутень (чув.
 сѣра дѣтка, рои пчель).
 Сѣргѣа (чув. сѣреге, г.чер. пре-
 ник) бредень (тат. сѣрака головой
 уборъ женщины крещеныхъ татаръ
 Казанскаго края, также рачій хвостъ).
 Сѣрѣи (тат. чуртан) Кр. Яр., см.
 чуртанъ.
 Сѣрдурѣмбѣа см. седрябѣа.
 Сѣрюм (чув. сѣрѣм) угаръ, чалъ;
 сѣрюм логѣи́ш (чалъ попалъ) угорѣлъ.
 Сѣсъкѣла Земл. гужи.
 Сѣсъпѣи́ш (чув. сѣсъмѣнѣ, г.чер.
 амѣт) хомутъ; сѣсъпѣи́ш хомутшиа;
 сѣсъпѣи́ш-кѣи́ш гужи; сѣсъпѣи́ш-ома
 клеши у хомута.
 Сѣсътѣкѣмѣи́ш запкаюсъ; сѣсъ-
 тѣкѣи́ш нѣмо, врѣшпетываю.
 Сѣсѣрѣи́ш выскальываю, отсте-
 гиваюсъ.
 Сѣсѣрѣи́ш отстегиваю, отламываю.
 Сѣт-ѣи́ш Вас. см. сѣт.
 Сѣ г.чер. Земл. коса (орудіе).
 Сѣб г.чер. Земл. стогъ сѣна.
 Сѣба г.чер. Земл. (тат. чѣбики) хво-
 роста.
 Сѣкѣлѣтѣш Крок. повѣситься;
 см. сѣкѣмѣ.
 Сѣрѣ, сѣрѣи́ш г.чер. Земл. полоса
 земли, загона; см. серѣм, сѣрѣм.
 Сѣрѣ Кр. Яр. (чув. сѣрѣ, г.чер. ша-
 ря) голый; сѣрѣи́ш нагишомъ.
 Сѣрѣш г.чер. Земл. вертѣть; сѣ-
 рѣи́ш заворачивать, повертывать; сѣ-
 рѣлѣтѣш заворачиваться, повертывать-
 ся.
 Сѣтан (чув. сѣдан, тат. читѣн,
 г.чер. сѣванѣче) плетень (яггородъ).

Сятйрмака́ (чув. сятра, тат. чытыр) растопка вообще, въ частности щепки, лучина, мелкій сухой хворостъ.

Т.

Таа́че (г.чер. тага́че) сегодня; та-ыййкъ предназначенный на сегодня.

Таба́ (тат. таба) Земл. см. саяна́.

Таба́ г.чер. Земл. охлопокъ, клокъ.

Таба́к-шур Крок. табачная мельница.

Таба́м г.чер. Земл. ключистый; см. таба́.

Таба́к Вас., см. коловница́, табк-ведра́ бадья́.

Табмш Вас. (тат. табмш) барышъ.

Тавалтэм топан ногой.

Тави́л Кр. Яу. см. лонгялтйш; та-ыйлэм качаюсъ; тавилтэм качаю на качала́.

Тавука́н г.чер. Земл. помѣстно, мѣстами́.

Тавэ, тави Земл. колодезь (очепъ?).

Тавэм (чув. тап) притопываю ногами, переминаюсъ съ ноги на ногу.

Тавй́ г.чер. Земл. пучить ледъ.

Тага́ (тат. така́, чув. тага) барашъ; тага́ш барашекъ; качака́-тага́ козель; юмон-тага́ бекать.

Таган́ (чув. таган, тат. дага) подкова; таганлэм подковываю собственноручно; таганйктэм подковываю черезъ посредство́.

Таганá) (чув. тигана, г.чер. джигана́) бо коритá) начевки́.

Тага́рше г.чер. Земл. сегодняш-ный́.

Тага́че г.чер. сегодня́.

Тагйм-кебэк г.чер. Земл. неважно до коньк поръ.

Тажа́ г.чер. Земл. см. тава́.

Тава́ (тат. тава) здоровый (тув. та-ва чистый); тавайлхъ здоровые; тавлайш

тучить, жирить; таваладарэм г.чер. Земл. откармливан.

Тавила́н Крок. скользяй, слякстий.

Тайна́ндарйш г.чер. Земл. при-клонять ухо, наклонять; таймш при-клонять, наклонять; таймйштйш пла-таться, мотаться.

Тайха́ г.чер. Земл. сорочка и дѣ-вичй марьяль, надѣвзанный на голову.

Такма́к Земл. см. таймйк.

Такыр́ г.чер. Земл. (тат. такыр) дворникъ; такыр-такыртыша наследникъ; такыр также значить уютанный, уличный; такыргэм утаптываюсъ; та-кыртэм утаптываю, протарываю.

Такэш́ г.чер. напрасно, даромъ, всуе́.

Тала́ Смирн. храбрый, талайкъ храбрость, молодечество, удачество.

Тала́н счастье, удача; талайшъ счастливый́.

Талаша́ г.чер. Земл. разбойникъ; талаш см. толэм.

Талгбдэ́ еще нежеребившаяся, молодая кобыла́.

Талќ Вас. см. патыр́.

Талмо́ Земл. мѣсто за поясомъ, гдѣ помѣщается топоръ при ходьбѣ въ лѣсъ; поясъ со скобой для топора.

Талу́к Земл. годъ; талука́ш годовалый́.

Талкшнá горячка́.

Там́ Вас. вкусъ; тамэ́ (тат. тамнэ́) вкусный́.

Тамакá (тат. тамáке) табака́.

Таман́ (тат. таман, чув. тутлао, г.чер. торло) вкусный, сладкий́.

Томга́ Зол. (тат. тамга, чув. тамга) клеймо; у Крок. пятнышко, по-марка; тамгаэмлэм пятна; тамгаэмлэм пятнаться́.

Тамиќ Вас. (чув. тамик, тат. тамик) бедная, ала́.

Тангаштарѣм (чув. танаштар) уравниваю величины.

Так (чув. там) равный, ровесникъ; тангит сокр. танг-кит употребляется при сравненіи длины и расстоянія и переводится словами: столько же; Чако гйч Козловкѣ тангит до Краснаго Яра столько же (верста) сколько и до Козловки (отъ с. Искеннова).

Танг г.чер. Земл. доброта, красота; танган видный, красивый; тангдамо невидный, некрасивый.

Танйк (тат. таник) г.чер. Земл. свидѣтель, танйкйш свидѣтельство, показаніе; танйштараш свидѣтельство.

Танланаш г.чер. Земл. проявлять, прохвнуть проявляться.

Танпѣм осмѣливаюсь.

Тантѣм кую.

Танйрйи г.чер. Земл. временно, непостоянно.

Тар (чув. тар, дарѣ) пороха; ужар-тар купоросъ; пахчѣ-тар макъ.

Тар Земл. (тат. тарѣ) просо.

Тар Земл. Са дары, причастье; тарйи юктѣш причащать; тарйи паш причащаться.

Тарава колодезный оцепъ (чув. тарава вѣсм); таралтам перетягиваюсь; таразѣм перетягиваю.

Тарақан тарақанъ, мол-тарақан плавунецъ (назѣкомое).

Тарбалташ Земл. тревожить, колебать, смущать.

Тарбаш Земл. см. танчѣш.

Тарбѣш Земл. откланивать, выкланивать.

Тарванѣм (чув. таправ) шевелюсь, трогаюсь; тарватѣм шевелю, трогаю.

Таргйктарѣм удерживаю противъ желанія, одолевая; см. талаштарѣм.

Таргйкткш Вас. см. арйптйш.

Тарлѣм (чув. тар тыт) занимаю;

тарКао работника, наймитъ.

Тармѣш Вас. сбруя, принадлеж-ности къ какой либо работѣ.

Тарче) Земл. см. тарлѣм, та-Тармѣо) рыбо.

Таря Земл. плата за трудъ.

Тасма (тат. тасма, г.чер. алл шу-йш) тесьма.

Тата Крок. лѣнь (рыба).

Тау (тат. тау) спасибо, благодар-ность; тауштѣш благодарить, тауштйкш съ благодарностью, благодарный.

Таче см. таиче; тачейк предла-значенный на сегодня.

Ташкѣш г.чер. Земл. положеіе, кусокъ холста, на который встануть брачующіеся.

Ташкалтѣм Крок. лѣзу по ступенямъ.

Ташлаш г.чер. Земл. разливаться (о рѣкѣ).

Ташна см. тасна.

Таяльтѣш Крок. скрываться, прятаться.

Темъйи Зол. ладонъ, финіанъ.

Темущкѣ Вас. кулекъ.

Темелъ г.чер. Земл. скамья.

Тиве Земл. см. чѣбе.

Тивѣк Вас. ласточка.

Тйокѣ г.чер. Земл. дѣвучка.

Тйоралѣи Смирн. сужу; см. тѣря.

Тйоргошталаш Земл. быть встѣльчиву.

Тйорлоктѣш Земл. заровнять, загладить.

Тйорожмо, тйорал-чонѣи встѣль-чивый.

Тйороншталаш, тероштѣш Земл. см. горештѣш.

Тйоркѣчйиш г.чер. Земл. рав-нодействие.

Тйорсиръ Земл. неправедный, не-справедливый; тйорсирлѣк неправда.

Тйоря (тат. тура) см. торя.

Тйотѣ г.чер. дѣла.

Том ядро (орѣха и др.)
Томажиктѣш Земл. истомать.
Томѣм тощій.
Томашѣ (тат. тамаша) хлопоты, забота.

Том Крок. см. том.
Томгѣль Земл. постель; см. вѣшкѣш; ср. тѣгѣль.
Томгата пень.

Тонѣм (тат. танган) отрѣкаюсь отъ совершенныхъ дѣлствій, забираюсь.

Топ (тат. туп) мять, пушечное ядро; у Вас. и чув. тобѣ пушка.

Топѣм (тат. табан, чув. тобан, г.чер. положѣ) повозъ.

Товла «муха» (игра).

Топлѣт г.чер. непространно.

Тор Крок. (тат. тар) тѣснѣй, скатнѣй, непространнѣй; торѣмдѣм утѣсняю; торѣмш утѣсняться.

Тор-пунѣм (чув. тор) см. ракъш.

Торѣ Земл. даско.

Торгаѣм занимаюсь торговлей; торго торгѣ.

Торѣ г.чер. Земл. см. тѣрѣ.

Торѣк (г.чер. тувургѣш) творогъ; торѣкѣм малѣм квашу творогъ, торѣк-вод сыворотка, (чув. торѣх кислое молоко).

Тортѣ (тат. тѣртѣ, чув. торла) оглобля; тортѣ-пунѣмдѣш завертки у оглобля.

Торѣш поперекъ; торѣш-товѣр мотыга (орудіе); торѣшлѣк г.чер. Земл. поперетныя нитки въ тканѣ, утѣкъ.

Торлѣн раздвинулся, разъединился.

Торо г.чер. Земл. см. тѣр.

Торѣм разъединяю, раздвою.

Тос (тат. дус, чув. тос) дружба, связанная обѣщаніемъ подарковъ; тослѣ по-дружески; тослѣш Земл. дружится.

Тото лѣнь.

Тотля Земл. см. тѣло, тотлѣм-дѣрѣш, тотлѣмдѣш подсапывать; тотлѣмдѣмдѣш, тотлѣмдѣш дѣлаться сала-кнѣя, вкусимнѣя.

Тотѣштѣш подсапывать; у Крок. отвѣдывать, вкусъ узнавать; тотѣштѣмдѣш вкусъ узнается.

Точѣм желѣю, маѣтревѣюся, стараюсь.

Тош (чув. туш) обухъ.

Тошѣ см. томѣм.

Тошкѣм тошчу, поширю; тошкѣмдѣм наступлю ногами, шагну; тошкѣмдѣш (г.чер. ашкѣл) шагъ и дѣстнннѣя; тошкѣмдѣш тошчусь, поширяюсь.

Тоштѣмдѣш г.чер. Земл. устарѣть.

Тошто старѣй, древнѣй, вѣстѣй; тошто-голом въ старину.

Тоштѣм Вас. оснѣживался.

Тоѣм прячу, также хорошо умершихъ; тоѣмдѣш Земл. см. шлѣм.

Тоѣ (чув. тоѣ, тат. тѣк, г.чер. ванла) палка; тоѣм подпирался; тоѣм-но-тоѣ посохъ.

Тѣргѣлѣм оглапался.

Тѣргѣм прыгаю на одной ногѣ; уѣргѣштѣм прыгаю, скачу.

Тѣрѣѣ Вас. (тат. тѣрѣѣ) окно.

Тѣрѣлѣтѣм (тат. тѣлѣтѣм) исправляю, расправляю; тѣрѣлѣм исправляюсь, поправляюсь, расправляюсь.

Тѣрѣлѣм уплачиваю.

Тѣрѣ (чув. тѣрѣ) прямой.

Тѣрѣ Вост. черем. вельможа, судья.

Тѣрѣк см. тѣрѣ.

Тѣрѣтшагдѣм, тѣрѣштѣм см. тѣрѣштѣм.

Тѣштѣк (тат. тѣштѣк, чув. тѣжек) тѣфякъ, вершина.

Трамчѣ (чув. тремча) дража, дрѣшнѣя.

Тремѣ Крок. см. трѣмѣ; трѣмѣмдѣш искривиться.

Треш г.чер. Земл. окончность.

- Тредіи жну, стригу.
Тринэмлѣш г.чер. Земл. кривать-
ся.
Тритѣртѣр божья коровка (на-
сѣкономое).
Триэ Вас. (тат. тырма) см. споря;
триэлэм бороною.
Трон дробь.
Тртс круглый, см. тѣртѣс.
Трувѣ труба.
Трук варугъ.
Трктѣѣ пастушій рогъ (г.чер. тѣ-
тѣт)
Трѣинь Крок. вкось.
Тряи Земл. дрянъ, трянишкѣ г.-
чер. Земл. солоинца.
Ту Земл. земля.
Тудѣк (г.чер. такеш) такъ даромъ;
туѣк-кече будни.
Туамбѣло г.чер. Земл. тщетно,
напрасно.
Туарѣ (г.чер. тара) сырчикъ.
Туарѣм (чув. тувар, тат. туарам)
выпрягану.
Тубулѣм Крок. равнижаю, за-
стучаюсъ; тубулѣша разъемщикъ; ту-
булѣмѣш огражденіе, зацѣпленіе.
Тубур Земл. см. тугур.
Тубуртѣш Земл. творожить.
Туврѣс (г.чер. потѣлок) потолкаъ.
Тувуаѣм см. тубулѣм.
Тувур Вас. см. тугур.
Тугѣк точно такъ, также.
Тугѣне такой какъ онъ.
Тугѣт и такъ; у Крок. ничуть,
висколько.
Тугум (тат. тугѣн, чув. туван) родъ,
родословіе; тугумѣш родня.
Тугур рубаха.
Тугурдѣк Крок. бугоръ.
Тугурамк материалъ для рубахи.
Тугѣ такъ; тугѣ-гынъ если такъ;
тугаѣк, тугаѣк также; тугѣлѣ вонъ туда.
Тудо тотъ, онъ.
- Туѣ Земл. см. туй.
Туж беременная, стальная, супо-
росая и т. п.
Тужѣк туда.
Тужѣм тысла.
Тужѣчнн оттула.
Туй Вас. хворый, больной.
Туйс Вас. буракъ, члякъ.
Тук, тукум см. тугум.
Тукто-лудо см. токта.
Туклар сваты; тукаѣче (чув. тух-
лач) свазн.
Тула огонь; тула налжѣш огонь раз-
горается; тулаю крежень; тула-шол го-
рячій, красимй уголь; тула-вонло хо-
черра; тула-олмо пепелище; тула-солѣм
пламя; тулайшо бѣни горячая, ретивая
лошадь; тула-он-куго-нмо великій богъ,
младшкя огня; тула-пуйрошо создатель
огня; тула-авѣ мать огня.
Тулар Земл. сватуна, —нья; тулар-
тарѣш засватать.
Туларче Земл. см. тулар; тулар-
чемо створенный, сосватанный.
Тулаш Земл. см. толѣм.
Туло мельница, мялка; туло-мар-
лѣж буря.
Туло Земл. жестокий.
Тулак (тат. тол, чув. тугуз) си-
рота, вдова.
Тулактѣмо Земл. скопецъ.
Тулауп тулаупъ.
Тулаѣм Крок. примѣта, тулаѣмѣн
примѣтнѣй.
Тумѣи см. порѣн.
Туманѣ (чув. тумана) сова.
Тумбѣлмо (г.чер. тахпѣлно) вла-
ли; у Земл. тугъ; тумбѣко вдалъ; тум-
бѣчнн издали.
Тумдѣм г.чер. учу.
Тумѣнѣм г.чер. учусь.
Тумлѣге Смирн. см. тумѣгѣле
Тумо дубъ; тумѣгѣле желудъ; ту-
мо-поно опята; тумо-шѣгѣле орѣшки,
образующіеся на листьяхъ дуба; тумо-

коя бѣшенца рыба; тумо-клим см. поркют.

Тумуш см. сакам; тумуштэм заплачиваю, чиню.

Тумэгэ ле желудка.

Тумэр, тумэрая дубовая роща.

Тумá (тат. тана, чув. тана) телка.

Тумалаш Земл. см. тумалам

Тумара столько, сколько тамъ.

Туп спина; туп-ймиш коренная лошадь (в. парѣ); тупйны-йштэм дѣлаю вопреки, наперекоръ; туп-риво хребетъ.

Тупка Крок. охлопки.

Тур столбы подь строениемъ.

Тур тихо, неподвижно.

Турá крутой; турáшто прямо надъ, противу.

Турá Крок. мира, спокойствіе; турá-виш-шудо Земл. петровъ крестъ, (трава).

Тургэдэ гораника.

Тургон г.чер. Земл. щелокъ см. кон.

Тургоч Смирн. всеблагій.

Тургуж-чован Земл. всплывчивый тургуштараш встревожиться.

Туржам ину; туржалтам инуь.

Турка Крок. огрубѣвшій, окаменѣлый, жестокий, своенравный, упрямый.

Туркаш Земл. молчать, сносить, терпѣть; туркэдэмо нетерпѣливый.

Турлаш Земл. униматься, молчать, успокоиваться; турлайтам утишать, укрощать.

Турмалаш (тат. тырма борова) см. турмалам.

Турмо Земл. рысь (звѣрь).

Турнй Земл. непокорный, жесткій, упорный.

Туро Земл. см. тур 1-е.

Турхалам, турхэм гошу, терплю; турхиктэм принуждаю терпѣть; турхылаа удоботерпимый.

Тусарэм объясняю сим; у Земл.

порокуд, унѣо маленько.

Тусо тамошній.

Тусь Земл. полчиное.

Тут см. там.

Туго полный, зрѣлый.

Тутлаи поэтому.

Тутуштэм Земл. подслащаю, услаждаю.

Тутэн-ойляш Земл. занкаться.

Тучá (г.чер. полко) туча, стая.

Тучам Вас. мѣчусь въ цѣль.

Тучаш Земл. см. чучкэм.

Тучола столько, сколько тамъ.

Туш (тат. тбш, чув. тш) ядро плодовъ, зерно послѣ обдирки, — безъ чешуи.

Тушкаш Крок. сѣвливаты, злѣпять; тушкалэн-чйкыш Земл. заткнуть.

Тушко туда; тумеч отгула, тусо тамошній; тумкебэ Земл. дослѣ, до снѣхъ поръ (до тѣхъ поръ) см. тйшкебэк.

Тушлэш Земл. винмать, вникать, вслѣдовать.

Туштам загадываю; тушто загадка, арифметическая задача.

Тушто тамъ.

Туштомаш Земл. см. туштам; туштом-туштомаш двусмыслица.

Тушман (чув. тушман, тат. дошман) врагъ, колдунъ.

Тушн выѣ.

Тувъ Вас. (тат. туба) бугоръ, холмъ.

Тугаль четъ, четное число; см. утэм-тугала.

Туганэм изнашивался, истощался.

Тугб вонъ изъ комнаты.

Тужвалмо выѣ, снаруж; тужвикб наружу, тужвалчн извыѣ, совнѣ, снаруж.

Тужэм тысяча.

Тукб заширка въ деревянномъ замкѣ, засовъ; у Вас. рогъ.

- Тўк е д ъ л ѡ м двигаю, ошупываю.
 Тўк е м манера, образецъ.
 Тўк ѡ л ѡ м дотрогиваюсь.
 Тўк е м трогаю, стучу, болаю.
 Тўк и ѡ м касаюсь.
 Тўк ѡ л т ѡ м запираюсь: тўк ѡ л т ѡ ш задвижка, засова.
 Тўк ѡ л а т ѡ ш удариться обо что.
 Тў л а к р ѡ ѡ м (г.чер. сепнем) впадаю въ безчувствіе, въ безпамятство.
 Тў л ѡ м (чув. тўле, тат. тўлесъ) уплываю, расплываюсь, размножаюсь: тўле-вуяч плодovitый (скотъ).
 Тў л ѡ ш шкѡ-тўлѡш про себя (читая) въ себѣ (помышляю).
 Тў м ѡ-тўм ѡ звуки барабана, тўмўр барабанъ; тўмўрѡ барабанщикъ.
 Тў м ѡ (тат. тўба, чув. тўмъ) бѣгору, см. тўмъ.
 Тў н ѡ (тат. тѡниѡк, чув. тўне отверстіе для выхода изъ пазы дѡма).
 Тў н-тўн стукъ въ дверь, окно.
 Тў н (тат. тўна) комель; тўндѡм костѣнѡ; у Вас. гну. (?)
 Тў н ѡ л ѡ м (чув. тўленъ) удивляюсь.
 Тў н ѡ л ѡ м начинаю, тўнѡлѡмш начало.
 Тў н ѡ л ѡ ш см. тўнѡлѡм.
 Тў н ѡ л ѡ г ѡ м отымаю.
 Тў н ѡ см. тѡн.
 Тў н ѡ к Вас. см. тўне.
 Тў н ѡ к т ѡ м (г.чер. тўндѡм) учу тўнѡктѡмшб учитель.
 Тў н ѡ ч ѡ (тат. дѡнья, чув. тўнѡчѡ), тўнѡзѡ, тўмъ) здѡшній мѡръ; тўнѡчѡ-тўмѡль небо; тўнѡчѡ-куго-юмѡ великій богъ вселенной; тўнѡчѡ куго пўйрошо предѡпредѡлитель будущей судьбы мѡра; тўнѡчѡ тўмѡль шѡчѡн ѡмъ мать рожденія, зачатія мѡра.
 Тў н ѡ м ѡ м (г.чер. тўменѡм) учусь, приымаю.
 Тў н ѡ см. тўнѡчѡ.
 Тў н ѡ л ѡ ш ѡ м раззоряюсь.
- Тў р ѡ е губа; тўрѡфѡчѡм чѡшу, фиркаю.
 Тў р ѡ ѡ (тат. тѡрѡб, г.чер. статѡ) видѡ, категория, цѡтъ; тўрѡѡ-тўрѡѡ разнообразій.
 Тў р ѡ л ѡ м расширяю узоромъ; тўрлѡмо (чув. тўрѡ) вышивка.
 Тў р ѡ л ѡ м см. тѡрѡлѡм.
 Тў р ѡ мѡрѡ, начало; тўрѡ волѡк нижняя стрѡха.
 Тў р ѡ ѡ (чув. тўри) жаворонокъ; также божья коровка; см. тўрѡѡртѡѡ.
 Тў р ѡ с ѡ цѡлѡмъ, непечатный.
 Тў р ѡ ѡ Вас. (чув. тўрѡ) см. тўрлѡмо.
 Тў р ѡ ѡ (чув. тўрия, тат. тѡриѡ) журналъ; тўриѡ-пѡчѡж клеюка.
 Тў р ѡ т ѡ м ссорю, поселяю раздора.
 Тў с ѡ (тат. тѡсѡ) образъ, изображеніе; юмѡн-т; сѡ шкѡна.
 Тў т р ѡ (чув. тўтрѡ) мѡла, туманъ; тўтрѡм окуриваю, кажду; тўтрѡ-куго-юмѡ великій богъ, валдыка тумана; тўтрѡ-куго-пўйрошо предѡпредѡлитель судьбы тумана, росы.
 Тў т к ѡ н ѡ м Вас. заикаюсь.
 Тў т ѡ т (чув. тўтъ) см. тўтѡкѡ.
 Тў т ѡ м Вас. щелкаю зубами.
 Тў ш ѡ к (тат. тўшѡк) см. тѡшѡк.
 Тў ш ѡ к ѡ, см. тўчѡ, группа кустъ.
 Тў ѡ (тат. дѡя, чув. тўѡ) Зол. верблюдъ.
 Тў ѡ м (тат. тѡмѡ, чув. тўмъ) толкъ; рублю капусту; у Вас. крошу.
 Тѡ см. сокр. отъ тѡдѡ этого.
 Тѡ шѡшѡ.
 Тѡ ѡ к писара.
 Тѡ ѡ р т ѡ м ѡм ѡ личица; у Вас. и чув. творѡгъ.
 Тѡ ѡ н ѡ е такой какъ этотъ.
 Тѡ ѡ м ѡ дѡ мелкій; тѡ ѡ м ѡ-ѡксѡ мелкій деньги.
 Тѡ дѡ см. тѡ ѡ-ѡ.
 Тѡ г ѡ н ѡ к т ѡ ш Земл. наносить, уничтожить, изгладить.
 Тѡ г ѡ р г.чер. Земл. зеркало.

Тй д а л и н и г. чер. Земл. поэтому.

Тй ж а к см. тйшта.

Тй ж а н Земл. сюда, на мѣсто.

Тй ж э м Земл. см. тйжем.

Тй ж е ч и н отсюда.

Тй к а г. чер. Земл. см. тйке; тйк-айш Земл. см. тйкезайш.

Тй к к Земл. мнръ, тишина.

Тй т.

Тй л ч е луна, мѣсяць времени; тйчаш тйльче полнолуние; у-тйльче новолуние; тйльче-пуврошо-куго-юмо великій богъ, создатель луны; тйльче-он царь луны; тйльче-авъ мать луны.

Тй н а р вотъ столько.

Тй н м о ш ь, сила; тйнтмч каэм терию силу.

Тй н Земл. г. чер. начало, веркъ, естество, сущность.

Тй н а строка (наэкомое).

Тй н ь тм; см. тйа.

Тй н э ш -пуртэм крещу водою, привожу въ христіанство.

Тй н е Земл. см. тунб; ср. тунэ.

Тй н и н твоя.

Тй н и н и н и звуки волннки.

Тк н к т а ш Земл. см. тунуктэм.

Тй н ч а см. тунча.

Тй р см. кой.

Тй р Земл. остріе, лезвіе, край.

Тй р б э Земл. см. турвэ; тйрбын-цаш чихать.

Тй р г а Крок. журчить, тйргаш Земл. рабѣть, плескаться (о водѣ).

Тй р г д э м ш а Крок. закрайна.

Тй р г е ш т а р а ш Земл. толкнуть, свергнуть.

Тй р л э м Смирн. (тат. гэрэлям) вздоравляван.

Тй р с у л у к Земл. застрѣха, см. турьволик.

Тй р т э ш т а ш округлять.

Тй р т й с см. тртс.

Тй с т о класно, мѣта.

Тй т, сокр. отъ тйла йййи, этой ночью.

Тй т а к вина; тйтйкйи вымывный; у Земл. вздорный, вредный; неладно.

Тй т р а л а ш г. чер. Земл. курить-ся, дымиться, туманиться.

Тй х я л а о к г. чер. Земл. непре-стanno.

Тй ч полнмъ-полно.

Тй ш к а ш Земл. см. тушкш.

Тй ш к е б э к г. чер. Земл. доселѣ; ср. тушкебѣ.

Тй ш к о сюда, тйштэ здѣсь, тйгэ здѣшній; тйшеч отсюда.

Тй ш л а ш Земл. см. тушалш.

Тэ й м.

Тэ см. дэ.

Тэ в э вода.

Тэ г э н е г. чер. Земл. см. тйгине.

Тэ г э т деготь.

Тэ л е (чув. хиль) зима; тэлим зимон.

Тэ л е т а Земл. особенный, особеннo.

Тэ м б а к о поближе, по сію сторону (куда?); тэмбакэ-умбкэ Земл. туда и сюда; тэмбаво повту сторону (гдѣ?); тэмбачйи съ этой стороны.

Тэ м д а л а м нажимаю; тэмдэштэм ошупываю.

Тэ м э полный; тэмям наполнясь; тэмех наполняю.

Тэ н е Крок. такъ точно.

Тэ н е р ш а Крок. вытѣшній.

Тэ н э (тат. танкй, чув. тенэ) рубль.

Тэ н э л (чув. тэнель) семейка.

Тэ н э с э вчерашній; тэнече вчера.

Тэ н д а н ванъ.

Тэ н э й нытшнннъ лѣтомъ, го-домъ.

Тэ н й с (чув. тинисъ, тат. дингешъ) море; тэны-он-куго-юмо великій богъ, владыка моря; тэныс-куго-пуврошо великій создатель моря; тэныс-авъ мать моря.

Тэптэр толкъ, помятис; у Вас пытливый; тудон ни мо гчтэржит укэ въ исмъ нѣтъ ни мало толку; тэптэр-лэи исмытываю.

Тэртис (тат. тирес, чув. тирис) на-вогъ.

Тэртүш шаяна.

Тэраалатш Земл. см. тэралтэм.

Тэртч, тэртчѣи отъ.

Тэртнш Земл. теритъ, страдать.

Тэрттам Смирн. см. тэргештэм.

Тэръ всякій земный экипажъ; тэръ кудлѣино глѣрэм праздникъ Благо-вѣщенія,—собственно праздникъ ког-да остаются сами (ѣду на саняхъ).

Тэрке вост. чер. дохой.

Тэрке чашка, блюдо.

Тэркүш Вас. см. тэртүш.

Тэтэле сѣтъ, которой ловятъ ры-бу, плыва въ двухъ лодкахъ.

Тюбаа Земл. см. түгаль.

Тюботок Земл. см. чѣлт.

Тгемаа Крок. непокорный, не-послушный, противный.

Тужго Земл. см. түж.

Туймо Земл. толкушка.

Тюк-манша-кек г. чер. Земл. сне-гирь.

Тюкалэ Земл. всячески, различно.

Тюклэм Смирн. задвигав.

Тюлжгаш Земл. истощаться.

Тюляиаш Земл. стараться, при-лежать, радѣть.

Тюнем Смирн. миллионъ.

Тюмень Земл. ястребъ.

Тюгенаш г. чер. Земл. см. түг-лэм.

Тюндаш Земл. загиблѣ; тюндаш сгиблѣ; тюндуктэм изогнуть.

Тюнжозаш Земл. глухнуть; тюн-жовэлк глухота.

Тюнь-айдэм Земл. начальный че-ловѣкъ.

Тюнюк Земл. см. түнѣ.

Тюррорэ Земл. крайний.

Тюстэ Земл. зеркало.

Тюсюн Земл. различный, различно.

Тютэн Земл. потопа.

Тютчэ Земл. слѣдъ.

Тябэм Крок. пучу; тябэн шин-айн испучило.

Тягаль г. чер. Земл. покатость, от-логость.

Тяктэ Крок. дикій (кажется мезъ); см. тяткэ.

Тяляш Крок. тягаться, произво-дить дѣло въ судѣ.

Тялякэ г. чер. Земл. мелкій, не-глубокій.

Тяжаш г. чер. Земл. соревнова-вать, въ запуски работать.

Тягоштаремаа г. чер. Земл. удобосравнимый; тягаштарагаш срав-ниваться, слитчаться.

Тякж г. чер. Земл. см. тэжѣс.

Тяккэ г. чер. Земл. звестѣть.

Тяткэ Земл. дикій медъ ср. тяткэ.

У.

У вошай.

Уа (чув. хва) тальникъ.

Уакш бродъ, мель.

Уа бурый.

Уала Земл. см. уа.

Уан Земл. надежно; уанш надѣ-яться, уповать; уанблэмш отчаяннѣ.

Увэръ вѣсть, извѣстис; увэрѣи пу-эм, уверемаэм навѣщав.

Угкэ уголь.

Угурша г. чер. Земл. рой ичель.

Удэ Земл. худой плохой.

Удолэм Вас. молосъ.

Удрала Земл. черта.

Удирэм гребу, скребу; удиралэм паранну, удиркалэм паранну; удирѣи-тѣшо чесотка.

Удир кротъ.

Удуркалэм Крок. забочусъ, ста-равсъ; удуркалэмш суга.

У дѣт л я м ъ м жидичап.
 У ж а в ѣ Вас. жава.
 У ж а л т ѣ м вилжусъ, я видинъ (ескяъ).
 У ж а л ѣ м см. вужалѣи.
 У ж а (и) ш часть; ужа(и)шлѣи дѣл.
 У ж а р г ѣ см. жѣргѣ; ужѣр-гар (зеленый порошокъ) купоросъ.
 У ж ѣ м вижу.
 У ж а т ѣ м Земл. провожаю (только изъ дверей).
 У ж г ѣ шуба.
 У з а к т а р ѣ м (чув. оват, тат. оват) провожаю.
 У з ѣ (чув. ззя) самецъ.
 У з ю к л ѣ м Земл. уськаю.
 У к р ѣ Вас. чеснокъ дикій лудъ.
 У к т а н а л ѣ т ѣ м Крок. спутываюсь.
 У к ш сучекъ.
 У к ш ѣ н ч ѣ м блюю; укшѣнчѣкѣ тошнить.
 У к ш ѣ ц Земл. укусь.
 У к ѣ мѣтъ; укѣи ничего неимѣющій; укѣлѣк бѣдность; укѣ-годѣи въ отсутствіе.
 У л ѣ (чув. олав, лавя; тат. млау; г. чер. хла) подвола улабертѣи Земл. ящичество.
 У л ѣ к (чув. олав, тат. аулак) уединеніе, скрытый; также называється сборище одной молодежи, послѣдѣики.
 У л ѣ м я еси; уло есть; улагѣе еслибм, еслибм только.
 У л ѣ м о годѣи въприсутствіи, въбытность.
 У л т ѣ м см. улолѣи,—требуегъ внимательнаго падежа.
 У л ѣ м д ѣ ш Земл. благовоантъ.
 У н а л ѣ м см. налѣи.
 У н б ѣ к о ва, на, восторону, прочъ (кула); умалѣно на, за (дѣѣ); умбѣчѣи стъ, нѣъ-ва.
 У н ѣ о копье, штыкъ, жѣво.
 У н д ѣ л ѣ ѣ (тат. кандала, чув. хмѣтла) клоаъ.
 У н л ѣ (чув. хумла) хѣлѣъ, умалъ веръ

хѣлѣиикъ; умалъ-вагрѣге хѣлѣиикъ плети; умалъ верѣ (г.чер. умалъ равно) тычини для хѣлѣиикъ плетей; умалъ-канк шегленокъ; умалъ-шукш махаонъ (наѣтконое)
 У н ю л ѣ м Вас. понимаю; унмюларѣи вразумляю.
 У н ю р Сибири. влажно.
 У н ѣ р тихая погода.
 У н ѣ (тат. ана) воть.
 У н ѣ (чув. хуна) гостя; умалѣи гостю.
 У н ѣ л ѣ м см. унмюларѣи; унѣлларѣи вразумляю.
 У н к а р ѣ ш Крок. см. ошгарѣи.
 У н ѣ о см. умло.
 У н д ѣ л ѣ (чув. хмѣтла) см. умдѣлѣ.
 У н д у р Вас. (чув. хундур) бобра.
 У н д р ѣ м мучлюсь; см. азапланларѣи; ундрѣлѣи я измучился.
 У н у к ѣ виукъ,—чка.
 У н к а л ѣ ш Земл. живого, проворно бѣтъ, жидичать.
 У н ш г.чер. Земл. шапка; уншгѣрѣ околнѣи на шапкѣ.
 У н ш ѣ Вас. см. ушнѣ, шива.
 У р б ѣка, денежка; урѣи-гупѣи-нола мышъ житникъ.
 У р ѣ ш Земл. залить, обвалывать, окапывать землемо растеніи; урѣи-кеиш Крок. провалиться (обвалиться)
 У р б ѣ л Земл. см. урѣлѣто.
 У р б а л ѣ ш Земл. мѣсить скотникъ коркъ; см. арѣи.
 У р б ѣ з e Земл. см. рѣзѣе.
 У р в ѣ л т о (чув. арга) пола, подолъ
 У р г ѣ м шѣо; ургузо, ургучо портной; ургушъ шовъ.
 У р д ѣ м Вас. заливаю, проливаю.
 У р д ѣ м г.чер. воспитываю; у Крок. продолжаю, промышляю, надзираю. держу; урлѣиш Крок. промышляю.
 У р ж ѣ (тат. армш) рожа; уржѣ-авѣ спорнѣиъ.
 У р з ѣ Вас. см. корѣиш.
 У р л ѣ м раздѣлился.

Урайк (тат. орлок, чув. вурлах, г.чер. вурайк) потомство, племя, ло-роза, сімена для поства.

Урман счастье благополуіе.

Урманш Земл. рывина, образовав-шаяся отъ воды.

Урмйжеш воеть (волкъ, собака).

Ур-почшудо хвоць.

Урус) (г.чер. вурус) сталь.

Урсо)

Урбкто бурундукъ, сибирская бѣлка.

Урукташ Крок. шибить.

Урѣш разрушаеть.

Урѣм Вас. (тат. урам) см. орѣм; урѣм-пуслк переулочъ.

Услово (условіе, договоръ (пись-менный).

Ускарараш ускаать.

Усга (чув. уста) см. мастар.

Утарѣм спасю; утаралтам спаса-юсъ; утаратмйш спасеніе; утарйшо спаситель.

Утаргаш Земл. смущаться бытъ научаему; утаргаш смущать, научать.

Утла (чув. мгла) слишкомъ; уто лишній; утѣм остаюсъ лишнимъ.

Утлѣм см. утаралтам.

Утѣм-тѣгъль (чув. ыт тигель, г.чер. уто хляль) четь или не четь?

Ус) (чув. ус, ас) умъ, разумъ;

Уш) ушин умный; ушѣш-ок-воч (на умъ не ложится) не припомню; ушѣш ит мѣль (не беру въ умъ) не вспомянай; ушакйя премудрость; ушкйяш премудрый.

Ушанѣм (тат. мшанам) надѣюсъ.

Ушанаш Земл. скучать, соску-титься.

Ушараш Земл. прилаживать, сла-живать, соглашати.

Ушѣм прибавляю, соединяю.

Ушкйндарѣм вразумляю, внушаю.

Ушкѣль корова.

Ушкѣльѣм ревиюю.

Ушланаш соединяться, соглаша-ться; ушландарѣш соединять, согла-шать.

Ушма см. ушмѣ; ушмѣ токмакъ нѣбо въ роту.

Ушмем (чув. кушман) бушма; ко-че-ушимем рѣдка; доктар ушмем све-кла; салтак ушмем Вас. бушма.

Ушмѣм соединяюсъ, сливаюсъ; ваи-ушмѣм срастаюсъ.

Уштѣм повѣваю.

Уштѣш Земл. верста.

Уштарѣм соединяю.

Уѣмѣм обновляюсъ; уѣмѣм обво-ляю.

Уѣштѣм г.чер. ошештам см. уш-там.

У.

У масло (чув. сзю); у-арнѣ масляница.

Увюрѣ (чув. упрѣ) монка.

Удѣм сѣю; см. видѣм.

Удурь дочь, дѣвица; удурмйш женскій полъ; кайше удурь невѣста; удурь-вель падчерница; удурь-кудйш (г.чер. удурь-гуинь) подруга невѣсты, исполняющая нѣкоторыя обязанности во время пировъ у мѣл.

Удкѣра Вас. см. увюра.

Ужѣм приглашаю лично; ужкѣтѣм приглашаю черезъ посредство.

Ужѣр кудреватый, свилеватый.

Ужѣра (тат. вѣра) см. жѣра.

Ужгѣр) сбруя, инструментъ, во-

Узъгѣр) обще коллекція однород-ныхъ орудій или принадлежностей къ работѣ.

Уль нивъ; ульно виззу; ульч сви-зу; улькѣ виваъ.

Умьбѣльѣм (г.чер. вильно) встр-ху.

Умюль тѣнь; умюльтѣм остѣлю, даю тѣнь.

Умюрь (тат. умарь, гумерь, чув. умарь, г. чер. курум) вѣка, вѣчность.

Умйр Якова. см. умйр; умйр-куго-юмо великій богъ тихимъ, ведра; умйр-куго-пуыршо предпрѣлатель тихимъ, ведра.

Унб (чув. угэ) филинъ.

Унше (г. чер. смирн) тихій, кроткій, смирный.

Унчулюк вылезъ головой.

Упъ волоса на головѣ; у Вас. искра; см. айкъ; упънэ-пурго коса изъ волосъ.

Упш сирать, запалъ; упшм пахну, воню; упшнтэм обоняю; упшлтэм душу (духа).

Уссо помощникъ жреца.

Ускфрт упрямый.

Учмрэм (тат. очоратам) Вас. заставъ дома.

Угашэм спорю, соревную; учуэо буяна.

Уш дубинка, колотушка.

Ушкуж быкъ; вюд ушкюж выпя, водяной быкъ.

Уштэм стираю, вытираю, мету.

Уштэйм подполсмаю; уптб поля; уптлэйктэм поручаю подполсать, уптблеа нараспанку, безъ пояса; у Вас уптлэ настезь, см. вшш.

Уштүрэм Вас. см. уптэйм.

Уштэйм мету, вытираю; уптйр-вонтйр голякъ.

Уэ ива.

Ж

Жалйр Земл. орудіе, инструмента, посуда.

Жалйк Земл. см. калйк.

Жанэ г. чер. Земл. вѣтъ; жанш рости (о вѣтвахъ), вѣтвится.

Жанэ Земл. см. онэ.

Жан г. чер. Земл. пузырь на водѣ, на глѣ.

Жагаганш)

Жагалганш) пугаются.

Жирь Крок. степь; совѣсть.

Жирьсэ, кбргб-хирьсэ кишма.

Жирьтэш Земл. бить въ барабанъ.

Жой Земл. разговоръ; жой аля семн по-наслуку.

Жой Крок. свой; жун-хошга въ трехъ начертаніяхъ.

Жойш (чув. жой) Земл. пугаться; жойш пугливый.

Жрэш Земл. глѣдой.

Жудэ худой, плохой, дурной.

Жулэ (чув. жула) саврасый.

Жула Земл. ямцакъ.

Жуна Земл. (тат. жунакъ, чув. жуна) гость; жуналш угощать.

Жутурэш Земл. см. жутурэм; жутйр Крок. бойкій.

Жййк Земл. см. кййк.

Жяйр Земл. см. жалйр; жалйр-лндарэш вооружать инструментомъ, присобрывать.

Жяк (чув. жак) см. ак.

Жяр Земл. совѣсть; жарьсирь безсовѣстный; жарьянэш совѣстяться; жарьяндарэш усовѣщивать; жареймо безсовѣстный.

Ц

Цаватар Земл. буланый.

Цагалганш Земл. поперхнуться.

Цагем Крок. доказываю, свидѣтельствую.

Цаган Земл. см. оайн.

Цадамактэш, цадаралтэш трещать; цадамактэ ширга горить лицо.

Цажэ-гутъ, ц-туч. Крок. дыка рѣзка.

Цажгата Земл. ядреный; пажжэш отъ ядрености въ горлѣ дерева, ломить, саднить; пажгатаэм ядреный.

Цакѣм Земл. несчастіе, злополучная доля; цакѣм лин разворился.

Цакландарѣш Земл. разъяснить, выяснить; цакалѣш заѣчь; цакалѣктѣш, цакамктарѣш выяснить; цакалѣм Крок. понимаю; цакалѣн-агал, цакалѣн кертѣмо непостижимый, неизслѣдимый.

Цакнѣм Земл. см. чакнѣм; цагтарѣм см. чактарѣм.

Цаклѣмѣш Крок. таинство.

Цалѣ см. чѣл; цалѣш сѣлѣть.

Цамѣ Земл. см. чомѣ; цамѣ-шудо Крок. коневій шавель.

Цам Земл. см. чан.

Цангѣ Земл. см. чангѣ.

Цанкр Земл. звукъ, трескъ.

Цанлѣ Земл. мужественный; ср. чанлѣ.

Цанлѣнга Земл. капля, чашура.

Царѣ Земл. слуга.

Царѣ Земл. см. чарпѣ.

Царѣк Земл. см. чарѣк; царѣк-лѣш см. чарѣкѣм.

Царѣлѣш Земл. запрещать; царѣм см. чарѣм.

Царгалтарѣш Крок. отпустить.

Царгѣш расщеплять.

Царгѣ-юкѣн Земл. хрипѣмъ.

Царкѣм Земл. см. соркѣм.

Царлѣ Земл. см. чарлѣ.

Царлѣнгѣ Земл. см. чарлѣн.

Царлѣн Земл. см. убѣдительный.

Царнѣм см. чарнѣм; царнѣктѣм заставляю перестать, обуздываю, воспрепятствую.

Царткѣ Земл. по чертѣ (обтесывать).

Цартѣм Крок. поровъ.

Царшѣу Земл. см. чаршѣу, царшо Крок. зонть.

Царьгалѣтѣш Земл. дробиться на нѣсколько частей.

Царѣлѣ Земл. невозвращено.

Царѣ Земл. см. чарѣ, царѣ-гек Крок. нетопыр.

Цас Земл. см. час.

Цат Земл. см. чат; цаткѣдо плотный, крѣпкій, плотно, крѣпко; цаткѣлан очень сильно, прилежно; цаткѣлѣмѣмѣ скрѣпляю, вообще усиливая известное дѣйствіе.

Цялѣм Земл. испытываю, покушаюсь, намѣреваюсь, цацектѣм возбуждаю намѣреніе, покушеніе.

Церь Земл. см. черь; церлѣнѣм см. черлѣнѣм; церлѣндарѣм расправляю болѣзнь.

Цебѣр Земл. см. чебер; чеберлѣнѣм украшаюсь; чеберлѣндарѣм украшаю.

Цибѣтѣн Земл. маленькіе щипчики; цибѣштѣш щипать, брать шепотью; цибѣштѣлѣш щипаться.

Цибѣлѣгѣш Земл. оканчиваться; цибѣлѣтѣш оканчивать.

Цогѣш Земл. см. чогѣш.

Цок Земл. см. чок 2-с; цокѣм см. чокѣм; цокѣмѣ-пре Крок. идолъ.

Цолгѣжѣш Земл. см. волгѣжѣм; цолгѣштарѣм см. волгалтарѣм.

Цомѣм Земл. см. сомѣм.

Цога Земл. лепешка въ варевѣ; ср. чочѣр.

Цоѣ Земл. см. чоѣ; цоѣ самѣя козни.

Цре Земл. видъ, образъ, изображеніе лица, фюзіомія; црелук видъ, прендарѣш ухорашивать.

Цуѣурлѣнѣш Земл. волдыри воздуются.

Цулуц Земл. сунуть.

Цулуѣла Земл. сверканіе, блистаніе.

Цумурка Земл. (тат. жомуро) кругамъ; ср. цумур; цумургѣш, цумургѣлѣш округляться, собираться въ кучу, завершаться; цумуртѣш собирать въ кучу.

Цурáт Земл. сй-сй; да-да! цурейш божитъся.

Цуцáн Земл. общественный; цуцáмук общество.

Цибиштáш Земл. шесоть.

Цибильáтáш Крок. окачивать; шибильáтáш окачиваться.

Цибе Земл. см. чйв; цибе какалй журиша роститъся.

Цигйáтáш Земл. см. чйгйáтáш.

Цигкйáлтáш Крок. щекотаніе.

Цижгйжáш Земл. шчпáть.

Цйáа Земл. см. чйáе; цйááш см. чйáйкш; цйáа-вуй Крок. сосокъ.

Цйкалáш Земл. см. чйкалэм; цйкалáш всавиваться, втмкаться.

Цйкáш Крок. терять, тратить; ср. чйкэм.

Цйлá Земл. см. чйл.

Цйáлт Земл. см. чйлт 2-е.

Цйáлá Земл. суконные шаровары, штаны.

Цйáтáш Земл. см. чйтэм.

Цйтраáтáш Земл. см. чйтраáтáш; цйтрáш см. чйтрэм, цйтрйкáтáш см. чйтрйкáтэм.

Цйрá Земл. см. чйр.

Цйрежáш Зма. ободряться, цйреáлáш ободрять.

Цйркнáш Крок. надуть.

Цйрсйнáш Земл. усиливаться, надуваться.

Цйрцйк Земл. травяная кобылка.

Цйрá Земл. бодрый, хрибрый.

Цйряáяндарáш Земл. см. цйрсаáлáш.

Цйц Земл. см. тйч.

Цэшáе Земл. см. чешле.

Ч

Чагаэм перекоркысь.

Чáгрэмше печеночный камень.

Чáй-шудо богородская трава.

Чáкá Земл. тйсний; чáкáлáш стйсь-

вяться, чáкэмáш стйсьить.

Чáкнá (тат. чакна) огниво.

Чáкнэм (тат. чнгá, чув. чáгар) влчусь вэдá; чáктáрэм дэвгáш вэдá, сáвгáш; кофужу.

Чáл (тат. чал, г.чер. рокош) сйáой, снвэй.

Чáлкá Исм. снвй; чáлканэм снвй; чáлканлáрэм снвй, окрашиваю въ снвй швть.

Чáлгэ Земл. бойкйй.

Чáмá Крок. см. чомá; чáмá бич ко-невникъ (трава).

Чáмáнэм Вас. жалёу, шажу.

Чáнгáш Земл. поднимать.

Чáш (тат. чаш, чув. чаш) колоколъ; чáшэм кйрэм звоно.

Чáнгá (тат. чáгá чув. чанá) гáлка.

Чáндáш Вас. щетка.

Чáмч Кйргэм кáнемогáш, разслаб-ляюсь.

Чáп (чув. чап) слава, мола; чáплэ сáвнйй, просáвнйшйсь; чáплáндáрэм просáвляю.

Чáр Вас. перепонка, плена.

Чáрá Исм. (тат. шáрá, чув. сýрá) см. сýрá.

Чáрáк (чув. чáрк, г.чер. тйке) вод-пора, водставка; чáрáкэм подпирáш, чáрэм (чув. чар, г.чер. цáрэм) прекр-щáш обуэдываю, сдерживáю; чáрáкáл-тáш подпирáюсь; чáрнэм перестáю; чáр-нйкйáрэм поручáю удержáть, перестáть.

Чáрáá г. Царевкокшайскъ.

Чáрááш, чáрáнй (чув. чáрáш) шá-лá.

Чáршá см. чар; чáршá (чув. чáр-жáв) вáмáвйскá.

Чáс чáсь, чáсы; тáже счáсьть, чá-сáш счáстáвнйй.

Чáсáнйк чáсовня, кáлáбнше.

Чáт, чáткйáло тугó, гáотно.

Чáткйáт (звуконодъ.) гáршвнфá.

Чáшмá (г.ч.р. сэтэмá) чáстокогá.

Чóá (тат. чя) Вас. чуткйй, бойкйй.

Чеверь (тат. чибър, чув. чиберь) красивый, здоровый; чеверь чибърин красивый лицомъ.

Чезек (г.чер. цигак) ласточка.

Чемра (г.чер. чемерá), чемерь (болѣзна).

Черет очередь, чередъ; черет-дэнэ по-очереди.

Черке церковь.

Черлак Земл. (тат. чыглак) см. чеглак.

Черь (тат. чир, чув. чирь) болѣзна; черле больной; черлянэм заболѣваю; токшо-черь горячка.

Чесле красивый, прекрасный, честный; чеслэм угощаю.

Четлак (тат. чыгак) клѣтка.

Чечень нарядный, щеголь, у Земл. пріятный на взглядъ.

Чіі краска; чілатэм окрашиваю.

Чибэ курица; чибэ-кутан Смирн. см. шибѣас.

Чіэм надѣваю, обуваяю.

Чйвѣк Земл. щелчокъ.

Чйвляэш Земл. ударять щелчкомъ.

Чйвэм капая; чйвлэтѣш капля; чйвэлтарэм каплю, наливаю по каплѣ.

Чйвэ курица; чйвэ-иге цыпаснокъ; чйвэ-шйнча (куриные глаза) куриная слѣвота.

Чйвѣшйк трясогузка.

Чйвѣтан пивка, ушита; чйвѣтан-кудо скорлупа, раковина улиты; ола-чйвѣтан пестрая пивка-лошадникъ.

Чйвѣштэм (чув. чивнѣ) щиплю; чйвѣштѣлэм видъ многокр.; чйвѣштѣш щепотъ.

Чигет Смирн. молотокъ.

Чйгас (г.чер. цигак, чув. чигесъ) см. чезек.

Чйгѣманда пищигъ (птенчикъ).

Чйгѣн (г.чер. артаман) морозъ у животныхъ; чйгѣнлэм (чув. чыгман) упрямясь, сопротивляясь.

Чйгѣлтэм щекочу.

Чйгѣт (чув. чыгыт) сыръ, у Вас. морозъ.

Чндэ Земл. мало; чндэмлэм убавляю; чндэмим, чндемялѣтлэм убавляюсь.

Чндараш Земл. миловать (?).

Чнвэ (чув. чичи) груди; сосца, титьки; чнвѣкш рогулька, дѣтская соска.

Чнк (тат. чик, чув. чыге) граница, черта.

Чнкмак (чув. чикмяк) долбленные столбы для частокола.

Чнкэм (чув. чик) всавываю, втыкаю.

Чнктэм надѣваю на другого.

Чнкш колотье (болѣзна).

Чнкедэш Земл. будить, дѣлать (с рибѣ).

Чнкталаш Земл. неупотребит. гнѣваться; нт чиктлэ не прогнѣвайся, не обесудь, извини на угощеніи.

Чйла весь; всякій; чйлат, чйлагэ весь безъ остатка, совѣтъ, сполна.

Чйлагѣше блестящій

Чйлат (чув. шалат) Золота. вдругъ; въ Кр. Яр. все безъ остатка.

Чйлѣм (чув. чилим, тат. челем) трубка для куренія.

Чйлѣк дудка, вставляемая въ волынку.

Чйн Вас. (тат. чын, чув. чын) истина, правда, истинный; см. керэ, кержакъ.

Чйнкдэмдэш г.чер. Земл. протягивать.

Чйнче-кашк соболь.

Чйнче Земл. жемчугъ.

Чйнь г.чер. Земл. громко.

Чйнй Крок. правляникъ Крешенія Господня.

Чйптá (чув. чупта) набитый кулакъ (тат. чыпта порожній кулакъ; чйптá у Вас. рогажа, у Золоти. цыновка).

Чйп-чйп звуки капелъ при паденіи.

Чйр старательный, работающій, бойкій.

- Чиръ Вас.) (тат. чира) лучина.
 Чиръ)
 Чиркѣм Вас. чиркань.
 Чирък (тат. чирек) четвертка, четвертая часть.
 Чирчик Вас.) (тат. чыыр-
 Чиргитъш Земл.) шик) скворецъ.
 Чйтѣн Вас. (тат. чытѣн) см. чашма.
 Чйтѣм (чув. чыт, тат. чымѣм) терпакъ.
 Чйтрѣм (чув. читре) трясусь, дрожу, трепещу; чйтѣрѣм трясусь; чытрайтѣм вздрагиваю.
 Чйт (ак) Вас. см. тѣч.
 Чйткъагытѣш г.чер. Земл. вывѣнчуть.
 Чйткъаш Земл. пестовать ребенка.
 Чичъ Вас. см. чучъ.
 Чичѣм Сибири. поповняю.
 Чишикъ чаша въ лѣсу.
 Чогаш Вас. доказывать вора, раскрыть преступленіе; чогомаш доносить.
 Чогйт Вас. молотъ.
 Чодрѣ хвойный лѣсъ.
 Чогѣм чугузь (металлъ).
 Чок (тат. чак) впору, въ аккуратъ.
 Чок (тат. чѣк, чув. чук) ямычская жертва; чоклѣм приношу ямыч. жертву.
 Чок-чок звуки ножа, топора при рубкѣ.
 Чокалтараш Земл. чоклатиш; см. чѣвалтарѣм; чѣвалтѣш.
 Чокмар (тат. чукмар) колотушка для глушенія рыбъ подъ льдомъ.
 Чокѣн Иср. чехоня (рыба).
 Чокракъ средній по составу; см. чок 1-е; у Вас. глухой.
 Чокъ, чокем г.чер. Земл. вообще.
 Чолѣк (тат. чулак. чув. моклок. чулак) сухорукій.
 Чоло сколько? столько, — употребляется или съ вопросительными или съ указательными и тѣстоимѣніями; оно
 чоло шолѣ что стѣнтъ? тѣ чоло вотъ столько.
 Чолѣк Земл. хитрость.
 Чомѣ жеребенокъ; чомѣмуж имѣть (болѣтъ).
 Чомѣм (тат. чумли) любочный ящикъ, имѣющій форму лодки съ полозьями и служащій для вывоза со двора навоза, сѣна и т. п.
 Чомѣр (тат. чумар) галушки; конны тѣста, варшаме, какъ каша.
 Чомбѣк глубокая колея, рытанна въ колесахъ; у Вас. бугоръ; см. чогадѣ.
 Чомбала Земл. котка; ср. чомбѣк.
 Чом (чув. чом, тат. жѣм, г.чер. ян) душа, чомѣм одушевленный; чом пудѣ лодочная скоба.
 Чогадѣ Кр. Яр. куликъ; у Вас. бугоръ; у Земл. имѣть.
 Чогадѣ котка.
 Чогѣштѣм лечу; чогаштѣм лѣтаю.
 Чогѣм дѣлаю имѣть.
 Чон-чон звуки кузнечнаго молота.
 Чонѣрт (тат. чыгѣр) звуки стекла при его разбиваніи.
 Чонѣле постой-ко, погоди-ко!
 Чондараш, чонандараш Земл. одушевлять.
 Чонтѣргѣ (тат. чыптар) игрень (масть лошадей).
 Чортѣн (тат. чуртан) Вас. шукъ; см. нуж-кол, ср. чуртѣк.
 Чорше борзый, ретивый.
 Чот Вас. см. чатъ.
 Чот Земл. счетъ; чотлѣмо безчисленный.
 Чоткадѣш Земл. крѣпость.
 Чѣчѣм Сибири. щелканъ.
 Чѣштра колѣщій, щетинистый, грубый шерстьѣн.
 Чѣй (чув. чѣл, тат. шып) лукавый, хитрый смѣтливый; см. чѣл.
 Чѣйм (г.чер. йѣйѣрт) тайно.
 Чр см. чѣр; чрѣйм дѣлаюсь бой-

кинь, поправляюсь алорьевень; чртѣм муштру.

Чрѣ (тат. чыра) см. чирѣ.

Чрѣилицо; чрѣилицо малокровный, блѣдный.

Чуѣи. чуѣиле см. чоѣиле.

Чу-чу (тат. чу-чу) погоди, постой, осторожьтѣ!

Чувадѣиш Земл. см. чѣвѣиш.

Чудѣиш Крок. удивляться.

Чужгрѣишнить вода на раскаленных предметахъ.

Чуѣиш брызгалка, насосъ.

Чукаѣиш чукаю, — кричу чухъ-чухъ!

Чукмар Земл. см. чокмар.

Чумдуѣиш г. чер. Земл. креститься, изображать на себѣ крестное знаменіе.

Чуктѣиш засвѣчаю (лампѣ, свѣчку); нильмѣжем чуктѣиш Зем. правлю тризну.

Чукаѣиш чулки.

Чулаѣиш комната.

Чумѣиш пиною, лягаю, попираю; чумалѣиш (видъ однократный) пиною; чумѣишляиш дрягавъ.

Чумраѣиш Земл. шаръ; чумуртаѣишшигачиш сижу сложа руки; чумуркаѣиш круглый, круглота; чумурѣиш сходка.

Чумур (тат. чумур) вѣстѣ; чумурѣиш собираю въ кучу.

Чумуниш землеройка.

Чумуртѣиш Смирн. верчу.

Чун-попѣиш г. чер. Земл. ласковый.

Чунгеиш клюю; чунгѣиш (видъ однократный) клюю; чунгѣиш (видъ) (клюеть) кусаетъ; чунгѣиш вост. чер. дятель.

Чунгулаѣиш Вас. см. ушмѣиш.

Чумдуѣиш Земл. см. чумдуѣиш.

Чунчѣиш прышки на тѣлѣ у Крок. чунче лшай.

Чурѣиш Вас. см. чри; чурѣиш омчомо зеркало.

Чуриѣиш) страдан, претерпѣваю
Чурланѣиш) бѣду.

Чуриѣиш, чуриктарѣиш надолѣаю; чуриктарѣиш надолѣишкъ.

Чуртѣиш шурсинокъ (чув. чуртан шука).

Чухри Земл. коварный, драгѣиш, капризный, неуживчивый.

Чучѣиш Земл. щелчокъ.

Чучѣиш Земл. закрывать, запираеть, затворять; щелкать, давать щелчки; казаться.

Чучѣиш Земл. снаки.

Чучѣиш Земл. капать, течь по каплѣ; чучѣишляиш лить по каплѣ брызгать,

Чучѣиш Земл. касаться, дотрогиваться.

Чучѣиш Земл. капая.

Чучѣиш сверлю, долблю; у Вас. щелкаю зубами.

Чучѣиш видится, чувствуется; таче югѣишторак чучѣиш сегодня, кажется, холодитѣ; тѣишто ерьшайч шуков чучѣиш адѣиш кажется (видимо) много оверъ.

Чучѣиш см. чучѣиш.

Чучѣиш просверливаются, продраться.

Чучѣиш до частей.

Чучѣиш дѣлаю гримасы, кривляюсь; у Вас. также капаю, чучѣишляиш капаю.

Чучѣиш дѣлаю по матери.

Чучѣиш (чув. чечу), почечуй, ракъ (болѣзнь).

Чучѣиш Земл. капать, течь по каплѣ.

III.

Шабѣиш г. чер. Земл. слабый, немощный.

Шабѣиш г. чер. Земл. см. совалѣиш.

Шабѣиш г. чер. Земл. дряхлость.

Шабáкш Земл. шабань, конецъ всякаго дѣла.

Шабáр г.чер. Земл. холщевый черемисскій кафтанъ.

Шабáэмдáш г.чер. Земл. обес-силывать, изнурять; шабэмйш обес-силать, терять силу.

Шабэм см. шавэм.

Шабáйтáш г.чер. Земл. застав-лять брызгать, распылять.

Шабáнь г.чер. Земл. мило.

Шабáиц г.чер. Земл. см. товйч.

Шабáльтáш г.чер. Земл. рассы-ваться.

Шаврэ́жэ дроваъ.

Шавэ́м (чув. сап) посыпаю, при-сыпаю; шавэлэм брызгаю, швыркаю.

Шага́ г.чер. Земл. см. шогá; ша-галáш пахать, вставать на ноги; ша-галэмтэм установляю, ставлю.

Шага́л (чув. сагал) мало, недоста-точно; шагáлэмтáш убавлять; шагáлэ-мáш убываю.

Шага́т (тат. сагат, чув. сагат) часть.

Шагáя Вас. см. сагáле.

Шагáй полати на столбахъ для сто-говъ; раскладникъ для капусты, явче-скій жертвенникъ.

Шагáргэ́н г.чер. Земл. см. шо-гэртэ́н.

Шада́нгá г.чер. пшевица.

Шадáргáш г.чер. Земл. рассы-хаться; шадáртáш рассушать.

Шадрá оспа; рябой, шероховатый (тат. шадрá рябой); шадрá-вошáк слé-ды оспы, — у Вас. оспенная матерiя; см. вшáк.

Шады́р г.чер. Земл. ядреный.

Шáнк Земл. косою, косоглазый, косина (глазъ); шáнзка за, навалъ; шáнлына повали; шáнлыша задний; шáнлыиш бредить въ болѣзнь, гово-рить неясныя слова; шáнцыи сади.

Шáйтáн (тат. шáйтáн, чув. шой-тан) чорта.

Шáйтáш г.чер. Земл. говорить надоръ, агать; востылять, темнить.

Шáк (тат. шáк) жакъ (рыболовный снарядъ).

Шáклякá Кр. Яр. см. копрáк.

Шáкши дрянь, скверна, мерзость, погнѣи; шақшандарэм оскверняю.

Шáктáш г.чер. Земл. см. шоктэм: шáктэ́ рѣшето.

Шáкш г.чер. Земл. см. шекш.

Шáл г.чер. Земл. см. шало.

Шáлá разрозненный; см. шалáтэм.

Шáлáлтáш г.чер. Земл. дѣлать мновенiе, знакъ; шáлать; шáлáтэм Крок отмахиваю.

Шáлэм Вас. см. кужáм.

Шáлáтэм разбрасываю, рассыпаю; шáлáтэм рассыпаясь, разъединяюсь.

Шáлáхáй г.чер. Земл. см. шолá-гáй.

Шáлáйргэ́м Крок. разсыхаюсь

Шáлáиш г.чер. Земл. скатывать сверху; скатиться, съѣзжать; кечса́лэ шáлáиш т́нгáлен день склоняется къ вечеру, — съ полдень своротило.

Шáлáнгэ́ беркутъ.

Шáло плоть (чув. солá).

Шáлá г.чер. Земл. поклонъ, по-чтенеiе.

Шáлáкáйи г.чер. Земл. неважно.

Шáлáэм Смири. мочусь (естествен-ное отравленiе).

Шáлáэм г.чер. Земл. сплочиваю плоты.

Шáм г.чер. Земл. память, чувство; ямыкъ, нарѣчiе.

Шáмбá Кр. Яр. (тат. жумба, чув. шамба) налимъ.

Шáмáнэм Крок. чувствую.

Шáмáи Крок. неблагоприятное время, обстоятельство.

Шáмáйч (г.чер. аля) примѣта мно-жественнаго числа именъ существи-тельныхъ.

Шанлалпиль г.чер. Земл. см. шопартыла.

Шаналатэш г.чер. Земл. думает-ся.

Шанг тонкій ледъ, пльвущій по рѣкѣ предъ ея замерзашіею.

Шангъш г.чер. Земл. перебирать, шарить.

Шанго (г.чер. лешго) лавеча; шаносокъ съ лавешникъ поръ; шангосо лавешній.

Шандэл г.чер. Земл. шаковальня; подлѣшникъ.

Шандарэм (тат. мшандыран) об-наджлав.

Шандэш Вас. щетка чесать ку-дель.

Шанник (тат. сѣнѣк, чув. сѣнек) эвем.

Шанкалэм Крок. выдумываю.

Шанол г.чер. Земл. раскаты на дорогѣ, гдѣ раскатываются сани; ша-нолы раскатистый.

Шантѣк г.чер. Земл. сумдукъ.

Шанкдѣмэш недовѣрие, подо-зрѣніе.

Шанчэл г.чер. Земл. см. шѣнчѣд; шанчалэш солить; шамчалатш солиться.

Шанкѣлэш г.чер. Земл. выду-мывать; шамкѣлѣма выдумка; шанкѣ-лэш возбуждать думу.

Шанчэш (г.чер. тарвѣш) щеп.

Шанэм (чув. шан) надѣюсь.

Шап, шапа г.чер. Земл. см. шопо; шапа капшѣга мокрица.

Шапка г.чер. Земл. блѣшный; шап-ка-кол башкейка (рыб.); шапкама-лэш блѣдный; шапкаландарэш дѣлать блѣшный.

Шапкаланэм Вас. линия.

Шапки г.чер. Земл. см. шопкѣ; шапкалѣ см. шопкѣр.

Шапня г.чер. Земл. брызжетъ съ колеса.

Шапрѣге см. шаврѣга.

Шантар г.чер. Земл. см. шоптѣр.

Шаншѣк (тат. шапшак) см. шапш.

Шанкѣтэш г.чер. Земл. окислять; шапшѣ окиса, кислота.

Шарконскій волосъ, видъ шар во-лосатикъ; шаршар (см. шар) сылокъ; шар-вохло Вас. см. краплѣ.

Шарѣга Вас. тальникъ.

Шарак г.чер. Земл. см. шорѣк; шаракш ярка.

Шаракшаншлук Крок. ошло-бленіе.

Шаратэш г.чер. Земл. растапли-вать, расплавлять.

Шарэш г.чер. Земл. разстраивать.

Шарбѣ вост. чер. ковшъ пивной.

Шарга г.чер. Земл. ремешъ; шар-гѣ-кабашта выдѣланная шкура, овчи-на.

Шаргаш г.чер. Земл. см. шергаш.

Шаргѣне, шаргѣнѣй см. шоргѣ-че.

Шаргѣлэш г.чер. Земл. пере-вертывать.

Шарда г.чер. Земл. см. шордо.

Шаркамѣ г.чер. Земл. см. шыр-камѣ.

Шаремэш Крок. убирать, свара-жать.

Шарлам-панда г.чер. Земл. кош-танъ; шарланэш коштанить; расширять, распространять.

Шарлэм разселяюсь, разливуюсь, распространяюсь.

Шарлэм помню; шарлѣктэм на-поминаю; шарлатэш поминется.

Шарпан (чув. сорбан) головной уборъ женщины, имѣетъ видъ поло-теши, расшитъ шелками.

Шарпѣ (тат. шырпы) Земл. сипчикъ.

Шартне г.чер. Земл. черноталъ; ср. шертне.

Шарчѣ шурей (трава).

Шарш г.чер. Земл. калина.

Шарша-ая г.чер. Земл. родите-
ли; шарша гурма (у Крок. шарша гур-
ша) потомки; шарша-атя, шарша атя
предки.

Шахъръ г.чер. Земл. буднич;
шихарлаши будодѣйствовать.

Шахше сн. такша.

Шачъ Вас. выдохшійся.

Шачем-анъ Крок. отечество.

Шашт г.чер. Земл. безпрестанно;
у Крок. сплошь.

Шашка (чув. шашка) норка (зѣ-
рокъ); у Вас. вод-шашка выхуоль;
сн. айбѣр.

Шай Крок. ложка, обманъ.

Шевёръ-ваштѣръ Крок. вѣнокъ.

Шеголь Земл. боролавка.

Шегъ Земл. равсаиникъ.

Шегъш Вас. желчь.

Шедра Вас. сн. шадра.

Шек Крок. неудовольствіе.

Шекляиэи (тат. шикайиэм) опа-
саясь, остерегаюсь; шекайиэи пред-
достерегаю.

Шеклякя Земл. суставъ шль-
цель.

Шекш сн. шегъш.

Шеланъ Земл. скопъ (птица); ср.
шалакта.

Шелик шель.

Шель сало.

Шельштѣм раскалываю; шельи
колось.

Шемляиэ Крок. обдлаживает-
ся, облагается темнотою; шемятѣм об-
лагаю темнотою.

Шеме черимъ; шеметѣм черию,
мараю; шеме-шудѣр-код синецъ (ры-
ба); шеме корѣк грачь; шемеля пач-
каюсь, чериюсь.

Шемшала Вас. ящерница.

Шем труга.

Шемель вадъ, вадниъ; шемѣко
вадъ; шемѣко-ончоко вадъ-впередъ;
шемѣиэм сади; шемѣильмо позади;

шемѣль-пагѣр птичій желудокъ; шемѣ-
ко-ончоко Вас. вадъ-впередъ.

Шемшалае Вас. сн. шемшала.

Шеп Земл. сн. шѣп.

Шепка зыбка.

Шергаш (чув. сурѣ) перстень,
кольцо.

Шерь бисерь, кости счетовъ; шерь-
шот счёты.

Шерь Земл. сн. шѣжѣр.

Шербала Земл. сметана; пурѣ-шер-
бала пѣна на пивѣ.

Шербя г.чер. Земл. яшень (дерево).

Шербякя г.чер. Земл. азубрина.

Шергалтаи раздѣляю пучекъ на
части, отдѣляю отъ пучка; у Вас. раз-
рываю.

Шергалтаиш колишется, волну-
ется; шергалтаиш волнение.

Шергештѣм Земл. дорожку;
шергештарѣм увеличиваю цѣну, дѣлаю
дороже.

Шерге дорого, — ой; шерге-аким
драгоценный.

Шерге гребень, — пика.

Шере прѣсний; шере-ушим буш-
ма; шере-тѣиэм набилась оскощина,
налобъло, накучило; шергинла (сн.
кила) прѣсная лепешка.

Шерва (тат. жирибл) жребин.

Шерем г.чер. Земл. сн. сорим.

Шерембала Земл. сн. шербала.

Шереметь Земл. милый, любез-
ный.

Шерен Земл. роскошно, прост-
ранно.

Шеренге сорога (рыба).

Шерем Вас. чешу, разливаю, раз-
рываю; ср. шерѣм

Шеримтъ Вас. уда.

Шерия Вас. ива; шерия гѣчки
верба.

Шерпе Земл. заисва; шерпешта-
раиш защепить; шерпештаиш защеплять.

Шерт Крок. чортъ, окаянный.

- Шертне-ну лозина.
 Шеря́м (г. чер. удурэм) чешу; ср. шерси.
 Шеч (г. чер. шит) четверть аршина.
 Шешке невестка, жена сына или младшего брата.
 Шни серебро, слон дерева; ши кол сомъ, у Земл. и бобъ.
 Ши́ам бью; шуйи́и ши́ам жалують.
 Ши́арчи́ш нагрулесе украшение женского пол. изъ денегъ, нашитыхъ на красную ленту.
 Шибага́ Вас. (тат. шмбага) жребий.
 Шибирь-вашгар Крок. вѣтникъ.
 Шивья́т Земл. слона; шивля́и см. шувья́и; шивля́иша-шантэн узитка.
 Шига́ г. чер. Земл. древесный червь.
 Шигалы́ш Земл. перечинивать.
 Шигаш́ Земл. точить, изъѣдать (о червяхъ).
 Шигол́ Земл. см. ши-кол.
 Шигер́ Свири. гробъ.
 Шиды́ш Земл. обручъ.
 Шиды́шкы́ш Земл. гнѣваться, злится; шиды́шкенды́ш свирѣпѣть; шиды́штары́ш см. шиды́ктары́ш.
 Шидры́лэш́ г. чер. Земл. шаркать ногами.
 Шиды́ктары́ш Земл. гнѣвать, злится.
 Шиды́ры́ш Земл. пряхъ.
 Шидэ́ гнѣвъ, шепетильный; шиды́шкэм гнѣваться, обижаться.
 Шила́ Земл. см. шиль; шиль-ширпе, шиль ширпыш аусеница.
 Шиль (г. чер. пай) мясо; шильгы́ч лекты́ш заговѣнье, шилишко-пурдъ розговѣнье.
 Шильэ́ Земл. итра въ сажень.
 Шиланга́ Крок. жало.
 Шиланы́ш Земл. см. шила́и.
 Шиль-кушмо-шудо́ Земл. подѣсь-никъ-трава.
 Шильгы́ш Земл. сплывать, сли-
 вать; убѣгаты, укрываться (?) см. шилья́.
 Шильгы́ш Крок. черепъ ситѣ-ный.
 Шила́ Земл. см. шило.
 Шилья́и пряхусъ; шильше́ бродяга; шильгы́ш пряху, укрываю, у Земл. пряхусъ.
 Шпи́и Крок. см. шеме; шпи шары́га греча, шпи хряш смуглый, темноватый, коричневый.
 Шпи́боч́ Земл. горностай.
 Шпи́лэм́ Свири. выѣдываю.
 Шпир́ш Земл. обжора, жадный.
 Шпилья́га́ Земл. черноватый.
 Шпини́и.
 Шпи́и Земл. см. шен.
 Шпи́лгы́ш́ Земл. подбивать.
 Шпидар́ Земл. куборось.
 Шпиджи́ш Земл. синий; шпиджи́шмады́ш синить; шпиджи́шмады́ш, шпиджи́шмады́шмады́ш синѣю.
 Шпиджалы́н-шудо́ Земл. щавель.
 Шпидзэ́ Крок. глѣзь; шпидзэ́-хал; бровь, шпидзэ́-пуддъ бѣльмо; шпидзэ́ раш вѣки; шпидзэ́и шпидзэ́м кукуситъ глаза.
 Шпиды́ры́ш г. чер. Земл. выби-вать, вычеканивать.
 Шпиды́кы́ш Крок. торща.
 Шпиды́ш Крок. шумъ.
 Шпиды́ тихо, безъ шума; шпиды́нды́рэм утишаю, шпиды́нды́ш притихаю.
 Шпиды́раны́ш Земл. см. шпиды́ры́ш.
 Шпиды́раны́ш кады́ угля́ прогорѣлы, дрова проугламысь.
 Шпиды́рге́ Земл. чернолѣсье.
 Шпиды́рэ́ Земл. см. споря́.
 Шпиды́рэ́ Земл. часто-шй.
 Шпиды́ренды́ш Земл. ситѣживать.
 Шпиды́ры́лэш́ Земл. раздавливать.
 Шпиды́рзлой́, у Земл. вредный.
 Шпиды́рчэ́ Земл. см. шпиды́р.
 Шпиды́ры́ны́ш Крок. плавиться, расплавляться (о металлѣ); шпиды́ры́ны́ш вла-

вить, сивать; ср. шбранэн-каэн.

Ширяташа Крок. гибельный

Ширя Земл. прѣсный.

Ширяш Земл. пѣлить; сивать (въ бочку пиво, квасъ); боронить.

Шятá (чув. шит) всхолить, растеть, отрождается.

Шит см. шич.

Шиткада Земл. очень, весьма.

Шич см. шеч.

Шич Вас. сажá, см. шуч.

Шингытá Земл. полосы на небѣ.

Шиндалаш Земл. (шиндалаш?) расслаживать, разставляя.

Шисѣр-шуда Крок. дикий салатъ, молоднякъ травы.

Шискальташ Земл. свистѣть; шышкалялтэн-гиряш освистать, ошпкать.

Шинпйк Вас. соловей.

Шинштáм Крок. см. шустáм.

Шинстарэм вышую; у Земл. ѡшпить; см. шижáм.

Шинштэ дятель.

Шинштэ воскъ.

Шйá Земл. струя; слой.

Шкаá см. ушкаá.

Шкалá г.чер. Земл. см. скáлá.

Шке самъ; шкемáн мой собственный; шкенáдн твой собственный; шкенáжн его собственный; шкенáдн вышь собственный; шкемáн нашъ собственный; шкенáштáн илхъ собственный; шкежжм шке ойля (самъ про себя говорить) приздается; шке тѹáш лудлм читаю про себя.

Шма см. ушмá; шма погмш Крок. щекá.

Шоáм г.чер. Земл. см. шѹáм.

Шоáкш - вочко (чув. шобашка), шовáкш-ленгсж кадка для одежд, — вѣсто сундука; Шовакшѣгер, у Золоти. Шовакшнѣрь (чув. Шобашкар) г. Чебоксары.

Шовйáчо головной платокъ.

Шовйáн (чув. собинь, тат. сáбин) мыло.

Шовйáр (чув. шобыр) дѣтмáй дешевой кафтанъ.

Шовйáч платокъ, всякій лоскутъ ткани.

Шогá (чув. сога, тат. сукá) соха; шогáэм пашу сохов; шогá-созаá лемель, полина; шогá картне сошникъ.

Шогаáэм встап; шогáлэя ставлю.

Шогáн (тат. суган, чув. соган, г.чер. охрá) лукъ (овощь).

Шогáш Земл. зякаться.

Шого Вас. зянка.

Шогэм см. шолгэм.

Шогэртэм сорока.

Шодо легкá.

Шода-шудо Земл. полнь.

Шож ятмень

Шожгйшáм Вас. см. чѣвйшталáм.

Шой, оáй-шой нырокъ-утка.

Шоййкáá см. шенгсж.

Шойштáм (г.чер. атáлэм) агу, обманываю, у Вас. и балую.

Шойштэм застѣняю, заслоняю (сѣтъ).

Шокáя г.чер. Земл. выбоины на дорогѣ.

Шокаáкá г.чер. Земл. суставъ пальцевъ, шиколотокъ, сочленение

Шоктэ рѣшето; шоктам стѹá вуку.

Шоктэм бречу, нэлэю звукъ; ок шокто не слышно; ни звякеть, ни брякеть.

Шокш рукавъ.

Шокше тепло, жарко.

Шол (чув. сола) запястье, браслетъ

Шоá Крок. желобъ.

Шоáгаáй (чув. солагáй, тат. су-áгаáй) дѣтмáй.

Шоáнгэ Смири. см. шáлáнгэ.

- Шолаш Земл. шалты; выбивать ся, у Вас. моча, урина.
(о рошникѣ).
- Шолгэм стой; стюу.
Шолгом Вас. (тат. жѣлка) см. солом.
- Шолдо дешво=шудѣ.
Шолдра (чув. шолдра) крупный.
Шолдомандэм бренчу, барабану.
- Шолайо (чув. шилами, г. чер. шумбель) младшій братъ.
- Шоле Земл. маховая сажень.
Шоло вязъ; воръ; кишка; у Вас. плоть.
- Шолокон Земл. скрытно.
Шолоктэм кипячу.
Шолоп верхня стрѣха.
Шолтэм варю.
Шолтѣкъ защелка.
- Шолайштам воруу; шоло, шо-мышпо моръ.
Шолайи Вас. тайно, крадучись.
Шольчок волчекъ—игрушка.
Шолык Земл. поборы, сборы.
Шолэм градъ.
Шолэмгэ Земл. ястребъ, см. шалыга.
- Шолэш кипить.
Шемѣкъ (чув. сѣмах) слово; шамакланэм молваю.
- Шон ганна.
Шонѣмбул Земл. см. шонѣрпѣль.
- Шонѣрпѣль радуга.
Шон пѣна; шонештам пѣнось; у Земл. шонангаш пѣнить; шонангаш пѣниться.
- Шонго старый; шонгеям старѣю; шонештарѣм дѣлаю старымъ.
- Шонкше ежъ.
Шондале (чув. сондал) наковальмя.
- Шондэш щетка для кудели, у Вас. и наковальмя.
Шондо человекъ, часто мочашій-
- Шонтан Земл. мужникъ.
Шонэм (чув. сон) думаю; шонэмш мысль, дума.
- Шонкѣ осина; шонкѣр осиновая роща.
Шопо кислый; шопэм прокисаю, вообще теряю годность къ употребленію въ пищу; шопо-шудо щавель; кѣшкѣ-шопо-шудо, Ынне-шопо-шудо конскій щавель.
- Шоптѣр смородина (ягоды), шоптѣр-вондо кустъ смородиновый.
- Шоншар сучковатое дерево (преимущественно еловое), врываемое въ-сто лѣстницамъ при шишѣ овинѣ; такое же дерево накладываемое на заборъ съ цѣлью затруднить возможность перелѣзанія черезъ заборъ.
- Шопш цѣпка съ нитками.
Шор, шур, шр, шѣр калъ; шорѣм испражняюсь.
- Шорѣкъш мочежина въ лѣсу; см. лавѣ.
Шорѣнга см. шарѣна.
Шорѣндаш Земл. сѣлѣть тусклымъ.
- Шораш испражняться, а у Земл. толочъ см. шурѣм.
- Шоргѣнче (г. чер. шоргене) гнида.
- Шордо-пиче лосъ; шордо шѣдѣр созвѣздіе большой медвѣдямъ.
Шорѣннэ Смирн. ившемье.
Шор-вондо Смирн. см. краплѣ.
Шордо-модо Смирн. гонообель.
Шорѣм Крок. развиваю.
Шорлемаш Крок. распуство; шорлема эдѣм возвращенный человекъ.
Шорѣкъ (тат. сарык. чув. сорых) овца; шорѣкъ-шудо, шорѣкъ-пуч бола-головъ (травя).
- Шорѣктѣм) см. магрѣм.
Шортѣм Вас.)
Шорто-мото Земл. см. шордо-модо.

Шортнй а т-воим запинаю, па-
даю.

Шорш Земл. помыль.

Шоръ Земл. маргышка (птица).

Шоръи Крок. топчу.

Шоръи Крок. нарушам.

Шот (чув. шот) счетъ; шер-шот
счеты; шотлэм вычитываю, вычисляю;
ср. лудам.

Шотландэм Сири. исчисляю.

Шоткэм шелкаю зубами.

Шот-шот звуки при клевании од-
ной курицей.

Шоп г. чер. Земл. см. шкч.

Шочам раждаюсь; шочиктэм раж-
даю; шочмо-кече понедѣльникъ, день
рождения.

Шошым весна, весной.

Шошгештэш Земл. см. шонган-
дам.

Шоъ Земл. см. шуъ.

Шоэраш Земл. подслушивать.

Шоъ (чув. соя) небылница, ложь,
у Вас. хвастунъ; шоъ-корэм косичка;
шоъе обманщикъ, рассказчикъ ска-
зокъ, небылницъ; шоик-коркъ Вас. за-
тылокъ; шоинэмъ Земл. лжець.

Шблядрэ Вас. (тат. сундирэ) по-
лтан; шблядрэ-умбля Вас. полка.

Шбмь (чув. сукъ) скорлупа, че-
шуй, шелуха, кора; шбмьлэм снимаю
кору, чешую, лупаю.

Шбн жила; шбн шушеш корчить
судорога.

Шбрь ребра, грани призывы; шб-
ракэн призматический, граниный.

Шорья разъебается (запахъ,
дымъ) шбрктэм разъебаю.

Шбрь Вас. молоко.

Шбрьгем завязываю концы у
веревки, чтобъ не расплетался; шб-
ргалтэм захлестываю; шбрьгэ силокъ.

Шбрьн на боку, опрокинувшись,
криво.

Шбрьмич ремешная узла; шбрь-
мич-пурго, шбрьмич-кыш повозка у
узлы.

Шбрьем развертываю, разматываю,
распутываю, отвертываю.

Шбрье золота.

Шремадэм Крок. учащаю; шрен
частью.

Штраи штрафа.

Штраш простое, толстое сукно;
посто-штраш тонкое, фабричное сукно.

Штукля «черная палка», — игра
въ прятки.

Шткронучи, портянки.

Штэр-воштыр метла.

Шу отрубн — мучные выскы; сй-
сна-шу щетина; илс-шу игольные уши.

Шу Земл. гной; уголь; здоровый.

Шуалтэм гребу весломъ.

Шуалт-кеш Крок. зарыбаю, за-
струнаю.

Шуалташ Земл. полоскать бѣлье;
киртий шуалташ отпускать желѣзо.

Шуам достиглю, доспѣваю, дозрѣ-
ваю; также бросаю; шуктэм творю (хлѣ-
бъ), дополняю, достиглю, дссяглю, со-
лю (грибы), шушо спѣлый; капеш шу-
шо возмужалый.

Шуэн-вондо см. шйган-вондо.

Шчан Крок. возмездіе, воздаяніе.

Шуар ступа, шуар-вондо пестъ.

Шуарэм каю.

Шуарю-вакш толчея.

Шуаш Крок. см. шуалтэм.

Шубаш Крок. соединять.

Шубкр Вас. см. шбкр.

Шубми Вас. колъ (рнчагъ?).

Шубмиш Вас. мѣхъ (сосудъ), сумъ;
см. шббкш.

Шубедаш Земл. наговаривать,
заговаривать, ворожить, гадать.

Шубик г. чер. Земл. котѣно, сте-
пень въ родствѣ.

Шугаремадэм Вас. см. шйг-
ремадэм.

Шуга́ш Земл. кидать, бросать.

Шуго́р Земл. воротникъ.

Шуга́ртло кладыще.

Шугу́шйо рычагъ; ср. шубъи

Шуда́лгаш Земл. получать при-
казаніе, повиноваться.

Шуда́лам проклиная; шудалк-
гэм заставляю проклипать.

Шуда́нгаш заростать травой; шу-
дагдаш заростать травой.

Шуда́ш Земл. повелевать, прика-
зать.

Шудо́ство, трава; ошо-шудо мет-
лика трава см. шйрчл.

Шуда́раш Земл. тащить, терзать.

Шуду́дук Земл. ауга.

Шуж́ситовый.

Шужа́р см. шйжър.

Шужа́ръ см. шйжърь.

Шужа́ль г. чер. коцдыкъ.

Шужа́нь Земл. голода.

Шужа́м алкаю, голодаю; шужышо
голодный.

Шу́йре Земл. борона; шу́йраш,
боронить.

Шу́йшэм вытягиваться, увеличива-
ваться въ длину; кече - шу́йшл день
увеличивается; кышкы шу́йшл змѣя
развертывается.

Шу́йшён пешня.

Шу́калани́ш Земл. см. курла-
данъ.

Шу́канá сокр. отъ шуко - канак
множественно.

Шу́калани́ш Земл. жалничать.

Шу́ко много; шу́кэмтэм ужижаю;
шу́кейм увеличиваюсь въ количествѣ.

Шу́кёртэ давно; шу́керск съ
лавникъ поръ.

Шу́ктэм достигаю; шу́ктэм по-
зволю достигнутъ, дойти до цѣли.

Шу́лэм разрѣзаю на части, крою.

Шу́лэгэ Земл. жало.

Шу́лдагаш Земл. журить.

Шу́лдэш Земл. разсыпать, раст-
рачивать, кидать.

Шу́ло дешво; шу́лэштарэм уде-
шевляю; шу́лэмэм удешевляюсь.

Шу́ломандэм см. шолдоман-
дэм.

Шу́лайр крыло; шу́лайран-канк
птица.

Шу́лайк Вас. азоровье; шкат шу-
лайкан ли самъ будь азоровъ! отвѣтъ
на слова кочышет перякан лиже; см.
кочкым.

Шу́лгэш Крок. бросается, ки-
дается.

Шу́дуктараш Земл. развести,
растворить.

Шу́дукш голенище.

Шу́лйктэш оскоплять; заставить
рѣзать, кроить.

Шу́мактá Крок. въ головѣ шу-
вить.

Шу́малгаш точиться.

Шу́ман Земл. охотникъ до чего
выбуа.

Шу́мáт-кече (чув. шумáт ков, г.
чер. кукшо кече) суббота.

Шу́мешке до достиженія.

Шу́мэм точку (инструментъ).

Шу́мáш Крок. разрѣзывать.

Шу́мгана.

Шу́-нама́ Земл. съемы, щипцы для
углей (углеприемны).

Шу́нá Земл. бугоръ.

Шу́налгэм ныряю, спотыкнув-
шись падаю.

Шу́нэм-илем Крок. странствую.

Шу́нгá Земл. стукъ; шу́нгáш сту-
чать.

Шу́нқá иль.

Шу́ншáм тяну; куро, жожаю та-
бакъ; сосу.

Шу́пшáлэм цѣваю.

Шу́пшэдэш, шу́пшэдэктэш, шу́-
пшэдэш Земл. задерживать.

Шуишула́м дерган; шушун-лук-
та́м выдерганно.
Шуишукта́ш заставалять тивуть,
курить, вести.
Шуишула́ш Земл. вытягивать-
ся, натягиваться.
Шур ро́гъ, у Вас. и кага; шурин
рогатый.
Шура́м толку пестонъ.
Шура́лаш Земл. см. шурин.
Шула́тэм тичу, у Крок. натка-
юк, шурлат шиндэм втикаю.
Шура́нэм Крок. потемнѣть, по-
блекнуть.
Шуранда́рэм плаваю.
Шура́шма-шудо Земл. полорож-
никъ трава.
Шура́ноп оскожина набилась.
Шура́ш Вас. см. шоракш.
Шурга́н Вас. см. ола-раин.
Шуре́ Вас. см. сурэ, сорэ.
Шурека́ Земл. бредень.
Шуре́м Земл. см. сврешь.
Шурка́ Смирн. хохолъ; шуркин
хохлатый.
Шурке́лэйла́м тичу часто.
Шури́агше)
Шури́агич) Земл. рысь.
Шурно зерновой хлѣбъ; погнн-
шурн хлѣбъ съ торницей.
Шурту́ш Земл. известка.
Шуршо́ блока.
Шут́ Земл. см. сѣт; шутэм Смирн.
жадничавъ.
Шуша́ (тат. суса) ткацкий челнокъ.
Шушка́ла́м у Вас. шушкалдэм
свищу (однокр. видъ).
Шушкэм свищу (многokr. видъ).
Шушко́ уполовникъ, см. марла-
совалъ.
Шушель́ Земл. отрубн.
Шушер́ Земл. рана, болячка.
Шушка́н Земл. глухой.
Шушкеда́ш конопатить.
Шушта́м стругаю жоженъ.

Шу́э Земл. гребенка.
Шу́э рѣдко. разбросанно; кутко-
шу́э муравьяная куча.
Шу́э-волдо Смирн. шиповникъ.
Шу́эр Земл. см. шу́р.
Шива́ (чув. шыва) см. шывага.
Шива́р (чув. шывир) пузырь. во-
лныка; шывирэо пузырьщикъ, волны-
щикъ; шывир-оппо мочевой пузырь.
Шива́кш кожманя сума для хра-
нения муки.
Шива́рчы́к (тат. шивирчек) яй-
цо-болтуна.
Шива́ Крок. см. шива.
Шига́н (чув. шиган, г. чер. лещокр)
шиповникъ.
Шига́р Земл. гробъ; шигар-вайкен
могила; шигартла кладбище.
Шигале́ (чув. шыбына) бородавка.
Шигальт́ш порошокъ, недоста-
токъ; шигальт́шан кляузынка.
Шиги́р (г. чер. гор) тѣсно; шиг-
рэм, у Вас. шигарэмэм стѣсню.
Шиги́рчы́к Вас. скворецъ; у Земл.
яйцо-болтуна; см. чыричк, шывирчы́к.
Шида́н (г. чер. шадиге) пшееница;
шеме-шбала́ греча.
Шиди́р (чув. сьудамр) звезда;
шордо-шиди́р (звѣзды-лосъ) созвѣздіе
большой медвѣдицы; калк-кочбо-коч-
но-шиди́р (дорога дикихъ гусей звѣ-
ды) млечный путь; кас-шиди́р вечер-
няя звѣзда; жи́р-волгѣло-шиди́р ут-
ренняя звѣзда—Венера; вил-вир-шѣ-
ди́р (корожило звѣзды) «Петровъ
крестъ» созвѣздіе, по Золотн. Ориона;
шоқта́-шиди́р плеада, группа изъ ше-
сти звѣздъ, «грудка»; шиди́р-шамѣ-
чии-лу́ирошо-куго-оппо великій богъ,
создатель звѣздъ; шиди́р-оппо звезда
звѣздъ; шиди́р-оппо мать звѣздъ.
Шиди́ш Вас. обручъ.
Шижам́ (тат. сизам, чув. сис) чув-
ство, чую, догадываюсь, ощущаю;

шинш тирэм привожу въ чувство, внушаю.

Шйжър младшая сестра.

Шйжер молоко.

Шйжй (у Вас. шйжйи) осень; шйжйи осенью.

Шйжйктэм брызгаю водою, кроплю.

Шйжйргаш Земля, взобрить.

Шйкш дмя; шйкшам дмялю, курю; шйкшйктэм дмялю, курю, окуриваю; шйкшанам копчусь, покрываюсь дмяомъ; шйкшангдэм копчу, покрываю дмяомъ.

Шйкй-шйкй звуки при клевании многими курицами.

Шйла таетъ.

Шмла-коя судакъ (рыба).

Шмла дйрмá (г. чер. шушо шудурь) цѣвка безъ нитокъ.

Шмкамá брошка.

Шмййá шлея.

Шммангтэм) ласкаю, сочув-

Шммантэм Вас.) ствую.

Шммантáш ласкаться.

Шмйá (тат. шомá, г. чер. шмйá, смййн) красивый, гладкйй; шмйá пушиге ровное и безъ сучьевъ сизау дерева; шмйá пуч дятель.

Шмйáт башлыкъ; у Вас. костенка; см. мизе-ибрь.

Шмййт семь; шмймау семьдесятъ; шмйур двѣ копѣйки; шмймур двугривенный; шмй йод куго юмо великйй богъ семи чужбинъ-странъ; шмй йод куго пуйрошэ великйй предопредѣлитель будущей судьбы семи чужбинъ-странъ.

Шмйн плотно.

Шмйнá (г. чер. кужнерь) комаръ; орá шмйга (чув. шмна) муха; шмйгáликъ полотняная шалатка, пологъ отъ комаровъ.

Шмйгáлиэ Вас. см. шемгáлю.

Шмйгшáе (г. чер. шакшáе) яще-

рица.

Шмйгрчйк Кр. Яр. сковорочка; шмйгрчйк-омартá сковорочешница.

Шмййртйш Исх. см. шйгйрчйк.

Шмндарэм Смяри. воспоминаю; шмндарйш воспоминание.

Шмндэм сажаю, ставлю.

Шмнчá глазь; шмнчá возен сглазиль (сүентрис); шмнчá-сортá врачекъ; шмнчáлык (у Вас. кугй шмнча) очки; шмнчám кумалтэм закрываю глаза вѣгами (но не мигаю); шмнчá-пун бровь; шмнчá-ошо бѣльмо, бѣлки; шмнчáй-мо слѣпой; шмнчá-вод слезы; лишйá-шмнчán близорукйй; шбрь-шмнчán (у Вас. шайк-шмнчán) косоглазый; пйзбръник шмнчán см. лишйá-шмнчán; шмнчá-нуш энхарь; шмнчá-комдйш вѣко; пель-шмнчán кривой.

Шмнчáа соль; шмнчалтэм солю; шмнчáйк-түэм толку соль; шмнчáлэм соленный.

Шмнчáаэш ржеть.

Шмнчáм сижу.

Шмнчтэм аваю.

Шмнчйр (тат. чмзыр) цѣвь, цѣвпочка.

Шмйргáльче см. прйткá.

Шмйрдán (чув. шьртан) колбаса.

Шмйрэм расхищаю, растаскиваю, разваливаю.

Шмйрйэм стискиваю, скалю зубы.

Шмйрлэм разрушаюся, разваливаюся, разъединяюся.

Шмйркá (тат. серкá, чув. шьрка, г. чер. шьрьхá) цѣвь на хлѣбахъ.

Шмйр природная щель въ деревѣ, также каля.

Шмйркамá Вас. чув. шульгеме см. почкамá.

Шмйрпáк, шьрпй заноза.

Шмйрчá метлика (павеселк) капля дождя, оставшйяся на листьяхъ дерева, на травѣ.

ВНИМАНИЮ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ ТИПОГРАФІИ

ВЪ ПОВОЛЖЬИ, СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Редакція «Извѣстій Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ», желая доставить своимъ читателямъ возможность слѣдить за научнымъ движениемъ въ В. Россіи, предлагаетъ владѣльцамъ типографій, авторамъ и издателямъ присылать объявления о печатающихся у нихъ книгахъ и брошюрахъ, относящихся отношеніемъ къ археологій, исторіи и этнографіи Поволжья, Сибири и Средней Азій для безвлатнаго помѣщенія ихъ въ «Извѣстіяхъ». О книгахъ и брошюрахъ, которыя не выходятъ въ свѣтъ доставляются въ редакцію «Извѣстій», помѣщаются отчеты въ ближайшихъ книжкахъ журнала.

АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ФОТОГРАФІЯ

К. Т. СОФОНОВА,

Члена-сотрудника Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

Предлагаетъ любителямъ этнографіи и древностей

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

типовъ населенія Волжско-Камскаго края, снимковъ съ древнихъ аданій и археологическихъ предметовъ. Снимки можно приобретать отдѣльно и альбомами въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ.

Въ настоящее время изготовлены слѣдующіе альбомы:

1. Руины Бугарь. 12 снимковъ (на пластинку). Цѣна въ коленкор. перепл. 5 р.
2. Древности Аманьинскаго могильника. 8 снимковъ (6 на пласт. и 2 на $\frac{1}{2}$ пласт.). Цѣна въ коленк. перепл. 2 р. 75 к.
- 3) Народы Поволжья. Типы, формы построекъ, утварь, костюмы, картинны быта (ванята, обряды).
 - а) Русское населеніе Казанской губерніи. 16 см. Ц. въ кол. пер. 6 р.
 - б) Чуваши. 32 см. Ц. въ кол. пер. 12 р.
 - в) Черемисы. 76 см. Ц. въ кол. пер. 18 р.
 - г) Мордва. 18 см. Ц. въ кол. пер. 5 р.
 - д) Вотьяки. 12 см. Ц. въ кол. пер. 5 р.

ИЗГОТОВЛЯЮТСЯ:

- 1) Казань старая и новая.
- 2) Волга въ предѣлахъ Казанской губерніи. Видны прибрежныхъ горюдовъ и селеній въ разливъ и межень. Типы волжскихъ судовъ. Картины береговъ.

Адресъ: Казань, Адмиралтейская Слобода, д. Терпиловскаго, фотографу К. Т. Софонову.

Въ 1894 г. „Извѣстия Общества Археологическаго, Историческаго и Этнографическаго при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1-й выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыя числа марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

- 1) Оригинальныя и переведеныя статьи по общимъ вопросамъ археологическимъ, историческимъ и этнографическимъ;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологическимъ, историческимъ и этнографическимъ Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азии и Сибири);
- 3) Материалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіяся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, извѣстныхъ отношеніяхъ къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологическимъ, историческимъ и этнографическимъ Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, извѣстныхъ отношеніяхъ къ археологическимъ историческимъ и этнографическимъ Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ф. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, пр.-доц. Е. Ф. Булдѣ, Н. Виташевскій, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Рихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцовъ, К. Б. Гавелинскій, А. К. Гейбель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсеевъ, Ф. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. К. Катаневъ (Омскъ), С. И. Кедровъ, А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литвинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартыновъ (Минусинскъ), К. П. Мелокъ, В. А. Молочковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Смирнинъ, Ф. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенберга, проф. Н. А. Эйрсовъ, пр.-доц. Н. Н. Эйрсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для послѣдшаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей въ курсѣ всего, что является новаго въ этой области знанія, и прибрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорскъ, Буда-Пештъ и Упсалу (для отчетовъ о новостяхъ скандинавской литературы).

Въ видѣ приложений къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься:

1) Материалы для этнографіи Поволжья. Мордовско-русскій словарь. М. Е. Евсеева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желаніе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 июля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологическаго, Историческаго и Этнографическаго.

«Извѣстия» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества на пароняку за плату.

Цѣна выпуска 1 руб.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XI, вып. 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

- Игры деревенскихъ дѣтей Лашевскаго уѣзда. И. Нечаева. 495—510.
- Очеркъ исторіи города Курмыша въ XIV—XVIII в. Н. Э. Акамова. 511—527.
- Башкиръ Салаватъ Юлаевъ. Пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ. Р. Г. Игнатъева. 528—534.
- Мордва — историко-этнографическій очеркъ. Гл. IV. Культъ предковъ. Возврътніа на смерть и погребальные обряды. И. Н. Смирнова. . . 535—56.
- Материалы. Малетинскія древнія копи и земляныя постройки въ Алтайскомъ округѣ. П. О. Чупина. Мѣстности въ долинѣ Ангрена. интересныя въ археологическомъ отношеніи. — Изъ поѣздки въ селеніе Мамаевку. Изъ быта Мордвы деревни Дюрки Паранѣвской волости Алатырскаго у. Сиб.
- губерніи. С. Иванцева. . 565—575.
- Библиографія. Этнографическое Обозрѣніе. 1893; I. II. — Труды Рязанской Архивной Комиссіи. Т. VII. № 9. 1892. Дневникъ раскопокъ Борковского могильника. Рязань. 1893. — Отчетъ Императорской Археологической Комиссіи за 1889—1890 г. Спб. 1892. — Материалы для статистики Вятской губерніи. Ч. VII. Саранулскій уѣздъ. Вятка. 1892. И. Н. Смирнова — Ignacy Radliński. Słownik nazwescy ludów Kamczackich. I Słownik nazwescy Ainoów, zamieszkujących wyspe Szumagin w tajcuchu Kurylskim przy Kamczatce ze zbiorów Prof. B. Dybowskiego. Kraków 1892. Н. З. Тихова. 576—587.
- Указатель къ XI т. «Извѣстій». 1—3.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета

1894

СКЛАДЪ ОТТИСКОВЪ

ИЗЪ ПЕРИОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНИЙ ВЪ РОССИИ.

Чтобы облегчить лицамъ, занимающимся археологіей, исторіей и этнографіей В. Россіи, возможность пользоваться тѣмъ, что въ настоящее время появляется въ периодической печати этого края, редакція «Извѣстій Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ» покорнѣйше проситъ авторовъ статей, имѣющихъ археологическое, историческое и этнографическое содержаніе и помѣщенныхъ въ мѣстныхъ «Губернскихъ» или «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (описанія приходовъ, селъ, волостей и т. п.) прислать въ книжный магазинъ Н. Я. Башмакова въ Казани по 5—10 оттисковъ своихъ статей или №№ тѣхъ изданій, гдѣ онѣ помѣщены, съ обозначеніемъ ихъ цѣнности. Редакція «Извѣстій» съ своей стороны выражаетъ готовность безвлатно печатать объявленія о поступившихъ въ складъ оттискатахъ.

ВНИМАНІЮ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ ТИПОГРАФІЙ

ВЪ ПОВОЛЖЬИ, СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Редакція «Извѣстій Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ», желая доставить своимъ читателямъ возможность слѣдить за научнымъ движеніемъ въ В. Россіи, предлагаетъ владѣльцамъ типографій, авторамъ и издателямъ прислать объявленія о печатающихся у нихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Поволжья, Сибири и Средней Азій для безвлатнаго помѣщенія ихъ въ «Извѣстіяхъ». О книгахъ и брошюрахъ, которыя по выходѣ въ свѣтъ доставляются въ редакцію «Извѣстій», помѣщаются отчеты въ ближайшихъ книжкахъ журнала.

ИГРЫ ДЕРЕВЕНСКИХЪ ДѢТЕЙ ЛАНШЕВСКАГО УѢЗДА.

 На бывшей въ 1890 году въ Казани научно-промышленной выставкѣ былъ, между прочимъ, „дѣтскій отдѣлъ“ — отдѣлъ не богатый ни по качеству, ни по количеству выставленныхъ въ немъ экспонатомъ, но тѣмъ не менѣе все же довольно интересный. Правда, всѣ эти деревенскіе куклы, топорки, сошки, мельницы, казачки, трещетки и пр. — никакъ не могли похвалиться своимъ изящнымъ видомъ; но эта безыскусственность деревенскихъ игрушекъ и дѣлаетъ ихъ цѣнными. Когда вы рассматриваете коллекціи игрушекъ „для благородныхъ“, въ вашемъ умѣ не возникаетъ никакой мысли, кромѣ развѣ мысли о ихъ стоимости, — что вотъ эта, молъ, будетъ по карману для лица сидящаго на пятисотрублевомъ окладѣ, а та — для сидящихъ на тысячномъ окладѣ. Игрушки „для благородныхъ“ ничего вамъ не скажутъ о той сферѣ, для которой онѣ предназначаются; онѣ не введутъ васъ въ мірокъ дѣтскихъ мыслей, желаній и пр. и понятно — почему. Эти игрушки выдѣлываются фабричнымъ путемъ; въ дѣтскую среду онѣ приносятся извнѣ, а потому онѣ (игрушки) скорѣе характеризуютъ вкусъ ихъ производителей, чѣмъ вкусъ и наклонности дѣтей, для которыхъ приобретены чрезъ покупку. Совсѣмъ не то игрушки деревенскія. Деревенскій мальчуганъ въ большинствѣ случаевъ самъ себѣ мастеритъ игрушку; слѣдовательно, послѣдняя является продуктомъ его, мальчугана, творческой дѣятельности. Если же она и бываетъ сдѣлана взрослымъ, то бываетъ всетаки сдѣлана

по указанію и желанію мальчугана. „Татка, сдѣлай мнѣ коня“ говоритъ онъ: и татка дѣлаетъ. Отсюда ихъ значеніе.

Когда я на выставкѣ осматривалъ деревенскія игрушки, то предъ моиѣ глазами, какъ живая, выросла деревня съ ея полями, лугами, съ ея затхлымъ прудомъ, съ ея Шашками, Митьками, Микольками.

Вотъ владѣлецъ этого суденышка, думалось мнѣ, несомнѣнно живетъ у рѣки, въ которой и пускаетъ свою посудину. Въ этой же рѣкѣ по лѣтамъ и купается онъ разъ по пятнадцати на день, къ крайнему огорченію своей матери. Владѣлецъ этой деревянной пилы и рубанка несомнѣнно сынъ плотника: когда подростетъ, то, подобно своему отцу, съ топоромъ за поясомъ исходитъ не одну сотню верстъ; будетъ, въ видахъ полученія выгодной работы, жадно прислушиваться къ слухамъ о произведенныхъ въ той или другой сторонѣ пожарами опустошеніяхъ. Владѣлецъ этихъ куколъ въ длинныхъ „платяхъ“ и „пепжакахъ“ съ часами въ карманѣ, безъ сомнѣнія живетъ не вдалекѣ отъ города, въ мѣстности, сильно подверженной вліанію городской цивилизаціи и т. д. Словомъ почти каждая игрушка о чемъ нибудь напоминала, воскрешала въ памяти какую-либо сценку изъ деревенской жизни, рассказывала какую-либо исторію.

Таковы были мои мысли, вызванныя осмотромъ, дѣтскаго отдѣла“ на выставкѣ. Я очень пожалѣлъ о томъ, что кромя игрушекъ жизнь деревенскихъ ребятъ въ этомъ отдѣлѣ почти ничѣмъ не была представлена. Между тѣмъ жизнь своеобразнаго мірка деревенскихъ ребятъшекъ во многомъ очень интересна и заслуживаетъ полнаго вниманія. Тогда-же я рѣшилъ поближе присмотрѣться къ этой жизни.

Съ ключкомъ этой жизни, въ видѣ ребячьихъ игръ и пѣсенокъ, я и думаю познакомить читателя.

I.

Я имѣю въ виду только игры, отличающіяся, такъ сказать, своею устойчивостью, отлившіяся въ опредѣленные фор-

мы, имѣющія свои опредѣленные обряды. Кромѣ этихъ игръ существуетъ множество другихъ, сочиняемыхъ ребятами подъ впечатлѣніемъ минуты, по личному вдохновенію. Нѣтъ такого явленія въ деревенской жизни, котораго бы не передразнили въ своихъ играхъ ребята. Увидеть они какъ „міръ“ учитаетъ выборнаго и вотъ готова игра въ „учетъ выборнаго“. Играютъ „въ пасмъ пастуха“, „въ урядника“, „въ мужика и барина“, въ игру—„какъ татьяма мамку учить“ и т. д. Всѣ эти игры вносятъ много оживленія въ дѣтскую среду, довольно вѣрно копируютъ дѣйствительность, но въ каждой деревнѣ, сообразно съ ея мѣстными условіями, видоизмѣняются на свой образецъ.

Зима съ ея холодами мало способствуетъ дѣтскому общенію,—и зимнія уличныя дѣтскія игры не такъ многочисленны и не отличаются большимъ разнообразіемъ. Игра въ бабки, въ снѣжки, катанье на конькахъ и салазкахъ, вотъ почти все, что приноситъ зима дѣтскому веселью. Но лишь вешнее солнце согнать снѣгъ и земля одѣнется травкой, какъ вся „челюпка“, не только владѣющая ногами, но и ухѣющая только ползати, выбирается на улицу. Тутъ начало дѣтскому веселью, начало ихъ играмъ.

Я прежде всего укажу на игры, общія мальчишкамъ и дѣвочкамъ. Но считаю нужнымъ добавить, что мальчуганы, хотя иногда и играютъ вмѣстѣ съ дѣвченками, всетаки предпочитаютъ для игры составить свой парнишечій кругъ, а дѣвочки дѣвичій. По условіямъ многихъ игръ, изъ среды играющей публики должно быть избрано особое лицо, роль котораго въ игрѣ разнится отъ роли другихъ, участвующихъ въ игрѣ лицъ. Избраніе это происходитъ такимъ образомъ. Всѣ желающіе принять въ игрѣ участіе садятся въ рядъ. Затѣмъ одинъ изъ мальчишекъ считаетъ ихъ по головамъ, произнося слова одного изъ присловій, или пѣсенокъ, сложенныхъ специально для этого случая. На кого падетъ послѣднее слово или стихъ пѣсенки тотъ становится въ ряды обыкновенной играющей публики. Мальчуганъ снова повторяетъ свой счетъ

и т. д. Наконецъ остается только считающій — еще одно лицо. Повторивъ свой счетъ, считающій или принимаетъ на себя ту роль, которая отъ него требуется игрой, или же становится въ рядъ публики.

Вотъ эти присловья:

	1.	Вонъ ?)	4.
Первечко,		Полна вѣна	
Другечко,		Не за моремъ.	
Покуста,		Сташемъ битъ, колотить,	
Пошста,		Наколачивать.	
Полесена,		Какъ надъ нами,	
Кавустина,		Передъ нами,	
Костина,		Передъ нашими столбами,	
Коница,		Стулчикъ, мамчикъ,	
Ловатка,		Самъ любезнейшій	
Сканика,		Король.	
Бѣланин.			5.
Соколинки.		Тараранъ,	
	2.	Тараранъ,	
Буби кони,		Сѣла баба на баранъ,	
Златобѣги,		Поѣхала по горамъ.	
Нечѣи кони		Трою-рою,	
Погонять.		По мосту, мосту,	
Трусъ,		Селеземъ голенастигъ.	
Вапъ,		Утка квакъ.	
Князь.		Бѣлякъ.	
	3.	Соколъ,	
Перводанъ,		Колоколъ,	
Другоданъ,		Шинель,	
На колодѣ уголяга.		Вышелъ,	
Пятьсотъ лаяа,		Вонъ пошелъ.	
Пономаръ судья.			6.
Дьяконъ пишеть		Стрѣламъ горѣла,	
Черемъ углемъ:		Осиново волѣно	
Б . . . ка татарка,		За море летѣло.	
Чертова дѣвка.		За моремъ церковь,	
Стукъ да громъ,		Въ церкви икона.	
Подъ стеклышко,			

)) Варианта. Послѣ пятой строки вставляется

Катерина тетка,	Шелковий волсоцъ.
Щебелова плетка.	Шинель-вышелъ,
Она самъ щебелскъ	Дегтеръ вонъ.

Марья Бикова,
Жена куликова.
Стукъ,
Грѣхъ,
Стекла вонь.

7.

Первички,
Другички,
Летала голубички
По божьей росѣ,
По поповой полость,—
Тамъ чашки,
Орѣшки,
Мелокъ,
Сахарокъ.
Поли вонь,
Королекъ.

8.

Кукушечка,
Горюшечка,
Плетень плела,
Дѣтей вела.

Кока.

9.

Заяцъ бѣлый,
Кудмъ бѣгалъ?
Подъ колоду.
Чего дѣлалъ?
Лички драгъ.
Кудмъ кагалъ?
На востѣ.
Кто укралъ?
Родивонъ!
Подмъ вонь.

10.

Катить яблоко
По огорогу,
Кто не съѣдтитъ,
Того въ вогу.

11.

Шушъ,
Бушъ,
Шелкова нитка,
Хрестъ.

Перехожу къ самымъ играмъ. Игра хрѣномъ состоитъ въ слѣдующемъ. Указаннымъ выше способомъ выбирается матка и хрѣнъ. Всѣ остальные ребята — дѣти нитки. Одинъ изъ дѣтенышей охватываетъ „матку“ сзади обѣими руками; этого въ свою очередь охватываетъ другой дѣтенышъ и т. д. Составившаяся такимъ образомъ цѣпь ребятъ кружится вокругъ „хрѣна“. При этомъ пѣвается пѣсенка.

Ужь ты, хрѣнъ-ли мой, хрѣнъ,
Саловой, яровой!
Еще кто тебя салить,
Еще кто поливалъ?
Поливала — солныла
Солнысова жена.
Все ухаживала,
Огораживала.

Когда пѣсенка спѣта, между „маткой“ и „хрѣномъ“ происходитъ такой разговоръ. Дома-ли, хозяйинъ, спрашиваетъ „матка“ — „Дома“. — „Барыня съ печки упала, брюхохъ хрѣну

захотѣла. Можно-ли выдернуть?— „Дергай, дергай, да не изъ корню“. „Хрѣтъ“ становится къ плетню и хватывается за боль. „Матка“ вмѣстѣ съ дѣтьми старается его оторвать. Ребяти цѣнь часто разрывается и оторвавшіеся при общемъ смѣхѣ летать на землю. Оторвавшіеся теряютъ право на выдергиваніе „хрѣна“. Если удастся оторвать „хрѣномъ“ отъ плетня, то на слѣдующую игру „хрѣномъ“ избирается новое лицо; въ противномъ случаѣ это право остается за старымъ „хрѣномъ“.

Въ игрѣ горшунѣмъ выбирается также матка и горшунъ. „Матка“ съ дѣтьми въ томъ же положеніи, какъ и при игрѣ „хрѣномъ“, кружится вокругъ „горшуна“ при пѣніи такой пѣсенки:

Вокругъ горшуна хожу,
Жеребенка облегу,
Жилетку сошью,
Оторочену,
Позолочену.

Затѣмъ „матка“ спрашиваетъ „горшуна“.— „Горшунъ, горшунъ, чего дѣлаешь?“— „Имку рою“.— „Зачѣмъ тебѣ ямку?“— „Иголку шью“.— „Зачѣмъ тебѣ иголку?“— „Мѣшочекъ шью“.— „Зачѣмъ тебѣ мѣшочекъ?“— „Камешки влать“.— „Зачѣмъ тебѣ камешки?“— „Въ твоихъ дѣтей шуркать-буркать“. Съ этими словами „горшунъ“ бросается ловить маткиныхъ „дѣтей“. Матка“ растопыривъ руки, старается ихъ защищать, постоянно бросаясь изъ стороны въ сторону, сообразно съ тѣмъ, куда устремится „горшунъ“. Образовавшаяся позади „матки“ цѣнь ребятъ также при этомъ волочится изъ стороны въ сторону. Когда всѣ „дѣти“ будутъ переловлены, дѣтенышъ, стоящій первымъ послѣ матери, отирается топить для „горшуна“ баню. Истопивши, приглашаютъ горшуна:— „горшунъ, горшунъ! пойдѣмъ въ баньку. „Горшунъ“ упрямится.— Нѣтъ-ли тамъ мышей, лягушекъ, говорятъ онъ. Золотые-ли тазы? Шоковыя-ли судомайки? „Горшуна“ завѣряютъ, что никакой нечисти въ банѣ нѣтъ и что все тамъ прекрасно. Тогда двое „дѣтей“ бе-

ругъ „горшуна“ на руки и несутъ въ баню подъ руки остальныхъ ребятъ, которые къ этому времени раздѣляются на двѣ стороны и подаютъ одна сторона другой руки. Когда „горшуна“ допесутъ до средняго пути всѣ кричатъ: мыши! мыши! „Горшунъ“ пугается, соскакиваетъ съ рукъ и убѣгаетъ.

Игра за реи отправляется слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ играющихъ бѣгаетъ кругомъ усѣвшихся въ кругъ дѣтей, и старается кому-либо изъ нихъ незамѣтнымъ образомъ подложить поясъ. На протяженіи всей игры расцѣвается пѣсенка:

Зоря, Зоряница,
Красная дѣвица.
Кто зорю проспитъ,
Того бить-колотить.

Сидящіе шарятъ позади себя руками, но оглядываться назадъ не имѣютъ права. Обѣжавъ весь кругъ, прачущій выхватываетъ у прозѣвавшего поясъ и, подхлестывая имъ, прогоняетъ прозѣвавшего вокругъ сидящихъ три раза. Если же поясъ будетъ найденъ, то нашедшій бѣгаетъ за прачущимъ.

А вотъ игра въ Бога и черта¹⁾. Всѣ ребята садятся въ рядъ. Къ каждому изъ нихъ подходитъ Богъ и спрашиваетъ: — „раба, раба, гдѣ была?“ — „У попа“. — Чего ѣла? — „Просвиру“. — Чего пила? — „Сыту“. — Эго чего (показываетъ куда-либо въ пространство)? — „Сторона“. А это чего (показываетъ въ противоположную сторону)? — „Другая“. — А это (показываетъ въ верхъ)? — „Небо“. — А это (показываетъ внизъ)? — „Земля“. По пятамъ за Богомъ ходитъ и чертъ, и пока „Богъ“ производитъ распросы, „чертъ“ всячески старается разсмѣшить спрашиваемаго: тычетъ послѣднему пальцемъ въ носъ, строитъ хари и т. д. Если спрашиваемый во время вопроса не разсмѣется, то переходитъ къ „Богу“; иначе становится достоиніемъ „черта“, который и обращаетъ всѣхъ доставшихся ему въ собачь, и обративши натравляетъ ихъ на дѣтей „Бога“. Когда ребята достаточно повозатся между собою, — Богъ

¹⁾ Иначе — въ Ангелъ и Бѣса.

жалобно спрашиваетъ черта: за что ты моихъ дѣтей затравилъ?—,Трои дѣтки, отвѣчаетъ послѣдній, мою капустку съѣли“.—А ты что плохо огородъ городилъ?—,Плетень у меня высокій былъ“.—Какой высоты? ,Вотъ этакой (показываетъ выше себя)“. Игра заканчивается тѣмъ, что всѣ ,глушать“ Бога, т. е. стараются какъ можно громче закричать ему что нибудь подь ухо.

Колышки. Всѣ, участвующіе въ игрѣ, дѣлятся на пары, впрочемъ, такъ, чтобы одному изъ играющихъ пары не было. Затѣмъ по одному человѣку изъ каждой пары садятся въ кругъ. Остальные стоятъ, каждый у своей пары. Это будетъ игра въ колышки. Тотъ, кому не достало пары, ходитъ вокругъ круга и спрашиваетъ у стоящихъ:—кума, кума! продай кола. Стоящіе могутъ продать каждый свой ,колышекъ“, могутъ и не продать. Въ первомъ случаѣ они говорятъ—к у п и во второмъ—н е п р о д а ж н ы й. Если ,колышекъ“ запроданъ—и продавшій и купившій взапуски обѣгаютъ кругъ, каждый въ противоположную сторону. Обѣжавшій ранѣе становится у ,колышка“; опоздавшій продолжаетъ ,покупать“.

Всѣ ребята бѣгаютъ, непрерывно повторяя одно и то-же:

Горохова мучка—
То и дѣло
Солодѣла.

Одинъ ловить бѣгающихъ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока не будутъ всѣ переловлены. Это игра—в ъ г о р о х о в у м у ч к у.

Аналогичны съ этой игрой—игры ,сырой селезенкой“, ,въ волка“ и ,зайцами“. Вся разница первой изъ указанныхъ игръ заключается лишь въ томъ, что ребята вмѣсто словъ—горохова мучка и т. д. въ этой игрѣ поддразниваютъ ловащаго словами—сыра селезенка. При игрѣ ,волки“ ребята близко подходят къ тому мѣсту, гдѣ лежитъ ,волкъ“ и дѣлаютъ видъ, будто собираютъ ягоды, при чемъ вытягиваютъ:

Беру, беру ягоды
Вашему брату—
Г . . . а на лопату.

Волкъ соскакиваетъ и ловить берущихъ ягоды. Пойман-ные сами обращаются въ волковъ.

При игрѣ за яц а м и всѣ играющіе соединяють у себя концы указательнаго и большаго пальцевъ; затѣмъ въ образовавшееся такимъ образомъ кольцо, пускають слюну. У кого слюна пролетаетъ черезъ кольцо, не задѣвъ краевъ пальцевъ, тѣ становятся за яц а м и; у кого задѣваетъ—с о б а к а м и. „Зайцы“ поддразниваютъ собакъ словами:

Заяцъ собакѣ
Хвостъ ломать.

„Собаки“ могутъ ловить „зайцевъ“ только на чистомъ мѣстѣ. Разъ заяцъ успѣлъ встать на какое-либо дерево—на бревно, крыльцо и пр.—онъ неприкосновененъ.

При игрѣ в о р о б ѣ е м ѣ изъ среды играющихъ избирается м а т к а и воробей. Остальные становятся въ одну линію и берутся за руки. „Воробей“ зигзагомъ подныриваетъ подъ руки стоящихъ. За нимъ гонится „матка“ съ пруткомъ въ рукахъ и старается его подхлмыстывать. Ребята шугаютъ воробья словами: ш и ш ъ, ш и ш ъ, в о р о б е й! Поднырнувъ подъ руки, мальчуганъ становится въ рядъ. Далѣе подныриваетъ слѣдующій мальчуганъ. За нимъ снова гонится матка и т. д.

Игра т а б а к о м ѣ совершается такъ. По пыльной дорогѣ проводятъ зигзагомъ полосу, на обѣихъ концахъ которой дѣлается по кругу. Въ одинъ изъ круговъ наносятъ кучу пыли. Это—и есть т а б а к ѣ. Къ „табаку“ приставляется торговецъ—дѣдушка“. Ребята приходятъ къ нему за покупкою.—Дѣдушка продай табакъ!—„Ладно“. Пока одни торгуются, другіе стараются воровать и, набравъ пыли въ подошмы бѣгутъ по направленію ко второму кругу, по условіямъ игры, непремѣнно по проведенной полосѣ. „Дѣдушка“ съ подогомъ въ рукахъ гонится за похитителями. Если догонитъ то „табакъ“ возвра-

щается назадъ; въ противномъ случаѣ складывается въ кучу во второмъ кругу. Когда весь табакъ изъ одного круга будетъ перетасканъ въ другой, для торговли избирается новый „дѣдушка“. Начинается перетаскиваніе пыли опять въ прежній кругъ и т. д.

Игра—бабушкой Пыхтѣхой. Выбирается—„бабушка“. Бабушка любитъ молиться Богу. Опираясь на клюку, она отправилась къ обѣднѣ. Ее обкружаютъ ребята.—Бабушка Пыхтѣха, куда пошла?—„Къ обѣденкѣ“. Возьми насъ.—„Идите, да не свистите“. Ребята нѣкоторое время идутъ смиренно, затѣмъ поднимаютъ свистъ, Пыхтѣха гонится за ними, и пойманныхъ тузитъ по спинѣ клюкою.

Игры—горячей сковородой и „въ ушибу“. При первой игрѣ связываются концами возжи. Одинъ становится въ кругъ; остальные держатся за возжи. Стоящій въ кругу ловитъ остальныхъ. Держащіеся за возжи ребята могутъ перемѣнять руки, но совсѣмъ выпускать изъ рукъ возжи не должны. Пойманные становятся въ кругъ. При второй игрѣ играющіе раздѣляются на двѣ равныя партіи. Одна изъ партій завладѣваетъ мячемъ; другая становится въ кругъ, спиной во внутреннюю сторону круга. Первая партія удаляется куда-нибудь за уголь. Оттуда ребята возвращаются съ загнутыми подолами рубахъ, которые (подолы) держатъ въ рукахъ, и начинаютъ подпрыгивать вокругъ стоящихъ со словами: ушибу, ушибу, ушибу... Тѣмъ отвѣчаютъ: не боюсь, не боюсь, не боюсь... Мальчуганъ, у котораго спрятанъ мячъ, внезапно выхватываетъ его изъ подола, и ударяетъ кого-либо изъ стоящихъ въ кругу; при этомъ всѣ ребята разбѣгаются въ стороны. Стоящіе въ кругу стараются поймать мячъ и попасть имъ въ кого-нибудь изъ лицъ первой партіи. Если ударъ нанесенъ удачно, то роли играющихъ мѣняются: стоящіе въ кругу завладѣваютъ мячемъ, а владѣвшіе мячемъ становятся въ кругъ. Если стоящимъ въ кругу долгое время не удастся ни въ кого попасть мячемъ изъ лицъ первой партіи,—то эти послѣдніе начинаютъ поддразнивать первыхъ:

За-а-морети,
За-а-морети,
За-а-морети...

II.

Описавъ игры общія мальчикамъ и дѣвочкамъ, переходжу далѣе къ играмъ, въ которыхъ играютъ или одни мальчики, или однѣ дѣвочки.

Начну съ игры мальчиковъ. При игрѣ ю р о мъ всѣ мальчуганы, кромѣ одного, садятся въ кругъ; ноги покрываютъ пологомъ, или рогожей; подъ погами передаютъ другъ другу свитый изъ поясовъ жгутъ или юръ. При игрѣ нацѣвается пѣсенка:

Юръ ушелъ, ушелъ, ушелъ,
Ты-ря-ря убѣжалъ.
Юръ ушелъ, ушелъ, ушелъ и т. д.

Оставшійся за кругомъ мальчуганъ старается угадать, у кого въ данную минуту находится юръ. Юръ время отъ времени появляется изъ подъ полога на свѣтъ и ударяетъ щущаго по спинѣ. Когда юръ паденъ, щущій садится на мѣсто того, у кого ему удалось захватить юръ. Этотъ-же становится на его мѣсто.

Одинъ изъ мальчугановъ садится, положивъ на голову фуражку вверхъ дномъ. Остальные отходятъ отъ него сажень на двадцать; затѣмъ разбѣгаются и перепрыгиваютъ черезъ сидящаго мальчугана; при чемъ должны перепрыгнуть такъ, чтобы не сронить съ него фуражки. Тѣмъ, которые не исполнили этого условія, полагается наказаніе. По окончаніи игры такъихъ берутъ за руки и за ноги каждаго по два мальчугана; берутъ и того, кто сидѣлъ на колу; раскачиваютъ и ударяютъ другъ о друга мягкими частями. Игра эта носитъ очень неблагородное названіе, а потому можетъ быть обозначена только подъ точками,—это игра ч у г у н о й ж . . . й.

При игрѣ въ б о н ѣ и всѣ участвующіе въ игрѣ вырываютъ себѣ по прямой линіи по ямѣ. Стоящіе у крайнихъ ямокъ катаютъ мячъ. Когда мячъ останавливается въ чьей-ли-

бо ямкѣ, всѣ ребята, кромѣ того, въ чьей ямкѣ мячъ остано-
вился, разбѣгаются; послѣдній-же беретъ мячъ и старается
имъ въ кого-нибудь попасть. Тому, въ кого мячъ попалъ, а въ
случаѣ, если мячъ былъ брошенъ неудачно, то тому, кто бро-
силъ, задаются „бонки“. Такому мальчугану закрываютъ гла-
за, затѣмъ ударяютъ его поголовѣ мячемъ и спрашиваютъ:
к о к ѣ, к о к ѣ, в ѣ ч ѣ и я м к ѣ? „Коканье“ по головѣ про-
должается до тѣхъ поръ, пока спрашиваемый не дастъ вѣрна-
го отвѣта, въ чью ямку мячъ положенъ.

Ямки сохраняются при игрѣ въ муху. При этой игрѣ
въ землю вбивается колъ; на колъ вѣшается сучекъ—„муха“.
Къ „мухѣ“ приставляется караульщикъ. У каждого изъ играю-
щихъ въ рукахъ имѣется палка—„свистъ“. Этими свистами
играющіе и сбиваютъ „муху“. Когда „муха“ сбита, всѣ ранѣе
пробросившіе свои свисты бѣгутъ за ними, стоящій-же у „му-
хи“ старается поскорѣ повѣсить ее на колъ, и затѣмъ бѣ-
житъ также на копь—къ ямкамъ. Если ему удастся ранѣе за-
нять чью либо ямку, то караулить „муху“ отправляется тотъ,
кто пробѣжалъ къ своей ямкѣ позже.

При игрѣ въ ножички играющіе садятся въ кругъ.
Затѣмъ одинъ изъ ребятъ беретъ ножичекъ за конецъ лезвія
и бросаетъ его такъ, чтобы онъ воткнулся въ землю. Это—
первый приемъ. Второй приемъ состоитъ въ томъ, что мальчу-
ганъ кладетъ ножикъ на ладонь лезвіемъ вверхъ; съ ладони
онъ подбрасываетъ его вверхъ такъ, чтобы ножикъ перевер-
нулся въ воздухѣ и затѣмъ опять такъ воткнулся въ землю.
Если это продѣлано удачно, то съ ножомъ продѣлывается третій
приемъ, различающійся отъ второго лишь тѣмъ, что теперь ножъ
кладется на обратную сторону ладони. Четвертый приемъ за-
ключается въ томъ, что ножъ бросается съ головы, опять та-
ки такъ, чтобы перевернулся въ воздухѣ. Продѣлавшій всѣ
приемы удачно, заканчиваетъ игру—„выходить“. Если кому-
нибудь изъ играющихъ не удастся какой либо изъ приемовъ,
то въ слѣдующій „конъ“, когда ножикъ обойдетъ всѣхъ сп-
лящихъ въ кругу, онъ начинаетъ съ того приема, на которомъ

остановился въ предшествовавшемъ „кону“. Не продѣлавшему съ ножомъ всѣхъ пріемовъ опредѣляется наказаніе. Ножъ втыкается въ землю, и затѣмъ каждый изъ играющихъ ударяетъ по нему палочкой три раза. Иногда ножъ уходитъ весь въ землю. „Оставшійся“ долженъ вытащить его изъ земли зубами.

Игра ч и ж о м ъ совершается такъ. Изъ играющихъ выбираютъ двѣ матки. Остальные сговариваются между собой. „Я буду колоколомъ, а ты колокольней...—Матка, колокола или колокольни?“ Матки выбираютъ. Такимъ образомъ играющіе раздѣляются на двѣ равныя группы. Затѣмъ на землѣ вычерчивается квадратъ аршина въ полтора шириною. Въ середину этого квадрата кладется небольшая палочка — это и есть ч и ж ъ. Чижъ накатывается другою палочкою и затѣмъ подшибается. Каждый ударъ по чижу считается за т р и. Играющіе напередъ уговариваются „доскольки“ они играютъ—до пятидесяти, до ста и т. д. Одна группа играющихъ становится у „чижа“, другая „въ полѣ“. Каждый изъ лицъ первой группы накатываетъ и подшибаетъ чижъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній не будетъ кѣмъ-либо изъ лицъ второй группы выброшенъ въ начертанный на землѣ квадратъ. Чижъ бросается съ того мѣста, куда улетитъ отъ нанесеннаго по нему удара. Если чижъ кѣмъ-либо изъ ребятъ второй группы будетъ пойманъ на воздухѣ, то все набитое первой группой пропадаетъ — „сгорѣло“. Когда партія кончена, т. е. когда одна изъ группъ „набила“ до опредѣленнаго числа, а вторая партія не успѣла „набитаго“ сквитать, — то группѣ, проигравшей партію, задаются „скачки“: каждый мальчуганъ этой группы скачетъ на одной ногѣ до того мѣста (и обратно), куда забьетъ чижъ сговаривавшійся съ нимъ товарищъ.

Игръ ребятъ „въ бабки“ или „козны“, „въ запту“, „въ чехарду“ и „въ чушки“ я описывать не буду, въ виду ихъ общеизвѣстности, а перейду къ играмъ дѣвчатъ.

Игра—м е д о м ъ и с а х а р о м ъ. Двѣ дѣвочки становятся другъ противъ друга и подаютъ одна другой руки. Остальныя вытягиваются веревочкой — становятся „тигалою“ — и под-

ныриваютъ подъ руки первыя. Последнюю въ ряду дѣвочку спрашиваютъ: „къ кому хочешь, къ меду, или сахару? Дѣвочка переходитъ. Веревка дѣвчатъ снова подпириваетъ подъ руки, теперь уже въ обратномъ противъ прежняго порядкѣ, и т. д. Когда всѣ дѣвчата подѣлятся между „медомъ“ и „сахаромъ“, выбирается длинная палка; обѣ группы дѣвчатъ берутся за палку, одна съ одной а другая съ другой стороны, и тянутся: въ комъ силы больше?

Игра—краской. Дѣвочки, избравъ изъ среды себя ангела и черта, становятся въ рядъ. Каждой дѣвочкѣ присвоится названіе какой либо краски; одна—синяя,—другая—зеленая и т. д. По ряду ходятъ „ангелъ“ и „чертъ“. „Ангелъ“ говоритъ:—стукъ, стукъ подъ окномъ. Его спрашиваютъ.—„Кто тамъ?“—Ангелъ.—„За чѣмъ пришелъ?“—За краской.—„За какой?“—За зеленой. Зеленая краска переходитъ къ „Ангелу“. Ходитъ по ряду и „чертъ“. Стукъ, стукъ подъ окномъ.—„Кто тамъ?“—Я, чертъ съ рогами, съ горячими сковородами.—„За чѣмъ пришелъ?“—За краской.—„За какой?“—За красной. Красная краска переходитъ на сторону „Черта“. Такимъ образомъ, дѣвочки подѣляются между „ангеломъ“ и „чертомъ“. Игра заканчивается, какъ и предыдущая.

При игрѣ Мизинкой дѣвочки также раздѣляются на двѣ стороны. Одна сторона становится лицомъ къ стѣнѣ или къ плетню и зажимаетъ глаза. Другая избираетъ изъ своей среды „Мизинку“ и отпраивается ее прятать, часто совсѣмъ на другой конецъ села. Затѣмъ обѣ стороны ходятъ по селу и выкрикиваютъ: Мизинъ, Мизинъ! Когда ищущія поравняются съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ спрятана „Мизинка“, послѣдняя выскакиваетъ изъ своей засады и стремительно бѣжитъ по направленію къ своимъ; противоположная сторона старается ее перенять. Если это ей удастся, то право избрать „Мизинку“ на слѣдующій конъ игры переходитъ на эту сторону.

При игрѣ слѣпыхъ и глухихъ одной дѣвочкѣ завязываютъ глаза. Затѣмъ на землѣ начерчивается дозволено большой кругъ и всѣ играющія входятъ въ этотъ кругъ.

Дѣвочка ловить играющихъ. Играющіе не могутъ выходить за черту круга. Пойманные и сами обращаются въ „слѣпыхъ пѣтуховъ“.

Игра—К о с т р о м о в ъ. Избирается К о с т р о м а и м а т к а. Кострома стоитъ на одномъ мѣстѣ. Остальныя дѣвочки подъ предводительствомъ „матки“, вытянувшись веревкой, кружатся вокругъ нее при пѣніи пѣсенки:

Кострома моя,
Костромушка!
У Костромунжи
Кисель да блины,
Подъ головушкой
Канунъ да свѣчи.
Ты гори, свѣча,
При бѣдности.

Когда пѣсенка пропѣта, всѣ дѣвочки становятся въ кругъ. „Кострома“ подходитъ къ каждой изъ нихъ и говоритъ:— „пусти ночевать“. И неизмѣнно получаетъ въ отвѣтъ одно и то-же.— „Некого цѣловать. Кошка окотилась, котятъ некуда дѣвать“. Получивъ отказъ въ ночлегѣ, Кострома начинаетъ ловить дѣвочекъ. Послѣ всѣхъ ловить „матка“, которую „глушатъ“ и заставляютъ назвать имя жениха.

Татарскій плетень. При этой игрѣ дѣвочки встаютъ в рядъ и берутся за руки. М а т к а ведетъ за собой весь рядъ дѣвушекъ и подныриваетъ подъ руки стоящей на другомъ концѣ пары. Тѣ перевертываются. Далѣе „матка“ подныриваетъ подъ руки второй пары и т. д. Въ концѣ концовъ получается то, что каждая дѣвочка держится съ другой дѣвочкой лѣвой рукой, перекинутой чрезъ правое плечо. Когда „плетень“ завить его начинаютъ развивать. Во время игры поется пѣсенка:

Вейся, ты вейся,
Капустка моя!
Вейся, ты вейся,
Вишневая моя!

Какъ мнѣ, капусткѣ,
Не вѣтися?
Какъ мнѣ, виловой,
Не сиватися?
Вечеръ на капусткѣ,
Вечеръ на виловой—
Частый, сильный дождикъ.

И. Печавъ.

ГОРОДЪ КУРМЫШЪ ВЪ XIV—XVIII ВѢКАХЪ ¹⁾.

виженіе Руси на востокъ, начавшеся еще во времена первыхъ князей, послѣ построенія Нижняго Новгорода (1221 г.) надолго было прервано татарскими погромами. Только чрезъ сотню лѣтъ Русь настолько оправилась отъ вестропей, вызванныхъ татарскимъ нашествіемъ, что получила возможность при защитѣ восточныхъ окраинъ перейти въ наступленіе.

Въ 1367 г. на Нижегородское княжество сдѣлалъ набѣгъ ордынскій князь Булакъ-Темиръ, завладѣвшій предъ тѣмъ Болгарской землей. Булакъ Темиръ опустошилъ Городецкія волости и пошелъ было на Нижній, но князья Борисъ и Дмитрій Константиновичи общими силами прогнали татаръ за р. Пяну. Булакъ-Темиръ бѣжалъ въ Золотую Орду и былъ тамъ убитъ по приказанію хана Агиса, а въ Болгарской землѣ захватилъ власть князь Асапъ. Въ 1370 г. по приказу хана Мамай кн. Дмитрій Константиновичъ Суздальскій послалъ брата, кн. Бориса, и сына, Василія, съ большою ратью на

¹⁾ Въ предлагаемомъ очеркѣ мы намѣрены изложить исторію одного изъ этаповъ великаго пути, пройденнаго Русью въ движеніи ея на востокъ, — маленькаго городка Симбирской губерніи, игравшаго некогда на восточной окраинѣ Руси такую же роль, какую исполняютъ нынѣ среднеазиатскія наши твердыни. Разсказъ нашъ не можетъ претендовать на полноту и обстоятельность, что зависить отъ отрывочности попавшихъ въ печать свѣдѣній о прошломъ Курмыша. Случайно уцѣлѣвшія и случайно же напечатанныя грамоты смутнаго времени, писцовая книга, отрывочныя извѣстія лѣтописи и кое-какіе акты, наконецъ, нѣкоторыя преданія о Пугачевщинѣ, услышанныя отъ старожиловъ, — вотъ тѣ данныя, на которыхъ основанъ нашъ очеркъ.

болгарскаго Асана ¹⁾). Русскіе, хотя и взяли отъ Асана дары, но свергли его и поставили княземъ „Салтанъ-Бекова сына“.

Воюя по приказу Мамаю, князья не ограничились лишь полученіемъ даровъ отъ Асана, но постарались и о расширеніи своей территоріи на счетъ болгарскаго князька. Вскорѣ послѣ похода на Асана, князь Городецкій Борисъ Константиновичъ „постави себѣ городъ на рѣцѣ на Сурѣ и нареке его именемъ Курмышъ“ ²⁾ (въ 1372 г.).

Курмышъ былъ построенъ верстахъ въ сорока отъ устья Суры на возвышенности лѣваго берега, омываемой съ двухъ сторонъ водами весенняго разлива рѣки. Сура въ то время протекала, вѣроятно, гораздо ближе къ городу, чѣмъ теперь. Лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ она, по словамъ старожиловъ, протекала въ ста саженьяхъ отъ города, нивѣ же отошла отъ него почти за версту.

Весьма вѣроятно, что на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ поставленъ „городъ“, существовалъ уже поселокъ инородцевъ. Финскій корень слова „курмышъ“ даетъ право предположить, что на мѣстѣ Курмыша находилось нѣкогда финское селеніе, вѣроятно, мордовское. Рѣка Сура въ низовьяхъ своихъ является границей разселенія двухъ племенъ—мордвы и чувашъ. Последние живутъ преимущественно по правому берегу Суры, мордва же встрѣчается исключительно на западъ отъ рѣки. Что въ окрестностяхъ Курмыша жила нѣкогда мордва, подтверждаетъ и то обстоятельство, что жители сосѣднихъ съ Курмышемъ селъ Шокпина и Кекпина (васильсурскаго уѣзда, верстахъ въ пяти отъ Курмыша) сливуть у сосѣдей мордвой, хотя сами и считаютъ себя коренной Русью. На ту же мысль наводитъ и названіе одного изъ курмышскихъ озеръ—озера Мордва. Первое время послѣ постановленія города Курмышъ находился на окраинѣ повопріобрѣтенныхъ земель, представляя пограничный укрѣпленный пунктъ на юго-востокѣ княжества Нижегородскаго.

¹⁾ П. С. Р. Л., VIII, 17.

²⁾ П. С. Р. Л., VIII, 19.

Границы нижегородскихъ владѣній на Сурѣ въ концѣ XIV вѣка можно приблизительно опредѣлить по пожалованной грамотѣ кн. Бориса Константиновича нижегородскому Спаскому (Благовѣщенскому) монастырю 1393 года ¹⁾. Грамотой этой князь пожаловалъ монастырю всѣ озера, рѣчки и бобровыя горы вязы Сурою по рѣку Волгу отъ рѣчки Курмышки. Въ грамотѣ перечислены пожалованныя монастырю озера (названія ихъ и теперь тѣже). Большая часть этихъ озеръ находится между Курмышемъ и Нижнимъ и только два озера лежатъ верстахъ въ семи къ югу отъ города (за р. Курмышкой).

Это обстоятельство позволяетъ предположить, что и граница нижегородскихъ владѣній на Сурѣ въ XIV вѣкѣ проходила не далѣе, какъ верстахъ въ семи-восьми на югъ отъ Бурмыша.

Изъ упомянутой выше грамоты видно, что князь Борисъ Константиновичъ при заселеніи новыхъ земель прибѣгъ къ старому, испытанному средству, къ помощи монастырей, оказавшихъ впоследствии не малыя услуги въ дѣлѣ развитія гражданственности среди инородческаго населенія Посурья. Князь Борисъ, отдавая угоды въ пользованіе Нижегородскаго монастыря, разрѣшилъ ему поселять крестьянъ на пожалованныхъ земляхъ и предоставилъ поселенцамъ этимъ льготы въ платежѣ пошлинъ, а также запретилъ курмышскимъ намѣстникамъ вмѣшиваться въ судъ и расправу монастырскихъ селеній ²⁾.

Мало по малу русскія владѣнія на Сурѣ увеличивались новыми землями не только по лѣвому, но и по правому берегу рѣки, какъ это видно изъ первой духовной великаго князя Василія Дмитріевича 1406 года ³⁾. „И дастъ Богъ“, говорится въ этой духовной „сыну моему князю Ивану держати Новгородъ Нижній да Муромъ, ино княгинѣ моей изъ Новогоро-

¹⁾ Акты археограф. экспед., I, № 12.

²⁾ Записки археолог. общ., т. X.

³⁾ Собр. гос. грам. и договор., т. I, стр. 73. Нижегородское княжество было присоединено къ московскому къ 1393 г.

да половина пошлинъ новгородскихъ, да Курмышъ со всѣми селми и зъ бортью и съ путми и зъ пошлинами, и со всѣмъ, што къ нему потягло, и съ Алгашемъ; а изъ Муромъ ей сельце^а.

Алгашъ, правый притокъ Сурь, протекающій на юго-востокъ отъ Курмышъ, укомпчается въ духовной отдѣльно отъ Курмышъ и отъ того, „что къ нему потягло“. На основаніи этого можно заключить, что Алгашъ былъ присоединенъ вновь.

Послѣдующій ходъ присоединенія и колонизаціи Посурья въ XV вѣкѣ прослѣдить невозможно, потому что напечатанные до сего времени историчеки по исторіи Повозжья не даютъ никакихъ указаній относительно этого интереснаго вопроса. Лишь подъ 1446 годомъ снова встрѣчается въ лѣтописяхъ упоминаніе о Курмышѣ, именно въ повѣствованіи о войнѣ великаго князя Василія Васильевича Темнаго съ ханомъ Улу-Махметомъ.

Начиная съ походовъ Улу-Мухамеда, восточная окраина московскаго государства стала подвергаться частымъ набѣгамъ татаръ, которыхъ Улу-Махметъ сплотилъ около Казани. Въ это время Курмышъ имѣлъ, надо полагать, сажное значеніе, какъ сторожевой пунктъ на юго-восточной границѣ Руси. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло никакихъ извѣстій о Курмышѣ этого времени.

Весьма скудны также свѣдѣнія о Курмышѣ послѣ завоеванія казанскаго царства Иваномъ Грознымъ. Извѣстно только, что въ то время Курмышъ управлялся воеводами и что у него былъ свой уѣздъ, образовавшійся изъ новопріобрѣтенныхъ земель на югъ отъ города.

Въ годъ взятія Казани (1552) былъ основанъ на Сурѣ Алатырь, который вмѣстѣ съ основаннымъ ранѣе Васильсурскомъ несъ такую же, какъ Курмышъ, сторожевую службу. Изъ Алатыря посылались разъѣзды по Сурѣ. Курмышъ посылалъ свои „сторожи“ и на востокъ и на юго-западъ на Цну¹⁾.

¹⁾ «Сиб. Сборн.», II, 11.

Кромѣ упомянутыхъ трехъ городовъ въ Посурѣ возникъ еще городъ Ядринъ (въ двѣнадцати верстахъ къ сѣверу отъ Курмыша), названный такъ, по словамъ преданія, потому, что въ Ядринѣ лили ядра для войска Ивана Грознаго. Въ концѣ XVI вѣка въ курмышскомъ уѣздѣ возникло не мало сель и деревень. Въ „граматахъ и отпискахъ“ 1611 г. упоминается нѣсколько курмышскихъ сель вмѣстѣ съ нижегородскими селами Княгининымъ ¹⁾, Мурашкинымъ, Шершовымъ. возникновеніе которыхъ можно отнести тоже къ этому времени. Ранѣе покоренія Казани едва ли возможно было основаніе сель и деревень въ этомъ краѣ, постоянно подвергавшемся нападеніямъ татаръ.

Семнадцатый вѣкъ гораздо богаче свѣдѣніями о Курмышѣ, нежели предшествующій. Отъ смутнаго времени сохранилось нѣсколько любопытныхъ данныхъ объ отношеніяхъ Курмыша къ „вору“.

Курмышъ, населенный, какъ и другіе обранные города, вольницей, очень симпатизировалъ затѣямъ самозванцевъ.

Курмышане признали царемъ перваго самозванца, а за втораго начали было даже „войну“ съ казанцами. Вмѣстѣ съ алатырцами, ядринцами, арзамасцами, темниковцами и касимовцами курмышане поднялись противъ Казани, не признававшей „тушинскаго вора“. Возстали противъ Казани также и инородцы: мордва, горные чуваша и черемисы. Въ отпискѣ казанскихъ воеводъ вятчанамъ объ этомъ походѣ ²⁾ упоминаются въ числѣ „воровъ“ князь Еналѣйко Шугоровъ и Брюшейко Яникѣвъ, судя по именамъ, тоже инородцы.

Ополченіе двинулось къ Свияжску, чтобы завладѣвъ имъ, напасть на Казань. Казанскіе воеводы Василій Морозовъ, Богданъ Бѣлинскій, Никифоръ Шульгинъ и Степанъ Дичковъ „послали изъ Казани въ горную сторону, на тѣхъ воровъ, головъ Осипа Зюзипа да Ондreja Хохлова съ товарищи, а съ ними казанскую многую рать, дворянъ и дѣтей боярскихъ и

¹⁾ Имятъ угадывае гор. Нижегород. губ.

²⁾ Акты истор., II, № 114.

служилыхъ князей и мурзъ, и новокрещеновъ, и татаръ, и чювашу, и черемису, и вотяковъ, и ланшевскихъ полоняниниковъ и бусорманъ, и казанскихъ многихъ стрѣльцовъ, съ огнепнымъ боемъ и съ нарядомъ; и марта въ 11 день писали... казанскіе головы, что они на тѣхъ воровъ пришли марта въ 10 день и Божьею милостию и Пречистыя Богородицы новоявленнаго образа пже въ Казани, и великихъ казанскихъ чудотворцовъ Гурья и Варсонофья и всѣхъ святыхъ молитвами и государевымъ царемъ, и великаго князя Василия Ивановича всеа Русіи счастьею, и всѣхъ ратныхъ людей ко государю прямою ихъ службою, тѣхъ воровъ въ горной сторонѣ, въ деревнѣ въ Бурундуковѣ, побили всѣхъ наголову, и многихъ помали, и набаты и знамена ихъ взяли⁴.

Несмотря на неудачу подъ Бурундуковымъ, курмышане продолжали держать сторону самозванца даже тогда, когда въ Нижнемъ стало собираться ополченіе для похода въ Москву на поляковъ.

Отъ этого времени сохранились грамоты и отписки воеводѣ курмышскому Смирному Васильевичу Елагину 1611—1612 годовъ¹⁾, который самъ по себѣ интересенъ какъ типичный представитель дѣльцовъ смутнаго времени.

Грамоты и отписки эти показываютъ, сколько противныхъ теченій, шатаній отъ одного къ другому, мелкихъ споровъ и несправедливыхъ претензій приходилось преодолевать вождямъ нижегородскаго ополченія, прежде чѣмъ они могли двинуться въ походъ, чтобы „за православную христіанскую вѣру и за святую Божью церковь“ стоять противъ польскихъ и литовскихъ людей. Дѣла нижегородскаго ополченія шли бы гораздо успѣшнѣе, если бы не рознь городовъ и не задержки со стороны дѣльцовъ, подобныхъ Елагину.

Чтобы отбояриться отъ посылки ратныхъ людей въ Польшу, у курмышскаго воеводы была одна отговорка—неимѣніе денегъ. А такъ какъ изъ Нижняго постоянно требовали рат-

¹⁾ Лѣтоп. зап. арх. комм., вып. I.

ныхъ людей, то Елагинъ сталъ посылать „для доходовъ“ въ чужіе уѣзды, полученныя же такимъ путемъ деньги куда-то исчезали безслѣдно. Въ семи грамотахъ (изъ двадцати трехъ) рѣчь идетъ объ этихъ самовольныхъ вторженіяхъ въ чужой уѣздъ, при чемъ повторяется настоятельное требованіе присылки „дворянъ и дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ, казаковъ“ въ нижегородское ополченіе.

Елагинъ отправлялъ своихъ людей „для доходовъ“ въ нижегородскія села Княгинино, Шахманово, Мурашкино, посылалъ какого-то Алешку Уварова „по великой и сильной московскаго государства боярь и воеводъ князя Дмитрія Тимофеевича Трубецкаго, Ивана Мартыновича Заруцкаго и всей земли грамотъ въ Курмышскій уѣздъ, въ деревню Шершову“ затѣмъ, чтобы „отказати ту деревню дьяку Афонасью Овдокимову въ помѣстье со всѣми угоды“.

Уваровъ доносилъ, что Шершовцы отказались признать своимъ помѣщикомъ дьяка Овдокимова на томъ основаніи, что они живутъ не въ курмышскомъ, а въ нижегородскомъ уѣздѣ и „за помѣщичи-де не бывали ни за кѣмъ, сами-де мы земскую служимъ службу“.

Вторженія Елагина въ чужой уѣздъ вызвали нѣсколько грамотъ, одна другой энергичнѣе, отъ кн. Пожарскаго, дьяка Василія Юдина, Ивана Ивановича Биркина (казанскаго дѣтеля начала XVII вѣка, уѣхавшаго изъ Нижняго въ Казань, потому что ему „ближ челомъ Нижнева Новгорода всакіе люди, чтобъ ѣхать въ Казань для ратныхъ людей“) и др. Въ грамотѣ (№ 5) отъ 25 дек. нижегородскіе вожди писали Елагину: „и впредь бы тебѣ въ нижегородскимъ уѣздѣ въ княгининскую и тихмаповскую волость не вступатися и въ Нижній въ намъ съ указомъ не писати, а въ Нижнемъ слушаютъ указъ изъ ноугородскія чети за приписью дьяковъ Друговорылдина (?)“.

Въ слѣдующей грамотѣ (№ 6) нижегородцы, выведенные изъ терѣвня уловками Елагина, пишутъ ему цѣлое поученіе объ обязанностяхъ гражданина, любящаго свою родину. „Все православное, христіанское вознство, говорится въ грамотѣ,

желаютъ за пмя Божіе умреть и битися до смерти а ты присылаешь для доходовъ! Кого тебѣ на Курмышѣ жаловать, а хотя и есть кого, и тебѣ Курмышомъ однимъ не оборонить Москвы. А вѣдаешь, господине, что всеѣ города согласилась съ Нижнемъ, полизовые, и поморскіе и новолскіе и Рязань, и всякіи доходы посылають въ Нижній Новгородъ и хотятъ, прося у Бога милости, побороть и умереть за благочестивую вѣру и за свои души. А какое учиниться худо и взычнется кровь твоею ссорою, и того всего Богъ възмездъ на тебѣ, и земскаго совѣту и здесь отъ бояръ и отъ всея земли отмщеніе принешь*.

Очевидно, что въ Нижнемъ, сильно заподозрили Елагина въ желаніи „учинить худо“, стать на сторону „воровъ“. Подозрѣніи эти были вызваны, вѣроятно, заявленіемъ двухъ курмышанъ Бориса Сипцова и Далила Кобылина о томъ, что Смирной не велѣлъ идти на службу „Курмышскаго города ратнымъ людямъ и татарамъ и чувашѣ и мордвѣ“,

Послѣ такого доноса Елагину оставалось открыто присоединиться къ той или другой партіи. Онъ предпочелъ бы, кажется, принять приглашеніе арзамасскаго воеводы, который звалъ его идти вмѣстѣ къ Москвѣ, но „казанскаго государства служилые и жплецкіе люди“, узнавъ объ этомъ приглашеніи, предупредили Смирного, что арзамасцамъ вѣрять нечего, „потому что въ Арзамасѣ стрѣльцы заворовали. А буде ты, Смирной, писали казанцы, учнешь впредъ такъ дѣлати, ратныхъ людей собравъ, въ Нижней не пошлешь и съ казанскимъ государствомъ учнешь рознь чинити—и мы, не ходя въ Нижней, со всеми ратными людьми придемъ подъ Курмышъ и тебя Смирнова взявъ отошлемъ въ Казань или въ Нижней Новгородъ. Да сослався съ Нижнемъ Новгородомъ, и надъ Арзамасомъ учнемъ промышлати, чтобы воровъ отъ воровства и крови пролится увати*.

Еще до полученія арзамасской грамоты Елагинъ писалъ въ Нижній, чтобы Сипцова, говорившаго „во весь міръ на смуту“ о нежеланіи курмышанъ присоединиться къ нижего-

родскому ополченію, призвали для сыску въ Нижній. На это изъ Нижняго отвѣтили, что слѣдуетъ въ Нижній прислать н тѣхъ людей, которые „про то дѣло, про Бориса (Синцова) сказывали“.

Послѣ казанской грамоты Елагинъ рѣшилъ исполнить это требованіе нижегородцевъ. Онъ написалъ въ Нижній, что ему были челомъ „горной стороны торхани и старосты и татарова и чуваша и черемисы“ и принесли къ нему челобитную на курмышанъ Бориса Синцова и Данилу Кобылина „о сыску въ смутномъ дѣлѣ“. Такимъ образомъ обвинители Елагина сами становились обвиняемыми. Смирной послалъ челобитниковъ вмѣстѣ со своей отпиской и челобитной въ Нижній. Но тамъ произошло совсѣмъ не то, чего хотѣлъ Елагинъ.

На допросѣ челобитчикамъ прочтена была ихъ жалоба, и оказалось что они такой жалобы не писали и не подавали, „а знамена—де у тоя челобитныя не ихъ“. Послѣ разоблаченія новаго „захода“ Елагина, какимъ оказалась жалоба пнородцевъ на Синцова и Кобылина, кн. Пожарскій не медля написалъ объ этомъ „курмышскимъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, сотникамъ стрѣльцкимъ, стрѣльцамъ и всѣмъ посадскимъ людямъ и государевымъ крестьянамъ“ и послалъ въ Курмышъ воеводой Дмитрія Жедринскаго съ дьякомъ Фомой Кутеповымъ.

Елагину оставалось только подчиниться приказу кн. Пожарскаго. Но и тутъ у Елагина нашлась отговорка. Онъ воспользовался опиской подъячаго, писавшаго грамоту кн. Пожарскаго, и не соглашался признать новаго воеводу, такъ какъ въ грамотѣ было написано, что новый воевода назначенъ „на Смирново мѣсто Мотовилова“. Часть курмышанъ поддерживала Елагина, но вскорѣ недруги стараго воссодни взяли верхъ и на земскомъ совѣтѣ признали воеводой Жедринскаго, который обѣщалъ Елагину наказать подъячаго, „по грѣхамъ“ прописавшаго Смирного Мотовилова вмѣсто Елагина.

Что дѣлалъ дальше крѣпкотворь-воевода, „грамоты и отписки“ не говорятъ. Есть среди нихъ двѣ грамоты отъ старонниковъ тушинскаго вора, застѣвшихъ въ Козмодемьянскѣ.

Эти грамоты, писанныя мѣсяца черезъ три послѣ смѣщенія Елагина, доказываютъ, что онъ сносился въ то время со сторонниками „вора“, продолжавшими величать его „государевымъ воеводой“. Сталъ ли онъ снова воеводой или въ Курмышѣ удержался Жедрянскій, — неизвѣстно.

Съ состояніемъ Курмыша въ началѣ XVII вѣка знакомитъ писцовая книга 1623—1626 годовъ¹⁾. Она начинается описаніемъ крѣпости, бывшей въ то время въ очень неудовлетворительномъ состояніи. Вокругъ города „надолобы“ обвалились, „а частику кругомъ города нѣтъ“. Въ 1618 году начали было ставить дубовый острогъ вокругъ посада, но острогъ этотъ „былъ, не додѣлавъ, покінуть“. Угольная башня у воеводскаго двора сгорѣла. Вообще, какъ видно изъ писцовой книги, правительство не заботилось о поддержаніи курмышскаго „города“. Онъ не былъ уже нуженъ. Сторожевая служба Курмыша перешла въ то время къ Алатырю. Въ половинѣ же XVII в., съ устройствомъ симбирско-карсунской черты и построеніемъ городковъ Юшанска, Урева, Тагая, Карсуна, Сухого Касуна, Малаго Касуна, Тольска, Алгаша и Сурскаго острога—Курмышъ оказался вдали отъ границы.

Кромѣ „города“ Курмышъ заключалъ въ себѣ посадъ и слободы казачью, стрѣлецкую, ямскую и земскихъ посадскихъ людей. Названія слободъ ямской, казачьей и стрѣлцкой сохранились до сихъ поръ (кромѣ этихъ слободъ въ XVIII в. возникла еще инвалидная слобода, въ которой поселились члены инвалидной команды).

Писцовая книга упоминаетъ слѣдующія находившіяся въ „городѣ“ церкви: соборную Успенія Пресв. Богородицы съ придѣлами и церковь во имя Николая чудотворца, — церкви Рождества Пресв. Богородицы и Николая Чудотворца въ Рождественскомъ мужскомъ монастырѣ, бывшемъ на посадѣ. Въ монастырѣ этомъ стояло 11 келій, въ которыхъ жило 9 старцевъ съ игуменомъ Іоной. Въ концѣ казанской и стрѣлцкой

¹⁾ Симбирск. Сборн., т. II.

слободы за недокопченнымъ въ 1618 г. острогомъ былъ женскій монастырь Троицкій съ церковью живоначальной Троицы. Въ монастырѣ было 10 келій, въ которыхъ обитало 13 старницъ, „да двѣ кельи пустыхъ“.

Въ настоящее время монастырей въ Курмышѣ нѣтъ больше, но церкви за исключеніемъ Никольской, бывшей въ мужскомъ монастырѣ, существуютъ на тѣхъ же мѣстахъ, вѣроятно, что и въ XVII вѣкѣ. По церквамъ можно приблизительно опредѣлить мѣстоположеніе „города“, давно уже не существующаго („городъ“ курмышскій сгорѣлъ въ 1745 году).

Подробно перечисляя дворы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ указывая и число жителей мужескаго пола въ каждомъ дворѣ, писцовая книга даетъ возможность опредѣлить приблизительно число домовъ и жителей въ Курмышѣ XVII вѣка. Именно, по даннымъ писцовой книги, въ Курмышѣ въ 1623—1626 г.г. было 279 дворовъ, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Въ „городѣ“.	Число дворовъ.	Число жителей.
Восводскій дворъ (въ которомъ находилась стѣзная изба, государевъ дворъ и четыре жилищъ)	1	—
Другихъ дворовъ (изъ нихъ 3 амбара и 14 жилищъ)	28	—
На посадѣ.		
Кабакъ (изба кабацкая, погребу съ напогребницею, пивоварня, заводъ кабацкой государевъ)	1	—
Дворъ «аманцкой»	1	—
Дворы вязничевъ дворянъ и дѣтей боярскихъ ¹⁾	6	—
Въ казачьей слободѣ.		
Дворы казаки	52	—
Дворовъ бобылей	2	3
Въ стрѣлецкой слободѣ.		
Дворы стрѣльцовъ	72	75
— бобылей	10	14

¹⁾ Кроме того, противъ большихъ крѣпостныхъ воротъ 25 лавокъ и колодезь.

— черкасскіе	8	8
— толмачевы	6	6
— пушкарскіе	6	9
— кузнецовъ	2	2
— плотниковъ	2	2
— пивоваровъ	1	2

Въ слободѣ земскихъ посадскихъ людей.

Дворы черныхъ посадскихъ людей	21	29
— бобылей	7	8

Въ янской слободѣ.

Дворы ямщиковъ	20	31
Дворы бобылей при монастыряхъ	33	40

Изъ общаго числа 279 дворовъ 29 находилось въ „городѣ“, 8 (не считая лавокъ) на посадѣ, а остальные въ слободахъ. Въ 190 дворахъ указано число душъ, именно всего 239 чел. м. п. или, въ среднемъ, по 1, 25 жпт. м. п. на 1 дворъ. Общую цифру народонаселенія Курмыша въ началѣ XVII в. можно, слѣдовательно, опредѣлить приблизительно въ 350 чел. м. п., а съ женщинами—до 700 чел.

Весьма вѣроятно, что въ то время число жителей Курмыша стало постепенно уменьшаться. Какъ видно изъ приведенныхъ выше данныхъ писцовой книги, служилые люди составили болѣе двухъ третей всего населенія, а съ основаніемъ новыхъ укрѣпленій на симбирско-карсунской пограничной чертѣ они переводились, вѣроятно, на службу въ новые „города“. Число же дворовъ посадскихъ людей въ Курмышѣ увеличилось въ продолженіи XVII в. очень незначительно. Въ 1623—1626 г.г. этихъ дворовъ было 21, а въ 1681 году—28¹⁾. Сбору съ посадскихъ лавокъ въ 1623 г. положено было 9 р. 15 алтынъ, а въ 1681 г.—25 р. 6 алт. 4 деньги.

Писцовая книга даетъ подробныя свѣдѣнія о поземельной собственности жителей Курмыша — стрѣльцовъ и казаковъ. Именно, согласно писцовой книгѣ, во владѣніи стрѣльцовъ и казаковъ находилось земли:

¹⁾ Симб. Сборн. II, 12.

	В С Е Г О.		На 1 дворъ.	
	У стрѣльц.	У казаковъ.	(72 двора) у стрѣльц.	(52 двора) у казац.
Пашни въ полѣ.	200 четв.	600 четв.	2,77 четв.	11,53 четв.
Перезогу.	50 —	300 —	0,69 —	5,76 —
Дикаго поля.	32 —	150 —	0,44 —	2,88 —
Лѣсу.	450 десят.	900 десят.	6,25 дес.	17,5 дес.
Сѣнокосовъ	1500 копень.	5300 копень.	—	—

О жизни Курмыша съ тридцатыхъ годовъ XVII вѣка и до конца XVIII въ напечатанныхъ доселѣ матеріалахъ извѣстій сохранилось очень немного. Надо полагать, что Курмышъ, лишенный съ проведеніемъ сибирско-каспійской черты своего былого стратегическаго значенія и переведенный на мирное положеніе, хирѣлъ все больше и больше. „Достопамятныхъ происшествій“ за это время, кромѣ волненій во время Разинскаго бунта и Пугачевщины, никакихъ, повидному, не случилось. Объ обыденной же, такъ сказать, жизни Курмыша за указанное время сохранилось лишь два отрывочныхъ извѣстія, относящихся къ XVII вѣку, и нѣсколько болѣе—къ XVIII столѣтію.

Скудость дошедшихъ до насъ свѣдѣній о жизни въ старыя годы зависитъ отъ печальной участи, постигшей старыя курмышскіе документы и „дѣла“. Какъ намъ передавали, курмышскія „бумаги“ были отвезены для разборки въ Сибирскъ и тамъ сгорѣли во время пожара 1864 года. Оставшіяся же въ Курмышѣ старыя „дѣла“ или были употреблены на обертку товаровъ въ лавкахъ, или разобраны любознательными курмышанами для домашнихъ надобностей.

Упомянутыя нами два извѣстія о жизни Курмыша въ XVII вѣвѣ относятся къ 1633 и 1680 годамъ.

Въ 1633 году ¹⁾ въ Курмышѣ, Ядринѣ и Алатырѣ посланы были взятые въ плѣнъ подъ Смоленскомъ польскіе, ан-

¹⁾ «Акты историч.», III, № 219.

товскіе и нѣмецкіе люди. Воеводамъ и приказнымъ людямъ велѣно было „полоянниковъ держать и кормить и беречь“, чтобы „тѣ польскіе и литовскіе и нѣмецкіе люди не разбѣжались“. Въ Курмышѣ присланы были къ воеводѣ Ивану Нармацкому нѣмчинъ Григорій Франберекъ и полякъ Хриштопъ Ябловской, а къ подъячему Лукину—полякъ Парамонъ Малаховскій.

Въ 1680 году ¹⁾ въ Курмышѣ была учреждена таможня для товаровъ, шедшихъ на Макарьевскую ярмарку. Пошлины съ этихъ товаровъ шли въ пользу Макарьевского монастыря.

Во время Разинскаго бунта въ Курмышскомъ уѣздѣ, точно также какъ и въ сосѣднихъ Цивильскомъ, Чебоксарскомъ, Ядринскомъ и Козмодемьянскомъ, волновались преимущественно инородцы. Они собрались было идти къ Разину, но послѣ первыхъ стычекъ съ войскомъ кн. Даниила Бяратинскаго инородческое ополченіе, состоявшее изъ 10,000 человекъ, разбѣжалось.

Бяратинскій изъ Козмодемьянскаго уѣзда черезъ Васильсурскъ пошелъ къ Ядрину, гдѣ встрѣтилъ неожиданно упорное сопротивленіе. Тамъ засѣло около пятисотъ казаковъ, которые сначала отчаянно защищались; увидѣвъ же, что Бяратинскій обладаетъ большими силами, казаки эти разбѣжались.

Отъ Ядрина Бяратинскій двинулся къ Курмышу, гдѣ находилось два изъ разинскихъ шаекъ. Подъ начальствомъ казака Максима Осипова шайка эта пришла въ Курмышъ изъ Алатыря и была встрѣчена съ большимъ почетомъ воеводой и жителями. Велѣдствіе этого Курмышъ не былъ разграбленъ, а воевода остался на воеводствѣ. Пробывъ нѣсколько времени въ курмышѣ, „курмышскій отаманшко“ Максимъ Осиповъ ушелъ (въ сент. 1670 г.) осаждать макарьевскій монастырь, оставивъ въ Курмышскомъ „городѣ“ часть своей шайки. Когда Бяратинскій подошелъ къ Курмышу, воровскіе казаки разбѣжались. Бяратинскій казнилъ наиболѣе виновныхъ курмышанъ, а остальныхъ привелъ къ присягѣ.

¹⁾ Сиб. Сборн., II, 12.

Во время бунта Стенька Разина Курмышъ уцѣлѣлъ. Не то было сто четыре года спустя, въ Пугачевщину, когда Курмышъ былъ почти совершенно разоренъ несмотря на поклядистость большинства его обитателей, присягнувшихъ на вѣрность самозванцу.

20 іюня 1774 года Пугачевъ пришелъ къ Курмышу изъ-подъ Казани. Жители встрѣтили самозванца съ хлѣбомъ-солью, съ образами и колокольнымъ звономъ. Преданіе рассказываетъ, что, вступивъ въ городъ, Пугачевъ велѣлъ прочесть въ соборѣ „манифестъ“. Послѣ чтенія манифеста былъ отслуженъ благодарственный молебенъ съ многолѣтіемъ царю Петру Θεодоровичу. Пугачевъ роздалъ чувашамъ казенное вино и соль, освободилъ преступниковъ изъ острога ¹⁾ и поставилъ курмышскимъ воеводой какого-то казака.

Впродолженіе восьми дней неистовствовали пугачевцы въ Курмышѣ. Прежде всего они принялись вѣшать не успѣвшихъ своевременно убѣжать дворянъ. Были повѣшены также начальникъ инвалидной команды Вас. Юрловъ, противъ воли котораго жители приняли самозванца, и одинъ унтеръ офицеръ, не захотѣвшій присягнуть Пугачеву. Жена Юрлова спаслась съ помощью своихъ дворовыхъ людей.

По словамъ преданія, Пугачевъ изъ всѣхъ дворянъ, захваченныхъ въ Курмышѣ, пощадилъ одного только малолѣтка—Бобоѣдова. Мальчика потащили было къ висѣлицѣ не смотря на мольбы его дядьки, когда одинъ изъ холоповъ Бобоѣдова, приставшихъ къ самозванцу, замѣтилъ, что жалъ вѣшать мальчика, потому что тотъ плясать хорошо умѣетъ. Пугачевъ сказалъ: „пусть попляшетъ на нашемъ царскомъ пиру; угодить, прощу“. Бобоѣдовъ „угодилъ“, дѣйствительно, своей пляской самозванцу и получилъ свободу.

Въ Курмышѣ и курмышскомъ уѣздѣ особенно много было умерщвлено священно-и церковнослужителей, именно священниковъ было убито 12 человекъ, дьяконовъ—10 при

¹⁾ Н. Я. Аристовъ. «Преданія объ истор. лицахъ и событіяхъ», Истор. Вѣстн., 1880, III, 5.

четниковъ — 16¹⁾). Это явленіе можно объяснить излишнимъ усердіемъ прородцевъ, которые обнаружили сильную ненависть по отношенію къ духовенству и злобу выразили практически²⁾).

Ставъ Пугачевцевъ въ Курмышѣ былъ расположенъ у озера, прозваннаго впоследствии Рельскимъ (рели-впсѣльцы). Казни совершались, кромѣ того, и на большой дорогѣ вблизи слободы Новой Деревни. На мѣстѣ этомъ было повѣшено, какъ рассказываютъ старожилы, восемнадцать человекъ. Теперь тамъ стоитъ небольшая часовенка.

Простоявъ восемь дней въ Курмышѣ, разграбивъ пожитки дворянъ и болѣе зажиточныхъ людей, Пугачевъ двинулся къ Ядрпу, а въ Курмышѣ оставилъ шестьдесятъ холоповъ подъ начальствомъ четырехъ яцкихъ казаковъ. Вблизи Ядрина Пугачевъ узналъ, что противъ него идутъ правительственныя войска, и поспѣшно сталъ отступать къ Алатырю.

Преслѣдовавшій Пугачева графъ Меллинъ, направляясь къ Алатырю, выгналъ мятежниковъ изъ Курмыша, а захваченныхъ въ плѣнъ повѣсилъ, кромѣ самозваннаго воеводы, который былъ взятъ гр. Меллинымъ, какъ „языкъ“. Офицеры псевдидной команды, присягнувшіе самозванцу, оправдывались тѣмъ, что присяга дава была ими не отъ искренняго сердца, но „для соблюденія интереса ея величества“. Они „слезно просили отпущенія сего невольнаго грѣха, ибо не что иное ихъ къ сему привело, какъ смертный страхъ“³⁾).

Кромѣ Пугачевщины въ исторіи Курмыша XVIII в. вѣтъ ничего выдающагося. Она сводится къ административнымъ перемѣнамъ. Въ 1708 г. Курмышъ былъ причисленъ къ казанской губерніи, въ 1719 г. сталъ уѣзднымъ городомъ сначала симбирскаго намѣстничества, а потомъ губерніи. Въ томъ же году городу былъ пожалованъ гербъ: въ зеленомъ полѣ два золотыхъ лука, положены крестомъ, „въ знакъ того, что обитате-

¹⁾ Пушкинъ. «Исторія Пугачевск. бунта».

²⁾ Аристовъ. «Преданія».

³⁾ Пушкинъ. Истор. Пут. бунта».

ли снхъ мѣсть употребляли сіе орудіе съ отличнимъ проворствомъ.

Курмишъ долго не могъ оправиться послѣ Пугачевского разоренія. Въ географическомъ слогарѣ Новикова 1788 г. (томъ II) о Курмишѣ говорится, что въ немъ жителей 595 (изъ нихъ мѣщанъ 53), церквей каменныхъ 4 и деревянныхъ 3, лавокъ и амбаровъ 10, домовъ — 294, многоимъ болѣе, чѣмъ въ 1624 году... „Словарь“ почему-то считаетъ Курмишъ „достовнымъ упоминанія по состоящей въ ономъ нивалидной командѣ“.

Н. Сидяковъ.

БАШКИРЪ САЛАВАТЪ ЮЛАЕВЪ,

ПУГАЧЕВСКІЙ БРИГАДИРЪ, ПѢВЕЦЪ И ИМПРОВИЗАТОРЪ.

(Окончаніе).

Ипнать Салаватовской исторіи разыгрывается въ Москвѣ въ тайной экспедиціи. Шешковскій допросилъ Юлая и Салавата чрезъ переводчикъ, эсаула Уральскаго казачьяго войска.

Салаватъ показалъ: въ 1773 году зимою по приказу отца съ 90 чел. башкиръ отправился онъ на Стерлитамакскую пристань къ Александру Богданову. Богдановъ велѣлъ ему идти къ осажденному злодѣямъ Оренбургу, на помощь къ генералу Кару, и далъ ему въ команду башкиръ и вѣрныхъ мещеряковъ до тысячи двухъ сотъ человекъ. Съ той командой близъ г. Оренбурга, не доходя одной версты до дер. Беккуловой, спѣ былъ атакованъ злодѣйскими Пугачева толпами въ 2000 чел., при двухъ пушкахъ и вынужденъ былъ отдаться плѣннымъ. Атаманъ злодѣйскихъ шаекъ Овчинниковъ отправилъ его съ командой въ слободу Берду къ самому Пугачеву. Пугачевъ велѣлъ Салавату и его командѣ служить у себя, угрожая смертью. Салаватъ и вся его команда, убоясь смерти, невольно остались служить Пугачеву. Однакоже онъ служилъ у Пугачева хотѣлъ вмѣстѣ бѣжать и однажды убѣжалъ было въ Оренбургъ къ вѣрнымъ войскамъ, но его поймали яцкіе казаки и колотили его. Казаки убили бы его, еслибы не подошли

башкиры и не отбили силою. Когда Пугачевъ началъ въ своихъ шайкахъ назначать начальниковъ, назначилъ и его. У отца въ домѣ онъ былъ только двое сутокъ, такъ какъ не имѣлъ возможности набирать башкиръ: набиралъ ихъ и еще прежде его прибытія домой возмущилъ въ Уфимской провинціи народъ посланный Пугачевымъ Иванъ Грязновъ. Узнавъ о приближеніи Грязнова, отецъ его, Салавата, Юлаѣ скрылся изъ дому, а Грязновъ многія селенія пожогъ и крѣпости побралъ. Будучи възлудѣйскихъ толпахъ, онъ Салаватъ самъ собою и своею волею никого не убивалъ; злодѣю Пугачеву усердно служилъ и сражался потому, что считалъ его Государемъ и боялся смертной казни. До этого времени онъ Салаватъ не былъ ни судимъ ни за что, ни наказанъ и ни въ чемъ не замѣченъ, а жить онъ смирно при отцѣ своемъ Юлаѣ.

4 Марта 1775 Шешевскій допросилъ содержавшагося въ таинной экспедиціи по Пугачевскому бунту башкирскаго старшину Булеа Балтачева о томъ, что ему извѣстно о Юлаѣ и Салаватѣ Балтачевѣ показалъ, что Салаватъ многое утаилъ: во 1-хъ онъ самъ охотой принялъ отъ Пугачева чинъ полковника и команду, съ которою при немъ сжегъ и раззорилъ Осу; во 2-хъ Салаватъ сжегъ и раззорилъ многія селенія и вездѣ производилъ убійства.

Дер. Балтачевой вотякъ Екимовъ показалъ, что весною 1774 г. Салаватъ съ большою толпою разтѣзжалъ по деревнямъ, вездѣ забирая на службу Пугачеву волею и силою, а селенія многія раззорилъ и пожегъ, а дер. Балтачева вся была взята Салаватомъ и пошли съ нимъ къ дер. Имангуловой, гдѣ Салаватъ сражался съ посланной противъ него воинской командой и былъ разбитъ.

Дер. старой Тертяковой черемисъ Иштубай Ишбулатовъ— что весной 1774 г. въ ихъ деревню пріѣзжалъ башкиръ Бахтиаръ съ 300 ч. башкиръ и объявилъ указъ бригадира Салавата Юлаева о наборѣ людей въ пугачевскую шайку и взявъ по тому указу изъ ихъ деревни 200 чел. отправился въ Бирскъ.

Дер. Бурнашевской черемиспъ Изябай Ямбаевъ—что по тому же Салаватову указу опъ взятъ изъ своей дер. Бахтияромъ подь Вирекъ, а оттуда съ шайкой въ числѣ 100 чел. посланъ на Уфимскую дорогу для развѣдыванія о дѣйствіяхъ Михелсона, почему все они 100 чел. стояли въ полѣ по Іюль мѣсяцъ, а къ нимъ въ то время пріѣхалъ Салаватъ и пожаловалъ его Ямбаева полковникомъ, въ чинъ и выдалъ ему на татарскомъ языкѣ письмо (патентъ или удостовѣреніе).

Дер. Узяковой черемисъ Бухарметъ Буфхаировъ — что лѣтомъ 1774 года въ ихъ деревню за наборомъ людей въ пугачевскія шайки съ указомъ Императора Петра III пріѣзжали Салаватъ Юлаевъ и съ нимъ пугачевскіе полковники башкиры Токаевъ и Сергѣевъ и опъ Буфхаировъ былъ ими взятъ и пошелъ за ними въ село Касево, которе Салаватъ сожегъ, и потомъ опъ Буфхаировъ былъ вездѣ съ Салаватомъ, покуда не дошли до р. Камы, а отсюда опъ Буфхаировъ бѣжалъ.

Все здѣсь изложенное Шешевскій представилъ на усмотрѣніе генераль-прокурора князя Александра Александровича Вяземскаго. Князь отослалъ Юлая и Салавата за строгимъ кардуломъ въ Оренбургъ къ губернатору Рейнсдорпу при письмѣ, въ которомъ рекомендовалось: 1) относительно Юлая тщательно развѣдать, по своей ли волѣ опъ участвовалъ въ злодѣяніяхъ Пугачевцевъ; если-бы оказалось, что опъ былъ къ этому вынужденъ, то не подвергать его наказанію, 2) относительно Салавата точно установить все сдѣланныя имъ злодѣянія, и буде при вышесказанномъ изслѣдованіи обличенъ опъ будетъ во всѣхъ злодѣяніяхъ и убиствахъ вѣрными и точными доказательствомъ, то въ такомъ случаѣ сдѣлать рѣшеніе, чтобы былъ въ страхъ другимъ злотворцамъ наказанъ, какъ злодѣй, во всѣхъ тѣхъ городахъ и башкирскихъ селеніяхъ, гдѣ отъ него сакого злѣшія варварства и убиства происходили, и наконецъ въ послѣднемъ селеніи поступить съ нимъ по состоявшемуся въ 1754 году Мая 13 дня указу и послать вѣчно въ каторжную работу въ Рогервикъ. Еслижъ наче чаянія въ злѣшнихъ убиствахъ и тиранствахъ

Удэга
Ужавд
Ужалт
Ужалд
Ужа(д)
Ужирт
леный пор
Ужим
Ужатд
изъ лверс
Ужгд
Узакт
там) пров
Узэ (чу
Узюц
Укрд
Уктан
Укшс
Укшй
тошнить.
Укшй
Укдм
щид; укал
отсутствие
Уд(ч
чер. хал)
ямщичест
Удк
нение, сн
сборище
Удм
либы, есл
Удмо
нсть.
Ул(д)
нительнаг
Улм
Умал
Умб
(куда; ум
са, изъ-за
Умдо
УмдБ
тл) клонг
Умдд

Удэга
Ужавд
Ужалт
Ужалд
Ужа(д)
Ужирт
леный пор
Ужим
Ужатд
изъ лверс
Ужгд
Узакт
там) пров
Узэ (чу
Узюц
Укрд
Уктан
Укшс
Укшй
тошнить.
Укшй
Укдм
щид; укал
отсутствие
Уд(ч
чер. хал)
ямщичест
Удк
нение, сн
сборище
Удм
либы, есл
Удмо
нсть.
Ул(д)
нительнаг
Улм
Умал
Умб
(куда; ум
са, изъ-за
Умдо
УмдБ
тл) клонг
Умдд

какой страхъ
не, но и мно-
гѣхъ, кото-
ры убивали са-
ми, загоня въ

дѣлѣ о Юлаѣ
дари коллег-
амъ отобранныхъ
ихъ волостей и
въ 200 чел. по-
и Салавата въ-
дали все, о чемъ

вечномъ казематѣ
скомъ начальствен-
смотря на обыски
а. Магистратъ по-
Уфѣ пижметъ база-
выходило на улицу,
шетами. Однажды
у башкира, который
смотрѣлъ на тюрем-
дверяхъ, сталъ про-
визона Ефима Федорова
атарское письмо башки-
аго магистратскаго дома
одной дядя, а въ письмѣ
на харчи, да просилъ я
прислалъ мнѣ рубахъ, и
только его смѣнили съ часовъ,
маннаго башкира, тѣсно ли
это письмо. Письмо попало
дѣ было много). Назвавшій се-
е башкиръ Уфимскаго уѣзда,

онъ Салаватъ не обличится, то наказати его, ваше превосходительство, можете равняясь впамятъ его и тамошнимъ мнѣ въ Башкиріи обстоятельствамъ, ибо самое правосудіе требуетъ, чтобы о подсудимомъ въ какомъ бы онъ преступленіи оглашенъ не былъ, но во ономъ прежде надлежитъ его обличить, а потомъ уже судьбу его рѣшить, но не по однимъ однакожъ токмо слухамъ, а по существу доказательствъ въ самомъ дѣлѣ преступленія его^а.

Уфимская провинціальная канцелярія 5 мая 1775 года постановила для разузнанія въ Уфимской провинціи о всѣхъ дѣйствіяхъ Юлая и Салавата отправить нарочнаго чиновника, а Юлая и Салавата вновь допросить.

Генералъ майоръ Фрейманъ при отношеніи 1 Мая 1775 г. препроводилъ въ провинціальную канцелярію рапортъ подполковника Аршеневскаго, изъ содержанія коего значится, что послѣ поимки Пугачева въ Ноябрь 1774 г. чинили въ Уфимской провинціи были еще десять башкирскихъ волостей и главнымъ дѣятеlemъ бунта былъ Салаватъ Юлаевъ. Будучи посланнымъ съ отрядомъ на усмиреніе этихъ башкирскихъ волостей, когда уже возстаніе во многихъ мѣстахъ въ Уфимской провинціи, по Сибирской и Осинской дорогамъ, было усмирено, онъ узналъ, что многіе изъ главныхъ виновниковъ бунта скрываются въ лѣсахъ, не смотря на зимнее время, потому, для поимки ихъ, онъ послалъ отъ себя команду, подъ начальствомъ поручика Лѣсковскаго. Эта команда 24 Ноября 1774 года г. поймала въ лѣсу скрывавшагося тамъ башкира, но одного, безъ товарищей, и доставила къ нему, расположенному близъ того мѣста, гдѣ пойманъ былъ тотъ башкиръ, въ дер. Калмыковой. На допросѣ башкиръ открылъ, что онъ Салаватъ Юлаевъ и что, уже не видя никакого средства къ спасенію, рѣшился до времени укрываться здѣсь, но если услышитъ, что подходятъ войска, то намѣренъ былъ горамъ пробраться въ киргизскую степь; тоже самое хотѣли сдѣлать по словамъ Салавата и многіе изъ бунтовщиковъ. Послѣ поимки Салавата и отправленія его въ Оренбургъ къ Томашеву,

онъ, проходя разными селеніями, вездѣ слышалъ, какой страхъ на всѣхъ нагнало имя Салавата. Не только русскіе, но и многіе изъ башкиръ и инородцевъ радовались. Всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли принять участіе въ бунтѣ, Салаватъ убивалъ самими безчеловѣчными образомъ: вѣшалъ, сожигалъ, загоняя въ избы не щадя ни пола, ни возраста.

Посланный для производства на мѣстѣ дознанія о Юлаѣ и Салаватѣ, переводчикъ провинціальной канцеляріи коллежской регистраторъ Федоръ Третьяковъ представилъ отобранныя имъ отъ башкиръ и другихъ инородцевъ разныхъ волостей и селеній Сибирской и Оренбургской дороги въ числѣ 200 чел. показанія. Всѣ эти показанія обличали Юлая и Салавата въ извѣстныхъ уже намъ дѣйствіяхъ и подтверждали все, о чемъ писалъ Аршеневскій.

Сидя въ строгомъ заключеніи въ одиночномъ казематѣ Уфимскаго магистрата, Салаватъ зналъ о всякомъ начальственномъ распоряженіи и по своему дѣлу; не смотря на обыски и запрещенія у него были чернила и бумага. Магистратъ помѣщался на такъ называемомъ теперь въ Уфѣ нижнемъ базарѣ и окно каземата, гдѣ сидѣлъ Салаватъ выходило на улицу, хотя оно не растворялось и было съ рѣшетками. Однажды Салаватъ увидѣлъ въ окно знакомаго ему башкира, который остановился не далеко отъ магистрата и смотрѣлъ на тюремное окно. Салаватъ, чрезъ окошечко въ дверяхъ, сталъ просить часоваго, солдата Уфимскаго гарнизона Ефима Федорова Чудилова, передать написанное имъ татарское письмо башкиру, который стоитъ теперь около сааго магистратскаго дома у крыльца, что этотъ башкиръ его родной дядя, а въ письмѣ писано, чтобы онъ прислалъ денегъ на харчи, да просилъ я его, говорилъ Салаватъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ рубахъ, я весь обносился. Чудиловъ, какъ только его смѣнили съ часовъ, вышелъ на улицу и спрося указанного башкира, точно ли онъ дядя Салавата, отдалъ ему это письмо. Письмо попало не тому лицу (башкиръ на улицѣ было много). Назвавшій себя дядей Салавата былъ тоже башкиръ Уфимскаго уѣзда,

Сибирской дороги, дер. Мухаметовой, Мухаметъ Кучуновъ; онъ явился въ Уфу съ бумагой къ воеводѣ отъ генерала Фреймана, которому довелось о нашествіи Киргизъ, пользуясь смутнымъ временемъ, прорваться съ цѣлю грабежей и разоренія въ Уфимскую провинцію. Фрейманъ велѣлъ Кучунову это допесеніе подтвердить отъ себя воеводѣ. Кучуновъ представилъ Салаватово письмо въ провинціальную канцелярію.

Уфимская провинціальная канцелярія, закончивши слѣдствіе, представила Оренбургскому губернатору экстрактъ слѣдственнаго дѣла и свое заключеніе. 16 Юля губернаторъ утвердилъ приговоръ: Юлая и Салавата за всѣ ихъ уже извѣстныя злодѣянія наказати кнутомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ими совершено болѣе преступныхъ дѣяній, давъ слѣдующее число ударовъ: Юлаю на Симскомъ заводѣ сорокъ пять, Катавъ-Ивановскомъ заводѣ сорокъ пять, на Усть-Катавскомъ сорокъ пять, въ дер. Орловкѣ сорокъ ударовъ. Салавату на Симскомъ заводѣ дватцать пять, въ дер. Юлаевой двадцать пять, въ Красноуфимскомъ двадцать пять, въ Кунгурѣ двадцать пять, Осѣ двадцать пять, близъ Едыака, гдѣ онъ сражался съ полковникомъ Рыльевымъ, двадцать пять и съ послѣдняго мѣста показаніи—Юлая съ дер. Орловки, а Салавата съ Едыака—заключивъ и вырѣзавъ ноздри, отправить въ Уфу для дальнѣйшаго отправленія Юлая и Салавата въ ссылку въ каторжную работу въ Балтійскій портъ или Рогервикъ павѣчно.

Провинціальная канцелярія пришла къ заключенію, что при исполненіи приговора Юламъ и Салавата башкиры могутъ отбить и постановила отнестись къ начальнику прибывшихъ въ Уфимскую провинцію армейскихъ войскъ, генералъ-маіору Фрейману о нарядѣ для экзекуціи военной команды. Юлай и Салаватъ выдержали страшное наказаніе безъ медицинской помощи.

21 Сентября 1775 года Юлая и Салавата потребовали въ присутствіе провинціальной канцеляріи и при этомъ оказалось—оба не заключены ноздри не вырваны! Потребовали Третьякова; тотъ объявилъ, что клеймы почему

то изгладилсь, а ноздри заросли, потому, видно, что клейма и щипцы были уже не годны къ употребленію.

Провинціальная канцелярія постановила: Юлая и Салавата заклебить въ ея присутствіи и вырѣзать ноздри; палачу Мартину Суслову за продерзость учинить пачежесточайшіе наказаніе плетьми; коллежскому регистратору Третьякову сдѣлать въ присутствіи строгій выговоръ и впредь ему никакихъ особыхъ дѣлъ, кромѣ его должности, отнюдь не поручать.

Такъ закончилась бурная дѣятельность башкирскаго поэта и борца.

Р. Игнатьевъ.

МОРДВА.

ИСТОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ.

ГЛАВА IV.

*Культъ предковъ. Возвръщя изъ смерти и погребальныя
обряды.*

аимъ крупнымъ переживаніемъ родового быта является культъ предковъ. Всмотриваясь въ обряды, которыми сопровождаются важнѣйшіе моменты въ жизни мордовской семьи, изслѣдователь приходитъ къ заключенію, что родъ, воля котораго обазивается пужбой въ эти моменты, не ограничивается живыми представителями его. Согласіе и благословеніе на то или другое предпріятіе испрашивается не у живыхъ только родичей, но и у тѣхъ, которые перешли въ иную жизнь — у нихъ даже въ большей степени, чѣмъ у живыхъ. Дѣды, прадѣды, самые отдаленные предки, которыхъ помнить данная семья или данный родъ, призываются въ важныя минуты жизни также обязательно, какъ обязательно младшій членъ семьи обращается за совѣтомъ или разрѣшеніемъ къ старшему. Эта непрерывность рода, эта живая связь, соединяющая самыхъ отдаленныхъ его представителей съ позднѣйшими поколѣніями является результатомъ тѣхъ возрѣній на смерть, которая Мордва раздѣляетъ съ остальными восточными финнами. Поэтому прежде, чѣмъ пагаты тѣ явленія,

въ которыхъ выражается культъ предковъ, мы считаемъ нужнымъ выяснитъ съ возможной полнотой и точностью мордовскія воззрѣнія на смерть и загробную жизнь. Воззрѣнія эти съ особенной ясностью сказываются въ погребальномъ ритуалѣ. На слѣдующихъ пяти страницахъ мы попытаемся возстановитъ существенныя черты его, собирая обломки, уцѣлѣвшіе въ современныхъ обычаяхъ Мордвы. Дополненіемъ къ этому главному матеріалу послужатъ произведенія народнаго творчества — пѣсни, сказки, причитанія, въ которыхъ затрогивается тема смерти. Точкой отправленія мы избираемъ моментъ, когда положеніе больного становится безнадежнымъ и его кончина представляется неизбежной. Съ поведеніемъ родчей въ предшествующіе моменты болѣзни мы познакомятся познѣе, въ главѣ о вѣрованіяхъ. — Когда больной по всемъ признакамъ близокъ къ смерти, родные спѣшатъ поставитъ на окно чашку съ водой — по одному толкованію для того, чтобы душа умершаго, выйдя изъ тѣла, имѣла возможность омыться ¹⁾, по другому для того, чтобы въ ней могла омыть свое оружіе смерть. Одновременно съ этимъ изъ подъ больного вынимаются цѣпья принадлежности постели и вѣшаются мѣсяца на три на печкѣ, „чтобы не попрятчилось“. Затѣмъ, въ былое время въ Инсарскомъ уѣздѣ старшій въ домѣ бралъ ножъ, махалъ имъ кругомъ умершаго и гошилъ по шеѣ, груди и погамъ его. Эти дѣйствія означали, по толкованію рассказчиковъ, что смерть изрѣзала умершаго на части. Съ послѣднимъ вздохомъ умершаго съ него осторожно, стараясь не разорвать, снимаютъ всю одежду: въ Саратовской губерніи ее связываютъ кушакомъ, которымъ покойный подпоясывался при жизни, и вѣшаютъ надъ тѣмъ мѣстомъ, куда должны придтись ноги покойника, когда его положить въ передній уголъ ²⁾; въ Инсар-

¹⁾ А. Н. Милль. Народныя обычая етс. крестьянъ Саратов. гуо. Спб. 1890, стр. 133. Въ Саратовской губерніи держится убѣжденіе, что знахарки вливали, какъ вѣселилась вода въ этия чашкалы, когда изъ больного выносила душа.

²⁾ Рукоп. описаніе быта Мордвы с. Наскафтыма, доставленнаго намъ покойнымъ А. И. Соколовымъ.

онъ Салаватъ не обличится, то наказатъ его, ваше превосходительство, можете равняясь винамъ его и тамошнимъ шибѣ въ Башкиріи обстоятельствамъ, ибо самое правосудіе требуетъ, чтобы о подсудимомъ въ какомъ бы онъ преступленіи оглашенъ не былъ, но во ономъ прежде надлежитъ его обличить, а потомъ уже судьбу его рѣшить, но не по однимъ однакожъ токмо слухамъ, а по существу доказательствъ въ самомъ дѣлѣ преступленія его^а.

Уфимская провинціальная канцелярія 5 мая 1775 года постановила для разузнанія въ Уфимской провинціи о всѣхъ дѣйствіяхъ Юлая и Салавата отправить нарочнаго чиновника, а Юлая и Салавата вновь допросить.

Генералъ майоръ Фрейманъ при отношеніи 1 Мая 1775 г. препроводилъ въ провинціальную канцелярію рапортъ подполковника Аршеневскаго, изъ содержанія коего значится, что послѣ поимки Пугачева въ Ноябрь 1774 г. чинили въ Уфимской провинціи быть еще десять башкирскихъ волостей и главнымъ дѣятеlemъ бунта былъ Салаватъ Юлаевъ. Будучи посланнымъ съ отрядомъ на усмиреніе этихъ башкирскихъ волостей, когда уже возстаніе во многихъ мѣстахъ въ Уфимской провинціи, по Сибирской и Осинской дорогамъ, было усмирено, онъ узналъ, что многіе изъ главныхъ виновниковъ бунта скрываются въ лѣсахъ, не смотря на зимнее время, потому, для поимки ихъ, онъ послалъ отъ себя команду, подъ начальствомъ поручика Лѣсковскаго. Эта команда 24 Ноября 1774 года г. поймала въ лѣсу скрывавшагося тамъ башкиря, но одного, безъ товарищей, и доставила къ нему, расположившемуся близъ того мѣста, гдѣ пойманъ былъ тотъ башкирь, въ дер. Калмыковой. На допросѣ башкирь открылъ, что онъ Салаватъ Юлаевъ и что, уже не видя никакого средства къ спасенію, рѣшился до времени укрываться здѣсь, но если услышитъ, что подходятъ войска, то намѣренъ былъ горати пробраться въ киргизскую степь; тоже самое хотѣли сдѣлать по словамъ Салавата и многіе изъ бунтовщиковъ. Послѣ поимки Салавата и отправленія его въ Оренбургъ къ Томашеву,

опъ, проходя разными селеніями, вездѣ слышалъ, какою страхъ на всѣхъ нагнало имя Салавата. Не только русскіе, но и многіе изъ башкиръ и инородцевъ радовались. Всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли принять участіе въ бунтѣ, Салаватъ убивалъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ: вѣшалъ, сожигалъ, загоняя въ избы не щадя ни пола, ни возраста.

Посланный для производства на мѣстѣ дознанія о Юлаѣ и Салаватѣ, переводчикъ провинціальной канцеляріи коллежскій регистраторъ Федоръ Третьяковъ представилъ отобранныя имъ отъ башкиръ и другихъ инородцевъ разныхъ волостей и селеній Сибирской и Оренбургской дороги въ числѣ 200 чел. показанія. Всѣ эти показанія обличали Юлая и Салавата въ извѣстныхъ уже намъ дѣйствіяхъ и подтверждали все, о чемъ писалъ Аршеневскій.

Сидя въ строгомъ заключеніи въ одиночномъ казематѣ Уфимскаго магистрата, Салаватъ зналъ о всякомъ начальственномъ распоряженіи и по своему дѣлу; не смотря на обыскъ и запрещенія у него были чернила и бумага. Магистратъ по мѣщался на такъ называемомъ теперь въ Уфѣ нижнемъ базарѣ и окно каземата, гдѣ сидѣлъ Салаватъ выходило на улицу, хотя оно не растворялось и было съ рѣшетками. Однажды Салаватъ увидѣлъ въ окно знакомаго ему башкира, который останавливался не далеко отъ магистрата и смотрѣлъ на тюремное окно. Салаватъ, чрезъ окошечко въ дверяхъ, сталъ просить часового, солдата Уфимскаго гарнизона Ефима Федорова Чудянова, передать написанное имъ татарское письмо башкиру, который стоитъ теперь около самага магистратскаго дома у крыльца, что этотъ башкиръ его родной дядя, а въ письмѣ писано, чтобы онъ прислалъ денегъ на харчи, да просилъ а его, говорилъ Салаватъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ рубахъ, а весь облобился. Чудяновъ, какъ только его смѣнили съ часовъ, вышелъ на улицу и спрося указанного башкира, тѣмъ ли онъ дядя Салавата, отдалъ ему это письмо. Письмо попало не тому лицу (башкиръ на улицѣ было много). Назвавшій себя дядей Салавата былъ тоже башкиръ Уфимскаго уѣзда,

Сибирской дороги, дер. Мухаметовой, Мухаметъ Кучуновъ; онъ явился въ Уфу съ бумагой къ воеводѣ отъ генерала Фреймана, которому донесъ о намѣреніи Киргизъ, пользуясь смутнымъ временемъ, прорваться съ цѣлю грабежей и разоренія въ Уфимскую провинцію. Фрейманъ велѣлъ Кучунову это донесеніе подтвердить отъ себя воеводѣ. Кучуновъ представилъ Салаватово письмо въ провинціальную канцелярію.

Уфимская провинціальная канцелярія, закончивши слѣдствіе, представила Оренбургскому губернатору экстрактъ слѣдственнаго дѣла и свое заключеніе. 16 Іюля губернаторъ утвердилъ приговоръ: Юлая и Салавата за всѣ ихъ уже извѣстныя злодѣйства наказати плутомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ими совершено болѣе преступныхъ дѣйствій, давъ слѣдующее число ударовъ: Юлаю ба Симскомъ заводѣ сорокъ пять, Катавъ-Ивановскомъ заводѣ сорокъ пять, на Усть-Катавскомъ сорокъ пять, въ дер. Орловкѣ сорокъ ударовъ. Салавату на Симскомъ заводѣ дватцать пять, въ дер. Юлаевой дватцать пять, въ Красноуфимскомъ дватцать пять, въ Кунгурѣ дватцать пять, Осѣ дватцать пять, близъ Елдяка, гдѣ онъ сражался съ полковникомъ Рыльевымъ, дватцать пять и съ послѣдняго мѣста наказанія—Юлая съ дер. Орловки, а Салавата съ Елдяка—заключивъ и вырѣзавъ ноздри, отправить въ Уфу для дальнѣйшаго отправленія Юлая и Салавата въ ссылку въ каторжную работу въ Балтійскій портъ или Рогервикъ павѣчно.

Провинціальная канцелярія пришла къ заключенію, что при исполненіи приговора Юлай и Салавата башкиры могутъ отбить и постановила отнестись къ начальнику прибывшихъ въ Уфимскую провинцію армейскихъ войскъ, генералъ-маіору Фрейману о нарядѣ для экзекуціи военной команды. Юлай и Салаватъ выдержали страшное наказаніе безъ медицинской помощи.

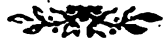
21 Сентября 1775 года Юлай и Салавата потребовали въ присутствіе провинціальной канцеляріи и при этомъ оказалось—оба не заключены ноздри не вырваны!! Потребовали Третьякова; тотъ объявилъ, что клеймы почему

то изгладились, а ноздри заросли, потому, видно, что клема и щипцы были уже не годны къ употребленію.

Провинціальная канцелярія постановила: Юлая и Сазавата заклебмить въ ея присутствіи и вырѣзать ноздри; палачу Мартыну Суслову за продерзость учинить пачежесточайшіе наказаніе плетью; коллежскому регистратору Третьякову сдѣлать въ присутствіи строгій выговоръ и впредь ему никакихъ особыхъ дѣлъ, кромѣ его должности, отнюдь не поручать.

Такъ закончилась бурная дѣятельность башкирскаго поэта и борца.

Р. Игнатьевъ.

МОРДВА.

ИСТРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ГЛАВА IY.

Культъ предковъ. Возврътїя изъ смерти и погребальныя обряды.

амымъ крупнымъ переживаніемъ родоваго быта является культъ предковъ. Всмотрываясь въ обряды, которыми сопровождаются важнѣйшіе моменты въ жизни мордовской семьи, изслѣдователь приходитъ къ заключенію, что родъ, воля котораго обазывается пужбой въ эти моменты, не ограничивается живыми представителями его. Согласіе и благословеніе на то или другое предпріятіе испрашивается не у живыхъ только родичей, но и у тѣхъ, которые перешли въ иную жизнь — у нихъ даже въ большей степени, чѣмъ у живыхъ. Дѣды, прадѣды, самыя отдаленныя предки, которыхъ помнитъ данная семья или данный родъ, призываются въ важныя минуты жизни также обязательно, какъ обязательно младшій членъ семьи обращается за совѣтомъ или разрѣшеніемъ къ старшему. Эта непрерывность рода, эта живая связь, соединяющая самыхъ отдаленныхъ его представителей съ позднѣйшими поколѣніями является результатомъ тѣхъ возврѣтїя на смерть, которыя Мордва раздѣляетъ съ остальными восточными финнами. Поэтому прежде, чѣмъ излагать тѣ явленія,

въ которыхъ выражается культъ предковъ, мы считаемъ важнымъ выяснитъ съ возможной полнотой и точностью мордовскія возрѣвнiя на смерть и загробную жизнь. Возрѣвнiя эти съ особенной ясностью сказываются въ погребальномъ ритуалѣ. На слѣдующихъ ниже страницахъ мы попытаемся возстановитъ существенныя черты его, собирая обломки, уцѣлѣвшiе въ современныхъ обычаяхъ Мордвы. Дополняемъ къ этому главному материалу послужатъ произведенiя народнаго творчества — пѣсни, сказки, причитанiя, въ которыхъ затрогивается тема смерти. Точкой отправленiя мы избираемъ моментъ, когда положенiе больного становится безнадежнымъ и его кончина представляется неизбежной. Съ поведенiемъ родичей въ предшествующiе моменты болѣзни мы познакомятся позднѣе, въ главѣ о вѣрованiяхъ. — Когда больной по всемъ признакамъ близокъ къ смерти, родные спѣшатъ поставитъ на обно чашку съ водой — по одному толкованiю для того, чтобы душа умершаго, выйдя изъ тѣла, имѣла возможность омыться ¹⁾, по другому для того, чтобы въ ней могла омыть свое оружіе смерти. Одновременно съ этимъ изъ подъ больного вынимаются цѣпныя принадлежности постели и вѣшаются мѣсяца на три на печь, „чтобы не попритчилось“. Затѣмъ, въ былое время въ Ицарскомъ уѣздѣ старшiй въ домѣ бралъ ножъ, махалъ имъ кругомъ умершаго и гошилъ по шеѣ, груди и погамъ его. Эти дѣйствiя означали, по толкованiю рассказчиковъ, что смерть изрѣзала умершаго на части. Съ послѣднимъ вздохомъ умершаго съ него осторожно, стараясь не разорвать, снимаютъ всю одежду: въ Саратовской губерніи ее связываютъ кушачкомъ, которымъ покойный подпоясывался при жизни, и вѣшаютъ надъ тѣмъ мѣстомъ, куда должны придтись поги покойника, когда его положить въ передній уголъ ²⁾; въ Ицар-

¹⁾ А. Н. Милль. Народныя обычая етс. крестьянъ Сарат. гуо. Спб. 1890, стр. 133. Въ Саратовской губерніи доживитя убѣжденiе, что знахарки вливали, какъ колдовалась вода въ этия чашкалы, когда изъ больного выходила душа.

²⁾ Рукоп. описанiе быта Мордвы с. Наскафтыма, доставленнаго намъ покойнымъ А. Н. Соколовымъ.

скомъ въ былое время ее сжигали. Въ поги усопшей женщины владѣи серпъ, дѣвушка съ серпомъ, скольгамъ и перстень въ знакъ того, что она должна выйти замужъ на томъ свѣтѣ. Женщины изъ дома умершаго обвязываютъ себя (въ Сергачскомъ уѣздѣ) въ знакъ печали голову полотенцами и начинаютъ причитать ¹⁾. Къ усопшему, лишь только огласится вѣсть объ его кончинѣ, стекаются со всей деревни почитатели, преимущественно женщины. Каждый почитатель, каждая почитательница несутъ съ собою въ даръ блиновъ, хлѣба, соли, пуре, по грошину денегъ. Дары эти въ однихъ мѣстахъ сами почитатели кладутъ на столъ (блины) или на око (деньги) — въ другихъ передаютъ специально выбраннымъ на этотъ случай старику или старухѣ ²⁾. Въ Городищенскомъ уѣздѣ деньги приносятъ только мужчины и кладутъ на киветъ. О принесенныхъ подаркахъ сообщаютъ покойнику — въ одномъ мѣстахъ лично тотъ, кто принесъ, въ другихъ особо выбранный старикъ или старуха, которые каждый разъ при сообщеніи впадаютъ умершему. Мопетку, которую принесъ прощающійся родственникъ или сосѣдъ, скоблятъ надъ лицомъ умершаго и приговариваютъ: „вотъ тебѣ деньги, сдѣлай на нихъ все, что хочешь; пойдешь, можетъ быть, въ бесѣду, на крестины, на свадьбу, поворожи (?) за пазъ (живыхъ)“ ³⁾. По другимъ извѣстіямъ старикъ, скобли монету, обращается къ рапѣ умершимъ родичамъ: „родители, дѣдушки, бабушки! Вотъ мы посылаемъ вамъ сорокъ фунтовъ мѣди, сорокъ фунтовъ серебра, полную коробку серебра (табаку и вина)“ ⁴⁾. Слѣстное въ Городищенскомъ уѣздѣ разделяется на два стола: одинъ служить для угощенія почитателей, другой для гостей — покойниковъ.

Пока въ избѣ происходитъ прощаніе съ умершимъ родственникомъ и сосѣдѣй, на дворѣ для него готовится

¹⁾ Ниж. Ен. Вѣд. 1873, № 13, стр. 346.

²⁾ Мишк. I. с. 131. Голшманъ. Саратов. сборн. т. I, стр. 192.

³⁾ Майновъ. Les restes etc. со. Голшманъ (I. с.) глаго говоритъ, что старикъ поминаетъ.

гробъ, который долженъ служить для него избой. Работа происходитъ въ сосредоточенномъ молчаніи, такъ какъ покойникъ накажетъ приткой всякаго, кто вздухалъ-бы при этомъ смѣяться. Въ настоящее время гробъ дѣлается изъ досокъ и по бокамъ его особо назначенная старуха просѣкаетъ три окошечка: черезъ одно смогрътъ, а черезъ другое выходитъ въ гости, въ XVII—XVIII в. онъ долбился въ одной изъ половинокъ расколотаго дерева. Слѣды сгнившихъ колодъ можно до сихъ поръ встрѣчать при раскопкѣ относящихся къ этой эпохѣ мордовскихъ могильниковъ¹⁾. Воспоминаніе о долбленыхъ гробахъ сохранилось въ мордовскомъ современномъ названіи гроба лавке отъ корня лав-оме, означающаго колоть. Но мѣстамъ гроба вовсе не употреблялись и покойникъ выносился въ могилу на доскѣ или на лубкѣ²⁾. Въ болѣе отдаленныя времена—отъ X до XIV в.—вмѣсто гроба заворачивали въ бересту. Въ Лядинскомъ могильникѣ, который мы имѣемъ полное основаніе считать древѣйшимъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ мордовскихъ могильниковъ³⁾, длинныя цѣльныя полосы бересты находили подъ костякомъ и поверхъ его⁴⁾.

Когда гробъ изготовленъ, его вносятъ въ избу и ставятъ на сѣмейникѣ рядомъ съ лавкой, на которой лежитъ покойникъ. Въ гробъ кладется въ видѣ изголовья вѣникъ и на устроенное такимъ образомъ ложе перекалываютъ умершаго. Непосредственно за этимъ очищаютъ мѣсто лавки, на которой лежалъ покойникъ—посыпаютъ его золой или втыкаютъ похъ. Въ гробъ покойнику кладутъ водки—опохмѣлиться на томъ свѣтѣ и угостить старшихъ покойниковъ, чтобы приняли ласковѣй; денегъ на покупку земли, топоръ и дубнику—отгонять собакъ при переходѣ на тотъ свѣтъ: съ ребенкомъ чашку, ложку и сдѣланные изъ пшениной муки орѣшки. Чтобы онъ не возвращал-

¹⁾ См. Аудиовскій. I. с. ²⁾ Лепехинъ. Зап. Ч. 1, 178.

³⁾ См. по этому вопросу Изв. 1893, вып. 5, стр. 494.

⁴⁾ Мат. по археол. Россіи, издан. Имп. Арх. Ком. № 11, Ср. Мильковичъ. «Опис. Симб. намѣсти. 1783 г.» Симб. Губ. Вѣд. 1851, № 32. Майн. I. с. 85.

ся, мать клала ему въ быстрое время на голову щетку, которой чистить лезь, и говорила при этомъ: „по одну сторону море, по другую камышь“. Если покойникъ остается въ домѣ на ночь, съ нимъ проводятъ ночь вся семья. Въ Городищинскомъ уѣздѣ въ полночь женщины выходятъ на улицу и съ плачемъ приглашаютъ предковъ явиться принять въ свою среду покаяго члена. Въ Саратовской губернии придаютъ особое значеніе снамъ, которые видать въ эту ночь состоящихъ при покойникѣ женщины. Онѣ открываютъ имъ свои пучки ¹⁾.

Мужчины тѣмъ временемъ на кладбищѣ (калмазир, калма, калмаланго) готовятъ могилу.

Произведенія народной словесности Мордвы даютъ намъ право предполагать, что когда-то у нея существовало и надземное погребеніе, аналогичное съ тѣмъ, которое практикуется въ настоящее время у язычествующихъ сибирскихъ инородцевъ. Сказка о „Дуболго Пичай“, помѣщенная въ II-й части „Сборника Православнаго Миссіонерскаго Общества“, содержитъ слѣдующія характерныя указанія. Извели Дуболго Пичай пелѣтки и велѣли своимъ мужьямъ, ея братьямъ, похоронить ее. „Сдѣлали они ей изъ какого-то кегниющаго дерева гробъ, положили въ него сестрицу свою Дуболго Пичай. Отвезли ее въ какой-то большой лѣсъ, гдѣ три дороги сходятся. Подставили подставки, на нихъ положили гробъ. На подставки возлѣ гроба поставили наполненныя пшеницей лукошки“. Повалился къ гробу Дуболго ходить гуси мордвина Виртапа. Сталъ онъ за ними слѣдить и дошелъ за ними до большой рѣки. Переплылъ Виртапъ за гусями рѣку и видитъ, что гуси, отойдя недалеко, остановились. „Смотритъ онъ—небольшая полянка. На срединѣ этой полянки три дороги сходятся. На раздорюшкахъ подставки стоятъ; подъ нихъ сыплется пшеница; на нихъ гробъ стоитъ. По обѣ стороны гроба поставлено по два лукошка“ ²⁾. Выступающая въ этой сказки картина погребен-

¹⁾ Минхъ. I. с. 134.

²⁾ Произв. Морд. нар. слов. Сказки. Стр. 179.

зія обяспяеть памъ намски на все попадающіеся въ пѣспяхъ.

Въ пѣснѣ о дѣвцѣ Кемаль мы встрѣчаемъ напр. слѣдующіе стихи:

«Не хорони меня, тятенька, въ землю, изъ которой я родилась,
Ой не закрывай меня въ черную землю.
Мой гробъ, тятенька, обмажи въ серебро,
Изъ золота сдѣлай, кормилецъ, мой подпорочки,
Поставь ты меня, тятенька, возлѣ большой дороги.
Много тѣмъ мѣстомъ ходящихъ,
Много тѣмъ мѣстомъ проходящихъ;
Глава многихъ тутъ позарятся,
Ой, многихъ тутъ сердце полюбуется»¹⁾,

Съ такой - же просьбой обращается дѣвица къ отцу въ пѣснѣ о красавцѣ—Олѣ.

«Похорони меня возлѣ большой дороги;
Къ козелякамъ мойя колокольчикъ подвѣсь.
(Скромъ чувтовонъ баяга содъ)»²⁾.

Съ возпиевопеніемъ обычая зарывать покойника въ вырытой ямѣ устраивался срубъ на подобіе пазы и въ этотъ срубъ опускался покойникъ³⁾. Въ Нижегородской губерніи и теперь еще указываютъ кладбища, гдѣ умершіе погребались подобнымъ образомъ⁴⁾.

Старинныя кладбища Мордвы чаще всего устраивались въ лѣсахъ, на полянкахъ (кужа). Около многихъ мордовскихъ селъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ и теперь еще показываютъ кладбищенскія полянки (калма-кужа). Отдѣльно разбросанныя на такихъ полянкахъ деревья — дубы, березы — пользовались особеннымъ почтеніемъ Мордвы.

Съ вѣншимъ видомъ мордовскихъ кладбищъ въ XVIII в. насъ знакомятъ документы, относящіеся къ такъ называемому „Терюшевскому бунту“ и опубликованные А. А. Титовымъ

¹⁾ Прозв. Морд. нар. слок. Пѣсни, стр. 9—11.

²⁾ Ibid. 203.

³⁾ См. ниже, статью г. Излицера.

⁴⁾ Нижегород. Еп. Вѣд. 18, 87, стр. 728—729.

они всегда пьѣли пуре и вино. Пиръ продолжается затѣмъ до зари, когда наступаетъ минута прощанья. Передъ тѣмъ, какъ отправить покойника обратно въ могилу, родня обсуждаетъ, чѣмъ слабить его для загробной жизни — пушно ли ему лѣса, одежды, денегъ, пища. Въ результатъ совѣщанія оказывается, что пищи ему хватитъ надолго (разумѣются съѣденные за ночь припасы), въ одеждѣ онъ не нуждается, денегъ можно дать, а лѣса предоставляютъ покойнику нарубить самому, сколько нужно. Для этой последней операціи устраивается особая церемонія. Посреди избы ставится стулъ съ положенной на него подушкой; на этотъ стулъ сажаютъ покойника. дають ему въ руки большой ножъ и несутъ на плечахъ на гумно. Здѣсь стулъ опускаютъ около заблаговременно воткнутого въ землю сучка какого пибудь дерева и покойникъ начинаетъ рубить его. Съ самымъ напряженнымъ усердіемъ онъ хлопочетъ около сучка, какъ около большого дерева, обходитъ его со всѣхъ сторонъ, ударяя пожесть. Когда воображаемое дерево наконецъ сваливается, замогильный работникъ подбираетъ его, садится вновь на стулъ и отправляется прежнимъ порядкомъ въ избу. Здѣсь онъ вновь садится за столъ — а вѣтка кладется на полу поблизости. Родня, подкрѣпившись силами, начинаетъ обсуждать вопросъ о томъ, какъ перевезти нарубленный покойникомъ лѣсъ. Среди избы ставится впро- визированная сборная кружка — каючка, забитая сверху лубкомъ, въ которомъ прорѣзано небольшое отверстіе. Въ часть прорѣза укрѣпляется срубленный покойникомъ сукъ, а въ оставшееся отверстіе опускаются деньги: около кружки на полу разводится небольшой огонекъ. Каждый поминующій обходитъ кружку три раза, беретъ за вѣтку правой рукой, перепрыгивая чрезъ огонь и въ заключеніе кладетъ въ кружку захваченныя деньги. Перепрыгиваніе черезъ огонь освобождаетъ живыхъ отъ смерти, которая приходитъ съ покойникомъ и ходитъ за каждымъ обходящимъ кружку, чтобы захватить его. Тѣмъ временемъ хозяинъ дома привязывается къ столбу на заднемъ дворѣ назначеннаго для покойника бѣса, обматываетъ

с. Кузоватовѣ провожаютъ шесть подругъ — четыре несутъ гробъ, двѣ крышку. Каждая изъ этихъ дѣвушекъ одѣта въ сарафанъ и передникъ покойницы; если покойница была богата, то провожающіе пахѣваютъ на себя по три сарафана. Въ этомъ нарядѣ онѣ, вернувшись съ кладбища, садятся объѣдать¹⁾. Остальные дохаживаютъ тѣмъ временемъ везутъ со двора на кладбище гробовыя доски, обухальную воду и небольшую кадучку съ блинами или хлѣбомъ. Щепки, воду и посуду, въ которой она была, оставляютъ на особомъ мѣстѣ близъ кладбища, а кадучку съ блинами ставятъ около вырытой могилы и ждутъ изъ церкви покойника. Мѣсто это пользуется у мордвы большимъ уваженіемъ. Горе тому, кто проходя мимо разобьетъ горшокъ: съ нимъ случится притка и онъ умретъ, если не умилостивитъ усопшаго.

Въ Нижегородской губерніи въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, по словамъ архимандрита Макарія, покойника выносили не въ гробу, а на носилкахъ, гробъ же несли рядомъ. Отойдя до опредѣленнаго мѣста съ версту отъ селенія посплски бросали, трупъ перекладывали въ гробъ, накрывали холстомъ и несли въ церковь. Дочь или жена покойника садилась при этомъ на гробъ въ вѣткѣ изъ березовыхъ вѣтвей и причитала по немъ²⁾. Изъ церкви послѣ отпѣванія гробъ уносили на кладбище. Сложная процедура, которой сопровождала Нижегородская Мордва переносъ умершаго на кладбище, представляетъ собою, повидимому, попытку сочетать обычай языческой поры (выносъ на носилкахъ) съ требованіями христіанскаго обряда. — Въ с. Шадимѣ Инсарскаго уѣзда его везли на общинной ему лошади. Возжи при этомъ дѣлались изъ холста.

Когда покойникъ принесенъ къ вырытой для него могилѣ, въ нее бросаютъ захваченныхъ кушаній для того, чтобы расположить къ погребенію родичей, которые умерли раньше. Затѣмъ начинаютъ опускать покойника въ могилу, обращаясь

¹⁾ Сообщено В. В. Фиглигофовымъ.

²⁾ Майновъ. I. с. 66.

къ нему еще разъ съ просьбами простить всѣхъ и не бояться новаго жилья. Прежде чѣмъ поставитъ гробъ на дно могилы, его трижды поднимаютъ и опускаютъ. Если при этой операціи гробъ срывается, погребающіе приходятъ въ ужасъ: умершій не хочетъ, очевидно, успокоиться въ могилѣ и намѣренъ блуждать по свѣту. Гробъ на скоро забрасываютъ землей и бѣгутъ опрометью по домамъ. Переживши три дня, родные являются на могилу съ тремя осиковыми кольями забиваютъ ихъ умершему въ лобъ, въ сердце и въ животъ и просятъ землю принять покойника и не выпускать его ¹⁾. Если же послѣ трехкратнаго подъема гроба удачно устанавливается въ могилѣ, ее засыпаютъ землей. Въ Симбирской губерніи въ былое время надъ могилой врывался столбъ съ развилкой на вершинѣ. На этомъ столбѣ вѣшали послѣ трезни шкуру жертвеннаго животнаго ²⁾. Одна изъ женщинъ дѣлала на могильной насыпи подобіе овошечка, чрезъ которое умершій могъ - бы смотрѣть на свѣтъ божій ³⁾. Въ Саратовской губерніи въ могилѣ дѣлается ямка, въ которую клали кусочки помпаланныхъ кушаній ⁴⁾. Надъ могильнымъ холмомъ совершается первое поминовение. Въ Нижегородской губерніи надъ могилой закалалась въ честь мужчины лошадь, въ честь женщины корова. Часть мяса съѣдали присутствующіе, часть уносили домой въ жертву домашнему богу, а кожу вѣшали на столбъ, который стоялъ надъ могилой или на сучьяхъ кладбищенскихъ деревьевъ ⁵⁾. Въ Пензенской губ. на могилу послѣ ухода священника приводили черпаго барана съ обернутыми краснымъ платкомъ рогами, обводили его по заднихъ ногахъ кругомъ могилы и кололи ⁶⁾. По окончаніи трапезы родные погребеннаго уходили съ кладбища. При этомъ соблюдалась характерная предосторожность: отойдя на

¹⁾

²⁾ Известія. 1893, IV. 384.

³⁾ Машковъ. I. с. 83.

⁴⁾ Минхъ. I. с. 135.

⁵⁾ Ниж. Еп. Вѣд. 1887, 723, № 14.

⁶⁾ Пресавъ. Карт. мор. быта. Пенз. Г. В. 1865, №№ 39, 40.

нѣкоторое разстояніе отъ кладбища, родные покойнаго становились въ кучу. Одинъ изъ могильщиковъ тѣмъ самымъ скребкомъ, которымъ была рита могола, очерчивалъ около нихъ кругъ. Сажень черезъ 5—10 эта операція повторялась ¹⁾. Въ Сараговской губерніи остановка дѣлается у только что сваленной кучи мусора, который остался отъ приготовленія гроба; на нее кладутъ кусочки съѣстныхъ припасовъ и кланяются щепамъ ²⁾. Когда послѣ всѣхъ этихъ остановокъ провожавшіе доходятъ до дома, старшая женщина семьи выдала имъ на встрѣчу полѣно и косарь, черезъ которые они должны были переступить при входѣ въ избу ³⁾. Ножъ или косарь бросались для того, чтобы отогнать смерть, которая, предполагается, идетъ за родичами умершаго ⁴⁾. На крыльцѣ дома провожавшіе кромѣ того переобувались, а старуха окропляла ихъ съ вѣнча водой.

Если покойника отвозили въ телѣгѣ, ее оставляли въ теченіи сорока дней на улицѣ и мыли водою, чтобы отъ нея отстала могильная земля ⁵⁾. Эта послѣдняя предосторожность считается необходимой въ виду того, что человѣкъ, наступившій на могильную землю, непременно умретъ. Лица, копавшія могилу, чтобы не подвергнуть своихъ домашнихъ или скотину бѣдѣ, старательно вытрясали ее изъ лаптей. Пепель, которымъ была посыпана лавка, при выносѣ тѣла хозяйка собирала въ горшокъ и ставила въ укромное мѣсто, чтобы онъ никому не могъ повредить. Человѣкъ, которому такой пепель попалъ-бы случайно въ глаза, въ теченіе всей жизни во всякой вещи видитъ только темную сторону ⁶⁾. Хозяинъ дома вынимаетъ ножъ, воткнутый въ лавку, чертитъ имъ надъ дверью крестъ и потомъ съ размаха бросаетъ свое оружіе въ пото-

¹⁾ Ниж. Еп. Вѣд. 1891. № 1, стр. 18.

²⁾ Минск. I. с. 135.

³⁾ Ниж. Еп. Вѣд. 1890, 825.

⁴⁾ Изъ рук. о Мордаѣ с. Наскаф-тыма.

⁵⁾

⁶⁾ Минск. I. с. 82.

локъ. Если пожъ отскакиваетъ во внутрь избы, въ домѣ будетъ еще покойникъ. Затѣмъ хозяйка отрѣзываетъ горбушку, скоблитъ надъ ней монету, кладетъ подъ порогъ и проситъ дѣдушекъ, бабушекъ принять гостя и жить съ нимъ въ согласіи ¹⁾).

Въ первые два—три дня для покойника оставляютъ немного съѣстнаго, кладутъ на окно и приглашаютъ его ѣсть. По почамъ родные причитали около телѣги по случаю своей потери ²⁾). Въ Пензенской губерніи на другой день послѣ похороны топили баню для того лица, къ которому должна перейти роль большаго въ домѣ. Его мыли, парили и просили усопшаго сообщить ему свой умъ ³⁾).

Въ теченіи сорока, а по другимъ извѣстіямъ 49, дней умершаго чествовали пирами ⁴⁾). Представленіе объ этихъ пирахъ можно составить по тому, что творится въ 40-й день, свято чтимый до сихъ поръ у всей Мордвы.

Наканувъ этого дня старшій въ домѣ отправляется къ тому изъ родныхъ, который всего болѣе походитъ лицомъ на умершаго и проситъ его принять на себя на будущій день роль поминаемаго покойника ⁵⁾). Въ Нижегородской губерніи (с. Лобаски) выборъ замѣстителя производился всѣми родственниками, которые собирались для этого въ домъ усопшаго ⁶⁾). Въ с. Шадимѣ Инсарскаго уѣзда родъ созываетъ старшій въ домѣ, разѣзжая верхомъ на лошади огъ избы къ избѣ ⁷⁾). Въ Горюхиноскомъ уѣздѣ звать покойника семейные ѣхали на кладбище именно на той лошади, которая была ему обѣщана. Но мѣстамъ звать покойника отправлялись всѣ приглашенные на

¹⁾ Архивъ истор.-прир. свѣд. т. II, ч. 1.

²⁾ Майновъ. I. с. 66.

³⁾ Пенз. Еп. Вѣд. 1866, № 3.

⁴⁾ Ауновскій. I. с.

⁵⁾ Ниж. Еп. Вѣд. 1887, № 14, 729. У Мокши Нижегород. губ. этотъ замѣститель назывался *vasta ozai*. Майновъ. I. с. 72.

⁶⁾ Пенз. Еп. Вѣд. 1881, № 8.

⁷⁾ Майновъ. I. с. 77.

помятки¹⁾, становилась на колѣна передъ свѣжей могилѣю, цѣловали ее и просили умершаго выйти²⁾. Дома между тѣмъ открывается дверь и вся семья ждетъ гостя на порогѣ съ зажженными свѣчами.

Ишь съ наступленіемъ дня поминковенія выбранный родственникъ самъ является въ домъ покойника, снимаетъ съ себя свою одежду, надѣваетъ одежду, въ которой умеръ покойникъ, и садится на перину или подушку, на которой тотъ умеръ. Присѣтствовать его собирается вся родня. Каждый несетъ какой нибудь подарокъ: муки, каша, печенаяго хлѣба, блиновъ, баранины—ставитъ съ поклономъ на столъ передъ воображаемымъ покойникомъ и осведомляется, какъ ему живется на томъ свѣтѣ.

Въ теченіе ночи идетъ шумный пиръ. Гости усердно истребляютъ яства и напитки, отливая капельки виноюшки торжества. Забѣститель покойника рассказываетъ о своей загробной жизни, о тамошнихъ урожаихъ³⁾, о томъ, какъ онъ веселится съ родными, осматриваетъ хлѣвы и амбары, благословляетъ скоть и хлѣбъ⁴⁾. Гостямъ, которые навѣдываются о жизни своихъ умершихъ родственниковъ, онъ даетъ обстоятельныя сообщенія: „вашъ п тамъ держитъ хорошихъ лошадей и ѣздитъ въ лѣсъ и въ извозы: вашъ промотался; вашъ разводитъ пчель: вашъ няяствуеъ; вашъ женился и взялъ красивую жену“⁵⁾. Около полуночи всѣ собираются къ столу выслушать наставленія и пожеланія усопшаго—старшіе становятся поближе, младшіе позадъ нихъ и всѣ разомъ падаютъ ему въ ноги. Воображаемый покойникъ обращается къ родственникамъ съ наставленіями: совѣтуетъ жить мирно, беречь скотину, не заниматься воровствомъ, выражаетъ пожеланіе, чтобы

¹⁾ Луновскія. I. с.

²⁾

³⁾ Мордовцевъ. Пам. кн. Симб. губ. на 1858 г.

⁴⁾ Пенз. Губ. Вѣд. 1867. № 25.

⁵⁾ Ниж. Ел. Вѣд. 1887. 730.

⁶⁾ Ниж. Губ. Вѣд. 1893. № 1.

они всегда пьѣли пуре и вино. Пиръ продолжается затѣмъ до зари, когда наступастъ минута прощанья. Передъ тѣмъ, какъ отправить покойника обратно въ могилу, родня обсуждаетъ, чѣмъ слабить его для загробной жизни — нужно ли ему лѣса, одежды, деньги, пища. Въ результатъ совѣщанія оказывается, что пищи ему хватитъ надолго (разумѣются съѣденные за ночь припасы), въ одеждѣ онъ не нуждается, денегъ можно дать, а лѣса предоставляютъ покойнику нарубить самому, сколько нужно. Для этой последней операціи устраивается особая церемонія. Посреди избы ставится стулъ съ положенной на него подушкой; на этотъ стулъ сажаютъ покойника, даютъ ему въ руки большой ножъ и несутъ на плечахъ на гумно. Здѣсь стулъ опускаютъ около заблаговременно воткнутого въ землю сучка какого нибудь дерева и покойникъ начинаетъ рубить его. Съ самымъ напряженнымъ усердіемъ онъ хлопочетъ около сучка, какъ около большого дерева, обходя его со всѣхъ сторонъ, ударяя пожесть. Когда воображаемое дерево наконецъ сваливается, замогильный работникъ подбираетъ его, садится вновь на стулъ и отправляется прежнимъ порядкомъ въ избу. Здѣсь онъ вновь садится за столъ — а вѣтка кладется на полу поблизости. Родня, подкрѣпившись силами, начинаетъ обсуждать вопросъ о томъ, какъ перевезти нарубленный покойникомъ лѣсъ. Среди избы ставится вмировизированная сборная кружка — казочка, забитая сверху лубкомъ, въ которомъ прорѣзано небольшое отверстіе. Въ часть прорѣза укрѣпляется срубленный покойникомъ сукъ, а въ оставшееся отверстіе опускаются деньги; около кружки на полу разводится небольшой огонекъ. Каждый походящій обходитъ кружку три раза, беретъ за вѣтку правой рукой, перепрыгивая черезъ огонь и въ заключеніе кладетъ въ кружку захваченныя деньги. Перепрыгиваніе черезъ огонь освобождаетъ живыхъ отъ смерти, которая приходитъ съ покойникомъ и ходитъ за каждымъ обходящимъ кружку, чтобы захватить его. Тѣмъ временемъ хозяинъ дома привязываетъ къ столбу на заднемъ дворѣ назначеннаго для покойника быка, обматываетъ

ему шею и голову холстомъ. Сюда выходятъ всѣ поминующіе. Лице, выбранное для того, чтобы зарѣзать быка, съ большимъ ножомъ въ рукѣ беретъ веревку и ведетъ его къ избѣ, остальные подталкиваютъ животное и спускаютъ раздрающіе крики. Около избы, саженахъ въ 2-хъ отъ сѣней, становится покрытый салфеткой столъ съ пустой чашкой, рядомъ на землѣ толстый отрубозъ дерева. Здѣсь съ быка снимаютъ холстъ, спутываютъ имъ его ноги, валиятъ на землю и положивши головой на отрубозъ рѣжутъ ¹⁾). Кровь сливается въ чашку со стола и зарывается въ землю или идетъ вмѣстѣ съ водой на изготовленіе поминальныхъ блиновъ. Быка рѣжутъ на части, варятъ въ большихъ котлахъ и съѣдаютъ безъ остатка. По окончаніи ѣды покойникъ объявляетъ, что ему пора въ могилу. Присутствующіе падаютъ на землю и испрашиваютъ у отходящаго гостя благословенія. Затѣмъ запрягается телѣга, на нее ставятъ бадушки съ блинами, хлѣбомъ, бараньей, швомъ. Старухи бросаются къ покойнику на шею съ послѣднимъ прощальнымъ привѣтомъ, потомъ его на перниѣ выносятъ къ телѣгѣ, кладутъ на нее, усаживаются рядомъ и трогаются на кладбище. Прибывши туда, воображаемаго покойника на перниѣ и подушкѣ переносятъ на могилу дѣйствительно умершаго и сажаютъ спиной на востокъ — лицомъ къ провожающимъ. У ногъ его разстелается скатерть, на которую кладутъ кучи блиновъ, бараньины, ставятъ въ поставцахъ брагу и просятъ провожаемаго поѣсть въ послѣдній разъ. За компанію съ нимъ угощаются и родственники. По окончаніи угощенія съ воображаемымъ покойникомъ прощаются и приглашаютъ его приходить лѣтомъ, когда поспѣютъ къ жатвѣ хлѣба; тогда и на его долю обѣщаютъ пахать. Quasi—покойникъ кланяется присутствующимъ, затѣмъ быстро поднимается съ могилы и бросаетъ на телѣгу перину и подушку.

¹⁾ У Мекси Нижегородской губерніи предъ закаланнымъ животнымъ падали на колѣна, просили у него прощенія и обѣщали ему много сѣна въ загробной жизни. Майновъ. I. с. 72.

Далеко не во всѣхъ мѣстностяхъ мордовскаго края описанный сейчасъ обрядъ выполняется во всей полнотѣ. Въ Инсарскомъ уѣздѣ пиръ бываетъ короче. Ночью въ 40-й день старика, который передъ тѣмъ лежалъ на лавкѣ и выслушивалъ причитанія родни, поднимаютъ за руки и везутъ къ тому мѣсту, куда бросается отбросъ и угощаютъ его тамъ на прощанье водкой. Въ с. Шадымѣ того-же уѣзда пиръ происходитъ безъ участія лица, которое бы изображало покойника. Онъ выступаетъ на сцену только по окончаніи домашней поминальной трапезы, когда помпашающіе съ остатками яствъ отправляются на кладбище. Здѣсь на могилѣ умершаго раскладываются его одежда, въ томъ порядкѣ, въ которомъ онъ носилъ ее при жизни, и на разостланной скатерти для него устанавливаются всѣ припесенныя кушанья¹⁾. Въ с. Болдовѣ того-же уѣзда душу усопшаго провожаютъ на дорогу или въ конопляникъ, прощаются тамъ съ ней и бѣгутъ обратно домой. Кто остаётся позади, тотъ въ этотъ годъ умереть²⁾. Въ Сергачскомъ уѣздѣ его провожаютъ за ворота и прогоняютъ; вслѣдъ ему бросаютъ пыль и соръ и кричатъ, чтобы онъ впередъ не ходилъ и никого не бралъ³⁾. Изъ Саратовской губерніи старика или старуху, которые изображаютъ душу умершаго (эзе можай), выносятъ изъ избы и ставятъ посреди двора лицомъ къ воротамъ. Всѣ участвующіе въ поминкахъ падаютъ передъ ними на чегзерепки, стараюсь не касаться лицомъ земли, и въ такомъ положеніи остаются все время, пока изображающій душу умершаго творитъ молитву, въ которой проситъ Бога послать родичамъ урожай хлѣба, дать обильный приплодъ скоту и домашней птицѣ, прибыль въ деньгахъ. По окончаніи причитанія роль старика кончается; онъ встаетъ со стула и наравнѣ съ остальными падаетъ на колѣна передъ пятнымъ воротнымъ столбомъ, по которому душа усопшаго уходитъ будто-бы на небо. Поминки оканчиваются на кладбищѣ

¹⁾ Пенз. Еп. Вѣд. 1881, № 8.

²⁾ Пенз. Губ. Вѣд. 1891, № 236.

³⁾ Ниж. Еп. Вѣд. 1887, № 14, 730

обычной трапезой ¹⁾). Въ Городищенскомъ у., въ с. Пичлейвѣ вмѣсто покойника на лавку, гдѣ онъ умеръ, кладется его одежда, которая послѣ оговора поминального пира передается вищей братіи. Въ другихъ мѣстностяхъ Пензенской губерніи покойника изображаетъ кукла, одѣтая въ его одежду ²⁾, съ прикрѣпленной къ груди зажженной свѣчей ³⁾. При устройствѣ поминального пира колютъ непременно то животное, которое было обѣщано покойнику при его смерти. Покойникъ все равно возьметъ его, если семья вздумаетъ заколотъ къ поминкамъ другое, кулечное. Въ языческую пору мужчины общались обыкновенно лошади, женщины — корова. Лошадь до 40-го дня откармливалась: въ день поминокъ на ней ѣхали на кладбище. Кожа заколотога животного перѣзанная въ куски разстилалась на могилѣ. Если лошадь умирала, семейные не смѣли воспользоваться даже кожей ⁴⁾.—За „сорочинами“ слѣдуетъ описать „годовы“.

Къ годовымъ поминкамъ начинаютъ готовиться съ весны. Приступая къ посѣву, хозяинъ проситъ Бога, чтобы онъ уродилъ на счастье живыхъ и умершаго. Когда созрѣвшій хлѣбъ начинаютъ убирать, на долю покойнаго отдѣляется на каждыя десятины клочекъ жатвы для годовыхъ поминокъ. Въ Симбирской губерніи хозяинъ полюсы говоритъ при этомъ: „загона конецъ дожинаю, половину снопа оставляю, мертваго пай: пусть придетъ жнецъ мертвый и докончатъ“ (ума — не прядость, пель пунт кадан, култыяньвайс, се сѣю пуйтасъ култыасъ зрадосо-) ⁵⁾. Этотъ клочекъ жнуть всѣ родственники, которыхъ покойникъ приглашаетъ якобы къ себѣ на помощь. Съ зарей родственники собираются въ домъ поминнаго, пьютъ здѣсь, обѣдаютъ, потомъ, нагрузивши телегу виномъ, пуре и блинами, отправляются на поле. Подѣхавши къ участку покойника, поминующіе взвиваются предъ усопшимъ за то, что

¹⁾ Минь. I. с. 136.

²⁾ Пенз. Еп. Вѣд. 1870, № 16.

³⁾ Ауновскій. I. с.

⁴⁾ Мѣльновъ. I. с. 70.

⁵⁾ Пѣвѣстія. 1893, вып.

поздно приѣхали и принимаются за жатву. Покончивши съ одной полосой, переправляются на другую, третью. Саратовская Мордва, по словамъ Листова, употребляла на участкѣ покойнаго необычныя приемы житва: серпъ брался за острый конецъ и срѣзанныя такимъ образомъ колоса перебрасывали черезъ голову ¹⁾).

На каждой полосѣ работающіе основательно подкрѣпляются и только къ полночи расходятся по домамъ. Въ Инсарскомъ уѣздѣ къ этому времени рѣзанъ общаннаго покойнику быка. Этого быка обыкновенно указывалъ самъ умирающій. Въ Городищенскомъ уѣздѣ сжатые снопы складываются крестъ на крестъ и оставляются на полосѣ. Тоже самое дѣлается съ коноплемъ, которое оставляется для умершей женщины.

У Эрзи Симб. губ. въ XVIII в. по словамъ Мильковича предъ тѣмъ, какъ отправиться на оставленный покойнику участокъ поля, хозяинъ проводилъ на дворъ быка, которому глаза завязывали холстомъ. Человѣкъ, бравшій на себя обязанность убить животное, долженъ былъ занять мѣсто внѣ двора за заборомъ и оттуда попасть въ животное своимъ оружіемъ. Если быкъ падалъ послѣ нанесеннаго удара на правую ногу, родственники заключали, что покойникъ счастливъ на томъ свѣтѣ, если на лѣвую — несчастливъ. Лишь только быкъ испускалъ последнее дыханіе, сосѣди и семейные несли его на кладбище. На участкѣ тѣмъ временемъ шла работа. Главную роль среди работниковъ играла вдова умершаго, которая изъ сжатой соломѣ дѣлала себѣ поясъ и носила его на себѣ въ теченіе цѣлаго дня. Помощники ея сѣяли на участкѣ умершаго хлѣбныя охвостья вставляли серпъ, прикосновеніе къ которому грозило смертью. По окончаніи работы всѣ присутствующіе выпивали нива и стремительно бѣжали съ полосы по домамъ. Вечеромъ всѣ собирались вновь въ домъ усопшаго и оттуда отправлялись на кладбище, гдѣ устраивалась поминальная трапеза. На другой день вдова и остальные члены семьи шли въ

¹⁾ Сар. Еп. Вѣд. 1866, № 36.

баю. Потомъ въ теченіе 3 дней пиръ продолжался ¹⁾.—Обряды, которыми сопровождается у Мордвы погребеніе и поминовеніе умершаго въ теченіе перваго года со времени его смерти, раскрываютъ предъ нами тѣ воззрѣнія на смерть, которыя дали основаніе культу предковъ. Мордвинъ представляетъ себѣ, судя по этимъ обрядамъ, смерть, какъ переходъ въ иной міръ, гдѣ для умершаго продолжается тоже существованіе, что и на землѣ. Онъ уноситъ съ собою туда всѣ свои потребности и привычки, весь строй своей жизни: онъ сѣетъ тамъ хлѣбъ, занимается извозомъ, торгуетъ, няница пьетъ, вдовецъ или холостякъ женится, дѣвушка выходитъ замужъ. Какъ и на землѣ, люди группируются въ этомъ загробномъ мірѣ по родамъ. Каждый новый пришлецъ присоединяется къ своему роду, къ своимъ родителямъ, дѣдамъ и прадѣдамъ.—Смерть не есть такимъ образомъ, по мордовскимъ представленіямъ, прекращеніе бытія, а особое состояніе, въ которомъ совершается переходъ въ новую жизнь. Въ тѣлѣ умершаго сохраняется потенція жизни. Какъ долго можетъ держаться она, можно видѣть изъ цитированной уже нами сказки о „Дуболго Пичай“. Снохи облили ее съ головы растопленнымъ воскомъ и когда она, какъ имъ показалось, умерла, положили ее въ гробъ и велѣли мужьямъ похоронить. Какъ она была похоронена, мы уже знаемъ. Виртяпъ, которому на мѣсто погребенія ее указали гуси, принесъ гробъ ея домой. Мать его раскрыла гробъ, раздвинула дѣвущей ротъ, „взглянула туда; видѣтъ она тамъ—горло ее чѣмъ то заткнуто по язычекъ, смотритъ и уши заткнуты. Ту затычку ковырнула—воскъ. Догадалась старушка. Воскъ эготъ, говоритъ, растопить въ теплой банѣ... Выпули дѣвущку изъ гроба, положили на полокъ... у ней на тепломъ полкѣ размякли руки и ноги... Воскъ на ней сталъ таять. Старушка подаетъ паръ сильнѣе—смотритъ: изъ ушей и изъ рта воскъ, растаявши, вапаетъ. Старушка подаетъ паръ сильнѣе: дѣвица-красавица охиула“ ²⁾...

¹⁾ Сибб. Г. Вѣд. 1851, № 31.

²⁾ Пам. морд. нар. слов. 183.

Состояніе, въ которомъ находится умершій въ могилѣ, рисуется въ сказкѣ о „Богатомъ нищемъ“. Умеръ мордванъ, который, не взвѣсивъ на вѣсѣхъ богатство, собиралъ милостыню. Прошло нѣсколько лѣтъ до того времени, когда по обстоятельствамъ, излагать которыя мы здѣсь не будемъ, дѣтямъ пришлось увидать своего отца въ разрытой могилѣ: „смотрятъ— ихъ отецъ лежитъ, какъ живой, не подвергшись гніенію“¹⁾.

Сказки и рассказы, герои которыхъ являются покойники, показываютъ, что сохраняя эту потенцію умершіе въ определенное время—иногда ночью—возвращаются къ жизни. Тогда они впервые проявляютъ тѣ новыя свойства, которыя приобрѣтаютъ съ переходомъ въ иной міръ. Если не всё, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ становятся непосредственно послѣ смерти людоедами и вампирами.

Образчикъ рассказовъ, въ которыхъ повѣствуется о такихъ превращеніяхъ, можно видѣть въ сказкѣ „Зеленые рога“. Здѣсь фигурируетъ старикъ, который, предчувствуя близость смерти, предупредилъ жену, чтобы она не оставалась съ нимъ на ночь и не позволяла дѣтямъ самимъ его отвозить на мѣсто погребенія. Старуха не послушала его и едва не сдѣлалась жертвой своего непослушанія. Солдатъ, которому дѣти поручили везти отца, посмотрѣлся на пути чудныхъ вещей. Только день начиналъ склоняться къ вечеру, какъ колеса начинали вращаться и чѣмъ ближе къ заходу, тѣмъ больше. Лишь только солнце садилось, какъ старикъ выходилъ изъ гроба и дѣлалъ попытку съѣсть своего возницу. Спасъ его отъ людоеда-покойника оборотень „зеленые рога“. Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе. Судьба только что названнаго оборотня показываетъ, что Мордва считаетъ переходъ въ иную жизнь необходимымъ и желательнымъ для человѣка. Только особыя причины напр. проклятіе матери заставляютъ пребываніе человѣка въ этой жизни. „Зеленые рога“ напр. пятьсотъ лѣтъ жилъ подъ материнскимъ проклятіемъ и не могъ уми-

¹⁾ Пис. морд. нар. слов. Сказки. 249.

реть, не получивши прощенья. Не могла умереть, не простивши сына, и сама старуха мать. Когда солдатъ съ попомъ вымолили у ней прощенье, старуха провалилась сквозь землю, а „зеленый рогъ“ обратился въ человѣка.

Въ с. Рыбкнѣ Краснослободскаго уѣзда мы записали рассказъ, обрисовывающій могильную жизнь вампировъ и дополняющій нѣсколькими новыми штрихами набросанную уже выше картину мордовскихъ воззрѣній на смерть. „Остановился мужикъ кормить лошадей. Вдругъ видитъ изъ земли вылетѣлъ огонь. Мужикъ пождалъ и пошелъ посмотрѣть, откуда побыла огонь. Видитъ гробъ, совѣтъ новый. Взялъ онъ этотъ гробъ и перенесъ къ себѣ подъ телѣгу. Прошло нѣсколько времени, прилетѣлъ къ ямѣ огонь, видитъ гроба нѣтъ. По духу летитъ къ мужику: отдай мою избу, то я тебя съѣмъ“. Нѣтъ, не съѣшь—говоритъ мужикъ, а отдамъ я тебѣ гробъ, когда ты скажешь, куда леталъ. Огонь говоритъ: леталъ я въ село; тамъ свадьба и я выпилъ изъ нихъ кровь—пу давай-же теперь гробъ. Не отдамъ, говоритъ мужикъ: „скажи мнѣ, чѣмъ можно ихъ вылечить и какъ тебя убить. Вылечить ихъ можно, говоритъ огонь: нужно взять кровь изъ одного черного теленка и вымазать ей мертвыхъ, а меня можно убить семилѣтней осью, вколотивши около меня 12 дубовыхъ кольевъ. Мужикъ отдалъ гробъ и пошелъ въ деревню. Тамъ страшный плачь. Вотъ, говорятъ ему, каждый годъ у насъ такъ умираетъ по одной парѣ повобрачныхъ. Мужикъ говоритъ: я знаю, какъ ихъ сдѣлать живыми. Ступайте, зарѣжьте черного теленка и вымажьте его кровью мертвыхъ. Сдѣлали такъ; мертвые оживи, а мужикъ повелъ пародъ на то мѣсто, откуда вылеталъ огонь. Разрыли яму и нашли тамъ гробъ, а въ гробу ворочается и стонетъ мужикъ. Вытащили его, убивъ семилѣтней осью, вколотили 12 кольевъ и съ тѣхъ поръ люди перестали гибнуть“. Рассказъ, который мы сейчасъ привели, почти дословно сходенъ съ подобными-же вотяцкими. Но въ мордовскихъ рассказахъ о каннибалахъ замѣчается стремленіе дифференцировать ихъ узкую дѣятельность. Въ то время, какъ

мужчины губать взрослых, женщины поѣдаютъ дѣтей. Вотъ одинъ изъ разсказовъ о женщинахъ-людоедахъ. „Пошелъ старикъ ночью въ овинъ, а овинъ былъ около кладбища. Вдругъ на встрѣчу ему идетъ баба. „Куда ты идешь?“ — Баба молчитъ. Мужикъ еще разъ спросилъ; баба опять молчитъ. Тутъ старикъ догадался, съ кѣмъ разговариваетъ и сдернулъ съ бабы полотенце (саванъ?). Баба взмолилась: „пусти меня—все скажу: родила у васъ въ деревнѣ баба и я шла съѣсть ея ребенка. Старикъ побилъ ее, потомъ отдалъ полотенце и не велѣлъ больше ходить“.

Проявленіе въ поповникѣ поклонностей людоеда или вампира открываетъ предъ нами только одну сторону явленій, которая совершается въ его природѣ и превращаютъ его въ существо съ сверхъ-естественными силами, въ первообразъ боговъ. Съ новыми свойствами умершаго мы уже знакомимся изъ тѣхъ просьбъ, съ которыми обращаются къ нему оставшіеся въ живыхъ его родичи. Его просятъ дать оставшимся долгую жизнь, т. е. не брать ихъ къ себѣ (первоначально, вѣроятно съ собою), увеличить ихъ благосостояніе: давать хорошіе урожаи, прибыль скота, т. е. произвести все то, что обыкновенно составляетъ функцію боговъ.

Въ повѣрьяхъ и обрядахъ, которые практикуются въ исключительныхъ случаяхъ жизни, раскрываются новыя стороны вліянія умершихъ на судьбу живыхъ. Предки оказываются не только хранителями благосостоянія своихъ потомковъ, но и нравственныхъ устоевъ ихъ жизни. Если Мордва кого-нибудь подозреваетъ въ кражѣ, но не имѣетъ ясныхъ уликъ, достаточно взять съ кладбища земля и воды и предложить подозреваемому выпить смѣсь ихъ: если подозрѣніе основательно, виновный не рѣшится солгать изъ опасенія, что предки накажутъ его за это смертью.

Гнѣвъ предковъ призываетъ у Мордвы на себя тотъ, кто желаетъ утвердить истину своихъ словъ: „пусть меня мертвый накажетъ, если я говорю неправду“¹⁾.

¹⁾ Майновъ. Очерки юридическаго быта Мордвы. 194.

Въ связи съ увеличивающимся значеніемъ умершаго увеличивается и почетъ къ нему. Все, что находится такъ или иначе въ соприкосновеніи съ нимъ, пользуется у Мордвы громаднымъ уваженіемъ. Могила умершаго, мѣсто, куда выбрасываются щепки, оставшіяся по изготовленіи гроба — все это должно быть неприкосновеннымъ. Человѣкъ, потревожившій могильную землю, платится за это или жизнью или благостояніемъ. На эту метительность мертвыхъ спекулируютъ люди, которые желаютъ насолить врагу или извести его.

Подобно Черемисамъ, Мордва убѣждена, что достаточно взять земли съ могилы и положить на дворъ къ врагу, чтобы его постигло какое-нибудь бѣдствіе. Къ гнѣву покойниковъ обращается жена, которая желаетъ извести мужа. Въ с. Шадымѣ Инсарскаго уѣзда намъ рассказывали слѣдующій случай. Женился парень самокруткой на дѣвушкѣ, которая была старше его. Скоро пошли семейные нелады и жена рѣшила отдѣлаться отъ мужа. Сосѣдки явились съ совѣтами: „возьми вѣнчалное кольцо мужа, ступай на кладбище чрезъ ворота въ валу и вколоти кольцо на основомъ колышкѣ въ землю“. Баба продолжала все, что ей посоветовали. Позже ребятишки, играя, дѣйствительно нашли кольцо на основомъ колышкѣ, но она перемѣшала кольца и умерла сама.

Даже послѣ того, какъ уничтожатся все слѣды бывшаго на томъ или другомъ мѣстѣ кладбища — сравняются съ землей хогальныя насыпи, упадутъ и сгніютъ росшія на немъ свѣщныя деревья — оно продолжаетъ оставаться страшнымъ для живущихъ. Въ с. Шадымѣ намъ рассказывали, что съ мѣста стараго языческаго кладбища вылетаетъ по ночамъ съ дымомъ огненный змѣй. Человѣкъ, нечаянно попавшій на это мѣсто, блуждаетъ по нему цѣлую ночь, не находя выхода; лошади возвращаются съ него замученными. Особенно страшны мѣста гдѣ погребены убитые люди. Скотина, попавшая на такое мѣсто, околѣваетъ. Карой за вольное или невольное оскорбленіе могилы является болѣзней (притка) а за ней ипогда и смерть виновника: женщина чаще всего наказывается неплодіемъ.

Держа въ своихъ рукахъ благосостояніе, жизнь и смерть своихъ родичей, предки естественно являются предметомъ благоговѣннаго уваженія и поклоненія. Къ нимъ, какъ къ богамъ, обращаются съ молитвами. Даже въ христіанскую пору женщины, ложась спать и вставая, призывали на себя милость предковъ: „тѣренѣзе, алѣнѣзе вапамыст“. Къ предкамъ обращались онѣ и тогда, когда отправляли своихъ мужей изъ дома въ лѣсъ или на базаръ. Моленія въ честь предковъ слѣдуютъ одно за другимъ при началѣ каждаго болѣе или менѣе важнаго предпріятія.

Общія поминновенія усопшихъ начинаются съ ранней весны, съ страстной недѣли. Въ среду въ Инсар. у. топали для поминаемыхъ покойниковъ баню. Въ банѣ ставили горшокъ съ кашей, клали вѣники и приглашали усопшихъ прійти попариться. Въ великій четвергъ устраивалось для выпарившихся покойниковъ угощеніе, рѣзали для нихъ быка, свинью, на крови пекли блины; накрывали столъ, ставили на него чашки и ложки; на стѣнахъ развѣшивали для женщинъ бисерныя оплечья (цифсы), которые въ остальное время хранились въ особомъ мѣстѣ, а для мужчинъ кафтаны. Надъ головою зарѣзаннаго быка вечеромъ особо приглашеннымъ старикомъ совершалось поминальное моленіе. На порогѣ зажигались свѣчи, подъ порогомъ ставился горшокъ съ кашей, яцами, поставка съ брагой, ветчина. Старикъ жрецъ приглашалъ умершихъ въ избу. „Прходите тѣ, которыхъ мы знаемъ и которыхъ не знаемъ, у кого нѣтъ сродниковъ, кому мы сдѣлали зло; просимъ не одни мы, а всѣ старики“. У двери стоятъ, встрѣчая ихъ, члены семьи: одинъ держитъ брагу, другой озандампала. Отъ озандампала даютъ всѣмъ поминвающимъ, начиная съ стариковъ и кончая малолѣтними. Потомъ начинается пиръ; на долю усопшихъ выдаютъ за порогъ крошечки хлѣба, а на столъ кладутъ 2—3 лишнихъ ложки и полный стаканъ пуре. Поѣвши въ одномъ мѣстѣ, обходятъ остальныхъ родныхъ. Тѣмъ временемъ старикъ-жрецъ беретъ часть поросенка или гуся, горшокъ съ ладномъ, а выбранный имъ ребенокъ солоницу, оба обходятъ

вокругъ двора и колятся на мѣстѣ, гдѣ выбрасывается соръ. Угощеніе усопшихъ продолжается до Пасхи. Во вторникъ на Пасхѣ вся родня собирается въ домъ старшаго. Въ Городищенскомъ у. угощеніе умершихъ родичей приурочивается къ 1-му дню Пасхи. Вотъ какъ описываетъ пасхальныя поминки въ д. Кардафлеѣ г. Евсевьевѣ. „Въ Великую субботу въ каждомъ домѣ пекутъ блины, на передней завѣкѣ приготавливаютъ постель для покойниковъ,—стелютъ войлоку, кладутъ подушку, на подушку бѣлый платокъ—утыральныйкъ. Накрываютъ столъ; на столъ ставятъ ведро браги, горшокъ каши, вучу блиновъ, предъ иконами зажигаютъ свѣчку, всѣ семейные становятся въ рядъ, хозяйка и хозяйка дома выступаютъ впередъ и начинаютъ молиться—звать предковъ на праздникъ: „Прадѣды и прабабушки, услышите насъ, страхните съ себя земную пыль, приходите къ намъ на праздникъ; на каше имя мы блины пекули, брагу варили; соберите всѣхъ своихъ родныхъ и приходите; можетъ быть, между вами есть безродные, которыхъ некому пригласить, вы и ихъ возьмите съ собой, чтобы и они не остались безъ праздника; у насъ всего вдоволь—всѣмъ хватитъ; вотъ бочка пива (при этомъ беретъ стаканъ пива на руки и качаетъ); вотъ горшокъ каши. Потомъ хозяйка дома указываетъ на постель: вотъ вамъ для отдыха мѣсто мы приготовили, послѣ обѣда отдыхайте тутъ“. Затѣмъ всѣ садятся за столъ и начинаютъ ѣсть блины и пить пиво. Въ Великую же субботу приготавливается въ очередномъ домѣ родни по мужской линіи въ складчину на все родство медовый квасъ. Квасъ этотъ называется „атавъ пуре“,—квасъ предковъ. Въ Великую субботу Кардафлейская мордва уже не работаютъ, даже комнату не убираютъ, а сидятъ дома, наряженные по праздничному.

Въ первый день Пасхи каждый родъ, исключая молодухекъ, взятыхъ въ домъ въ этомъ году, собирается въ своемъ очередномъ домѣ, гдѣ приготавливается медовый квасъ, молить медовый квасъ предковъ. Накрываютъ два стола—по правую сторону для прадедовъ, по лѣвую—для прабабушекъ; около постели, приготовленной для предковъ, зажигается

„атавъ штатоль“ свѣча предковъ — это огромныхъ размѣровъ восковая свѣча на деревянномъ подвѣчникѣ. Свѣча эта зажигается разъ въ годъ—въ первый день Пасхи. Сколько этой свѣчи сгораетъ въ этотъ день, столько потомъ налѣпляютъ на нее новаго воска. Свѣча эта считается священной, ихъ въ деревнѣ столько, сколько старшихъ родовъ: у каждаго рода своя свѣча, хранится она поочереди въ каждомъ домѣ по одному году. У кого хранится эта свѣча, къ тому въ первый день Пасхи весь родъ собирается поминать своихъ покойниковъ, въ томъ же домѣ готовится въ Великую субботу и „медовый квасъ предковъ“. Во время молитвы земные поклонны дѣлаются сначала прадедамъ, а потомъ всеъ обращаются къ столу прабабушекъ и имъ дѣлается такой же поклонъ. Обѣдать садятся мужчины за столъ, приготовленный для прадедовъ, а женщины—за столъ для прабабушекъ. Погулявъ немного въ этомъ домѣ, всеъ идетъ въ слѣдующій домъ; хозяинъ дома беретъ помянутую свѣчу и съ обнаженною головою идетъ впереди, а за нимъ идутъ всеъ гости и воображаемые покойники. Свѣча опять ставится у постели для покойниковъ (такая постель въ каждомъ домѣ готовится), а сами гости начинаютъ пить пиво и вино, но безъ шума, воздерживаясь даже отъ лишняго разговора, боясь какъ бы чѣмъ не оскорбить своихъ предковъ.

Когда такимъ образомъ обойдена будетъ вся родня, собираются опять въ первый домъ, гдѣ готовился медовый квасъ и оттуда ужъ провожаютъ покойниковъ на кладбище, выносить съ собою изъ каждаго дома хлѣбъ, соль, пиво, вино, яйца, по окороку свинины, ведро медоваго квасу. На кладбищѣ все это съѣдаютъ и выпиваютъ. Отъ окороковъ хозяинъ медоваго кваса отрѣзываетъ по кусочку свинины для солянки къ слѣдующему дню. Затѣмъ возвращаются домой, а покойниковъ просить остаться на кладбищѣ и не приходить къ нимъ въ домъ до тѣхъ поръ, пока они сами не пригласятъ ихъ опять“. Въ с. Пичилейкѣ того-же уѣзда, какъ намъ рассказывали, покойниковъ провожаютъ на второй день Пасхи

по двѣ старухѣ отъ каждаго рода. Штатозъ на второй день Пасхи передается для храненія другому члену рода и хранится у него до слѣдующей Пасхи въ амбарѣ. Мы видѣли два такихъ штатоза въ дер. Вечкипѣ Наровчатскаго уѣзда. Они были обернуты полотевцами, уложены въ узкій длинный кузовъ и подвѣшены къ слегѣ амбара. О степени уваженія Мордвы къ этимъ свѣчамъ можно судить по тому, что хозяинъ дома, гдѣ хранился этотъ кузовъ, не рѣшался снять его, чтобы показать мнѣ; снять его можетъ только чистый человекъ. Тяжкимъ грѣхомъ считается осквернить какъ нибудь зданіе, въ которомъ онѣ хранятся. У Мокши Нижегородской губерніи при пасхальныхъ родовыхъ поминкахъ предметы, принадлежавшіе послѣднему покойнику, носили съ собой члены его семьи въ знакъ того, что онѣ ходятъ съ ними по гостямъ ¹⁾. Любопытными подробностями отличались пасхальныя поминки Мордвы Симбирской губерніи въ XVIII в. Хозяинъ дома выходилъ на улицу съ бѣлымъ платкомъ въ рукѣ и звалъ всѣхъ умершихъ родичей по именамъ, стараясь не пропустить ни одного. Постоявши нѣкоторое время онѣ собиралъ концы платка въ узелъ, несъ собранныя въ него души въ избу и выпускалъ на приготовленныя постели. Платокъ переходилъ къ особому выборному старичку, которому каждый давалъ при этомъ немного денегъ. Съ полученными такимъ образомъ отъ нѣсколькихъ родовъ платками старичкъ ходилъ изъ дома въ домъ и клалъ ихъ на приготовленныя постели въ знакъ того, что покойники посѣщаютъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Обойдя всю деревню, старичкъ сопровождаемый поющей и пляшущей толпой возвращался къ дому, изъ котораго вышелъ и отдавалъ каждому гостю его платокъ за маленькій выкупъ. Хозяева возвращались по домамъ, разводили передъ воротами костры, вытряхивали надъ ними изъ платковъ души, перепрыгивали сами черезъ огонь и въ заключеніе поливали на костеръ пурѣ ²⁾.—Угошеніе предковъ совершается затѣмъ: въ субботу

¹⁾ Майновъ. I. с. 71.

²⁾ Майновъ. I. с.

на Оминой недѣли, когда всё ходятъ на могилы съ брагой и съѣстными припасами и оставляютъ для покойниковъ крошки, передъ началомъ яровой пашни, когда покойниковъ просятъ принять участіе въ трапезѣ, которая устраивается на полѣ, и уродить хлѣбъ; въ Казанскую (8 июля). На Духовъ день ходили на кладбище всей деревней въ обѣденную пору. Здѣсь предъ бѣлой березой совершалось поминальное моленіе. Ставши предъ березой, просили ее: „кормилецъ—бѣлая береза, вотъ мы даемъ тебѣ отъ міра жертву, не допусти никакой вѣчности ни къ намъ, ни къ нашимъ дѣтиямъ, ни къ нашимъ полямъ“. Закалалась скотина, кровью которой обрызгивалась береза, а кожа развѣшивалась на деревѣ. Со всѣхъ присутствующихъ собирали кольца, кресты, сюльгами, шурьки и все это или бросали въ дупло березы или навязывали на проволоку и вѣшали на вѣтви. Кости послѣ поминальной трапезы зарывались въ землю въ особой чашкѣ. На кладбищѣ для моленій устраивалось вѣчто въ родѣ горна. Тутъ нагрѣвался котелъ ведеръ въ 40 съ похлебкой изъ жертвеннаго мяса. Похлебку эту, обрызнувши частью ея березу, ѣли всѣ присутствующіе. Подъ священной березой было устроено въ видѣ стола земляное возвышеніе (модо-маръ, модо-шары—земляной столъ), за которымъ возсѣдали старики и старухи. Возвышеніе это накрывалось сватертью или войлокомъ. Этотъ холмъ, кажется, насыпался всѣми проходящими, такъ какъ каждый бросалъ подъ березу горсть земли, чтобы избавиться отъ лиха. Поѣвши всѣ шли къ березѣ кланяться, цѣловали ея кору, стараясь не тронуть дерева руками. По окончаніи прощальнаго обряда молившіеся расходились, оставляя на трое сутокъ двухъ-трехъ стариковъ караулить, чтобы кто не похитилъ жертвы или не оскорбилъ березы.

Осенью, когда поспѣвалъ хлѣбъ, на кладбищѣ устраивалось новое моленіе (сіор-марты-озкс).

Въ XVII в. кромѣ перечисленныхъ нами празднествъ въ честь усопшихъ совершался чрезъ продолжительные промежутки времени (лѣтъ черезъ пятьдесятъ и больше) специальный

молянъ, повидимому, для возстановленія въ надлежащемъ видѣ могильныхъ насыпей—маровъ. Указаніе на этотъ молянъ мы имѣемъ въ не разъ уже цитированномъ дѣлѣ о моленіи въ дер. Чукалахъ. Выраженія, въ которыхъ говорила объ этомъ молянѣ призванная къ допросу мордва — „засыпали землю мары“, „осыпали мары“, т. е. намогильные холмы — позволяютъ предполагать, что главная задача моляна въ томъ и состояла, чтобы вновь поднять опавшія земельныя насыпи. Въ честь усопшихъ при этомъ рѣзали коровъ и лошадей. Забота о сохраненіи могильныхъ холмовъ представляется совершенно естественной въ виду тѣхъ бѣдствій, которыя постигаютъ по мордовскимъ вѣрованіямъ человека, печально нарушившаго перрикосповенность могилы.

Періодически повторяющіеся праздники въ честь предковъ устанавливаютъ добрыя отношенія между родомъ и его отошедшими въ иной міръ представителями. Но эта гармонія отношеній довольно часто нарушается; не всѣ съ одинаковымъ почтеніемъ относятся къ своимъ умершимъ, какъ не въ каждой семьѣ всѣ члены воздаютъ большаку подобающей почетъ. Случается такъ, что о предкахъ по временамъ и забываютъ, оставляя ихъ голодать. Такое поведеніе не проходитъ безнаказанно для виновныхъ. „Родители“ предупреждаютъ о своемъ неудовольствіи являясь во снѣ. „Эхъ, всѣ ѣдятъ—говорить явившіеся во снѣ предокъ—а я стою въ сторонѣ, меня никто не кормитъ“. Семья, которой приписана такой совѣ, снѣшить устроить для усопшихъ неочередное угощеніе—готовитъ блиновъ, рѣжетъ курицу, большую часть всего этого, конечно, съѣдаетъ сама, но остатки относитъ на то мѣсто близъ кладбища, гдѣ сваливается соръ. Иногда предки и прямо караютъ за непочтеніе: у человека не родятся или хвораютъ дѣти, прихварываетъ безъ видимой причины кто нибудь изъ взрослыхъ семейныхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ догадываются, что это дѣло предковъ. О больномъ говорятъ, что ему попричилось отъ мертваго („кумст арас“). Для примиренія съ усопшими приглашается опытная въ этомъ дѣлѣ ворожея.

Въ глухую полночь больной и старуха отправляются на перекресток „прощаться“¹⁾. Больной садится, нагнувшись на землю; ворожея трижды очерчивает его ножомъ, снимаетъ съ него и отбрасываетъ крестъ, поясъ, оборы у зашей, бросаетъ на землю зерна, хмѣль, немного крупы, яйцо, иногда живую курицу, деньги (прощеньянь-армакъ) и молить за него предковъ и можетъ быть печально обиженную могильную землю („модо-маръ“). По мѣстамъ вмѣсто хожденія на перекрестокъ ходятъ на кладбище и молятся предъ священной березой, положивши предъ ней лепешки и какую нибудь принадлежность одежды больного — „матушка бѣлая береза, пошли лучшіе дни, дай здоровье“.

Чтобы получить отъ пораженной безплодіемъ женщины дѣтей, „родителямъ“ общаютъ специальное жертвоприношеніе.

Моръ на скотину или на людей такъ-же приписывается тѣмъ предковъ и для умноженія ихъ заранѣе назначается специальное общественное моленіе—опахиваніе или огражденіе деревни. „Огражденіе деревни совершается за нѣсколько дней до Вознесенія Господня. Въ назначенный день сельскій староста на счетъ общества приготовляетъ разныя кушанья, покупаетъ вино, медъ и разную закуску. Вечеромъ приглашаетъ къ себѣ нѣсколько старухъ, вдовъ и дѣвицъ. Когда на улицѣ стихнетъ шумъ, всѣ съ приготовленными кушаньями отправляются на кладбище; дѣвушки съ распущенными косами и безъ поясовъ, берутъ съ собою соху и ведро съ горячими углями; сельскій староста беретъ съ собою ружье. На кладбищѣ, на могилѣ перваго основателя деревни, разставляютъ всѣ кушанья и начинаютъ молиться, прося покойнаго основателя деревни отъ имени всего общества сохранять деревню отъ всякихъ бѣдъ. Съ кладбища выходятъ на край деревни и сохой проводятъ черту вокругъ нея; причемъ соху везутъ дѣвушки по-переменно, а

¹⁾ Значеніе перекрестковъ въ дѣлѣ общенія съ умершими выясняется изъ констатированнаго уже нами древняго обычая ставить близь нихъ гробы съ умершими.

держитъ ее вдова, впереди несутъ ведро съ углями. У каждой околицы останавливаются, стрѣляютъ изъ ружья и зарываютъ въ землю мѣдную монету въ даръ богу—хранителю деревни. Огсродивъ такимъ образомъ деревню „железнымъ заборомъ“, опять всѣ собираются на кладбище, доѣдаютъ и допиваютъ все оставшееся и расходятся по домамъ¹⁾).

Предки, съ культомъ которыхъ мы сейчасъ познакомились, являются первыми и наиболее близкими къ Мордвѣ сверхъестественными существами. Они вводятъ насъ въ обширный міръ во всемъ подобныхъ имъ боговъ.

Н. Смирновъ.

¹⁾ Отчетъ переводч. комиссіи при брат. Св. Гурія. Кав. 1893, 35.

МАТЕРИАЛЫ.

I. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ.

Малетнискія древнія копи и земляныя постройки, въ Алтайскомъ округѣ—въ Сибири.

Въ расположенной по правую сторону р. Оби, ниже г. Барнаула, Малышевской волости, близъ дер. Малетиной, известны урочища, заслуживающія вниманія, какъ геолога, такъ и археолога, такъ какъ тамъ можно еще розыскать, судя по архивнымъ и устнымъ свидѣтельствамъ, древнія копи, съ рудными признаками, и земляныя постройки съ намеками, въ одномъ мѣстѣ, на защиту отъ непріятельскихъ нападений и, въ другомъ, на постоянныя жилища того доисторическаго народа, который, безразлично къ расовымъ отношеніямъ и эпохамъ, назывался у насъ чуждо. Слѣды этихъ остатковъ исчезнувшей культуры невѣдомыхъ строителей теперь, вѣроятно, уже слабы, но сто съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, когда ни плугъ земледѣльца, ни топоръ дроворуба еще не заставляли Алтайскую природу молить о пощадѣ, они, безъ сомнѣнія, были рельефнѣе, потому помѣщаемое за сими, относящееся къ помннутымъ урочищамъ, архивное извлеченіе изъ одного дѣла прошлаго вѣка, принадлежащаго Барнаульскому горному архиву, должно представлять въ наши дни нѣтолько отвлеченно-иллюстративный, но и нѣкоторый практическій интересъ.

Обстоятельства, сдѣлавшія известными Малетнискія урочища, сложились, судя по дѣлу, такъ: Малышевской земской избой писчикъ Андрей Петелинъ представилъ, въ началѣ сентября 1780 года, правителю Колыванской области Меллеру, который былъ въ то же время и начальникомъ надъ Колывано-воокресенскими Кабинетскими заводами, куски руды, найденныя близъ дер. Малетиной; такъ какъ по пробѣ въ Барнаульской лабораторіи руда эта оказалась серебросодержащею, то Меллеръ, не теряя времени, командировалъ на мѣсто находки унтеръ-шахтмейстера горной службы Василья Головина и, въ концѣ осени того же года, получивъ отъ него донесеніе, объявляющее, что объявленное писчикомъ Петелинымъ рудное мѣсто лежитъ отъ Барнаульскаго завода въ разстояніи 175 верстъ, а отъ завода Сузунскаго верста въ 64-хъ. Руда содержится въ плоской горѣ, окруженной съ Ю. и З.

болотистой долиною, среди которой лежат три озера: Мочище, Татарское блюдо и Неботасское; съ С. и В. она отдѣляется отъ подобныхъ же искривленныхъ возвышенностей сухими впадинами и тянется, по меридиальному направлению, версты на 2 $\frac{1}{2}$, въ ширину версты на $1\frac{1}{2}$, а высоты надъ уровнемъ, отстоящихъ отъ нее верстахъ въ 2-хъ, 3-хъ названныхъ выше озеръ, имѣть саженъ 15-ть. Поверхность вокругъ горы изрѣдка устлана валунами дрсвяничнаго камня, незначительными, однако, распахкамъ, но въ 2-хъ мѣстахъ изъ подъ пахатнаго слоя выступаютъ не очень большіе, но каменистые холмы.—О болѣе удаленныхъ окрестныхъ мѣстахъ Головинъ пишетъ: «Малетинскій боръ состоитъ изъ соснового лѣса, годнаго на всякое употребленіе, и тянется отъ горы версты на 8, при ширинѣ отъ 2 до 4 версты; подобный же лѣсъ произрастаетъ по теченію рѣчекъ: Алака, впадающаго въ Обь справа, выше дер. Малетиной, двухъ Чигисовъ и Каракона, которые впадаютъ также въ Обь съ правой стороны, но ниже Малетиной; наконецъ растетъ лѣсъ и въ лѣвомъ притоку Оби Алаусу. По плоскимъ горамъ, ключамъ и рѣчкамъ, начиная отъ устья Алака до дер. Малетиной и ниже, встрѣчаются валуны и «руда» свойственные минерализованнымъ камнямъ, полагающіе, по мнѣнію Головина, надежду на возможность отысканія и болѣе богатыхъ, къ плавкѣ годныхъ, рудъ. Словомъ, здѣсь, повидимому, упирается въ Обь, отодвигая ее на западъ, рудосносный Саянскій хребтъ, прославившійся потомъ большимъ богатствомъ бѣдныхъ по содержанію серебряныхъ рудъ.

Развѣдка Головинныхъ была заложена близъ юго-восточнаго края горы, причемъ пройденнымъ прорѣзомъ и пробитыми въ разныхъ мѣстахъ шурфами, подъ слоемъ песчаниковатой глины, отъ $\frac{1}{4}$ до 2 арш. толщиною, встрѣчена порода—вапъ, по названію Головина, просѣченная прожилками и гнѣздами зернистаго и листоваго кварца, перемѣшаннаго со свѣтло-желтыми и другихъ цвѣтовъ охрами. Залеганіе этой породы въ глубь и широтное пространіе ея осталось неопредѣленнымъ, но обнаружено, что съверозападнымъ концомъ толща ея примыкаетъ къ стѣрому камню, составляющему комянутые выше каменистые холмы, выступающіе изъ подъ пахатнаго слоя, а затѣмъ раздѣляется по обѣимъ сторонамъ одного изъ нихъ. Упомянутая здѣсь кварцевато-охристая порода, по произведенной потомъ пробѣ, оказала только $\frac{1}{4}$ золот. серебра въ фунтѣ, но по объясненію Головина шурфованный имъ вапъ составлялъ лишь кровлю или головную часть болѣе орудѣлыхъ, по его предположенію, массы.

Видѣтъ съ отчетомъ о развѣдкахъ изслѣдователямъ представлены слѣдующія замѣчанія:

1) «Отъ самаго раздѣленія (породы), на западной сторонѣ (каменистаго холма, были древняго, обитавшаго въ тѣхъ мѣстахъ, народа, значущагося въ здѣшнемъ округѣ подъ именемъ чуди, рудокопныя ямы, длиною, подлѣ самаго холма, до 37, шириною отъ 2 до 15, глубиною, имѣтъ, отъ 1-й сажени и менше, въ срединѣ конехъ, по расчисткѣ (поперекъ) прорѣзомъ, длиною на 3, шириною на $\frac{1}{2}$, глубиною отъ матерой земли на $1\frac{1}{2}$ саж. найдены по свѣтл. наплывной земли, въ почвѣ, между стѣрго наплывнаго камня, скотными кости, уголь, согнившее и отчасти минерализован-

ное дерево, а отъ рудной породы, между выметываемого отвала, (ничего) не находится, какъ только желѣзная темно-бурая охра, съ прилипшими къ дикому строму камню слоями шпата, въ самомъ маломъ количествѣ находящагося, въ косяхъ, хотя и мелкія частицы, и серебряныхъ кисовъ (нѣсколько) присоединилось, однако на пробу однихъ недостаточно. Въ концѣ же упомянутого прорѣза, отъ самаго раздѣленія всего руднаго положенія, т. е. отъ сѣверо-восточной стороны, оказался рѣчной желтоватый, сѣрый съ разноцвѣтными, агатового рода, мелкими гальками, пескомъ, между коихъ (гальки) находятся и полупрозрачные сердолики съ тапловымъ флюсомъ (?), въ которомъ песокъ, по učinеніи опыта промывкою, изъ восемнадцати фунтовъ натуральныхъ металловъ не найдено ничего кромѣ блестящей руды желѣзной, да и полученный черезъ то шавалъ по пробѣ ничего не оказалъ; въ почвѣ упомянутого въ копѣ прорѣза оказался, большими пластами откалирннйся отъ холма сѣровидный гашимерохъ и охроу проникнутой камень и видно, что оный, при продолжаемой тѣми древними народами работѣ, былъ отъ руднаго положенія залыбномъ, или стѣною онаго, который (камень), за неимѣніемъ буровыхъ инструментовъ и пороху, пробить было невозможно, отчего и почвенное состояніе тѣхъ копей—по какимъ рудамъ точно они работали—остается еще неизвѣстнымъ, которое (почвенное состояніе), въ разсѣженіи шпатовъ, съ малыми частицами серебряныхъ кисовъ, а притомъ и немалой ихъ (чуждскихъ народовъ) работы, предвидится оставить, безъ открытія самой почвы, сумнительно.

2) «Отъ предписанныхъ копей, по длинѣ той же горы, къ сѣверу, въ отдалившемся къ западу, между волопоемныхъ отъ рѣки Оби мѣстѣ, въ плоскомъ, длиною до одной, шириною до половины версты, пригоркѣ, состоящемъ, какъ отъ поверхности видно, изъ желтоватаго плотнаго кварца и извѣстнаго чернаго камня, находятся, по объявленію крестьянина Федора Малетина, двѣ ямы такихъ же, древняго народа, рудоконныхъ, изъ коихъ одна длиною 0 35, шириною до 20, глубиною до 3-хъ сажень, а прочія, оной поразмѣрности въ величинѣ, видятся длиною и шириною до 1 сажени, а по какой рудной породѣ оныя работали, за запылью, по низости мѣста, и отъ сннтія растен и происходящей земли, а затѣмъ, и выпали уже снѣги, доискаться и въ скорости развѣдать было не можно».

3) «Неможно безъ вниманія пропустить и сего, что между выше писанными копами, на луговомъ мѣстѣ, находятся тѣхъ древнихъ народовъ остатки жилищъ, состояція нынѣ изъ не весьма высокихъ, въ немаломъ количествѣ, а всего квадратно до половины версты, параллельныхъ валоу, илѣкшихъ между собою не глубокіе ры; а какъ они между собою отстоятъ не болѣе одной съ половиною сажени, то сннтіемъ представляютъ, при такомъ положеніи мѣста, садъ, а не иное какое азаніе».

4) «Къ верху же рѣки Оби, отъ онаго мѣста (сада) до шести верстъ, была у нихъ и крѣпостца четверугольная, длиною на 80, шириною до 45 саж. обнесенная отъ неприступной крутизны у вала съ трехъ сторонъ землянымъ валомъ и обыкновеннымъ ровомъ, произрастающимъ нынѣ и самыми уже столѣтними соснами, въ коихъ развалинахъ найдены употребляемые

тѣми народами каменное, до $\frac{1}{2}$ фута длиною, орудіе, на подобіе долота или нѣкотораго рода сѣчки, и мѣдная съ плоскимъ дномъ чашка, какъ изъ фигуры прилѣпить можно, что она была при богослуженіи или лампадою или звонцомъ. А за всѣмъ тѣмъ, въ окрестности всѣхъ описанныхъ мѣстъ кладбищевъ мертвыхъ находится не мало.

5) «По объявленію пищика Петелина, отъ дер. Ключевой къ сѣверу въ одной верстѣ, древнихъ народовъ рудоконныя ямы, кои положеніемъ состоятъ въ плоской долині, расположенны длиною до 200, шириною до 85 сажень; работаны мѣстами, перевакою пустаго камня на выработанныхъ мѣста, а въ нѣкоторыхъ (мѣстахъ) и сланаками ямами, по разнovidной окряной и темновѣтной желѣзной рудѣ, коей не токмо въ оныхъ довольно, но и въ лежащемъ отъ оныхъ копей къ полудню немаломъ болотѣ находится такового же свойства, подъ самой мочковатой землей, не мало, а притомъ и въ западную сторону отъ тѣхъ же копей, какъ изъ звѣрныхъ выгребовъ и въ ямахъ промышляющихъ оныхъ (звѣрей) видно, лежитъ версты на 4, изъ комъ (ямъ, копей) руды, по пробѣ въ здѣшней лабораторіи, оказали, изъ пудъ, чугуна до 15 фунтовъ».

6) «По объявленію означеннаго пищика Петелина, въ признаномъ мѣстѣ, по теченію рѣки Оби ниже села Чингискаго, при рѣчкѣ Большемъ-Чингискѣ, за плотину древнихъ народовъ, мѣстѣ, по осмотрѣ и развѣдкѣ, оказалась не плотина заводская, но увалъ натуральный, наведенный чрезъ долговременность и измѣнность той рѣчки теченія, ибо съ одной стороны пришелъ лугъ, а съ другой же крутизна, сходящими къ рѣчкѣ мысчи, а при томъ и рѣка Обь при вѣшнемъ развитіи къ составленію сего подобія быть можетъ не послѣднею причиною (была)».

Прим. Въ описаніи этомъ слово «садъ», отнесенное къ паразельнымъ влажнѣ урочища 3-го, употреблено, надо полагать, не въ общераспространенномъ нинѣ смыслѣ искусственнаго древеснаго насажденія, а, можетъ быть, въ томъ же старо-русскомъ значеніи, въ какомъ принимается слово посадъ, что, однако, ждетъ болѣе компетентнаго подтвержденія, какъ и самое описаніе Головина.

Барнаулъ, 18 мая 1893 г.

П. С. Аупинъ.

Мѣстности въ долині р. Ангrena, интересныя въ археологическомъ отношеніи,

1) Кишлакъ Канджигалы (Ташкентскаго уѣзда, на правомъ берегу р. Ангrena, приблизительно верстахъ въ 25 отъ кишлака Той-табе, 2-й станціи отъ Ташкента по холженскему тракту).

Теченіемъ р. Ангrena нѣсколько ниже кишлака подмыло и обрушило берегъ. Въ образовавшемся ярѣ видим на разстояніи около сажени отъ поверхности земли слѣды строеній, имѣющихъ фундаментъ изъ обожженаго кирпича. Туземцами здѣсь были найдены золотыя и серебряныя монеты и другія вещи. Мнѣ удалось видѣть у одного туземца пряжку, повидному,

греко-бактрійскую, изъ нефрита, очень изящной работы, съ кривкою въ видѣ головы орнаментическаго животнаго. Вся мѣстность около обывавшагося берега покрыта небольшими курганами, изъ которыхъ выглядываютъ кирпичи, черепки посуды, и попадаются обломки каменныхъ плитъ.

2) Айры-ташъ (верстахъ въ 3 отъ большого кишлака Теляу, на лѣвомъ берегу р. Ангрена, отъ кишлака Канджигламъ вверхъ по теченію верстахъ въ 15).

Мѣстность Айры-ташъ расположена недалеко отъ горъ и верстахъ въ 2—3 отъ р. Ангрена. Здѣсь, какъ и въ кишлакѣ Канджигламъ, идутъ цѣлые ряды небольшихъ кургановъ. Мѣстные туземцы усиленно раскапываютъ ихъ, въ особенности по ночамъ, и добытыя монеты и старинныя золотыя и серебряныя вещи тотчасъ-же, не донося русской администраціи, переплавляютъ у мѣстныхъ ювелировъ на кольца, браслеты и т. п. Мнѣ рассказали туземцы въ Теляу, что одинъ изъ нихъ, рою землю въ Айры-ташъ, нашелъ три корчаги (хум). Одна была наполнена землей (пепломъ?), другая дорогими камнями, а въ третьей были человѣческіе черепа. Туземцами въ Айры-ташъ и другихъ окружающихъ мѣстахъ было добыто въ разное время много мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ монетъ, мѣдные сосуды съ надписями, кольца, серги, браслеты и т. п. («Туркест. Вѣдом.» :89).

Изъ поѣздкы въ селеніе Мамаевку.

«Осмотрѣвъ холмъ «Карауль-типа», мы отиравились къ Мамаевкѣ. Дорога отъ этого холма шла по склону, ведущему въ долину. Чѣмъ болѣе приближались мы къ долинѣ, тѣмъ чаще замѣчались небольшіе холмики, которыми усѣяна, можно сказать, самая нижняя часть склона. До конца спуска въ долину отъ холма «Карауль-типа» будетъ версты двѣ-три. При спускѣ въ долину видно, что нижній край склона искусственно срезанъ по кривой линіи и образуетъ небольшой гребень, болѣе замѣтный изъ долины. За этимъ незначительнымъ гребнемъ идетъ полукруглая выровненная полоса земли, окаймленная двойнымъ валомъ, вышиною въ сажень или немного болѣе. Валъ этотъ представляется двойнымъ, потому что по срединѣ его проходитъ канава, можетъ быть служившая аркомъ для проведенія воды изъ Армыса. На восточной сторонѣ этого вала ясно видны концы его, между которыми находится свободный проходъ. Далѣе за валомъ снова идетъ широкая полоса выровненнаго пространства, прилегающаго къ третьему валу, окружающему почти правильнымъ кольцомъ огромный курганъ, извѣстный у киргизъ подъ названіями «Джуанъ-типа», т. е. толстый холмъ, или «Таякъ-салды», т. е. положилъ плаку. Валъ, окружающій холмъ, неодинаковой ширины (отъ 15 до 20 саж.), имѣетъ неровную поверхность и противъ юго-восточнаго угла холма оставляетъ проходъ шириною въ 60—70 шаговъ. Вышина вала вълѣдствіе неравнобѣрнаго его оскѣднія неодинакова, но въ общемъ ее можно принять въ 3 сажени. Такимъ образомъ курганъ Джуанъ-типа (Таякъ-салды) заключенъ внутри двухъ искусственныхъ валовъ и трехъ широкихъ рововъ между ними. Входы къ этимъ валамъ, открывающіеся къ востоку и юго-востоку, т. е. къ склону, спускающемуся въ долину Армыса,

того грудь и подолъ вышиваются еще шерстями красной, черной, зеленой и др.; широкий узоръ на груди называется «мечь-пельць», а на подолѣ «видеть». 4) запонъ, шьется вмѣстѣ съ рукавами изъ купленной «французской» матеріи, къ подолу его пришивается оборка; внизу онъ весь также отдѣливается лентами разныхъ цвѣтовъ. Ополасываютъ его краснымъ кушакомъ (стамень-каркъс), 5) паллагай, шьютъ также изъ своихъ матеріаловъ, изъ красныхъ и черныхъ шерстяныхъ нитокъ, сверху отдѣлываютъ его рядами бусами, пуговками, бисеромъ и тесьмой, 6) бѣлая рубашка, тоже шьется изъ тонкаго льняного холста; передъ сверху до низу, подолъ и рукава также вышиваются черной и красной шерстью.

Въ прежнее время, какъ говорятъ старики, женихъ нерѣдко былъ лѣтъ 12, 13-ти, а невіста лѣтъ 20, 25-ти; въ настоящее время парней женить обыкновенной лѣтъ 18, 19-ти, а невіста всегда бываетъ старше жениха, лѣтъ 20, 25-ти. Нигриша дѣвочки начинаютъ водить лѣтъ съ 15-ти; большею частію бываетъ такъ, что съ кѣмъ играетъ, за того и выходитъ замужъ.

Отцовская родня называется общимъ именемъ тятень-родня, а материна—авань-родня; внучаты материнаго отца называютъ вѣчка-дѣдай, а мать—вѣчка-бабай; старинную родню, т. е. дѣдовъ и прадѣдовъ, называютъ кезарь-родня.

Обрядовъ при усыновленіи чужаго ребенка никакихъ не бываетъ, кромѣ развѣ того, что родныхъ ребенка подчуютъ виномъ. Если когда у мордвы захваривается ребенокъ, то его притворно продаютъ прохожему человеку или подаютъ въ окошко нищему, а онъ вноситъ его назадъ въ дверь, за что какъ первый, такъ и второй получаетъ кусокъ холста, или денегъ; это дѣлаетъ мать больнаго ребенка. Дѣти, прижитыя дочерью до замужества, называются тейтереней-эйкашъ.

Зять принятый въ домъ называется содамо-соватэнъ.

С вѣтъ ба. Лѣтъ 20, 25-ть тому назадъ браки у мордвы совершались большею частію по волѣ однимъ родителей; женихъ и невіста часто до самаго брака и не видѣли другъ друга, въ особенности, когда крали невісту изъ чужаго села. Бывало, какъ рассказываютъ жители, родители жениха, гдѣ нибудь въ ближнемъ селѣ заприимѣять дѣвицу, соберутъ своихъ родныхъ односельцевъ, или знакомыхъ, нѣсколько человекъ мужиковъ, вооружатся дубинами на случай нападенія со противной стороны и ѣдутъ въ это село красть невісту. Подкарауливъ еѣ гдѣ нибудь, хватаютъ, сажаютъ въ сани, или телегу и везутъ прямо въ церковь. Если въ это время увидятъ жители или родные съ невістиной стороны, то выбѣгаютъ отбивать невісту и между ними завязывается драка, которая обыкновенно кончается тѣмъ, что невісту все-таки увозятъ. Невіста при этомъ всѣми силами старается вырваться, но ее держатъ и растрепанную привозятъ прямо къ церкви, такъ какъ они впередъ, еще до кражи невісты, уведомляютъ церковно-служителей, что ѣдутъ красть невісту; здѣсь ее сначала уговариваютъ, а потомъ вѣщаютъ, часто даже не смотря на ея несогласіе. Едва только успѣютъ обвѣнчать, какъ съ невістиной стороны катитъ погоня, и тутъ-же у церкви происходитъ между обѣими сторонами драка, но видя что теперь подѣлать ужъ ничего нельзя, мало во

малу ширятся и идут гулять на свадьбу. Красть невесты здесь перестали не более чем 20-ти тому назад.

В настоящее же время браки у мордвы совершаются большей частью с согласия жениха и невесты.

Накануне свадьбы к невесте съезжаются родные и несут ей кто кашу горшок, кто лепешек; последние она прячет в коробки, а кашей подает родных и друзей. Когда друзьям навязаны, то невеста берет коштофь вина, каравай хлеба и идет с ними занимать «урвалынь-кудо», т. е. квартиру, на ней невеста находится в то время, когда за ней приезжает поезда. У жениха-же накануне свадьбы готовить «дубонь-кше», т. е. пирога. Пирог этого хлеба прѣсный, кладут в него десять разных начинок: луку, кашу и т. п. тесто всегда оладчатое, на верху пирога из теста же прикрепляют два голубя, означавших жениха с невестой, и посыпают маком, который действует, как они думают, от порчи. Затем приводят в избу «жеребца», т. е. бабу ряженую в оборот и колокольчики; другая баба за повод подводит жеребца к столу, к пирогу, подносят ему вина и он из рта спрыскивает вином пирога, который ставят в печь, а жеребец начинает лаять всех тут находящихся; жеребцом обыкновенно наряжают самых бойких баб. Когда пирог испечется, то его украшают разными цветами бумажками и лентами, а на верху ставят на пирога наряженную сосенку, с которой «кудла», т. е. свха, послѣ идет в церковь; потом пирог кладут на доску и четыре женщины за углы доски выносят его с песнями и пляской в амбар. Жениха впрягают гару лошадей и идет за «кудавой»; она привозит друзей невесты «орш-комь», оделяет ими друзей и начинает пѣть: «Невте-ка дубонь-кше, монени-вискишъ аволь-уль» и т. д. Потом собирают поѣзжань, всегда нечеть, поят их виномъ, кормят обѣдомъ и почемъ они идут «прягать» для поѣзда лошадей. Поѣзд отправляется к невесте рано поутру в день свадьбы; в немъ находятся близкіе родные, кроме отца и матери, покшъ-кула (друга) и кудла (свха). Когда поѣзд приезжает к невесте, то последней дома не бывает, а находится она на квартире; сюда по приезду приходят свха и дружка с пирогомъ и караваемъ хлеба, изъ собирают обѣдъ и они уходят; потомъ приезжают свои братья ее на своихъ лошадяхъ, сажают ее на сани и возят по всему селу; идет невеста стоя, плачет и со всеми прощается; затемъ братья ее привозят домой, снимают съ саней и сажают на подушку и за углы подушки вносят в избу, в косякахъ двери она упирается, но кое-какъ ее проталкиваютъ. В избу невеста начинает плакать и клести жениха; свха начинает пѣть: «Лисъ сто-лекше, сейке дѣть, пекъ пурдыкъ» и т. д. Потомъ женихъ вытаскает изъ за стола, берет невесту за руку и встаетъ рядомъ; невестина-же родня начинает дарить платками всехъ поѣзжань, а они на тарелку кладутъ коп. 2 отдаря. После этого жениха и невесту родители последней благославляютъ, а потомъ садятся на лошадей, женихъ вѣдетъ с невестой; женихъ правитъ лошадями, а невеста стоитъ; в это-же время кто-либо изъ родныхъ, близкихъ невесты запираетъ ворота; дружка даетъ денегъ и ворота отпираетъ; потомъ онъ-же три раза съ образомъ обходитъ вокругъ поѣзда и идетъ в церковь.

того грудь и подолъ вышиваются еще шерстями красной, черной, зеленой и др.; широкій узоръ на груди называется «мечь-пельць», а на подолѣ «видеть». 4) запонъ, шьется вмѣстѣ съ рукавами изъ купленной «французской» матеріи, къ подолу его пришивается оборка; внизу онъ все также отдѣливается лентами разныхъ цвѣтовъ. Опоясываютъ его краснымъ кушакомъ (стамечь-каркъсъ), 5) палгай, шьютъ также изъ своихъ матеріаловъ, изъ красныхъ и черныхъ шерстяныхъ нитокъ, сверху отдѣлываютъ его рядами бусами, пуговками, бисеромъ и тесьмой, 6) бѣлая рубашка, тоже шьется изъ тонкаго льняного холста; передъ сверху до низу, подолъ и рукава также вышиваются черной и красной шерстью.

Въ прежнее время, какъ говорятъ старики, женихъ нѣрѣдко былъ лѣтъ 12, 13-ти, а неvěста лѣтъ 20, 25-ти; въ настоящее время парней женятъ обыкновенной лѣтъ 18, 19-ти, а неvěста всегда бываетъ старше жениха, лѣтъ 20, 25-ти. Пгришъ дѣвочки начинаютъ водить лѣтъ съ 15-ти; большою частію бываетъ такъ, что съ кѣмъ играетъ, за того и выходитъ замужъ.

Отцовская родня называется обидямъ именемъ тятень-родня, а материна—авань-родня; внуцаты материнаго отца называютъ вецка-дѣдай, а мать—вечка-бабай; старинную родню, т. е. дѣдовъ и прадѣловъ, называютъ кезеръ-родня.

Обрядовъ при усыновленіи чужаго ребенка никакихъ не бываетъ, кромѣ развѣ того, что родныхъ ребенка подчуютъ виномъ. Если когда у мордвовъ захварываетъ ребенокъ, то его притворно продаютъ прохожему человѣку или подаютъ въ окошко нищему, а онъ вноситъ его назадъ въ дверь, за что какъ первый, такъ и второй получаетъ кусокъ холста, или денегъ; это дѣлаетъ мать больного ребенка. Дѣти, прижитыя дочерью до замужества, называются тейтереней-эйкашъ.

Зять принятый въ домъ называется содамо-совавтѣнъ.

Сватъ ба. Лѣтъ 20, 25-ть тому назадъ браки у мордвы совершались большою частію по волѣ однихъ родителей; женихъ и неvěста часто до самаго брака и не видали другъ друга, въ особенности, когда крали неvěсту изъ чужаго села. Бывало, какъ рассказываютъ жители, родители жениха, гдѣ нибудь въ ближнемъ селѣ запримѣтять дѣвицу, собирать своихъ родныхъ односельцевъ, или знакомыхъ, нѣсколько человѣкъ мужиковъ, вооружатся дубинами на случай нападенія со противной стороны и ѣдутъ въ это село красть неvěсту. Подкарауливъ ее гдѣ нибудь, хватаютъ, сажаютъ въ сани, или телегу и везутъ прямо въ церковь. Если въ это время увидятъ жителей или родные съ неvěстиной стороны, то выбѣгаютъ отбивать неvěсту и между ними завязывается драка, которая обыкновенно кончается тѣмъ, что неvěсту все-таки увозятъ. Неvěста при этомъ всѣми силами старается вырваться, но ее держатъ и растрепанную привозятъ прямо къ церкви, такъ какъ они впередъ, еще до кражи неvěсты, увѣдомляютъ церковно-служителей, что ѣдутъ красть неvěсту; здѣсь ее сначала уговариваютъ, а потомъ вѣнчаютъ, часто даже не смотря на ея несогласіе. Едва только успѣютъ обвѣнчать, какъ съ неvěстиной стороны катитъ погоня, и тутъ-же у церкви происходитъ между обѣими сторонами драка, но видя что теперь подѣлать ужъ ничего нельзя, мало по

малу ирятся и ѣдут гулять на свадьбу. Красть невестъ здѣсь перестали не болѣе дѣтъ 20-ти тому назадъ.

Въ настоящее же время браки у мордвы совершаются болѣею частію съ согласія жениха и невесты.

Наканунѣ сватъбы къ невестѣ сходятся родные и несутъ ей кто кашни горшокъ, кто лепешекъ; послѣдняя она прячетъ въ коробья, а кашей подучетъ родныхъ и дѣвицъ. Когда дѣвицы шѣлятся, то невеста беретъ поаштофъ вина, каравай хлѣба и ѣдетъ съ ними нанимать «урвалынь-кудо», т. е. квартиру. на ней невеста находится въ то время, когда за ней пріѣзжаетъ поѣздъ. У жениха-же наканунѣ сватъбы готовятъ «лувонь-кше», т. е. пирога. Пирогъ этого мѣсятъ прѣснѣмъ, кладутъ въ него десять разныхъ начинокъ: луку, кашни и т. п. тѣсто всегда одинашное, на верху пирога изъ тѣста-же прикрѣпляютъ два голубя, означающихъ жениха съ невестой, и посыпаютъ макомъ, который дѣиствуетъ, какъ они думаютъ, отъ порчи. Затѣмъ приводятъ въ избу «жеребца», т. е. бабу ряженую въ обротъ и колокольчики; другая баба за поводъ подводитъ жеребца къ столу, къ пирогу, подносятъ ему вина и онъ изо рта спрыскиваетъ виномъ пирога, который ставятъ въ печь, а жеребецъ начинаетъ дѣлать всѣхъ тутъ находящихся; жеребцомъ обыкновенно наряжаютъ самыхъ бойкихъ бабъ. Когда пирогъ испечется, то его украшаютъ разныхъ цвѣтовъ бумажками и лентами, а на верху ставятъ на пирога наряженную сосенку, съ которой «кудава», т. е. сваха, послѣ ѣдетъ въ церковь; потомъ пирога кладутъ на доску и четыре женщины за углы доски выносятъ его съ пѣснями и пляской въ амбаръ. Женихъ впрягаетъ гару лошадей и ѣдетъ за «кудавой»; она привозитъ дѣвицамъ невесты «сдобныхъ «ортш-коть», одѣляетъ ими дѣвицъ и начинаетъ пѣть: «Невте-ка лувонь-кше, монень-вискишъ зволь-уаль» и т. д. Потомъ собираютъ поѣзжанъ, всегда нечетъ, поятъ ихъ виномъ, кормятъ обѣдомъ и пожекъ они ѣдутъ впрягать для поѣзда лошадей. Поѣздъ отправляется къ невестѣ рано поутру въ день сватъбы; въ немъ находятся близкіе родные, крокъ огца и магери, покшы-муда (дружка) и кудава (сваха). Когда поѣздъ пріѣзжаетъ къ невестѣ, то послѣдней дома не бывлетъ, а находится она на квартирѣ; сюда по пріѣздѣ приходитъ сваха и дружка съ пирогомъ и караваемъ хлѣба. ихъ собираютъ обѣдъ и они уходятъ; потомъ пріѣзжаютъ сюда братья ея на своихъ лошадяхъ, сажавтъ ее на сани и возятъ по всему селу; ѣдетъ невеста стоя, плачетъ и со всѣми прощается; затѣмъ братья ее привозятъ домой, снимаютъ съ саней и сажавтъ на подушку и за углы подушки вносятъ въ избу, въ косякахъ двери она упирается, но кое-какъ ея проталкиваютъ. Въ избѣ невеста начинаетъ плакать и клясти жениха; сваха начинаетъ пѣть: «Лисъ сто-лекше, сейке дѣтъ, пекъ пур-дмкъ» и т. д. Потомъ женихъ вылезаетъ изъ за стола, беретъ невесту за руку и встаетъ рядомъ; невестина-же родня начинаетъ дарить платками всѣхъ поѣзжанъ, а они на тарелку кладутъ коп. 2 отдарья. Послѣ этого жениха и невесту родители послѣдней благословляютъ, а потомъ садятся на лошадей, женихъ виѣстѣ съ невестой; женихъ правитъ лошадьми, а невеста стоитъ; въ это-же время кто-либо изъ родныхъ, близкихъ невесты запираетъ ворота; дружка даетъ денегъ и ворота отпираетъ; потомъ онъ-же три раза съ образомъ обходитъ вокругъ поѣзда и ѣдутъ въ церковь.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Этнографическое обозрѣніе. 1893. Кн. I, II.

Изъ статей помѣщенныхъ въ двухъ первыхъ №№ «Э. О.» къ этнографіи В. Россіи относятся «Салары» Э. Поляркова и В. Ладыгина, «Тема объ устѣнной головѣ въ степи» Г. Н. Потанина «Киргизская легенда о веретенѣ, превратившемся въ гору» (№ 1), «Сахалинскіе Гиляки» Л. Штернберга и «Повѣсть о Басаргѣ» Г. Н. Потанина (№ 2). Г. г. Полярковъ и Ладыгинъ предлагаютъ въ своей статьѣ данныя по этнографіи маленькаго племени, заброшеннаго въ горахъ китайской провинціи Ханьсу. Интересъ, который возбуждаетъ это племя у этнографовъ, обуславливается тѣмъ, что Салары считаются потомками Уйгуровъ, населившихъ некогда прибайкальскій край и прилегающія мѣстности Монголіи. Г. Ладыгинъ записалъ нѣкоторое количество саларскихъ словъ и пришелъ на основаніи ихъ къ убѣжденію, что Салары, несомнѣнно, тюркское племя. Наъ свѣдѣній о бытѣ саларовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія длинна, рисующія роль ахуновъ. Семья саларовъ построена на патриархальномъ началѣ: отецъ имѣетъ право убить непокорнаго сына, мужъ невѣрную или непослушную жену (въ послѣднемъ случаѣ впрочемъ онъ даетъ небольшое вознагражденіе ея родителям); жена, убившая мужа, по приговору ахуновъ сбрасывается въ рѣку; тотъ-же приговоръ ждетъ ее, если она неоднократно была уличена въ прелюбодѣііи и мужъ отдалъ ее на судъ ахуновъ. Живо и стройно написанный очеркъ г. Штернберга о Гилякахъ представляютъ собою цѣнное дополненіе къ существующей небогатой литературѣ объ этомъ племени. Въ построеніи очерка видна печать школы, которая начинаетъ выработываться въ Москвѣ, не смотря на то, что этнографія не имѣетъ еще у насъ официального признанія и мѣста въ ряду предметовъ университетскаго преподаванія. Характерной особенностью школы является преобладающій интересъ къ общественнымъ отношеніямъ и ихъ эволюціи.

Какъ и всѣ русскіе этнографы, г. Штернберъ сравнительно мало обращаетъ вниманія на внѣшній бытъ народа—на его постройки, костюмъ, орудія труда. Область «матеріальной этнографіи», въ которой съ такимъ успѣхомъ работаютъ нѣмецкіе и скандинавскіе этнографы только въ самое послѣднее

ски, такъ напротивъ, они заводятъ самовары, а у которыхъ нѣтъ ихъ то кипятятъ воду въ чугунахъ; дѣлаютъ въ домахъ особенныя чистыя комнаты, нѣкоторые обиваютъ ихъ даже обоями; начиняютъ заводить одежду, положую на русскую и даже родятся съ русскими. Нѣкоторые богатые жители берутъ русскихъ женъ и платятъ большую кадку, рублей до 80-ти деньгами, виномъ и одеждой. Русскіе жители ходятъ къ мордвѣмъ и мордва къ русскимъ, но только взрослые, а парни и дѣвчонки вовсе мало сообщаются. На игрища другъ къ другу не ходятъ. Бываютъ случаи что и русскіе берутъ женъ у мордвы, но въ рѣдкихъ случаяхъ. Во время волостныхъ сходовъ русскіе и мордва пользуются одинаковыми правами, но всетаки платятъ въ своихъ мѣстностяхъ за инородческими большинствомъ. Въ волостные суды и старшинами попадаютъ тѣ и другіе; судятъ же какъ тѣ, такъ и другіе безпристрастно.

С. Шанцевъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Этнографическое обозрѣніе. 1893. Кн. I, II.

Изъ статей помѣщенныхъ въ двухъ первыхъ №№ «Э. О.» къ этнографіи В. Россіи относятся «Салары» Э. Пояркова и В. Ладыгина, «Тема объ утѣченной головѣ въ степи» Г. Н. Потанина «Киргизская легенда о веретѣнѣ, превратившемся въ гору» (№ 1), «Сахалинскіе Гиляки» Л. Штернберга и «Повѣсть о Басаргѣ» Г. Н. Потанина (№ 2). Г. г. Поярковъ и Ладыгинъ предлагаютъ въ своей статьѣ данныя по этнографіи маленькаго племени, заброшеннаго въ горахъ китайской провинціи Ханьсу. Интересъ, который возбуждаетъ это племя у этнографовъ, обуславливается тѣмъ, что Салары считаются потомками Уйгуровъ, населъвшихъ некогда при-Байкальскій край и прилегающія мѣстности Монголіи. Г. Ладыгинъ записалъ нѣкоторое количество саларскихъ словъ и пришелъ на основаніи ихъ къ убѣжденію, что Салары, несомнѣнно, тюркское племя. Назъ свѣдѣній о бытѣ саларовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія данныя, рисующія роль ахуновъ. Семьи саларовъ построены на патриархальномъ началѣ: отецъ имѣетъ право убить непокорнаго сына, мужъ невѣрную или непослушную жену (въ послѣднемъ случаѣ впрочемъ онъ даетъ небольшое вознагражденіе ея родителям); жена, убившая мужа, по приговору ахуновъ сбрасывается въ рѣку; тотъ-же приговоръ ждетъ ее, если она неоднократно была уличена въ прелюбодѣяніи и мужъ отдаетъ ее на судъ ахуновъ. Живо и стройно написанный очеркъ г. Штернберга о Гилякахъ представляютъ собою цѣнное дополненіе къ существующей небогатаго литературѣ объ этомъ племени. Въ построеніи очерка видна печать школы, которая начинается вырабатываться въ Москвѣ, не смотря на то, что этнографія не имѣетъ еще у насъ официального признанія и мѣста въ ряду предметовъ университетскаго преподаванія. Характерной особенностью школы является преобладающій интересъ къ общественнымъ отношеніямъ и ихъ эволюціи.

Какъ и всѣ русскіе этнографы, г. Штернберъ сравнительно мало обращаетъ вниманія на внѣшній бытъ народа—на его постройки, костюмъ, орудія труда. Область «матеріальной этнографіи», въ которой съ такимъ успѣхомъ работаютъ нѣмецкіе и скандинавскіе этнографы только въ самое послѣднее

время начинать привлекать наше внимание — и то главным образом воле влияния запросов, которые возникают со стороны развивающейся археологии. С этой стороны подходить к итшшему быту гиляков и г. Штернберга. Говоря о той ступени, на которой остановилось самостоятельное творчество гиляков, г. Штернберга пользуется преданиями и переживаниями в обрядах: он отмечает первобытный способ добывания огня (трением) при сожигании умерших, предания о временах, когда воду кипятили в деревянных корытах, бросая туда раскаленные камни, и обливали глиной деревянную посуду, чтобы иметь возможность варить в ней пищу (за неимением приготовить глиняную посуду). Но жилища г. Штернберга касаются только с точки зрения тех юридических отношений, которые имеют место между его обитателями и почти ничего не говорит о его формах и устройстве.

Семейно-общественные отношения г. Штернберга, как и следует, обрисовывает, исходя из мысли, что в современном строе этих отношений можно найти следы былых, пережитых ступеней развития. Анализируя лексику общественных отношений и различные обряды, он приходит к заключению, что современному индивидуализму браку предшествовал родовой брак, формы которого приближаются к т. н. «Punulua-family» (наях = punulua = компаньон, пайщик). Гиляк употребляет одно и то же слово для обозначения отца, его братьев и мужей сестер своей матери; матери, жен братьев отца, сестер своей матери. Этой терминологии соответствуют переживания старого строя: «я теперь каждый гиляк имеет супружеские права на жену своих братьев всех степеней родства и на сестер своей жены». Попутно с характеристикой современных родовых отношений автор разъясняет смысл «праздника медведя»: это родовой праздник в честь дшшего (паль-нивах) и медведь является в нем жертвой, а не чествуемым божеством. В главе, посвященной религиозным вѣрованиям, г. Штернберга отмечает антропоморфизм гиляцких представлений о божестве: каждая стихия, каждый элемент природы имеет своего «хозяина» (кур-нивах), который оказывается совершенным гиляком по виду. Как сами гиляки, эти кур-нивахы плодятся и умирают. Жертвы гиляков имеют ту особенность, что они не должны состоять из тех предметов, за которые приносятся. Усопшие у гиляков сожигаются, но можно думать, что раньше покойники оставались в той юрте, в которой умер, и семья перебиралась в новое жилье. На это намекают некоторые особенности погребального обряда: утопленника сожигают на берегу моря, но семья строит себе новую юрту; в миниатюрной юрте помещается вообще прах сожженного и рядом жертвенные приношения; задушенный медведь погребается вместе с группой этого послѣднего в обширном балганѣ с небольшими отверстиями для помещенія корытцев с жертвоприношениями.

В главе «юридический быт» особенного внимания заслуживает характеристика гиляцких возвратов на собственность. Гиляки крайне строги в своих правах на те рѣчки, по которым они ставят свои пелан и до-

вѣшки. Всѣ рѣчки территории селенія распределены развѣ навсѣгда между семьями того рода, который впервые поселился близъ этихъ рѣчекъ и пользовался ими, и эти рѣчки, ихъ притоки и отдѣльныя протяженія ихъ переходятъ по наследству... Это отношеніе гиляковъ къ рѣчкамъ слѣдуетъ имѣть въ виду, какъ аналогію, при изслѣдованіи быта тѣхъ народовъ, на территории которыхъ встрѣчаются названія текущихъ волю составленныя изъ нарицательнаго имени «рѣчка» съ личными именами.

Труды Рязанской Архивной Комиссіи. Т. VII, № 9. 1892.
Дневникъ раскопокъ Борковского могильника. Рязань.
1893.

№ 9 № «Трудовъ» помѣщенъ отчетъ за 1892 г., который заключаетъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ данныхъ относительно изслѣдованія мѣстныхъ древностей. Въ отчетномъ году произведены были обстоятельныя раскопки могильника при дер. Боркахъ въ 2-хъ верстахъ отъ Рязани. Разрыто было 111 могилъ, изъ которыхъ добыто 1300 нѣмнѣ разнообразныхъ предметовъ. Резюмируя результаты этихъ раскопокъ, составитель отчета заключаетъ: «могильникъ по способу погребенія и найденныхъ (sic!) въ нихъ предметовъ (sic!) принадлежитъ къ одному типу съ могильникомъ Курманскимъ... Старо-Рязанскимъ». На основаніи сопоставленія добытыхъ здѣсь вещей съ найденными въ другихъ мѣстахъ авторъ отчета устанавливаетъ «родственные признаки населенія (sic!) Борковского могильника съ нѣкоторыми литовскими, западно-славянскими, а также съ катаксамскими могильникомъ что въ Осетин, изслѣдованнымъ проф. Самковасовымъ». «Есть также, читася имъ далѣе, признаки общія съ могильниками Тамбовской губерніи, изслѣдованными Спичнымъ». «Что касается времени, къ которому относится могильникъ, то его можно приурочивать къ двумъ эпохамъ: древнѣйшей, можетъ быть съ VI в. и позднѣйшей—VIII—IX». Изъ «Дневника раскопокъ» не видно однако, чѣмъ руководствовался въ своихъ соображеніяхъ относительно времени происхожденія могилъ авторъ отчета.

Ни отчетъ, ни дневникъ не даютъ никакихъ выводовъ, къ которымъ могло-бы привести изслѣдованіе обширной площади съ 111 могилами и остатками глинобитныхъ печей. Читатель самъ долженъ резюмировать впечатлѣнія, оставшіяся у него послѣ прочтенія того и другого. Позволяя себѣ подобную попытку, мы считася необходимымъ прежде всего обратить вниманіе читателей на то, что площадь могильника такъ или иначе утилизовалась человекомъ въ теченіе очень продолжительнаго времени. На глубинѣ 3-хъ вершковъ изслѣдователи обнаружили почвенный слой темнаго цвѣта (толщиной отъ 6 до 16 верш.), въ которомъ оказалось значительное количество черепковъ и мелкихъ углей и рядомъ различныя находки. Въ числѣ находокъ на площади могильника упоминаются кремневыя и костяныя орудія (скребки, стрѣлы, ножи, иглы, шила), которыя отсутствуютъ въ могилахъ. Рядомъ съ ними на различной глубинѣ встрѣчались предметы позднѣйшихъ эпохъ, начиная отъ бронзовыхъ украшеній того-же типа, что и въ могилахъ, и кончая

железными ножищами совать уже не далекого от нас времени. В этом же слое исследователи встретили остатки глинобитных печей; в одном из случаев это были только основания их, в других ступки и свозы. Сравнительно позднее происхождение их очевидно из того, что они находились на поверхности слоя, который на глубине от 10 верш. до 2 арш. заключал в себя следы пребывания человека—черепки горшкова, кости рыбы и животных (№ 10—стр. 4, № 100—стр. 22) и встречаются спорадически среди могил. Допустить, что эти печи современны могильнику трудно; кааибже достояние мертвых и живые старается всюду держаться от них в отдалении.

Кроме остатков печей на площади могильника обнаружены кострища различных размеров. О времени, к которому относятся они, можно судить по тому, что в них были найдены раковины сурьез топота, каменные бусы, кремневые стрѣлки и ножи, костяные орудия, и медки бронзовые, вещицы; все перечисленные предметы, конечно, не бросались в огонь, а находились в той почве, на которой они разводились; стало быть, костри относятся уже к значительно позднему времени и для характеристики погребального обряда не могут иметь значения. Из того обстоятельства, что на площади могильника обнаружены были пространства, наполненные углями, шлаками, костями и черепками, можно заключить, что площадь могильника была позднее занята поселком, который погиб от пожара.

Для определения народности, которой мог принадлежать могильник, материалами могут служить погребальный обряд и предметы бытовой обстановки. Исследователи, как в Лядицком могильнике, отмечают два способа погребения: трупосожжение и собственно погребение; как и в Лядицком, трупосожжение представляет сравнительно редкое явление (ср. 111). О том, как оно производилось, по данным «Дневника» нельзя составить понятия: здесь констатируется только то, что в некоторых могилах найдены были жжены кости. Что касается погребения, то есть основания думать, что труп опускался в могилу завернутый в бересту: в одной могиле это совершенно ясно, в большей части береста ушла при metallических украшениях (авторы дневника думают, что в ушедшие куски бересты, или дуба, как они обыкновенно говорят, украшения были завернуты). Относительно положения тела в могиле определенного порядка не замечается: головы обращены и на СЗ, и на СВ, лицами обращены и в верх и в позернуты. Горшки встречаются и в головах и в ногах. Что касается до бытовых указаний, то они довольно содержательны.

Значительное разнообразие оружия, встречающегося при костях говорит за то, что могильник принадлежал воинственному племеню: тут встречаются мечи, копья, дротики, ножи, боевые топоры—рѣже стрѣлы. В костюме заслуживает внимания то обстоятельство, что мужчинам носили на шею гривны, а на руках браслеты; при отдельных скелетах были обнаружены в небольшом количестве бусы (?). Какой народности принадлежал могильник? Если при ответе на этот вопрос руководствоваться принадлежностями костюма, то мы не имеем оснований исключать из числа на-

родностей, которымъ могъ принадлежать могильникъ и древнѣйшее русско-славянское населеніе княжества: гривны и обручи носили русскіе знатные люди и богатые люди уже въ историческую пору.

Интересную новость въ области археологіи Рязанскаго края представляетъ собой извѣстіе, что близъ с. Пальнаго не подалеку отъ Оки въ 35 верстахъ отъ Рязани работами по сооруженію Ряз. Каз. жел. дороги обнаруженъ могильникъ, содержаніе котораго представляется тождественнымъ съ содержащимъ Курманскаго и Борковскаго могильниковъ.

Отчетъ Императорской Археологической Комиссіи за 1890. Спб. 1892.

Въ отчетѣ за 1890 г. мы находимъ рядъ сообщеній о раскопкахъ въ В. Россіи: Н. П. Лихачева близъ Казани, А. В. Адрианова близъ села Новоселова въ Минусинскомъ округѣ и въ Уйбатской степи, г. Панитусова въ Семирѣченской области, г. Каля въ Сурь-Дарьинской. Г. Лихачевъ не нашелъ ничего на холмѣ, гдѣ весной этого года было случайно обнаружено два погребенія съ вещами т. н. чудскаго типа. Раскопки г. Адрианова дали болѣе удовлетворительные результаты. Въ одномъ изъ кургановъ Новоселова онъ нашелъ при костякѣ неполной сохранности мѣдный ножъ, мѣдную булаву, полусферическую мѣдную бляху и каменную бусу, вадѣту на тонкую мѣдную трубочку. Въ Уйбатской степи г. Адриановъ остановилъ свое вниманіе на могильникѣ Чаа-Таласъ. Въ западной части этого могильника находится большой курганъ, раскопкой котораго г. Клеменцъ занимался въ теченіе двухъ лѣтнихъ экскурсій. Раскопка показала, что курганъ расхищенъ и исследователю пришлось удовольствоваться восстановленіемъ погребальнаго обряда. Обрядъ этотъ представляется г. Клеменцу въ слѣдующемъ видѣ: «въ материкѣ была выкопана глубокая яма 3', и 2', сж. въ основаніи, дно ея выстлано обрубками дерева и прикрыто берестой, на которую было поставлено нѣсколько гробовъ изъ плети, а вблизи помѣщено нѣсколько другихъ человѣческихъ труповъ... Сверху трупы были прикрыты берестой, хворостомъ... а надъ всѣмъ этимъ была раскинута огромная берестяная юрта, опиравшаяся на столбы и подпорки и имѣвшая два купола. Береста залегала слоями около фута толщины... Между куполами найдена полоса мелкаго угля и рыхлой обуглившейся гелии... Могила въ какой-то моментъ погребенія была зажжена и огонь отъ нея проникъ почти во всѣ части насыпи... На одномъ изъ склоновъ крты обнаружены остатки костра, состоявшаго изъ ряда поленьевъ, сложенныхъ въ кѣтку, и покрытаго берестой. Здѣсь между углями попадались листочки золота, остатки стертыхъ вещей...» Къ характернымъ особенностямъ погребальнаго ритуала слѣдуетъ отнести еще глиняныя маски, которыя въ сирой видѣ накладывались на трупъ. Г. Клеменцу попалась нижняя часть такой маски съ остатками верхней челюсти.

Погребальный обрядъ—въ томъ видѣ, какъ онъ восстанавливается г. Клеменцемъ—очень интересенъ и можно пожелать, чтобы Комиссія поскорѣе выпустила подробный отчетъ исследователя, изъ котораго видны будутъ

основания его реставрации. Раскопки г. Кала вызваны были обильными находками, которыми сопровождался самовольный раскопки киргизовъ въ Аулисатинской уѣздѣ на Ю. склонѣ Малаго Бурула. Г. Кала констатировала присутствіе здѣсь обширнаго каадыша и собралъ свѣдѣнія о добытыхъ съ него вещахъ—ожерельяхъ и украшенияхъ изъ золота и серебра, оружіи, мѣдныхъ поясныхъ бляхахъ, зеркалахъ, чашахъ, бляхахъ. Собственные раскопки его дали, однако, отрицательные результаты. Никакихъ находокъ не было найдено и при обследованіи одной изъ башенъ, разбросанныхъ по возвышеннымъ точкамъ Бурула. Раскопки одного кургана въ мѣстности Джиты—типа показали, что этотъ курганъ былъ уже ранѣе разграбленъ.

Профессоръ В. А. Жуковский изслѣдовать въ отчетномъ году раскопками Старога Мерва и другія интересныя въ историко-археологическомъ отношеніи мѣстности края. Монильниковъ древняго населенія края ему изслѣдовать не пришлось, но ему удалось приобрести нѣсколько бронзовыхъ предметовъ (наконечникъ копья, кольцо изъ согнутой спиралью проволоки, 4 медные наконечника стрѣлъ), добытыхъ изъ могилы съ урочища «Гаур-Кабаристари» («каадыше невтримхъ»); вещи найдены были при покойникѣ, который находился въ сидячемъ положеніи въ могилѣ, которая была прикрыта громадной плитой.

Въ отчетѣ за 1889 г. помѣщена извѣстія о раскопкахъ проф. Петри въ Тургайской области и въ Оренбургской губерніи, Пантусова въ Семирѣчьи и Д. А. Клеменца и А. В. Адрианова въ Сибири (1-й въ Уйбату, 2-й въ окрестностяхъ Томска).

Изслѣдованный г. Адриановымъ и С. К. Кузнецовымъ Томскій могильникъ представляеть по своему содержанію значительный интересъ: здѣсь оказалось весьма значительное количество бронзовыхъ орудіи и украшеній. Къ сожалѣнію на два существеннѣйшихъ вопроса, которые ставитъ археологъ при изслѣдованіи могильника—о формѣ погребенія и значеніи находящихся при костяхъ вещей—Томскія могилы не даютъ отвѣта. На всей площади могильника не оказалось ни одного цѣльнаго скелета, кости и вещи перебиты и сдвинуты съ своихъ мѣстъ постепеннымъ опезаніемъ слоя, въ которомъ происходило погребеніе. Г. Адриановъ дѣлаетъ, впрочемъ, нѣсколько догадокъ на этотъ счетъ. Кости по его мнѣнію, лежали въ направленіи съ Ю. (голл.) на С. (ноги) такое заключеніе онъ дѣлаетъ изъ положенія ногъ въ тѣхъ могилахъ, гдѣ онѣ лежали параллельно и гдѣ въ одномъ направленіи съ ними лежали колья, кинжалы и пр. Рядомъ съ погребеніемъ трупа на могильникѣ имѣло мѣсто трупосоженіе: г. Адрианову встрѣчались кострища съ лежащими на нихъ костями лошади или отдѣльными костями и другихъ животныхъ. Это послѣднее соображеніе намъ кажется нѣсколько рискованнымъ. Животныя кости животныхъ при отсутствіи таковыхъ-же человѣческихъ не могутъ служить достаточными доказательствами трупосоженія: онѣ могли явиться остаткомъ поминальныхъ жертвоприношеній и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія изслѣдователя; жертвы указываютъ на культуру народа и до известной степени на его этнографическія отноше-

них могильникъ могъ скорѣ принадлежать одному изъ кочевыхъ тюркскихъ племенъ, чѣмъ завроловамъ-финнамъ.

Что касается вещей, добытыхъ на могильникѣ, то онѣ по матеріалу дѣлятся на три крупныя категоріи: 1) каменные, 2) бронзовыя и 3) желѣзныя. Каменные орудія найдены отдѣльно отъ бронзовыхъ группами и кучками прямо на материкѣ: бронзовыя при скелетахъ; желѣзныя за пределами главнаго мѣста погребенія вмѣстѣ съ бронзовыми бляхами и шпорами чуждаго типа. Редакція отчета не безъ основанія предполагаетъ, что всѣ эти три категоріи относятся къ разнымъ эпохамъ. Положеніе каменныхъ орудій на территоріи могильника позволяетъ сдѣлать догадку, что они представляютъ собою остатки столь обыкновеннаго у инородцевъ Восточной Россіи и д. л. з. е. н. а. г. о. погребенія. Желѣзныя вещи могли принадлежать чуждой культурѣ. Въ 1889 г. Адриановъ производилъ изслѣдованіе маленькаго городища на правомъ берегу Тоши неподалеку отъ могильника. На этомъ городищѣ ему удалось обнаружить трупосоженіе. Судя по незначительной глубинѣ, на которой былъ обнаруженъ обуглившійся косякъ, (25 ст.), нужно думать, что трупъ сожигался на поверхности и не забрасывался послѣ сожиганія землей. При другихъ косякахъ г. Адриановъ находилъ косячныя стрѣлки и желѣзныя орудія. Редакція отчета совершенно основательно относитъ эти погребенія къ позднѣйшей эпохѣ. Изъ бронзовыхъ орудій былъ найденъ здѣсь кельтъ, но въ связи съ обнаруженными косяками.

Матеріалы для статистики Вятской губерніи. Ч. VII. Сарапульскій уѣздъ. Вятка. 1892.

Дополненіе Сарапульскому и Глазовскому уѣздамъ VII и VIII тт. «Матеріаловъ по статистикѣ Вятской губерніи» заключаютъ въ себѣ, подобно предшествовавшимъ томамъ, рядъ цѣнныхъ данныхъ, которыми можетъ воспользоваться этнографъ и археологъ. Статистическія свѣдѣнія относительно отдѣльныхъ деревень заключаютъ въ себѣ, рядомъ съ экономическими указаніями, указанія на этнографическій составъ населенія, на числовое отношеніе въ смѣшанныхъ селеніяхъ. Эти указанія даютъ картину распредѣленія русскаго элемента въ край, показываютъ степень нивѣшняго смѣшенія его съ туземно-татарскимъ и позволяютъ дѣлать заключенія о будущемъ, которое раскрывается предъ нами послѣднимъ, о большей или меньшей скорости его обрусенія. Особенный интересъ для археолога и этнографа представляютъ приложения къ 2-й ч. VII т. «Краткія описанія селеній Сарапульскаго уѣзда». Описаніе ведется по волостямъ, которыя идутъ въ алфавитномъ порядкѣ. Относительно каждаго селенія земскіе статистики считали необходимымъ отмѣтить, кѣмъ оно населено, когда основано, откуда пришли первые поселенцы, какіе памятники старины (городища, древнія кладбища) находятся около него, какія находки встрѣчались на поляхъ селенія, какіе древніе документы находятся въ рукахъ жителей.

Въ направленіи изслѣдованія видѣнъ планъ, которымъ не мѣшало-бы воспользоваться другимъ земскимъ предшественникамъ. Въ результатѣ такого

опроса цѣлаго уѣзда получила цѣпная книжка въ 180 стр. гр. 8 чрезвычайно убористой печати. Редакція «Матеріаловъ» присоединила ее къ VII т. въ качествѣ приложения и сдѣлала, по нашему мнѣнію, ошибку. Лучше было-бы выпустить ее на тѣхъ-же правахъ приложения отдельной книжкой и пустить въ продажу отдельно отъ VII т. Такое изданіе было-бы первымъ въ своемъ родѣ, могло-бы вызвать подражанія и разошлось-бы, хотя не очень быстро, конечно, окупивъ расходы на его изданіе. Книжку съ отдельнымъ и сразу привлекающимъ вниманіе заглавіемъ приобрѣли-бы всѣ, интересующіеся археологіей, этнографіей и исторіей края. Она нашла-бы себѣ мѣсто и на столѣ сельскаго священника или учителя и за предѣлами Вятскаго края—въ столицахъ, въ Финляндіи, въ Венгріи—всюду, гдѣ интересуются ея первоначальными насельниками. Въ настоящемъ видѣ она закрыта съ своей публики: кто подумаетъ, что такое приложение итеть мѣсто при статистическомъ изданіи? Знающихъ же можетъ остановить цѣнность VII т. Было-бы очень желательно, чтобы Вятское Губернское Земство въ видѣ опыта выпустило подобные же матеріалы по Глазовскому и Слободскому уѣздамъ отдельно, какъ приложение къ соответствующимъ томамъ своего изданія. Можно съ увѣренностью сказать, что въ убытокъ оно не останется.—Обращаемся къ содержанію «Краткихъ свѣдѣній».

Въ ряду указаній на памятники доисторическаго прошлаго уѣзда первое мѣсто занимаютъ разсѣянныя по всей книгѣ указанія на городища. Древнія укрѣпленія Сарапульскаго уѣзда изслѣдованы и описаны А. А. Спицинымъ въ его новѣйшемъ трудѣ «Матеріалы по археологіи Вятской губерніи». Изданіе Вятскаго Земства даетъ рядъ новыхъ пунктовъ, хотя по странной случайности не заключаетъ въ себѣ извѣстій о пунктахъ, открытых уже ранѣе г. Спицинымъ.

Если этотъ пробѣлъ—дѣло авторовъ записей или редакціи, желавшихъ дать только новыя свѣдѣнія, то объ этомъ можно только пожалѣть. Въ числѣ новыхъ, не упоминаемыхъ въ книгѣ г. Спицина, городища находятся: городища въ Арзамасцевской вол. при д. Черновой, въ Галазовской вол. при д. Цигвинцово (Чиганы), въ Липевской вол. при поч. Добровинѣ, при с. Кельчинѣ, при д. Большой Ковартъ, при д. Малые Ковари, въ Мазунинской вол. при с. Тарасовѣ, въ Нечкинской вол. при поч. Головиновѣ (Казьяновѣ), въ Полозовской вол. при дер. Лисей, въ Свѣтлинскомъ вол. при д. Кокутѣ, въ Сосновской вол. при поч. Патурскомъ (Верхъ Малая Беатемиръ-Пурга), въ Тойкинской вол. при дер. Жаревой.

Относительно находокъ извлекаемыхъ изъ книги свѣдѣніи свѣдѣніи: въ Арзамасцевской вол. въ поляхъ дер. Колесовой (Буторичи) крестьяне находили довольно массивныя и тѣмныя бляхи съ отверстіемъ по срединѣ (=Пьянобор.); въ Галазовской вол. въ поляхъ села Большая Калашни указываютъ ямы (глубиной до 1¹/₂ саж.), около которыхъ находили ковши, молотки, и тѣмныя бляхи съ отверстіемъ по срединѣ и зубцами по краямъ (=Пьян.); въ окрестностяхъ села Галазово, дер. Кулево, Кухтинской, Пестеревой, Суларевской, Трошковой, Цигвинцова, также находили древнюю посуду, украшенія, оружіе, украшенія сбруи; въ Гольяновской вол. въ селѣ

Гольяных находили ислкія серебряныя монеты эллиптической формы, въ Липовской вол. въ дер. Большая Кивара одинъ крестьянинъ изшелъ иѣдную вещь на подобіе сабли; въ Мазунинской вол. близъ села Мазунина имѣются ложки камня, гдѣ находятъ много человѣческихъ скелетовъ перѣдко съ металлическими украшениями на рукахъ и на шеѣ, въ поляхъ починка Большой Хамстовъ (дер. Савинки) выпаливали какія-то иѣдныя копьеца (у одного домохозяина до сихъ поръ хранится старинный иѣдникъ клинокъ, пустой внутри, повидимому наконечникъ копья); въ Мостовинской вол. на мѣстахъ древнихъ «татарскихъ» поселеній близъ д. Глухова находили серебряныя монеты клино-образной формы, въ окрестностяхъ поч. Сѣвернаго замѣтно что-то въ родѣ могилъ съ остатками костей; въ Сарapulьской вол. при дер. Деятовой при раскопкѣ двухъ кургановъ находили въ большомъ количествѣ серебряныя трехъугольныя деньги и другія вещицы; такія-же монеты вмѣстѣ съ иѣдными серьгами, браслетами, иѣпочками, обломками отъ иѣдныхъ котловъ находили въ «татарской ямѣ» среди дер. Мигрошиной (Паньковои); въ той-же волости близъ поч. Юшкова при раскопкѣ кургана («Чуишша») крестьяне находили головешки, угли и обломки глинной посуды; въ Свѣтлянской вол. при дер. Аришоны, Кокуй, при поч. Романовскомъ и дер. Черной находили чудскіе топорыки; въ Тойкинской вол. близъ д. Жареной находили «чудскія деньги»; въ Тыловайской вол. въ поч. Ужешуръ найдены были «татарскія» монеты XI—XII в. (?); въ Чегандинской вол. въ поляхъ поч. Бочкарева (дер. Маркова) при пашнѣ находили большія иѣдныя бляхи, въ видѣ чайныхъ блюдечекъ, съ дырочками посрединѣ; здѣсь же нашли иѣдную конусообразную «кастрюлю», украшенную иѣдными трехъугольными бляхами и голубыми камешками, при распахивѣ полей д. Большой Нургины находили иѣдную посуду; въ Шарканской вол. по дорогѣ изъ Сосновки въ Шарканы найдено было бронзовое копье, на Нурганѣ иѣдныя котлы, замок колесомъ и серебряная монета съ арабской надписью; въ Юринской вол. въ с. Пальдебикѣ была найдена желѣзная сабля съ иѣдной ручкой.

Для историковъ края цѣнны указанія на существованіе у жителей иѣкоторыхъ селеній главнымъ образомъ башкирскихъ древнихъ актовъ: въ Чегандинской вол. въ д. Усакаѣ имѣется актъ 1723 г., которымъ Башкиры Исенбаевы уступали землю Черемисамъ-тептярямъ, въ Кіясовской вол. въ починкѣ Ярумсовѣ у крестьянъ имѣется грамота выданная въ 1733 г. воеводой С. В. Головиннымъ жившимъ здѣсь чувашамъ на владѣніе двумя ясаками и полужаскомъ; въ Исенбаевской вол. у муллъ башкирской дер. Деятерна находятся копии съ грамотъ Михаила Осодоровича и Петра В; того-же времени грамоты имѣются у башкиръ дер. Исенбай (Ялакось), у тептярей дер. Утегановы сохранились копии и подлинныя грамоты Ивана Грознаго, Бориса Годунова, Петра В. и Анны Ивановны.

Исследователь Башкиръ, Вотяковъ и Черепинъ находятъ въ «краткихъ свѣдѣніяхъ» массу указаній на памятники языческой старини Вотяковъ, хотя и очень недавней. Языческія кладбища встрѣчаются въ волостяхъ Бурановской (при вотчинѣ дд. Банситовой, Аксагурѣ, Б. Кечевѣ, с. Козмодемьян-

скомъ), Дебесской (при вост. д. Б. Лезга, Верхня Пихта), Завьяловской (вост. при д. Каменной и Стар. Чультеп), Эвинской (вост. «Шайсеръ» при д. Смльшуръ), Кіясковской (чер. при с.с. Кіясовъ и Даниловъ), Илги-Живинской (вост. при д.д. Сягъ-Зюмь, Жужгелъ-Пельга, Кечгуртъ, Вишуръ, Норшуръ-Вамь, Булай-Зюмь, Парсъ-Гуртъ, Шуничъ-Зюмь), Нургинской (вост. при д.д. Гожна, М. Пурга, Куртумъ-Норья), Саранульской (башк. при д. Шевряловъ), Сосногской (вост. при д.д. Кыква или Выжон-вожъ «Шай-Гурель», Идыгронъ, Шабала, Вуко-Гуртъ, Кіон-Гопъ, Бектемиръ-Пурга, Муверъ, Ныршуръ, Сосновка, Бызиново, Суроньская, Кайсо-Гуртъ), Тылвалісской (вост. при д. Зяногуртъ и Уинвой, тат. при вост. Богдановскомъ), Чугырской (при д. Деревоза, Правая Кушья, Нязъ-Ворин), Шаранской (вост. при д. Бакинской, Бигинской-Кыква, Биги, Ляльшуръ, Шарканъ, Куртум-ван, Гальяровъ), Якшуръ-Болмынской (вост. д. Норва и Сурровой-Узинская), Старинная клдбиджа неопредѣленнаго происхожденія указывается въ Старо-Велмынской вол. при д. Чужьяль и Юринской при д. Старой Поповкѣ.

2. Саирскѣ.

Ignacy Radliński. Słowniki narzeczy ludów Kameczackich. I. Słownik narzecza Ainow, zamieszkujących wyspę Szumszu w tańcuchu Kurylskim przy Kameczatce ze zbiorów Prof. B. Dybowskiego. Krakow 1891. 1—67. (Osobne odbicie z tomu XVI Rozpraw Wydziału filologicznego Akademii Umiejętności w Krakowie pp. 53—119).

Аины могутъ считать себя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе счастливыми, чѣмъ другія народности, населяющія восточную Азію и прилежащія острова. Находясь на очень низкой степени культуры и отличаясь особымъ внѣшнимъ видомъ сравнительно съ окружающими ихъ («Курильскіе ламатые»), Аины обратили на себя вниманіе самыхъ первыхъ путешественниковъ, которые и оставили намъ нѣсколько описаній этого вымирающаго теперь племени¹⁾.

Эти описанія идутъ со второй половиною XVI в., когда миссіонеръ I. Froes въ своихъ «Epistolae Japonicae de multarum gentium in variis insulis ad Christi fidem per societatis Jesu theologos conversione» первый сообщилъ, что на островѣ Jeso живутъ Аины. Послѣ него J. de Angelis, въ «De novis Christianae Religionis progressibus et certaminibus in Japonia anno 1622», описываетъ Аиновъ о-ва Jeso на основаніи своихъ личныхъ наблюденій. Затѣмъ—тогдашній голландскій вице-консулъ на о-вѣ Язѣ Van Diemen отправилъ экспедицію на востокъ отъ Японіи съ цѣлью открыть золотопосныя и серебряныя руды въ тѣхъ мѣстахъ. Проплывая мимо восточнаго берега о-ва Jeso, путешественники останавливались здѣсь, сталкивались съ жителями и

¹⁾ На островѣ Jeso Аиновъ можно считать приблизительно около 30 тысячъ, на Сахалинѣ—отъ 2 до 3 тысячъ, а на Курильскихъ островахъ числа ихъ врядъ ли превышаютъ 100 чел. (Radliński p. 4).

описали ихъ; это были опять Аины. Выдержки изъ дневниковъ этой экспедиции истребуются въ «Witsen N. Noord en Ost Tartaryen (1692; 1785)», «Koorde beschryvinghe van het Eyland Eso» (Amst. 1646) и сокращеніе послѣдняго— въ «Recueil de voyages au Nord» (Amst. 1732).

Въ силу послѣдовавшаго вскорѣ политическаго прекращенія доступа Европейцамъ въ Японію извѣстія объ Аинахъ начинаютъ появляться опять только въ самомъ концѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ, благодаря предприимчивымъ русскимъ промышленникамъ, сдѣлавшимъ нѣсколько экскурсій на Курильскіе острова. Результатомъ этихъ экскурсій въ 1755 г. въ трудѣ Крашенинникова: «Описание земли Камчатки», появился первый словарикъ языка курильскихъ Аиновъ, содержащій около 270 словъ.

Путешествія Ла Перуза и Крузенштерна открыли наукѣ Аиновъ Сахалинскихъ. Въ «Voyage autour du monde» Ла Перуза (Par. 1798) приведенъ «Vocabulaire des habitans de l'île Tchoka, formé à la baie de hangle», состоящій изъ 160 словъ, а въ «Путешествіи вокругъ свѣта въ 1803, 4, 5, 6 годахъ на корабляхъ Надеждѣ и Невѣ Крузенштерна, 1812» помѣщенъ словарь, содержащій около 2000 словъ, собранныхъ и записанныхъ поручикомъ Г. Давыдовымъ. Крузенштернъ и Давыдовъ первые приходятъ къ заключенію, что Аины о-ла Jesso, Сахалина и Курильскихъ острововъ представляютъ одинъ народъ.

Съ половиною текущаго столѣтія Японія снова открылась для Европейцевъ, сами Японцы стали быстро усваивать европейскую культуру, вслѣдствіе чего появилась масса работъ ученыхъ не только европейскихъ, но и японскихъ. Во главѣ трудовъ, касающихся Аиновъ, слѣдуетъ поставить трудъ проф. Д. Анучина: «Матеріалы для антропологии восточной Азии. I. Племя Аиновъ» (въ «Изв. О. Л. Е. А. и Э. Т. XX. М. 1876») и Н. Siebold'a: «Ethnologische Studien über die Aino auf der Insel Jesso» (Berlin 1881), переведенный на польскій яз. докторъ Л. Дудевичемъ: «O Ajnosach wyspy Jesso» (Warszawa 1883).—Въ III томѣ труда Dr. J. v. Schrenk'a: «Reisen und Forschungen im Amur-Lande» истребуются двѣ работы о Аинахъ.—Въ 1887 г. въ Токио вышелъ I томъ «Memoirs of the literature college, imperial university of Japan», состоящій изъ трехъ изслѣдованій, которыя всѣ посвящены Аинамъ. Въ послѣднемъ изъ этихъ изслѣдованій сообщается между прочимъ, что въ одной только Японіи вышло болѣе 400 работъ, касающихся племени Аиновъ.—Въ изданіи: «Pamiętnik Akademii Umiejętnosci w Krakowie» (Wydz. matemat.—przyrodniczy t. VII, 1882 і XII, 1886) помѣщены статьи др. Коперницкаго, представляющія описанія и измѣренія череповъ и скелетовъ Аиновъ и выводы изъ наблюденій.

Вмѣстѣ съ трудами подобнаго рода начали появляться и труды лингвистическіе, преимущественно словари. Изъ нихъ можно указать слѣдующіе: W. R. Broughton'a: «A voyage of discovery to the north Pacific Ocean in the years 1795—98», W. Denig'a: «A Vocabulary of Aino Words and Phrases» (см. Chrysanthemum Sept. Decemb. 1881), J. Bachelor'a: «An Aino Vocabulary» (см. «Transactions of the Asiatic Society of Japan» Vol. V, 1882), G. Summers'a: «An Aino—Englisch Vocabulary» (Ibid. Vol. XIV, 1886), М. М. Доброворскаго: «Аинско-русскій словарь» (Казань 1870) и нѣкоторые другіе.

В. Н. Chamberlain, въ своемъ трудѣ: «The Language, mythology, and geographical Nomenclatur of Japan Viewed in the light of Aino Studies» (въ «Memoirs of the Imp. University of Japan», сдѣлала попытку отыскать слѣды вліянія Аиновъ на Японцевъ и ихъ давнее географическое положеніе, пользуясь при этомъ исключительно данными языка.

Лежащій предъ нами словарикъ возникъ, можно сказать, совершенно случайно и представляетъ собраніе съ небольшими только 1800 словъ, изъ которыхъ къ тому-же нѣсколько десятковъ представляютъ составъ. Несмотря на свой малый объемъ словарикъ этотъ встаетъ заслуживаетъ большого вниманія какъ лингвистовъ, такъ и этнографовъ, представляя собою еще одинъ безсмертный памятникъ о народности, которой суждено пожалуй въ самомъ непродолжительномъ времени совершенно исчезнуть съ лица земли.

Изданъ словарь прекрасно, какъ и вообще всѣ изданія Куратовской Академіи Наукъ. Слова представлены въ двухъ транскрипціяхъ: латинской и русской съ переводомъ на польскій и латинскій языкъ; относятся они къ вѣстному быту, промыслу и явленіямъ и продуктамъ природы; имѣется довольно сравнительно незначительное число глаголовъ и прилагательныхъ. — Что касается транскрипціи, то къ сожалѣнію не соблюдена система и точность. Если ужъ употреблять для обозначенія мягкости согласнаго звука диакритическій значекъ ˘, то не слѣдовало бы ограничиваться только случаями при русскихъ знакахъ е и ѣ, а нужно-бы также употреблять этотъ значекъ ˘ и при ё, ю, я. Между тѣмъ въ данныхъ случаяхъ мягкость обозначается или при помощи гласнаго і, или же согласн. j, напр. jokai[˘]je (сканыи) вм. jokai[˘]ci, esiochber[˘]i (сеѣхнери) вм. esochber[˘]i, kēm[˘]jam (кеям) вм. k'em'am, roijuk (понюк) вм. roijuk, siatajsanki (сятайсанки) вм. satajsanki, siog[˘]neri (сегнери) вм. sog[˘]neri, siōpini (сеѣнини) вм. sōpini и т. п.

Встрѣчаются случаи неточнаго и сомнительнаго написанія, напр.: kioo (киѳо)=k'joo?, k'oo?—русск. кѳо; onju (онью)=on'ju?—русск. оню; portugia (портурия)=portugija?—русск. портурия; tiampai (тампан)=tiampai?,—русск. тампан; sijiurki (сириюрки)=sijiurki?,—русск. сирюрки и т. п.

Само собой разумеется, что это не такіе уже недостатки, которые уничтожили-бы достоинство и цѣнность матеріала, доставляемаго словарикомъ, — они только нежелательны, особенно для лингвиста.

Словарю предпослано г. Радлинскимъ небольшое введеніе и краткія свѣдѣнія о Аиняхъ, которыя и были нами приведены въ началѣ предлагаемой замѣтки.

Вмѣстѣ съ разобраннымъ нами словарикомъ д-ръ Дыбовскій представилъ г. Радлинскому еще матеріалы для словарей трехъ Камчатальскихъ нарѣчій двухъ, алеутскихъ и одного коряцкаго, — пожелаемъ, чтобы всѣ эти словарики какъ можно скорѣе увидѣли свѣтъ Божій.

И. Тиховъ.

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ XI ТОМУ „ИЗВѢСТІЙ“.

- Амулеты 220.
Алчакатура 36.
Балаганъ 207, 211.
Береста 6.
Боги камчалаловъ 209.
Боги азмчской Морды 382.
Бронза 99, 100, 202, 406, 407.
Бугры могильные 562.
Бубны 241.
Бусы 202, 219.
Ваши 114, 120, 157, 186, 337, 378.
Вотчинн 431.
Вызвнныя книги 424.
Гамма китайская 37.
Городища и городки 90, 118, 120, 121, 122, 129, 157, 205, 323, 330, 335, 437, 378, 417, 478.
Гривны шейныя 493.
Гетеризмъ 456.
Гробъ 87, 90, 91, 92, 197, 286, 290.
Гусля 46—49.
Дворцовыя слободы
Деревья священныя 243, 248, 409.
Дикія земли 1.
Желѣзныя вѣки (и его подраз-
дѣленія) 200, 270, 570.
Желѣзныя орудія.
Жрецы 242.
Жертвы и мѣста жертвоприно-
шеній 200, 409.
Жилища старыя 206, 287.
Жилища мордовскаго исторія 92
3, 437.
Жилища народовъ В. Россіи 244,
246, 385, 205, 206, 208, 405.
Заговоры 98, 99.
Золото 99.
Игры 80.
Идолы 201, 202, 242, 249, 403—
405.
Калмы 539.
Каменные орудія 134, 201, 202,
206, 207, 209, 300, 396, 406, 407, 410.
Камень надгробные 329, 334, 336.
Каменные бабы 396, 483.
Каннибализмъ 97.
Капища 249.
Кардасъ-сарко 381, 439.
Кварти эпоха 37.
Квинты эпоха 44.
Кельты (цельты) 18, 261.
Кереметь 81.
Кладбища 205, 277—78, 288,
328, 409, 480.
Кладовая записъ 484.
Костеносныя городища 407.

- Костяныя орудія. 201, 202, 203, 207.
 Костюмъ Мордвы. 447—449, 485.
 Косм убранство. 218.
 Куда. 92.
 Кудать. 461.
 Купля-продажа инородокъ. 192—3, неѣсты 470—471.
 Ламайскій культъ. 398.
 Левиратъ. 458—9.
 Мары. 562.
 Матріархатъ. 459.
 Материнетъ. 460.
 Медицина народная. 400.
 Мизгитъ. 215.
 Могилы. 204—5, 405.
 Могильники. 216, 217, 48, 491 271, 393, 406 сл. 462.
 Монеты. 126, 215, 326, 418, 420.
 Могильная степь. 294.
 Мольбища. 337.
 Музыкальные инструменты Чувашъ. 45, 46, башкирь. 160, 405.
 Мухоморъ. Его употребленіе у инородцевъ С. В. Сибири. 247.
 Мѣднй вѣкъ. Прил. 1—32.
 Мѣдные рудники (древніе) въ киргиз. степи. 388.
 Мѣдныя стрѣлы и др. орудія. 201, 203, 396, 418.
 Мѣдъ. 135, 263, 330, 374, 370.
 Напрясла. 220.
 Находки. 480.
 Неолитическій періодъ. 407.
 Нефритъ. 396.
 Оброчныя земли.
 Образа мѣднне. 202.
 — Чудскіе. 401.
 Окрашенные кости. 483.
 Орнаментъ. 451, 494.
 Остроги. 205, 207, 209.
 Очищеніе послѣ похороновъ. 544.
 Палатка намогильная. 186, 389, 482.
 Памятники могильные. 543.
 Патріархатъ. 369—470.
 Пещеры. 278, 410.
 Плетни. 445.
 Погребеніе. 76—7, 94, 200, 212, 244, 245, 248, 405, 409, 480, 482.
 Полигамія. 245, 471.
 Позмогъ. 405.
 Пожники. 77.
 Правдники языческіе. 78, 80 95.
 Поступная запись. 2.
 Похищеніе неѣсты. 463.
 Развалины древнихъ гороновъ. 295, 389, 403, 482.
 Родовой бытъ. 473.
 Руны. Епис. и Орхон. 480.
 Ряды торговые въ старои Казани. 345—34.
 Рубль древній. 480.
 Сабантуй. 405.
 Свадебные обряды. 70, 76, 405.
 Священныя роши и горы. 409.
 Смерть (по мордовскимъ пред- ставленіямъ). 517.
 Соцца. 405.
 Сорока (гол. убор. чер.).
 Срубъ могильный. 540, 541.
 Стекло. 12.
 Стрѣльное поле. 407.
 Сустуги. 219.
 Тамга. 921.
 Телѣги якутскія. 205.
 Тепляры. 184.
 Типологическій методъ. 11.
 Топоры. 121.
 Трѣоля. 37.
 Трупосожженіе. 96, 200, 205, 483, 492.
 Убиеніе больныхъ и стариковъ. 472.
 Ужичество (левиратъ).
 Украшенія черемисокъ. 67—68.
 Урведей. 461.
 Хомутъ. 139—146.
 Частичное погребеніе.

- Человѣческія жертвоприноше-
нія. 291.
Черепя. 379, 480.
Черепки. 300, 326, 336, 410.
Чудскія древности. 400—405.
Чумы. 210, 410.
- Шаманы. 328, 205, 207.
Ширть. 81.
Шлифованныя кам. оруд. 118.
Юрты. 254—5, 6, 7.
Ясашныя земли. 1.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета НА 1894 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по научнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетомъ труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на конкурсъ наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книггахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская дѣлоница: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣннѣю коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнія преподаванія, распревленія лекцій, актовыи отчеты и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературныя съ научными комментаріями и заметки, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованныя.

Ученныя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ раздѣлѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписки принимаются въ Правленіи университета

Редакторъ *С. Мининъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1894 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ
„ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ“.

Газета выходитъ въ г. Оренбургѣ три раза въ недѣлю.

Основная задача издаванія — изученіе юго-восточнаго района Россіи (губерній Оренбургской, Самарской и Уфимской и областей Уральской и Тургайской) въ экономическомъ и бытовомъ отношеніяхъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: А. Е. Ахостровъ, И. Я. Атласовъ, П. А. Баратынскій, Н. И. Бутовскій, Я. А. Баратынскій, Н. В. Будринъ, Ф. Ф. Гельгольцъ, А. И. Добросмысловъ, В. Л. Дадловъ, Ф. А. Добросмысловъ, К. Н. Калачевъ, А. М. Михайловъ, Е. Н. Овсянниковъ, В. О. Португаловъ, Н. Полетаевъ, Г. Д. Поневъ, А. И. Тарнавскій, Н. Юрникъ и другіе.

Корреспонденты „Оренбургскаго Края“:

въ Самарѣ, Уфѣ, Уральскѣ, Вузулукѣ, Белебей, Мензелинскѣ, Орскѣ, Троицкѣ, Верхнеуральскѣ, Челябинскѣ, Илецкой заштатѣ, Шарлинѣ, Покровскомъ и проч.

Подписная цѣна: для иногороднихъ подписчиковъ — за годъ 6 руб. за полгода 3 рубля.

Подписка на газету «Оренбургскій Край» и объявленія принимаются въ Оренбургѣ, въ главной конторѣ газеты, при типо-литографіи Б. А. Бреслина, по Николаевской улицѣ, въ домѣ наследн. Шопина и въ отдѣленіяхъ конторы, въ Уфѣ при книжномъ магазинѣ Блохина, Самарѣ при книжномъ магазинѣ Н. М. Федорова и Челябинскѣ при типо-литографіи Бреслина и Курчаева.

ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ газетѣ «Оренбургскій Край», отъ лицъ, фирмъ и учреждений, живущихъ или жившихъ свои глазами конторы или управленія въ Оренбургской, Саратовской, Сибирской, Казанской Нижегородской, Самарской, Уфимской и Пермской губерній, Уральской области и Азиатской Россіи, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К° въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Спиридонова и въ его отдѣленіи въ С.-Петербургѣ, на Большой Морской, № 11.

Редакторъ-издатель Н. А. Баратынскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ
ЕЖЕГОДНИКА
ТОБОЛЬСКАЮ ГУБЕРНСКАГО МУЗЕЯ,

издающагося въ г. Тобольскѣ губ.-рискнмъ музеемъ въ первый годъ накопленія матеріала, подъ редакціей комиссіи изъ членовъ комитета: Е. В. Кузнецова, Я. Е. Луговскаго, Н. А. Лыткина и А. А. Терновскаго,

... по следующей программе:
... Описание коллекций музея.
... (касаящихся Тобольской губернии) вопросы археологич., этнографич., естественных наук, торговли, промышленности, истории, антропологии, истории культуры, географии, статистики, библиографии и др. науки.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА:

Отъ Редакціи.—Протоколъ заведенія общаго собранія 18 апр. 1893 г. Отчетъ о дѣятельности Комитета и Правленія въ 1892 г. Л. Дугонского.— Составъ Комитета въ 1893 году.— Отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ въ 1892 году.— Актъ ревизионной комиссіи.— Отчетъ о состояніи коллекцій въ 1892 г. Н. Лыткина. Отчетъ о состояніи библіотеки въ 1892 г. С. Махимова. Слѣда оборота суммъ на 1893 г.—Текущая хроника музея.— Ловца на Сѣверный Уралъ. Съ картой и чертежомъ. (Изъ дневника) Н. Гурскаго. Материалы для справочно-біографическаго словаря сибирскихъ дѣятелей. Дѣтели XVI и XVII столѣтій. Князь Шаховскіе, Щербатовъ и Мосальскіе. К. В. Газовникъ.— Материалы для библіографіи Сибири. Указатель статей и главнѣйшихъ замѣтокъ, касающихся Сибири и помѣщенныхъ въ сибирскихъ періодическихъ изданіяхъ 1892 г (съ алфавитнымъ указателемъ). А. А. Терновскаго.— Народное образованіе въ г. Ялуторовскѣ Ялуторовскомъ округѣ. Историко-статистическій очеркъ. (Главы I и II). Н. Н. Маломожнова.— Приложение. Отчетъ отряда преподавателей Красноуфимской сельско-хозяйственной школы и учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища, приглашенныхъ на лѣто 1893 года въ Тобольскую губернію для инициативы въ борьбѣ съ «кобылкомъ». М. Н. Мосона.— Объявленія.

Подписная цѣна: для иногороднихъ съ пересылкой 1 р. 25 к., для городскихъ безъ пересылки 1 р. Подписка принимается въ г. Тобольскѣ, въ Правленіи Комитета Тобольскаго Губернскаго Музея.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1894 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ИЗДАНІЯ ГОДЪ XII).

Въ 1894 году «Самарскій Вѣстникъ», имѣя основной своей задачей разработку законо-общественно-экономическихъ и бытовыхъ вопросовъ преимущественно Самарскаго края и Волжско-Камскаго района, будетъ издаваться ежедневно, кромѣ дней послѣ праздничныхъ, по вновь утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ расширенной программѣ, причѣмъ при газетѣ, въ видѣ безплатныхъ приложений, раздѣленъ фототипическіе миниатюры въ собственной мастерской—портреты государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также виды Новозьяля, историческихъ памятниковъ и сооруженій.

Подписная цѣна на газету съ приложениями:

Въ г. Самарѣ и Самарскомъ уѣздѣ въ годъ 3 р.—на полгода 2 р.—на одинъ мѣсяць 50 к. Съ пересылкою въ другія города и уѣзды на годъ 3 руб.—на полгода 2 р. 50 к.—на одинъ мѣсяць 50 к.

Подписка принимается во всякое время в редакцию
улица, дождь бывш. Бакъ.

Редакторъ-Надатель Н. Е. Реутовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1894 годъ

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЕНИСЕЙСКІЙ ЛИСТОКЪ.“

ВЫХОДИТЬ ВЪ Г. КРАСНОЯРСКЪ ЕНИС. ГУБ. ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Статьи и очерки по истиннѣмъ вопросамъ; статьи по городскому и земскому хозяйству, по сельскому хозяйству, экономическія, торговли, по фабрично-заводскому производству и горной промышленности. Дѣйствія и распоряженія правительства. Телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства». Недѣльная хроника. Судебная хроника. Торговый отдѣлъ. Справочныя свѣдѣнія. Смѣсь. Отвѣты редакціи. Фельетонъ. Романы, повѣсти, рассказы, очерки, сценны и стихотворенія. Объявленія частныя и газетныя.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на четверть года 2 руб., на одинъ мѣсяць 1 рубль.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Енисейскаго листка», собственнѣйшій домъ, Воскресенская ул.; въ Омскѣ — въ книжномъ магазинѣ Александра; въ Томскѣ — въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина.

Редакторъ-Надатель Е. Кудрявцовъ.

годъ IV. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 Г. годъ IV.

НА ГАЗЕТУ

„СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ.“

Выходитъ два раза въ недѣлю по Четвергамъ и Воскресеньямъ.

Подписная цѣна: Съ перес. въ др. города на годъ 5 р., на полгода 2 р. 75 к., на три мѣсяца 1 р. 50 к., на одинъ мѣс. 60 к. Съ доставкой въ Тобольскѣ на годъ 4 р. 50 к., на полгода 2 р. 30 к., на три мѣс. 1 р. 50 к., на одинъ мѣс. 60 к. Безъ пер. и доставки на годъ 4 руб., на полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р. 25 к., на одинъ мѣсяць 45 к.

Всѣмъ новѣмъ годовымъ подписчикамъ на 1894 годъ предоставляется, по желанію ихъ, получать безплатно газету до конца текущаго 1893 г.

Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ могутъ получать газету по уменьшенной цѣнѣ, именн: съ пересылкой и доставкой за годъ 4 р., за полгода 2 р., безъ пересылки и доставки за годъ 3 р., за полгода 1 р. 50 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р. 50 к., 1-го марта 1 р. 50 к., 1-го мая 1 р. и 1-го сентября 1 р.

Въ г. Тобольскѣ, въ конторѣ редакціи и
Сибирск. Сухомола. Въ г. Томскѣ, въ конторѣ Н. М. Давидовской. Въ г.
Екатеринбургѣ, въ книжномъ магазинѣ Бабкина. Въ г. Омскѣ, въ книжномъ мага-
зинѣ Михайлова и Макушина. Въ г. Иркутскѣ, въ книжномъ магазинѣ Михайлова и
Макушина. Въ г. Манушинскѣ, въ общественной библиотекѣ. Въ Москвѣ,
у г. Чукалдина, Мясницкая улица, д. Художества. Музея и въ Централь-
ной Конторѣ объявленій бывш. Л. Метцль, въ г. Варнаухѣ, у В. К. Шильда.
Редакторъ-издатель А. Сыренгигоревъ.

ПОДПИСКА

И А

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1884 году
(32-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Вступая въ 32-й годъ изданія, „Саратовскій Листокъ“ будутъ
выходить при прежней редакціи и составѣ сотрудниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Саратовъ: на годъ 7 руб., 11 мѣс. 6 руб. 50 к.,
10 мѣс. 6 руб., 9 мѣс. 5 руб. 50 к., 8 мѣс. 5 руб., 7 мѣс. 4 руб. 50 коп.,
6 мѣс. 4 руб., 5 мѣс. 3 руб. 50 к., 4 мѣс. 3 р., 3 мѣс. 2 руб. 50 к., 2 мѣс.
2 р., 1 мѣс. 1 руб.

Съ поросылкою въ другіе города: на годъ 8 руб., 11 мѣс. 7 руб.,
10 мѣс. 6 руб. 50 коп., 9 мѣс. 6 руб., 8 мѣс. 5 р. 50 к., 7 мѣс. 5 р., 6 мѣс.
4 р. 50 к., 5 мѣс. 4 руб., 4 мѣс. 3 р. 50 к., 3 мѣс. 3 руб., 2 мѣс. 2 р. 40 к.
1 мѣс. 1 р. 20 к.

За границу на годъ 14 руб.

Для облегченія возможности подписываться на газету недостаточнымъ
лицамъ редакція допускаетъ разсрочку подписной платы для годовыхъ
подписчиковъ какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ: первые вносятъ при
подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 руб. и 1-го мая 2 руб.; иногородние — при
подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далее
конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Мясницкая, д.
Онезорова, и въ Волскѣ — у Ивана Федоровича Волкова.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ не мене три раза 20 коп.
за строку, въ послѣдующіе разы по 15 коп.; на 3-й и 4-й — не мене три раза
по 7 к., а послѣдующіе разы — по 5 коп. Годовыя объявленія пользуются
особой уступкою. — Объявленія изъ заграничій и всѣхъ мѣстъ Россійской им-
періи, кромя Саратовской, Табобовской, Пензенской и приволжскихъ губер-
ній, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій
бывш. Метцль, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Спиридонова. Для
этихъ объявленій такса: на 1-й страницѣ 20 коп. и послѣ текста 10 коп.
за строку четка.

Розничная продажа газеты по 5 коп. за экземпляръ.

Редакторы-издатели Н. О. Лободевъ, Н. Н. Горизонтовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

И А

„САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

ВЪ 1894 ГОДУ.

(18-й ГОДЪ ИЗДАВІЯ).

«Саратовскій Дневникъ» въ 1894 году, будетъ въ основнѣхъ положеніяхъ, слѣдовать программѣ послѣднихъ лѣтъ. По прежнему, особенное вниманіе редакція обратитъ на «мѣстный отдѣлъ» газеты, т. е. на возможномъ полноту свѣдѣній о жизни Саратова и его области, обнимающей провъ саратовской смежна части сосѣднихъ губерній и, въ особенности, — самарское Заволжье до Урала. То, что мы писали въ прошломъ году о вѣроятномъ оживленіи нашей области благодаря проведенію въ ней цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, теперь уже отчасти осуществилось. Торговля и промышленность, особенно въ Саратовѣ, получили сильный толчекъ, выразившійся уже во многихъ новыхъ предпріятіяхъ. Продолжая начатое въ прошломъ году расширеніе мѣстнаго отдѣла, редакція направляетъ свои старанія на разработку многочисленныхъ вопросовъ, возникающихъ изъ потребностей сельско-хозяйственной, торгово-промышленной и общественной жизни края. Между прочимъ, специальный Торговый отдѣлъ будетъ значительно увеличенъ. Какъ въ общихъ, такъ и въ специальныхъ вопросахъ редакція, какъ и прежде, будетъ строго разграничивать интересы большинства населенія отъ выгодъ отдѣльныхъ или случайныхъ его группъ.

Подписная цѣна съ пересылкою въ другіе города: На годъ 7 р., на 11 мѣс. 6 р. 30 к., на 10 мѣс. 6 руб., на 9 мѣс. 5 руб. 50 к., на 8 мѣс. 5 руб., на 7 мѣс. 4 руб. 30 к., на 6 мѣс. 4 руб., на 5 мѣс. 3 руб. 50 к., на 4 мѣс. 3 руб., на 3 мѣс. 2 руб. 30 к., на 2 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 1 руб.

Для облегченія возможности подписываться на годовую экземпляръ газеты редакція допускаетъ разсрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ; норма вносить: при подпискѣ 2 р., 1-го марта 2 руб. и 1-го мая 2 руб.; иногородніе при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 р. и 1-го мая 2 р.

Подписка принимается: въ конторѣ газеты Саратовъ, Школьная Д-Уфимцова. Въ г. Волскѣ въ книжномъ магазинѣ гг. Кохрикова и Фармаковского.

Подписавшіеся послѣ 1-го ноября на годовую экземпляръ «Саратовскаго Дневника» (съ 1 янв. 1894 до 1 янв. 1895) получаютъ газету до новаго года безъ всякой приплаты.

Издатель И. Штерцеръ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ «СБОРНИКА САРАТОВСКАГО ЗЕМСТВА»

«Сборникъ Саратовскаго Земства» нѣмѣтъ выходить въ 1894 году по прежней программѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 19 июля 1890 года.

«Сборникъ» будетъ выходить въ каждое послѣднее число того мѣсяца, который выставляется на его обложкѣ.

Содержаніе каждой книжки будетъ расположено въ слѣдующемъ порядкѣ.

«Сборникъ Саратовскаго Земства». I. Постановленія и распоряженія Правительства. II. Дѣятельность правительственныхъ и общественныхъ учреждений. III. Монографія и статьи по предметамъ входящимъ въ программу «Сборника». IV. Свѣдѣнія и матеріалы. V. Извѣстія и объявленія.

Напечатаны и готовятся Редакціей слѣдующія статьи: Объ институтѣ земскихъ агрономическихъ смотрителей. Малый кредитъ по проекту Земствъ. Практика Земствъ по взиманію хлѣбомъ земскихъ сборовъ и по выдачѣ ссудъ на хлѣбъ. Кустарный земскій музей и мѣры помощи кустарямъ. Хозяйство уѣздныхъ городовъ Саратовской губерніи. Народное образованіе и народное здравіе въ уѣздныхъ городахъ Саратовской губерніи. Обзоръ бюджета города Саратова сравнительно съ бюджетами другихъ большихъ городовъ Поволжья. Обзоръ земскихъ смѣтъ съ начала учрежденія Земства до настоящаго времени. Мѣры, принимавшіяся Саратовскими Уѣздными и Губернскими Земствами для развитія сельскаго хозяйства.

О культурѣ паровыхъ растений и ихъ вліяніе на урожаи послѣдующихъ посѣвовъ. Н. Маклецовъ. О вліяніи величинъ и состава крестьянскихъ семей на ихъ хозяйственное положеніе. И. Черношю.

Результаты опытовъ орошеній и обводненій въ Саратовской губерніи и сопредѣльныхъ мѣстностяхъ въ 1892 и 1893 годахъ. В. Круберь и др.

Приложенія: I. Труды Саратовскаго Губернскаго Земства: журналы, доклады, отчеты и проч. II. Свѣдѣнія и матеріалы статистическаго отдѣла Саратовской Губернской Земской Управы. III. Свѣдѣнія и матеріалы Ветеринарнаго Отдѣленія Губернской Земской Управы. IV. Свѣдѣнія и матеріалы Комиссіи Губернскаго Земства по народному образованію. V. Саратовская Земская Сельскохозяйственная и Торгово-Промышленная медаль VI Труды и отчеты мѣстныхъ ученыхъ обществъ. VII. Библиографія и библиотечка книжный складъ и музей Саратовскаго Губернскаго Земства. VIII. Картограммы, диаграммы, карты и образцы. IX. Экстренныя приложенія.

Приложенія, кромѣ IX-го будутъ выпускаться и размѣщаться поодиночкѣ по мѣрѣ накопленія матеріала, одновременно со «Сборникомъ», приложеніе же V-е будетъ выходить изъ печати по пятницамъ; экстренныя приложенія будутъ выпускаться по мѣрѣ накопленія.

Такъ какъ, не смотря на ближайшую свою цѣль, «Сборникъ» и «Приложенія» уже въ текущемъ году представляли значительное разнообразіе, а въ предстоящемъ 1894 г. Редакція разсчитываетъ располагать еще болѣе разнообразнымъ матеріаломъ, то, дабы сдѣлать «Сборникъ», не смотря на значительные расходи по изданію его, болѣе доступнымъ для лицъ, интересующихся имъ въ полномъ составѣ или лишь въ отдѣльныхъ частяхъ его, открыты особня подписки: А—на «Сборникъ» безъ приложеній, В—на «Сборникъ» съ нѣкоторыми лишь приложеніями и В—на «Сборникъ» со всѣми приложеніями.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

	На годъ.		На 1/2 года.		На 1/4 года.		На 1 мѣс.	
	Безъ перес.	Съ перес. и дост. въ Сар.	Безъ перес.	Съ перес. и дост. въ Сар.	Безъ перес.	Съ пересыл.	Безъ перес.	Съ пересыл.
А. За «Сборникъ» безъ приложений.	3 60	4 —	1 80	2 —	90	1 —	31	35
Б. За постоянными приложениями къ общей цѣнѣ на «Сборникъ» прибавляется:								
1. За 1 приложение «Труды Саратовскаго Губернскаго Земства: журналы, доклады, отчеты и пр.	1 80	2 —	—	—	—	—	90	1 —
2. За ежемѣсячное V-е прил.	2 70	3 —	1 35	2 —	1 10	1 20	45	50
3. За остальные ежемѣсячныя приложения	1 80	2 —	1 —	1 —	90	1 —	27	30
В. За «Сборникъ» со всѣми приложениями.	8 —	9 —	5 40	6 —	3 60	4 —	1 35	1 50

Цѣна экстренныхъ приложенийъ будетъ опредѣляться каждый разъ особо о чемъ будетъ публиковаться заблаговременно.

Подписка на приложения безъ «Сборника» не принимается и розничная продажа приложенийъ не производится.

Гг. Земскимъ Начальникамъ и прочимъ должностнымъ лицамъ, извѣстнымъ Редакціи, допускается разсрочка подписной платы по полугодіямъ и четвертямъ года, при условіи уплаты каждый годъ впередъ, безъ увеличенія подписной цѣны.

Для волостныхъ Правленій годовая подписная цѣна съ пересылкой установлена:

За «Сборникъ» безъ приложенийъ 3 руб., съ 1-мъ приложеніемъ 4 руб., съ V-мъ приложеніемъ 4 руб., съ остальными, кромѣ экстренныхъ приложенийъ 4 руб., со всѣми приложениями, кромѣ экстренныхъ 4 руб.

Цѣна объявленій впередъ «Сборника» по 15 к. за строку по мѣльце цѣноро въ 60 буквъ, считая 40 строкъ въ страницѣ; въ концѣ «Сборника» по 10 коп. за ту же строку. Объявленія въ приложенияхъ по той же цѣнѣ.

При повтореніи объявленій значительная уступка.

Адресъ Редакціи: Саратовъ, Губернская Земская Управа.

Отвѣтственный Редакторъ Предсѣдатель Губернской Земской
Управы В. Возбранскъ.

годъ XVI.

ОТВѢТА ПОДПИСОВА

годъ XVI.

на 1894 годъ

(шестнадцатый годъ изданія)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ.“

(50 №№ въ годъ)

ВЫХОДИТЬ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Подписная цѣна: На годъ 6 руб., на полгода 3 руб. 50 коп.

Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, а также воспитатели учебныхъ заведеній могутъ получать газету по уполномоченной цѣнѣ, а именно: за годъ 4 руб., за полгода 2 руб. 50 коп.

Газета въ 1894 году будетъ вестись по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же лицъ, какъ и въ прошломъ году.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ, (Вознесенскій пр., д. № 44).

Редакторъ-издатель А. Ж. Сажинъ.

Редакторъ П. Н. Галкинъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1894 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различными его частями.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорныя преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію учебной, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-исследовательскихъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ ученими цѣлями.

11. Разборъ диссертаций, и особенно хорошихъ и хорошихъ ученыхъ степеней, охотливый въ раздѣлѣ, про членовъ Академіи и т. п., а также и самыя диссертации.

12. Рѣчи, произнесенныя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распределяются на двѣ части—1)—официальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неофициальную (статьи научнаго содержания), съ отдѣлами— критико-библиографическимъ, посвященнымъ критическому обзорному выдающимся явленіямъ ученой литературы (русской и иностранной), и научной хронологии заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библиотекъ, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1894 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна въ 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заманенія объ обзвѣдѣ напечатаніи принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Г.г. иногородние могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оболенскому въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Исконковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА
ежемесячный, литературно-научный и политическій журналъ

„СВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

Въ 1893 г. въ «Св. Вѣст.» было между прочимъ напечатано: «Суратская кофейня» гр. Льва Толстого, «Пустоземскіе» разск. Н. Ласкова, «Мечтатель» разск. въ стих. Н. Коломского, «Семейный очагъ» ром. К. Варанцевича, «Али» разск. Н. Воборыкина, «Царевна Нанджана» ск. Кота Мурамы, «Въ слободѣ» разск. Ольги Шанаръ, «Семейная исторія» пов. Н. Потапенко, «Конецъ Вирюковской дачи» разск. А. Михайлова (Шеллера), «Въ облакахъ» пов. В. Каренина, «Порученіе» пов. Л. Гуревичъ; статьи: «Индѣланіе» гр. Льва Толстого, «Книгоманія и Офен» А. Пругавана, «О вліяніи музыки» проф. Н. Тарханова, «женщина-преступница» проф. Н. Фейлицкаго, «Общественныя доктрины

Г. С. Соловьевъ, «Письма великаго человѣка» А. С. Соловьева, «Жизнь художника 50-хъ годовъ» Н. Ге, «Ничтожество на Руси» Л. Василья, «О притворныхъ болѣзняхъ у дѣтей» д-ра Якубовича, «Гюн-де-Хоплессанъ» проф. Л. Шенеловича, «О женскихъ врачахъ и женскихъ врачебныхъ курсахъ» д-ра Горюхиной, «Наука, философія и религія» А. Волынского, «Современныя нервныя болѣзни нашего общества» проф. И. Коваловскаго, «Вѣдунскій» А. Волынского, «Факторы преступности» проф. И. Фейницкаго, «Волга и Волгары» А. Субботина и мн. друг. Кроиъ того печатались въ теченіе всего года:

ЗАПИСКИ А. О. СМІРНОВОЙ:

(Изъ записныхъ книжекъ 1825—1848 г.). Литературный кружокъ при дворѣ Николая Павловича. Москды Государя, Пушкина, Жуковскаго, Вяземскаго, Гоголя, Лермонтова, Глинка и др.

Новыиъ подписчикамъ на 1894 г. будетъ разослана безплатно выечат. въ 1893 г. 1 ч. Записокъ Смирновой въ видѣ отдѣльнаго изданія съ портретомъ А. О. Смирновой, художественно исполненнымъ въ Парижѣ.

Ежемесячно отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной и земскій суды, 2) Провинціальная печать Л. Прозорова, 3) Новыя книги 4) Письма изъ Америки В. Мать-Гаханъ, изъ Франціи, изъ Италіи, изъ Англій. 5) Внутреннее обозрѣніе, 6) Политическая этюды, 7) Театръ, 8) Литературныя записки. А. Волынскаго.

Условія подписки: Безъ доставки въ Сиб. конторѣ журнала на годъ 12 р., на полгода 6 р., на три мѣсяца 3 р. Безъ доставки въ Москвѣ въ конт. Печковской и магаз. Карбасникова на годъ 12 р. 50 к., на полгода 6 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р. 50 к. Съ доставкой въ Сиб. на годъ 12 р. 50 к., на полгода 6 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р. 50 к. Съ пересылкой въ Имперію на годъ 13 р. 50 к., на полгода 7 руб., на три мѣсяца 3 р. 50 к. Заграницей на годъ 15 р., на полгода 8 р., на три мѣсяца 4 р.

Допускается разсрочка годовой цѣны на журналъ и подвига по полюдіямъ и по четвертямъ года безъ пониженія годовой цѣны. Для служащихъ помесячная разсрочка за ручательствомъ казначеивъ. Для учащихся и учащихся льготныя условія по соглашенію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ журнала, Сиб. Троицкая ул., 9 и въ москов. отдѣл. Москва, Тверская д. Сазикова, а также въ книж. магаз. Фому и К°, Сиб., Невскій 40. Въ Москвѣ въ конт. М. Печковской. Петровскія линіи; а также въ книж. магаз. Н. Н. Карбасникова въ Сиб., Москвѣ, Варшавѣ. Въ книж. магаз. Нового Времени въ Сиб., Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ; — Н. Я. Оглобина въ Кіевѣ; — М. Я. Вашмакова въ Казани, и въ друг. книжныя магазиннахъ.

Издательница Л. Гуровичъ.

Редакторъ М. Албонъ.

Открыта подписка на 1894 годъ

на общественную, литературную и политическую газету

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

выходящую въ г. Казани ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, кроиъ дней, слѣдующихъ за большими праздниками.

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ГАЗЕТЫ — возможно полное изучение местного Волжско-Камского края и всестороннее, по возможности, представление его нужд и интересов.

Телеграммы Стъери. Телеграмм. Агентства и отъ собственных корреспондентовъ.

Послѣдняя почта.

Передовыя статьи по различнымъ общественнымъ вопросамъ.

Обзоръ текущей прессы и журналистики.

Областной отдѣлъ. Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Волжско-Камскаго края.

Казанская хроника: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п.

Судебная хроника. Судебныя резолюціи и дѣла, назначаемыя къ слушанію въ казанской судебной палатѣ.

Библиографія.

Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр.

Ежедневное обзорѣніе текущей заграничной жизни.

Наука, литература и искусство.

Сельское хозяйство и промышленность.

Педагогика и народное образованіе.

Торговой отдѣлъ: корреспонденціи и телеграммы.

Фельетонъ. На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлью дать читателямъ легкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе. Въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ еженедѣльныхъ «Воскресныхъ бесѣдъ» г. Н. Митролюбова и беллетристики, будутъ помѣщаться и общедоступныя статьи научнаго направленія.

Тиражи выигрышей, справочный отдѣлъ, объявленія и проч.

Кромѣ контингента сотрудниковъ, уже слотившихся вокругъ редакціи *Волжскаго Вѣстника*, приняты мѣры къ привлеченію и новыхъ литературныхъ силъ. Особое вниманіе редакціи обращено на приобрѣтеніе постоянныхъ корреспондентовъ въ возможно большемъ количествѣ пунктовъ Волжско-Камскаго края.

Влѣжайшее участіе въ редакціонной дѣятельности принимаетъ на себя съ октября 1893-го года основатель и бывшій редакторъ-издатель *Волжскаго Вѣстника*, профессоръ Н. П. Загоскинъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

съ доставкой:

На годъ 7 р.
— полгода 4 р.

— 3 мѣсяца 2 р. 25 к.
 — 1 мѣсяць — 75 к.

БЕЗЪ ДОСТАВКИ

На годъ 6 р. 25 к.
 — полгода 3 р. 25 к.
 — 3 мѣсяца 1 р. 75 к.
 — 1 мѣсяць — 60 к.

ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

На годъ 9 р.
 — полгода 5 р.
 — 3 мѣсяца 3 р. 75 к.
 — 1 мѣсяць 1 р.

Допускается разсрочка: для иногороднихъ при подписи 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 юля 3 р., для городскихъ — 2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 юня 1 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ Волжскаго Вѣстника на углу Грузинской и Театральной ул., д. Булыгина, а также въ ея отдѣленіяхъ: при музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира» (Воскресенская ул., д. Самошикова), при книжныхъ магазинахъ Н. Я. Башмакова (Воскресенская, Пассаждь), А. А. Дубровина (Гостинный дворъ № 1), въ главнѣмъ Биржи, у секретаря, и въ иногороднихъ отдѣленіяхъ конторы редакціи.

Требованія на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА.

Редакторъ-Надатель Н. В. Рейнгардтъ.

ВЪ 1894 ГОДУ

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

будеть издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго православномъ духѣ и въ томъ же ученѣмъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, еженѣщно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Журналъ Православный Собесѣдникъ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ для включенія въ церковныя библіотеки, какъ издание полезное для пастырскаго служенія духовенства (Синод. опред. 8 сентября 1874 г. № 2782).

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями въ немъ, остается прежняя: съ поросылкою во всѣ мѣста Имперіи —

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами по 2 печатныхъ листа въ каждомъ убористаго шрифта.

Причтен Казанской епархіи, упоминающіе «Православный Собесѣдникъ», получаютъ за ту же цѣну и «Извѣстія», съ прилатомъ 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна «ИЗВѢСТІЙ» для мѣстъ и лицъ другихъ епархіи и другихъ вѣдомствъ, за оба изданія вѣсть десять руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редаціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи, въ Казани.

ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА

КАЗАНСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ^{№6}

ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Въ городѣ безъ доставки на 12 мѣс. 6 руб. 25 к., на 11 мѣс. 5 р. 75 к., на 10 мѣс. 5 р. 25 к., на 9 мѣс. 4 р. 75 к., на 8 мѣс. 4 р. 25 к., на 7 мѣс. 3 р. 75 к., на 6 мѣс. 3 р. 25 к., на 5 мѣс. 2 р. 75 к., на 4 мѣс. 2 р. 25 к., на 3 мѣс. 1 р. 75 к., на 2 мѣс. 1 р. 20 к., на 1 мѣс. 60 к. Съ дост. въ городѣ на 12 мѣс. 7 р., на 11 мѣс. 6 р. 50 к., на 10 мѣс. 6 р., на 9 мѣс. 5 р. 50 к., на 8 мѣс. 5 р., на 7 мѣс. 4 р. 50 к., на 6 мѣс. 4 р., на 5 мѣс. 3 р. 50 к., на 4 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 2 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к. Съ перес. въ друг. города на 12 мѣс. 9 р., на 11 мѣс. 8 р. 50 к., на 10 мѣс. 8 р., на 9 мѣс. 7 р. 25 к., на 8 мѣс. 6 р. 50 к., на 7 мѣс. 5 р. 75 к., на 6 мѣс. 5 р., на 5 мѣс. 4 р. 25 к., на 4 мѣс. 3 руб. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 75 к., на 2 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 руб.

Пріемъ объявленій: за строку погита на 1-й стр. 20 к., на 4-й стр. для город. 10 и 5 к. Смотри по ряду объявленій.

Отдѣльные номера продаются по 5 коп.

Подписка принимается только съ 1 числа каждаго мѣс.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа подл. денегъ.

Редакторъ Н. Изъяснко.

зл. III-16312

АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ФОТОГРАФИЯ

К. Т. СОФОНОВА,

Члена-сотрудника Общества Археологов, Историков и
Этнографов при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ,

Предлагаетъ любителямъ этнографіи и древностей

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

типовъ населенія Волжско-Камскаго края, снимковъ съ древнихъ зданий и
археологическихъ предметовъ. Снимки можно приобрести отдѣльно и аль-
бомами въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ.

Въ настоящее время изготовлены слѣдующіе альбомы:

1. Руины Булгаръ. 12 снимковъ (на пластинку). Цѣна въ коленкор.
перепл. 5 р.
2. Древности Ананьинскаго могильника. 8 снимковъ (6 на пласт. и
2 на 1¹/₂ пласт.). Цѣна въ коленк. перепл. 2 р. 75 к.
- 3) Народы Поволжья. Типы, формы построекъ, утварь, костюмы, кар-
тины быта (занятія, обряды).
 - а) Русское населеніе Казанской губерніи. 16 сн. Ц. въ кол. пер. 6 р.
 - б) Чуваши. 32 сн. Ц. въ кол. пер. 12 р.
 - в) Черемисы. 76 сн. Ц. въ кол. пер. 18 р.
 - г) Мордва. 18 сн. Ц. въ кол. пер. 5 р.
 - д) Вотяки. 12 сн. Ц. въ кол. пер. 5 р.

Изготавливаются:

- 1) Казань старая и новая.
- 2) Волга въ предѣлахъ Казанской губерніи. Виды прибрежныхъ горо-
довъ и селеній въ разливъ и межень. Типы волжскихъ судовъ. Картины
береговъ.

Адресъ: Казань, Адмиралтейская Слобода, д. Терпиловскаго, фото-
графу К. Т. Софонову.

Въ 1894 г. „Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1-й выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и декабря) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Новолжья, Средней Азіи и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народного творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ периодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ периодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ „Извѣстіяхъ“ принимаютъ участіе: Н. О. Акасовъ, проф. А. И. Александровъ, Г. Ахмаровъ, Ш. Г. П. Ахмеровъ, Н. П. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, пр.-доц. Е. О. Будде, П. Виташевскій, К. В. Видаманъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Викманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцовъ, К. Б. Газенинскій, А. К. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсѣевъ, О. Н. Карлаевичъ (Будапештъ), Г. К. Каташевъ (Омскъ), С. И. Кедровъ, А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литвинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартыановъ (Минусинскъ), К. П. Мелокъ, В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. П. Н. Смирновъ, А. А. Спицивъ, О. А. Теплоуховъ (Пермь), П. З. Тиховъ, В. М. Тереминъ (Ненза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Эйрсовъ, пр.-доц. Н. Н. Эйрсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ „Извѣстій“ является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для послѣдственнаго осуществленія этой задачи редакція „Извѣстій“ считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей въ constantъ всего, что является новымъ въ этой области знанія, и приобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорскъ, Буда-Пештъ и Упсалу (для отчетовъ о новостяхъ скандинавской литературы).

Въ видѣ приложений къ „Извѣстіямъ“ будутъ печататься:

1) Матеріалы для этнографіи Новолжья. Мордовско-русскій словарь М. Е. Евсѣева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желаніе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 июля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи.

„Извѣстія“ выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Визвисквакціо отдѣльно выпускае отъ Общества за переписку не платятъ.

Цѣна выпуска 1 руб.